

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

В. И. Буганов

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ
РУССКОГО
ЛЕТОПИСАНИЯ

ОБЗОР
СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1975

В книге делается первая попытка дать монографический обзор советской историографии русского летописания X—XVII вв., отмечены достижения советских историков в изучении русских летописей, выявлены малоисследованные проблемы русского летописания (переводная и русская хронография, позднее русское летописание и др.).

Виктор Иванович Буганов

Отечественная историография русского летописания
(обзор советской литературы)

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства С. А. Левина. Художник А. В. Шкловская.

Художественный редактор В. А. Чернецов

Технический редактор В. В. Волкова

Корректор Н. С. Биргер

Сдано в набор 26/XII 1974 г. Подписано к печати 28/II 1975 г.

Формат 84×108¹/₂. Бумага № 2. Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 19,4.

Тираж 4000. Т-04241. Тип. зак. 1547. Цена 1 р. 39 к.

Издательство «Наука». 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Б 10602 — 092
042(02) — 75 — 8 — 75

© Издательство «Наука», 1975 г.

ОТ АВТОРА

Летописеведение давно стало важнейшей составной частью исторического источниковедения. Дюктябрьский и советский периоды развития отечественной исторической науки обогатили эту отрасль знания большим количеством исследований по различным вопросам. В обобщающем библиографическом труде Р. П. Дмитриевой приводится более двух тысяч названий книг, статей, публикаций, заметок, изданных с конца XVII в. до 1959 г.¹ Подготовленный А. Н. Казакевичем к печати библиографический список работ по истории русского летописания, вышедших с 1960 до 1972 г., насчитывает еще около четырехсот названий.

Назрела необходимость в подведении историографических итогов в области летописеведения. Помимо обозрения того, что уже сделано к настоящему времени, такая работа может дать материал для размышлений о задачах на будущее.

Настоящая работа представляет собой обзор трудов по истории русского летописания, вышедших за годы Советской власти. Дюктябрьский период отечественного летописеведения требует специального обзора. В начале этой книги лишь кратко охарактеризовано дюктябрьское летописеведение, особенно труды А. А. Шахматова.

В книге идет речь об исследованиях по истории русских летописей, начиная с конца X — начала XI в. д. е. времени, которым датируется в работах последних лет появление первых летописей, и кончая XVII в., когда летописный жанр по существу прекращает свое существо-

¹ «Библиография русского летописания». Сост. Р. П. Дмитриева. М. — Л., 1962.

вание² в связи с широким распространением приказной, делопроизводственной документации, быстрым развитием таких форм исторического повествования, как повести, сказания, мемуары, записки, дневники и т. д. Правда, и позднее, вплоть до XX в., составлялись летописи, как правило, местные (иногда и общерусские, например в XVIII в.), но они, за редкими исключениями, носят сугубо локальный характер.

В центре внимания находятся работы, посвященные анализу происхождения, истории текста летописей (редакции, списки и т. д.), их значению как исторического источника. Многочисленные исследования по различным вопросам истории СССР периода феодализма, в которых используются летописные данные, не включены в обзор; исключение сделано только в тех случаях, когда в подобных работах в той или иной степени затрагиваются специально-летописеведческие сюжеты. Опушены также исследования о летописях, написанные в языковедском, историко-литературном плане. Характеристики публикаций летописных текстов и их описаний, помещаемые в начале соответствующих глав, даны очень кратко, поскольку тема «археогрaфия русских летописей» (в дооктябрьское и советское время) также требует специального исследования.

Изложение построено по хронологическому принципу. Сначала рассматриваются работы, опубликованные с 1918 г. до середины 1930-х годов; к этому времени относится первый период историографии вопроса. Известные постановления партии и правительства 1934—1936 гг. положили начало новому периоду в развитии советской исторической науки. С этого времени можно начать второй период историографии вопроса, заканчивается он серединой 1950-х годов. Третий период начинается с этого времени и продолжается до начала 1970-х годов. Такое деление материала обусловлено общей периодизацией развития советской исторической науки². Внутри этих периодов материал распределяется по периодам развития самого русского летописания (начальное летописание, летописание периода феодальной раздробленности, конца

XV—XVII в.), выделяются в особые главы материал, посвященный изучению хронографов, и обобщающие труды по истории летописания.

В первый период развития советской историографии продолжалась деятельность ряда выдающихся буржуазных историков — специалистов по истории русского летописания (А. А. Шахматов, В. М. Истрин, Н. К. Никольский и др.); их основные исследования по этой проблеме были опубликованы или подготовлены к печати еще до 1917 г. Ко времени же после Октября относится, собственно говоря, завершающий период их деятельности. В это же время, отмеченное не до конца еще преодоленным влиянием буржуазной исторической науки, протекает научная деятельность ряда учеников и последователей А. А. Шахматова (А. Е. Преспяков, М. Д. Приселков и др.). Труды А. А. Шахматова внесли большой вклад в изучение русских летописей, в методику их исследования. Но его методология, естественно, — глубоко ошибочна и неприемлема. Игнорирование классового подхода в истолковании летописей как источника, их значения как памятника, отражающего идеологию феодального общества, приоритет формально-текстологического анализа над историческим, классовым анализом составляют характернейшую черту методологии А. А. Шахматова и, в той или иной степени, его учеников и последователей. С 30-х годов начинается научная деятельность следующего, нового поколения исследователей, которые, опираясь на достижения предшествующей отечественной историографии, вносят существенный вклад в развитие летописеведения, основанного на марксистско-ленинской методологии. Преодолении влияния буржуазной методологии в исторических исследованиях. Именно на этом этапе марксистско-ленинское направление в советском источниковедении, в частности летописеведении, окончательно утверждается в ходе борьбы с буржуазными концепциями, с «самодовлеющим» формально-текстологическим источниковедением. Борьба направлений проходила на первом этапе развития исторической науки и завершается на втором ее этапе. Она отражает борьбу идеологий — буржуазной и пролетарской, марксистско-ленинской. Это время отмечено некоторой недооценкой значения научной разработки истории далекого прошлого нашей страны, в том числе и проблемы русского летописания, которая

² М. В. Нечкина. К итогам дискуссии о периодизации истории советской исторической науки. — «История СССР», 1962, № 2, стр. 57—78; В. Е. Иллерицкий. Историография СССР. Методическое пособие для студентов-заочников. М., 1969.

подчас рассматривалась в качестве «неактуальной». Известные партийные постановления середины 1950-х годов знаменовали начало преодоления подобного ошибочного подхода, и именно третий период советского летописеведения отмечен появлением наибольшего за все годы Советской власти количества исследований по истории русского летописания. На третьем этапе имеют место различные методы в анализе летописей, борьба мнений, разумеется, на качественно новом этапе — в рамках одной идеологии.

Советское летописеведение — составная часть советской исторической науки. Естественно, оно отражает этапы ее развития, трудности и достижения. Например, успехи советских ученых (Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров и др.) в исследовании феодальной формации, идеологии феодального общества явились тем фундаментом, на котором стала возможной разработка источниковедческих проблем феодального периода с позиций марксистско-ленинской методологии, принципов историзма, классового подхода, партийности.

Рассматриваемые в книге исследования имеют некоторые особенности, которые нельзя упускать из виду. Например, авторы работ о начальном русском летописании по-разному называют или датируют некоторые летописные своды (свод времени Ярослава Мудрого называется то Киевским сводом 1037 г., или 1039 г., или 1037—1039 гг., то Древнейшим сводом и т. д.). То же относится и к более поздним периодам истории летописания.

Автор приносит глубокую благодарность коллегам, которые оказали большую помощь в работе над книгой своими ценными советами, замечаниями. Особое чувство признательности хочу выразить акад. Б. А. Рыбакову, акад. Л. В. Черепнину, В. Т. Пашуто, Н. Н. Улащику, В. И. Корецкому и другим товарищам по работе. Указатели к монографии составлены Г. П. Махновой.

ВВЕДЕНИЕ

ИЗУЧЕНИЕ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА

Традиции изучения русских летописей уходят своими корнями в XVIII в., когда происходит превращение исторических знаний в науку. С этого же столетия начинается и издание текстов летописей.

В. Н. Татищев первым из русских историков, сравнивая между собой тексты различных списков летописей и отмечая их противоречия, разночтения, положил основание их критическому анализу. Он отделял в летописях достоверные данные от вымысла, выделял в них народные сказания, позднейшие наслоения, приписки. Писал, что «историки» (т. е. летописцы) «у нас» были «гораздо ранее» Нестора и Сильвестра, «да пропали», т. е. их имена не сохранились. Большое внимание Татищев уделял поискам имен летописцев и следов их деятельности. Среди известных «русских историков» древнейшим он считал Нестора, который работал до 1093 г., далее его дело продолжили Сильвестр (до 1116 г.) и другие летописцы. Так продолжалось до 1156 г., причем каждый последующий летописец продолжал текст своего предшественника. С 1156 г. «во всех летописях разница находится», т. е. с этого года летописи ведутся в разных городах и начинают отличаться друг от друга. Таким образом, по Татищеву, сначала существовал как бы один ствол летописного «древа», затем ветви от него расходятся в разные стороны. Кроме того, летопись составлялась в Новгороде Иоакимом Корсунянином¹.

Современные исследователи высоко оценивают вклад Татищева в летописеведение. Особенно важно отметить

¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М. — Л., 1962, стр. 120, 122.

тот факт, что в его основном труде — «Истории Российской» — использовано большое количество русских летописей, в том числе тех, которые были известны ее автору, но не сохранились к настоящему времени. В ряде случаев выясняется, что показания не дошедших до нас летописей, которые использованы Татищевым, подтверждаются данными других, сохранившихся, источников. Не потеряли своего значения и его наблюдения по ранней истории русского летописания. В связи с этим нельзя не согласиться с мнением Д. С. Лихачева о том, что заслуги Татищева «в истории изучения русского летописания огромны и еще недостаточно оценены»². Не менее показателен вывод М. Н. Тихомирова: в некоторых отношениях суждения, построения Татищева «более близки к нашему времени, чем систематический труд А. Шлёцера»³.

А.-Л. Шлёцер, оставивший большой труд о «первом» русском летописце, исходил из идей Татищева. Он считал, что Нестор работал с 1110 по 1116 г. и создал летопись, которая была положена в основу всех последующих летописей в части до второго десятилетия XII в. Немало сделав в области летописной текстологии и в целом дав высокую оценку русским летописям, Шлёцер исходил из ложной презумпции, что Нестор не имел предшественников. Преемники же первого летописца, переписывая труд Нестора, непрерывно его портили, ухудшали. Отсюда идет его стремление «очистить» текст Нестора от многочисленных ошибок невежественных, как он полагал, переписчиков. Этот «очищенный» текст, явившийся результатом сопоставления различных списков Начальной летописи («Повести временных лет»), нередко произвольного выбора наиболее древних, с точки зрения Шлёцера, чтений и исправления ошибок, «глупейших описок» и т. д., он и считал за первоначальный текст Нестора⁴. Подобный субъективный метод в текстологии, исходивший к тому же из посылки о крайней культурной отсталости Древней Руси, уже во время появления труда Шлёцера вызывал критические возражения и замечания, хотя многие высоко

ценили его за научно-критический подход к исследованию источника, за сравнительно-источниковедческий, текстологический анализ данных различных списков русских летописей.

Строго судили Шлёцера Г. Эверс, отмечавший субъективность его научного текстологического метода, и А. Н. Попов, который писал, что «в таком виде, как нам сохранила древность наши летописи, они не подходят под те начала критики, которые Шлёцер признавал за безусловные»⁵. Важно упомянуть, что Эверс в отличие от своих предшественников писал об отсутствии среди многочисленных списков текста «канонической важности» (т. е. оригинала, протографа), что текст Нестора мог быть сокращен или переделан его продолжателями (Сильвестр и др.), что его нужно восстанавливать с помощью критического сравнения списков, в том числе и позднейших компиляций, которые могут быть основаны на более древних документах, чем те, которые известны⁶. Таким образом, Эверс отметил всю сложную и длительную историю начального русского летописания. Он, по сути дела, высказывает мысль о том, что сохранившиеся списки Начальной летописи передают ее текст (причем, возможно, не первоначальный, а сокращенный, переделанный) по-разному, что их необходимо критически сравнивать между собой, что в основе позднейших компиляций могут лежать древние тексты, памятники. Этот же автор, по верному замечанию А. Г. Кузьмина, «подошел к вопросу о сосуществовании параллельных летописных традиций в Древней Руси»⁷. В целом взгляды Эверса представляют собой значительный шаг вперед в изучении русских летописей.

Н. М. Карамзин, которому, как и В. Н. Татищеву, принадлежит честь введения в научный оборот многих летописных текстов, сделал немало ценных замечаний о приемах изучения и издания летописей, которые следует, по его мнению, группировать по сходным спискам, выби-

² Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М. — Л., 1947, стр. 12.

³ М. Н. Тихомиров. О русских источниках «Истории Российской». — В кн.: В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 44.

⁴ [А.-Л. Шлёцер.] Нестор, ч. I—III. СПб., 1809—1819.

⁵ А. Попов. Шлёцер. Рассуждение о русской историографии. М., 1847, стр. 37.

⁶ Г. Эверс. Предварительные критические исследования для российской истории, кн. 1-2. М., 1825—1826.

⁷ А. Г. Кузьмин. Начальные этапы древнерусского летописания. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1971, стр. 6.

рая из них лучшие для издания, а остальные привлекая для вариантов. Тем самым ставился вопрос о необходимости изучения редакций русских летописей, истории летописных текстов. Он же указывал на идсн, которыми руководствовались летописцы при составлении своих трудов⁸.

Много нового внесли в изучение летописей другие ученые первой половины XIX в. П. М. Строев сделал важный вывод о том, что русские летописи, сохранившиеся в рукописных списках, являются не авторскими сочинениями в собственном смысле слова (а из этого исходили В. Н. Татищев, А.-Л. Шлёцер и др.), а «сводами», сборниками, компиляциями, включавшими в свой состав самый разнородный материал предшествующих памятников. Он же писал об одновременном составлении летописей в различных центрах (княжествах, монастырях), т. е. о множественности летописной традиции: «Каждый век и каждое значительное княжество имели своих, почти непрерывных бытописателей; даже и в некоторых обителях вели частные монастырские записки. Из сих-то отдельных бытописаний составлялись по временам общие сборники»⁹. Идеи П. М. Строева открывали новые перспективы для летописеведения, так как они исходили из представлений о чрезвычайно сложном составе текста летописей, наличии в них разновременных слоев, принадлежавших разным составителям, отстоявшим друг от друга по времени составления.

Идеи о сводном характере русских летописей, плюрализме древнерусских летописных традиций, тенденциозности летописцев разрабатывали И. Д. Беляев, П. С. Казанский, М. П. Погодин, И. И. Срезневский, М. И. Сухомлинов, Н. И. Костомаров, С. А. Геденов, А. А. Куник, Д. И. Иловайский, И. П. Хрущов, И. П. Сенигов, А. И. Маркевич и другие авторы середины и второй половины XIX в.¹⁰ В частности, И. Д. Беляев предложил первую классификацию русских летописей (государст-

венные, семейно-родовые или фамильные, монастырско-церковные и литературные, написанные «только по исторической любознательности составителей»). Беляев писал об обусловленности взглядов летописцев их принадлежностью к определенному сословию, местом жительства, указаниями лиц, по заказу которых они работали¹¹.

И. И. Срезневский писал, что в Древней Руси одновременно в разных местах велось различные летописи, многими из которых воспользовался Нестор. Летописцы при использовании трудов своих предшественников применяли различные приемы (брали из них все, что им нравилось, иногда «слово в слово», в других случаях сокращая или дополняя их). Впрочем, Срезневский, высказав ряд важных суждений о приемах составления русских летописей, склонен был весьма пессимистически судить о возможности изучить, выделить все их составные части, источники (это — «дело невозможное») ¹².

Сходные мысли высказывал известный исследователь русского летописания К. Н. Бестужев-Рюмин. Он полагал, что «Повесть временных лет», составленная в начале XII в., является летописным сводом; есть возможность определить и до известной степени восстановить его источники. Начиная с этого времени, каждая летописная редакция «уже представляет собой особый свод или часто и свод из сводов». Даже «Повесть временных лет», — возможно, не первоначальный свод. Но в целом этот памятник казался Бестужеву-Рюмину «архивом, в котором хранятся следы погибших для нас произведений первоначальной нашей литературы». Он раскладывал древнейший летописный текст на отдельные сказания, годовые записи, заметки, т. е. на те письменные источники, которые, по его мнению, предшествовали летописному своду и, попав в руки «любопытному человеку в начале XII в.»,

⁸ И. Д. Беляев. О разных видах русских летописей. — «Временник ОИДР», 1850, кн. 5, отд. I, стр. 4; см. также: он же. О Несторовой летописи. — ЧОИДР, 1847, кн. 5; он же. Русские летописи по Лаврентьевскому списку с 1111 г. по 1169 г. — «Временник ОИДР», 1849, кн. 2.

⁹ И. И. Срезневский. Статьи о древних русских летописях (1853–1866). СПб., 1903, стр. 8–9, 24; он же. О договорах князя Олега с греками. — В кн.: «Исторические чтения о языке и словесности в заседаниях II отделения имп. Академии наук 1852 и 1853 гг. СПб., 1854; он же. Древние жизнеописания русских князей X–XI вв. — Там же.

⁸ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I. СПб., 1816, стр. XXIX–XXXV и др.

⁹ «Софийский временник, или русская летопись с 862 по 1534 год», ч. I. М., 1820, предисловие, стр. X.

¹⁰ Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 13–14; А. Г. Кузьмин. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969, стр. 8–10.

составили основу первоначального свода. Сводчик соединял в своем труде-компиляции разнородные материалы, а эти места соединений, «сшивки» он устанавливал по ряду признаков — по противоречиям текста, стилю, политическим, личным симпатиям или антипатиям летописца¹³.

В работе Бестужева-Рюмина сильной стороной была разработка вопроса о расслоении, разложении сохранившихся летописных текстов на составные части. Но дифференциация текстов не соединялась у Бестужева-Рюмина в должной мере с построением цельной картины летописания. Кроме того, правильно указывая на использование в летописях различных источников, он смотрел на летописи как в известной мере на механическое объединение разнородного материала, крепко между собой не связанное, не спаянное.

Ряд исследователей, выступавших в 70—80-х годах XIX в. последователями Бестужева-Рюмина, продолжил разработку проблемы в плане изучения методов составления летописей, их многократных переработок, тенденциозности составителей-летописцев. Это сопровождалось утверждениями о невозможности достоверного установления состава летописей, их источников, времени происхождения тех или иных записей, сохранившихся в известных науке списках. Это характерно для работ Н. Н. Яниша, А. И. Маркевича, П. В. Голубовского¹⁴.

Один из последователей Бестужева-Рюмина — И. А. Тихомиров — также в своих работах¹⁵ стремился к «расшивке» текста изучаемых летописных сводов (северо-восточной Руси, новгородских и др.), выделению из них отдельных известий, сказаний. Но для его метода характерно то, что он не считался с тем, что тот вид, который имели эти известия, сказания в сохранившихся

летописях, мог отличаться и, наверное, отличался от первоначальных, несохранившихся оригиналов. Между ними, как в ряде случаев показали более поздние исследования летописных и других памятников, могут существовать различные промежуточные редакции, причем восстановить все этапы истории текста того или иного произведения не всегда возможно.

Эти взгляды И. А. Тихомирова, явившиеся крайним выражением недостатков метода Бестужева-Рюмина, были подвергнуты в конце XIX в. основательной критике со стороны А. Е. Преснякова и особенно А. А. Шахматова, творческая деятельность которого начинается в это время. В трудах, появившихся в 1890-е и затем в 1900-е и 1910-е годы (умер он в 1920 г.), великий русский ученый подверг тщательному исследованию огромный рукописный фонд русских летописей с древнейших времен до XVII в., разработал грандиозную схему русского летописания, сформулировал, наконец, основы своего сравнительно-текстологического метода исследования летописных текстов. Огромное научное значение проделанной им работы настолько велико, что появление его трудов обозначило крупнейший рубеж в истории русского летописеведения. Ряд отечественных ученых (Д. С. Лихачев и др.) пишут в связи с этим о «перевороте», произведенном Шахматовым в изучении русских летописей. Мне кажется, что подобное мнение имеет под собой серьезные основания, несмотря на то что некоторые его идеи (о сводном характере летописей, тенденциозности их составителей, приемах их работы и др.) высказывались или в той или иной степени исследовательски разрабатывались до него, а с другой стороны, некоторые его выводы были впоследствии уточнены или отвергнуты. Но ведь известно, что Шахматов сам не раз подчеркивал гипотетичность ряда своих научных построений, схем и призывал относиться к ним критически; более того, он пересматривал те или иные звенья своей схемы летописания, отдельные положения своей концепции, когда в ходе углубленных изысканий убеждался в их недостаточной обоснованности или ошибочности. Подобное отношение к собственным трудам — качество истинного ученого.

Несмотря на то что Шахматов на протяжении своей творческой деятельности пересматривал свою схему летописания, в целом можно говорить о ней как об исключи-

¹³ К. Н. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868, стр. III, 2, 22, 24, 30—31, 58—59, 87, прим. и др.

¹⁴ Н. Н. Яниш. Новгородская летопись и ее московские переделки. М., 1874; А. И. Маркевич. О летописях, вып. I. Одесса, 1883; П. Голубовский. Очерк истории постепенного появления главных вопросов по разработке летописей. — «Университетские известия», Киев, 1886, № 10.

¹⁵ И. А. Тихомиров. О сборнике, именуемом Тверскою летописью. — ЖМНП, 1876, № 12, отд. 2, стр. 262—308; он же. О Лаврентьевской летописи. — Там же, 1884, № 10, отд. 2, стр. 239—270; он же. Обозрение состава московских летописных сводов. — ЛЗАК, вып. 10. СПб., 1895, отд. I, стр. 1—84 и др.

составили основу первоначального свода. Сводчик соединял в своем труде-компиляции разнородные материалы, а эти места соединений, «сшивки» он устанавливал по ряду признаков — по противоречиям текста, стилю, политическим, личным симпатиям или антипатиям летописца¹³.

В работе Бестужева-Рюмина сильной стороной была разработка вопроса о расслоении, разложении сохранившихся летописных текстов на составные части. Но дифференциация текстов не соединялась у Бестужева-Рюмина в должной мере с построением цельной картины летописания. Кроме того, правильно указывая на использование в летописях различных источников, он смотрел на летописи как в известной мере на механическое объединение разнородного материала, крепко между собой не связанное, не спаянное.

Ряд исследователей, выступавших в 70—80-х годах XIX в. последователями Бестужева-Рюмина, продолжил разработку проблемы в плане изучения методов составления летописей, их многократных переработок, тенденциозности составителей-летописцев. Это сопровождалось утверждениями о невозможности достоверного установления состава летописей, их источников, времени происхождения тех или иных записей, сохранившихся в известных науке списках. Это характерно для работ Н. Н. Яниша, А. И. Маркевича, П. В. Голубовского¹⁴.

Один из последователей Бестужева-Рюмина — И. А. Тихомиров — также в своих работах¹⁵ стремился к «расшивке» текста изучаемых летописных сводов (северо-восточной Руси, новгородских и др.), выделению из них отдельных известий, сказаний. Но для его метода характерно то, что он не считался с тем, что тот вид, который имели эти известия, сказания в сохранившихся

летописях, мог отличаться и, наверное, отличался от первоначальных, несохранившихся оригиналов. Между ними, как в ряде случаев показали более поздние исследования летописных и других памятников, могут существовать различные промежуточные редакции, причем восстановить все этапы истории текста того или иного произведения не всегда возможно.

Эти взгляды И. А. Тихомирова, явившиеся крайним выражением недостатков метода Бестужева-Рюмина, были подвергнуты в конце XIX в. основательной критике со стороны А. Е. Преснякова и особенно А. А. Шахматова, творческая деятельность которого начинается в это время. В трудах, появившихся в 1890-е и затем в 1900-е и 1910-е годы (умер он в 1920 г.), великий русский ученый подверг тщательному исследованию огромный рукописный фонд русских летописей с древнейших времен до XVII в., разработал грандиозную схему русского летописания, сформулировал, наконец, основы своего сравнительно-текстологического метода исследования летописных текстов. Огромное научное значение проделанной им работы настолько велико, что появление его трудов обозначило крупнейший рубеж в истории русского летописеведения. Ряд отечественных ученых (Д. С. Лихачев и др.) пишут в связи с этим о «перевороте», произведенном Шахматовым в изучении русских летописей. Мне кажется, что подобное мнение имеет под собой серьезные основания, несмотря на то что некоторые его идеи (о сводном характере летописей, тенденциозности их составителей, приемах их работы и др.) высказывались или в той или иной степени исследовательски разрабатывались до него, а с другой стороны, некоторые его выводы были впоследствии уточнены или отвергнуты. Но ведь известно, что Шахматов сам не раз подчеркивал гипотетичность ряда своих научных построений, схем и призывал относиться к ним критически; более того, он пересматривал те или иные звенья своей схемы летописания, отдельные положения своей концепции, когда в ходе углубленных изысканий убеждался в их недостаточной обоснованности или ошибочности. Подобное отношение к собственным трудам — качество истинного ученого.

Несмотря на то что Шахматов на протяжении своей творческой деятельности пересматривал свою схему летописания, в целом можно говорить о ней как об исключи-

¹³ К. Н. Бестужев-Рюмин. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868, стр. III, 2, 22, 24, 30—31, 58—59, 87, прим. и др.

¹⁴ Н. Н. Яниш. Новгородская летопись и ее московские переделки. М., 1874; А. И. Маркевич. О летописях, вып. I. Одесса, 1883; П. Голубовский. Очерк истории постепенного появления главных вопросов по разработке летописей. — «Университетские известия», Киев, 1886, № 10.

¹⁵ И. А. Тихомиров. О сборнике, именуемом Тверскою летописью. — ЖМНП, 1876, № 12, отд. 2, стр. 262—308; он же. О Лаврентьевской летописи. — Там же, 1884, № 10, отд. 2, стр. 239—270; он же. Обзорные составы московских летописных сводов. — ЛЗАК, вып. 10. СПб., 1895, отд. 1, стр. 1—84 и др.

тельно широком, смелом и обоснованном научном построении. Изучая позднейшие летописные своды XIV—XVI вв., ее автор, используя метод комплексного изучения всех известных ему списков, их сравнительно-текстологического сопоставления, внутреннего, логически-смыслового анализа, выяснял их сложный состав, взаимоотношения между собой, их источники, прежде всего предшествующие летописные своды, положенные в основу более поздних. Такое исследование, шедшее «вглубь» от более поздних к более ранним сводам, в конечном счете к самым древним, которые не сохранились в «каноническом», как бы сказал Г. Эверс, виде, позволило Шахматову нарисовать огромное полотно, на котором мы видим сначала Древнейший Киевский свод Ярослава 1039 г., Новгородский свод 1050 г., затем своды 1073 и 1095 гг., три редакции «Повести временных лет» начала XII в., областное летописание XII—XV вв., общерусское летописание XV—XVI вв., представленные многочисленными сводами¹⁶. В отличие от своих предшественников, нередко смотревших на летописные своды как на сборники различных материалов, источников, Шахматов видел в них цельные сочинения, преследовавшие определенные цели.

Для своих изысканий Шахматов привлёк большое количество неизвестных ранее списков летописей; воссоздавая историю древнейшего периода русского летописания, он производил смелые опыты по реконструкции, восстановлению летописных памятников XI—XII вв. (например, Древнейшего Киевского свода 1039 г. в редакции 1073 г., Новгородского свода 1050 г., Начального свода 1095 г., второй и третьей редакций «Повести временных лет»). Конечно, подобные реконструкции всегда более или менее гипотетичны, но тем не менее они представляют большой научный интерес. В ряде случаев он предсказывал существование неизвестных в его время науке летописных сводов, и впоследствии его гипотезы подтверждались (например, о Московском своде 1479 г., Новгородском своде 1539 г.).

Деятельность древних русских летописцев, как полагал А. А. Шахматов, была обусловлена «политическими страстями», «мирскими интересами», воздействием конкретной исторической среды, отражала интересы тех центров, в которых они работали. При этом, правда, исследователь допускал некоторую модернизацию психологии древних летописцев.

В отличие от своих предшественников Шахматов проводил текстологическое сопоставление летописных текстов не спорадически, а систематически, причем с привлечением не отдельных, а всех известных в науке списков, которые он использовал в рукописях даже в тех случаях, когда они были уже опубликованы. Для его сравнительно-текстологического метода характерны выявление сходных чтений списков, в том числе сходных искажений, учет описок, переделок, сокращений, дополнений. Большое значение при исследовании редакций летописей он придавал выяснению места, времени и обстоятельств составления сводов и их редакций, списков, исследованию хронологических указаний, в том числе хронологических несообразностей списков.

Некоторые труды А. А. Шахматова были опубликованы в годы Советской власти. Но они, конечно, являются результатом его многолетних исследований дооктябрьского периода. Несколько его работ связано с анализом «Повести временных лет». Первая из них была опубликована на следующий год после Октябрьской революции и посвящена анализу названия «волохи» в рассказе о расселении славянских племен в составе ПВЛ. Он устанавливает источники этого рассказа (сказание о славянской грамоте, хроника Георгия Амартола, народные предания) и приходит к выводу, что под «волохами» древний летописец понимает народы, подвластные Карлу Великому и Каролингам (в том числе жители Паннонии), — романцев (итальянцев, галлов, румын, франков-французов, воспринявших галльскую культуру)¹⁷.

В другом, более обстоятельном исследовании Шахматов подробно рассматривает вопрос об источниках «Пове-

¹⁶ А. А. Шахматов. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси северо-восточной». СПб., 1899; он же. Общерусские летописные своды XIV и XV веков. — ЖМНП, 1900, № 9, 11; 1901, № 11; он же. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

¹⁷ А. А. Шахматов. Волохи древней русской летописи. — «Известия Таврической ученой архивной комиссии», № 54. Симферополь, 1918, стр. 234—240.

сти временных лет»¹⁸. Эта работа, как отметил ее редактор М. Д. Приселков, является частью незавершенного второго тома исследования об этом памятнике¹⁹, первый том которого вышел в свет за год до Октябрьской революции²⁰. В предисловии к первому тому Шахматов писал, что «II том этого труда (в рукописи почти уже окончанный) будет посвящен исследованию источников «Повести временных лет» и характеристике редакционной работы ее составителей». В 1918/19 учебном году Шахматов читал в Петроградском университете курс лекций «Повесть временных лет. Состав и источники», который, по словам Приселкова, и представлял собой вчерне подготовленный второй том указанного исследования. Правда, намеченная Шахматовым программа (в обещанном втором томе и в университетском курсе) в опубликованной рукописи не была выполнена. В ней автор останавливается на вопросах о списках, объеме и составе памятника, его источниках. Вопросы же о времени, месте составления свода, его авторе, о предшествующих сводах, редакторской работе составителя, о древнейших переделках свода в опубликованном тексте не затрагиваются²¹.

Первый отдел опубликованного труда посвящен спискам ПВЛ. Здесь характеризуются списки позднейших летописных сводов, включивших в свой состав этот памятник, не сохранившийся в первоначальном виде и соединенный с другими летописями. Это — списки Лаврентьевский, Радзивилловский, Московско-Академический, Ипатьевский, Хлебниковский, Переяславский, Троицкий, а также ряд других списков, содержащих краткие извлечения из ПВЛ или его полную переработку (летописи — новгородские, Воскресенская, Никоновская, Львовская, Тверской сборник).

Во втором отделе («Объем и состав «Повести временных лет»») автор развивает свою концепцию о трех редакциях памятника (редакции, доведенной до 1110 г.; Сильвестровской 1116 г.; редакции, доведенной до 1117 г.),

причем он говорит то о двух редакциях и Сильвестровском списке-копии, то о трех редакциях и исходит из того, что Сильвестровский список, сделанный в 1116 г., «можно думать..., точно передавал текст своего оригинала», хотя он сам сохранился в рукописи, составленной в 1377 г. монахом Лаврентием, не в первоначальном виде, а в соединении со второй (или третьей) редакцией (т. е. с доведенной до 1117 г.).

В третьем отделе («Обозрение состава «Несторовой летописи»») Шахматов излагает содержание ПВЛ в ее первой редакции, т. е. содержание труда монаха Киево-Печерского монастыря Нестора.

Подávляющая часть исследования (четвертый отдел) посвящена источникам ПВЛ. Сначала Шахматов указывает на то, что труду Нестора, т. е. летописному своду, им составленному, предшествовали другие летописные своды. Каждый новый составитель продолжал и дополнял предшествующий ему свод. В их основе лежат различные источники, объединенные, использованные авторами-сводчиками. Шахматов рассматривает источники, одни из которых известны в самостоятельном виде и использованы в той или иной мере в ПВЛ и сводах, ей предшествовавших (библейские книги, хроника Георгия Амартола и его продолжателя, Никифоров летописец вскоре, житие Василия Нового, житие Мефодия Словенского, Слово о казнях божиих, Слово Мефодия Патарского; символ веры, преподаваемый Владимиру I), другие не дошли до нас, но восстанавливаются «как отдельные памятники на основании определенных соображений» (договоры с греками, сказание о грамоте словенской, сказание об апостоле Андрее и др.), причем Шахматов предлагает свое прочтение (реконструкцию) текста некоторых памятников, «восстанавливаемых» по ПВЛ и другим источникам; например «Сказания о преложении книг на словенский язык»²².

Этот замечательный труд Шахматова, основанный на тщательнейшем сравнительно-текстологическом исследовании ПВЛ и других памятников, несмотря на его незавершенный характер и гипотетичность отдельных построений, является ценнейшим вкладом в изучение начального русского летописания, прежде всего методов работы древнейших русских летописцев, известных по именам, или

¹⁸ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники. — ТОДРЛ, т. IV. М. — Л., 1940, стр. 9—450.

¹⁹ Там же, стр. 9—40 (М. Приселков. От редактора).

²⁰ [А. А. Шахматов.] Повесть временных лет, т. I. Вводная часть. Текст. Примечания. Пг., 1916.

²¹ А. А. Шахматов. «Повесть временных лет» и ее источники, стр. 9—40 (М. Приселков. От редактора).

²² Там же, стр. 90—91.

безымянных авторов-составителей, сводчиков и переписчиков рукописей. Наблюдения Шахматова выясняют сложный и длительный процесс составления древнейших русских летописных сводов, основанных на использовании, обработке данных большого количества источников, русских и иностранных. Они раскрывают широкий кругозор древнерусских историков, книжников, их исключительно серьезный подход к выполнению стоявших перед ними задач.

Несколько работ Шахматова опубликованы в сборнике, посвященном 25-летию со дня его кончины. Две из них связаны с летописеведением. Одна статья посвящена Начальному своду 1093 (1095) г., предшествовавшему «Повести временных лет»²³. Во вводной статье к публикации работы Шахматова Н. Ф. Лавров высказывает предположение, что она (как и статья об источниках ПВЛ, по предположению М. Д. Приселкова) является частью, «фрагментом» неопубликованного и незаконченного второго тома исследования о «Повести временных лет», причем написан этот «фрагмент» после издания в 1916 г. первого тома этого исследования, содержащего реконструированный текст ПВЛ, так как Шахматов ссылается именно на свою реконструкцию текста ПВЛ, а не на другие издания²⁴.

Вопрос о Начальном свode 1093—1095 гг. Шахматов затрагивал и в более ранних работах²⁵, но его наблюдения пополнились, по собственному его признанию, гипотетический, незаконченный характер. Кроме того, главное внимание в те годы Шахматов уделял сводам, предшествовавшим своду 1093—1095 гг. Теперь, в этом специальном исследовании, Шахматов подробно изучает состав Начального свода, его объем, сопоставляя тексты ПВЛ и новгородских летописей, о которых в статье имеется немало интересных наблюдений. Он показывает наличие разновременных слов, вставок в ПВЛ (например, договоры с греками, рассказ о рождении Всеслава, сказание о смерти Олега и др.),

указывает на признаки, отличающие Начальный свод от ПВЛ (не случайные отличия двух списков одной редакции, а существенные текстуальные отличия двух самостоятельных памятников, один из которых послужил основой при составлении другого). Начальный свод 1093—1095 гг., старший в сравнении с ПВЛ, сохранился, как доказывает Шахматов, в составе Новгородской I летописи младшего извода. Он устанавливает вторичность ПВЛ в сравнении с Начальным сводом, на котором она основана.

Другое исследование, опубликованное в указанном выше сборнике, представляет собой, по основательному предположению Н. Ф. Лаврова, незаконченный опыт реконструкции части Киевского Выдубицкого свода 1198 г. (сохранившегося в составе Ипатьевской летописи) за 1118—1137 гг. путем «очищения» текста южнорусского свода начала XIV в. (Ипатьевской летописи) за эти годы от известий, извлеченных, как думал А. А. Шахматов, автором свода начала XIV в. (Ипатьевского) из других, вспомогательных (в отличие от основного свода 1198 г.) источников (Галицко-Волынская летопись с текстом до конца XIII в., Черниговская летопись XIII в., две летописи Переяславля-Русского конца XII в., Владимирский общерусский свод начала XIV в.)²⁶.

Шахматов текст южнорусского свода начала XIV в. берет из собственно Ипатьевского списка XV в., исправленного в необходимых случаях по Хлебниковскому списку XVI в. того же свода и по Воскресенской летописи XVI в. (так как она восходит к Московскому летописному своду 1479 г., одним из основных источников которого послужил общерусский свод начала XIV в.; последний, при составлении которого привлекли, среди прочих местных летописей, и Киевский свод, доведенный до 1198 г., — один из источников южнорусского свода начала XIV в., т. е. протографа Ипатьевского и Хлебниковского списков).

Исследователи (Н. Ф. Лавров, В. П. Адрианова-Перетц) высказали предположение, что две указанные работы относятся к последним годам жизни Шахматова²⁷. Не исключая подобной возможности, отмечу, что эти исследо-

²³ А. А. Шахматов. Киевский Начальный свод 1095 г. — В кн.: «А. А. Шахматов. 1864—1920. Сб. статей и материалов». М. — Л., 1947, стр. 117—160.

²⁴ Там же, стр. 117—118.

²⁵ А. А. Шахматов. О Начальном киевском летописном свode. — ЧОИДР, 1897, кн. 3; он же. Предисловие к Начальному киевскому своду и Несторова летопись. — ИОРЯС, т. XIII, кн. 1, 1909; он же. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, гл. I, XV и др.

²⁶ А. А. Шахматов. Киевский летописный свод XII века. — В кн.: «А. А. Шахматов...», стр. 105—115; на стр. 105—108 — вступительная статья Н. Ф. Лаврова.

²⁷ Там же, стр. 105; рецензия В. П. Адриановой-Перетц на сборник статей «А. А. Шахматов...» — «Вестник АН СССР», 1947,

вания Шахматова, несомненно, тесно связаны с его дооктябрьскими работами; весьма вероятно, что он работал над ними не только после, но и до 1917 г.

Одной из самых значительных работ Шахматова является исследование о русских летописных сводах XIV—XVI вв., опубликованное в конце 1930-х годов. Редактор М. Д. Приселков установил, что над рукописью исследования Шахматов работал с конца 90-х годов XIX в. до 1908 г. и впоследствии, вплоть до 1916 г., дополнял ее карандашными пометами, вставками. Сам Шахматов считал этот свой труд незаконченным (в нем нет исследований о Воскресенской летописи, о списке Царского Софийской I летописи, намеченных им для разработки и включения в это исследование). Редактор правомерно считал, что, несмотря на это, исследование представляет несомненный научный интерес, так как «прежде всего труд этот вводит нас в лабораторию великого исследователя русского летописания, указывая, на каком сложном и богатом исследовательским трудом материале предварительных изысканий строились хорошо всем известные такие обобщающие работы автора, как «Общерусские летописные своды», «Разыскания» и «Повесть временных лет», т. I». Приселков указывает на характерную особенность этого труда, в котором исследование летописных сводов XIV—XVI вв., выяснение их источников, большей частью тоже по своему характеру сводов, их взаимоотношений друг с другом, построение генеалогических схем подчинены в конечном счете изучению ПВЛ, текст которой находится в начале этих сводов XIV—XVI вв. Именно поэтому каждая глава шахматовского исследования, посвященная анализу определенного летописного памятника, неизменно заканчивается анализом ПВЛ в составе этого памятника. К сожалению, в этом издании опубликованы заключительные разделы о ПВЛ только к пяти первым главам; в остальных 22 они опущены из-за «трудностей технического характера»²⁸.

Перед нами текстологическое исследование Шахматова, имеющее важнейшее научное значение. Поскольку некоторые положения противоречат выводам его других ра-

№ 8, стр. 148; см. также рецензию Н. К. Гудзия и С. И. Ожегова («Советская книга», 1948, № 1, стр. 94—95).

²⁸ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М. — Л., 1938, стр. 4—8.

бот, в приложении к нему помещена обобщающая статья Шахматова о русских летописях из т. XXV «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза—Ефрона²⁹.

Двадцать семь глав основного труда Шахматова посвящены анализу летописей Лаврентьевской, Троицкой начала XV в., Радзивилловской (Кенигсбергской), Ипатьевской, Хлебниковской, Летописца Переяславля-Суздальского, ряда новгородских, софийских, западнорусских (бело-русско-литовских) летописей, общерусских сводов XV—XVI вв. Изучение этого труда оставляет исключительно сильное впечатление благодаря в первую очередь филигранному сравнительно-текстологическому сопоставлению летописных текстов, выяснению их взаимоотношений между собой. Огромный объем привлеченного материала, ювелирная техника его обработки, дар обобщения, построения на основе этого анализа картины непрерывного развития летописания в различных центрах — все это делает «Обзорение», без преувеличения, произведением гениального ученого-исследователя.

В целом схема развития русского летописания, начиная с XI в., восстанавливаемая Шахматовым путем анализа сводов XIV—XVI вв., рисуется им в следующем виде: Древнейший Киевский свод 1037—1039 гг., Древний Новгородский свод 1050 г., доведенный до 80-х годов XI в., Киево-Печерский свод 70-х годов XI в., Начальный Киевский свод 90-х годов XI в., «Повесть временных лет» в трех редакциях (Нестора 1110 г., Сильвестра, 1116 г., 1118 г.). «Повесть временных лет» легла в основу последующего летописания — киевского (свод 1198—1199 гг., отразившийся в Ипатьевской летописи), новгородского (своды XII—XIII вв., отразившиеся в Софийском времени, Новгородской I летописи и др.), галицко-волынского (ведшегося в Перемышле или Галиче и отразившегося в той же Ипатьевской летописи), черниговского, переяславско-южного (русского).

С летописанием киевским и переяславско-южным тесно связано суздальское (ростовское, владими́ро-суздальское) летописание. Древний ростовский летописец представлял собой «Повесть временных лет» в соединении с ростовской летописью; он дошел до нас в соединении с владимирской летописью. Древнейший Владимиро-Су-

²⁹ Там же, стр. 361—372.

дальский свод был доведен, вероятно, до 1185 г. и положил основание ряду владими́ро-суздальских сводов XIII в. (в том числе и летописи Переяславля-Суздальского, доведенной до 1216 г.).

В начале XIV в. по инициативе митрополита Петра был составлен общерусский свод, доведенный до 1305 г. и не дошедший до нас. В нем объединены летописные записи разных центров — владимирские, ростовские, новгородские, тверские, черпиговские, смоленские. На нем основаны все своды XIV в.: владимирский 1377 г. (Лаврентьевская летопись), южнорусский начала XIV в. (Ипатьевская летопись), Новгородский 30-х годов XIV в. (отразился в Синодальном списке Новгородской I летописи) и др.

Велось летописание в Новгороде, Ростове, Смоленске, Твери, Москве. Летописные записи в Москве начали вести с 1330-х годов; в начале XV в. составлен общерусский летописный свод, представленный сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописью. Этот общерусский свод начала XV в. явился образцом при составлении ряда общерусских сводов XV в., в том числе не дошедшего до нас свода митрополита Фотия 1423 г. (отразился в Софийской I и Новгородской IV), свода 1432 г. (Софийский временник), Новгородско-софийского свода, Софийской I летописи, далее таких памятников, как Московско-Академический список Суздальской летописи, московские своды 1472, 1479 гг. и более позднего времени, отразившиеся в Типографской, Симеоновской и др.

Новгородское летописание XV — начала XVI в. представлено Новгородской IV и Новгородской V летописями, Новгородской I младшего извода; оно же отразилось в Ермолинской летописи, Летописце епископа Павла, Рогожском летописце и др.

Новгородское летописание легло в основание летописания Пскова (где ведение местных летописных записей началось с XIII в., своды составлялись в конце XV в. и позднее), Смоленска (Супрасльская XV в. и другие западно-русские летописи).

Главный центр русского летописания в XVI в. — Москва. Здесь составляется ряд сводов — Софийская I по списку Царского, Софийская II, несколько редакций Воскресенской, Львовская, Никоновская (в 1556 г.; в 70-е годы — ее иллюстрированная редакция или т. н. Лицевой свод XVI в.). Несколько сводов возникло в Новгороде. В Волог-

де, вероятно в 1540-е годы, составляется Вологодско-Пермская летопись, в Великом Устюге — Устюжский свод, доведенный до 1516 г. и отразившийся в Архангелогородской летописи начала XVII в. (доведена до 1598 г.).

Предшествующее изложение убеждает в том, что, во-первых, изучение истории русского летописания имеет богатые и длительные историографические традиции; в течение XVIII и особенно XIX столетий историческая наука накопила большое число работ о русских летописях, содержащих немало ценных наблюдений и выводов, причем являющихся по сути дела провозвестниками, зачатками тех научных построений, которые впоследствии, в конце XIX — начале XX в., были более систематически, на громадном сравнительно-источниковедческом материале разработаны в трудах А. А. Шахматова и других ученых; во-вторых, научная деятельность Шахматова является своего рода вершиной, «Монбланом» дооктябрьского отечественного летописеведения. Его исследования составили эпоху в изучении русского летописания, причем, хотя, как часто не без оснований отмечается в литературе, основное его внимание было сосредоточено на истории начального русского летописания, изучению которого подчинялись и его поиски о более поздних летописных сводах XIV—XVII вв., в его трудах в целом воссоздается картина огромной по своим объемам и длительности работы известных и неизвестных русских книжников — авторов и редакторов, составителей-сводчиков и переписчиков — на протяжении XI—XVI вв., а в отдельных случаях и в более позднее время. В трудах Шахматова детальную разработку получили не только реально дошедшие или гипотетически реконструированные им летописные своды времен Киевской Руси или начала феодальной раздробленности русских земель, но и своды более позднего времени.

Относительно «шахматовского» метода исследования летописей можно сказать, что его сущность заключается, на мой взгляд, в блестящем соединении текстологического анализа массового материала летописных списков с логически-смысловым, историческим анализом летописей. Гибель на протяжении ряда столетий тысяч и тысяч рукописей с летописными текстами, особенно древнейшего времени, привела к тому положению, при котором, несмотря на то, что в распоряжении исследователей имеется немалое количество списков летописей, отдельные звенья исто-

рии русского летописания восстановить крайне трудно или невозможно совсем. Отсюда вытекает неизбежность гипотез, догадок, реконструкций при его научном исследовании. И в этом плане большая заслуга принадлежит Шахматову, высказавшему немало смелых гипотез, впоследствии не раз подтверждавшихся, и создавшему ряд реконструкций, построенных на правильном научном анализе. Даже в тех случаях, когда Шахматов допускал ошибки, последние давали толчок научным поискам, которые приводили к их исправлению, причем автором подобных пересмотров, поправок нередко выступал он сам. Обсуждение ряда вопросов истории русского летописания, разработанных в его исследованиях, вызывало споры еще в годы их выхода в свет; продолжались они и после 1917 г.

Все сказанное выше позволяет заключить, что дооктябрьский период отечественного летописеведения, особенно труды Шахматова, его старших и младших современников, оставил богатое наследие, которое предстояло освоить и критически переработать советской исторической науке.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИОГРАФИИ СОВЕТСКОГО ЛЕТОПИСЕВЕДЕНИЯ

Хотя до сих пор отсутствуют обобщающие монографические труды по советской историографии древнерусского летописания, все же за полвека накопилось немало работ по этой проблеме. Одни из них посвящены научному творчеству отдельных специалистов, другие представляют собой краткие обзоры советской литературы по истории русского летописания.

Историографические работы первого типа публикуются уже вскоре после Октябрьской революции. В год кончины А. А. Шахматова появилась статья о нем А. Е. Преснякова — одного из соратников и продолжателей его трудов по истории русского летописания. Автор дает характеристику шахматовского метода сравнительно-текстологического исследования русских летописей: до Шахматова «пани летописные своды рассматривались почти исключительно как исторические источники, как сборники разнородного исторического материала. Усилия исследователей были направлены преимущественно на анализ состава этих сводов-сборников с целью выяснить и критически оценить их источники и разложить их на со-

ставные элементы, расшить их сводку и использовать отдельные записи, известия, выписки из разных памятников письменности, как разрозненный и критически очищенный материал исторических сведений». Далее автор продолжает: «А. А. Шахматов иначе подошел к летописным сводам. Он первый понял их, как цельные труды старой русской книжности, преследовавшие свои определенные литературные и публицистические задачи, отнюдь не исчерпанные подбором практического материала разнородных известий в хронологическом порядке». Пресняков отмечает, что Шахматов в своих исследованиях использовал метод широкого сравнительного изучения огромных летописных сводов, установил существование ряда не дошедших до нас сводов, отразившихся в тех сводах, которые сохранились до нашего времени. Вскрыл Шахматов и обусловленность работы древних летописцев церковными и политическими идеями своего времени, текущей жизни, политической и общественной борьбой³⁰.

Через два года выходит в свет сборник статей памяти А. А. Шахматова. Среди многочисленных статей две посвящены его трудам по истории русского летописания, это статьи А. Е. Преснякова и М. Д. Приселкова³¹. Замечания об изучении Шахматовым летописей встречаются и в статьях Д. И. Абрамовича и М. Н. Сперанского о нем как историке древнерусской литературы³², статьях В. М. Истрина и С. Ф. Платонова о Шахматове как ученом³³, статьях Н. К. Никольского и Б. М. Соколова, посвященных памяти Шахматова³⁴.

³⁰ А. Е. Пресняков. А. А. Шахматов. — «Дела и дни», Пб., 1920, кн. 1, стр. 613.

³¹ А. Е. Пресняков. А. А. Шахматов в изучении русских летописей. — ИОРЯС, т. XXV. Пг., 1922, стр. 163—171; М. Д. Приселков. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова. — Там же, стр. 128—135.

³² Д. И. Абрамович. Труды А. А. Шахматова в области истории русской литературы. — Там же, стр. 112—127; М. Н. Сперанский. А. А. Шахматов — историк древнерусской литературы. — Там же, стр. 288—301.

³³ В. М. Истрин. А. А. Шахматов как ученый. — Там же, стр. 23—28, 33—37; С. Ф. Платонов. А. А. Шахматов как историк. — Там же, стр. 138—139.

³⁴ Н. К. Никольский. Памяти А. А. Шахматова. — Там же, стр. 160—161; Б. М. Соколов. Памяти академика А. А. Шахматова. — Там же, стр. 401—405.

Тогда же вышла в свет небольшая книга В. В. Виноградова, посвященная главным образом биографии Шахматова и его лингвистическим разысканиям; говорится в ней и о сравнительно-историческом методе работы Шахматова над русскими летописями³⁵.

Пристальное внимание советских исследователей привлекала судьба бумаг, оставшихся после смерти А. А. Шахматова. Их характеристику мы находим в статьях, рассматривающих содержание неопубликованных трудов А. А. Шахматова, в том числе работ по истории русского летописания. В статье С. А. Еремина дается краткий обзор всего рукописного наследия А. А. Шахматова³⁶. А. Н. Насонов подробно излагает содержание труда Шахматова по истории русских летописных сводов (был опубликован в 1938 г. под названием «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.»), причем он отмечает незаконченность этого исследования, говорит об изменении взглядов его автора по некоторым вопросам истории русского летописания. Разбирая труд по главам, А. Н. Насонов сравнивает их содержание с другими работами Шахматова, а также с новейшими исследованиями советских ученых³⁷.

Тогда же в хронике (составленной, вероятно, Архивом Академии наук СССР, где хранились рукописи А. А. Шахматова) одного из исторических журналов появилось сообщение о том же и других неизданных трудах А. А. Шахматова по истории русского летописания, в том числе о втором томе «Повести временных лет» (изданном позднее — в 1940 г.), незаконченных исследованиях о владимиро-суздальском летописании, Киево-Печерской летописи, Хронографе, Еллинском летописце, Симеоновской летописи, подготовительных материалах и черновиках его исследований, материалах по изданию летописных текстов и др. Здесь же ставился вопрос об издании неопубликованных трудов А. А. Шахматова³⁸.

Д. С. Лихачев, давая краткую характеристику того огромного вклада в изучение летописей, который сделан А. А. Шахматовым, высоко оценивает его труд «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.», опубликованный в 1938 г., и работу «Литературные источники «Повести временных лет», подготовленную в то время к изданию (была опубликована в 1940 г. под иным названием). Автор отмечает незавершенность первого из названных трудов, который, по его словам, вводит читателя «в самую лабораторию замечательного исследователя русского летописания» и содержит много новых наблюдений и определений³⁹.

При публикации двух упомянутых трудов редактор М. Д. Приселков кратко охарактеризовал их значение, место в научном творчестве А. А. Шахматова⁴⁰.

К 25-летию со дня кончины А. А. Шахматова появилось несколько работ о нем. С. П. Обнорский, уделивший основное внимание его деятельности в области изучения истории русского языка, останавливается и на его вкладе в исследование летописания, причем отмечает, что в этой области научного исследования труды Шахматова имеют огромное значение и для литературоведения, и для исторической науки, так как «в исследовании летописной проблемы, т. е. в области литературоведения, Шахматов... выступает перед нами тем же историком, что и в лингвистической сфере. Именно благодаря Шахматову мы освободились от несколько опозтизированного представления о старом летописце, как об отшельнике...»; наоборот, составители сводов, их последующих редакций «неизбежно отражали воздействие борющихся общественных групп, склоняясь к интересам княжеской или церковной власти»⁴¹.

Д. С. Лихачев в докладе, посвященном памяти Шахматова, дал общую характеристику его научного наследия в области изучения летописания. Он отметил особо важ-

³⁵ В. В. Виноградов. Алексей Александрович Шахматов. Пб., 1922, стр. 72—79.

³⁶ С. А. Еремин. Бумаги акад. А. А. Шахматова. — ИРЯС АН СССР, т. II, кн. 2. Л., 1929, стр. 675—686.

³⁷ А. Н. Насонов. О неизданной рукописи А. А. Шахматова: Обзор летописных сводов. — ИИ, сб. 2. М.—Л., 1936, стр. 279—298.

³⁸ «О неизданных трудах акад. А. А. Шахматова по истории рус-

ского летописания». — «Историк-марксист», 1936, кн. 6, стр. 254—255.

³⁹ Д. Лихачев. Издание трудов А. А. Шахматова по русским летописям. — «Книжные новости», 1938, № 23, стр. 25.

⁴⁰ А. А. Шахматов. Обзор русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 4—8 («От редактора»); он же. «Повесть временных лет» и ее источники, стр. 9—10.

⁴¹ С. П. Обнорский. Академик А. А. Шахматов (К 25-летию со дня смерти). — «Вестник АН СССР», 1945, № 10-11, стр. 80.

ные заслуги Шахматова в изучении позднего русского летописания XIV—XV вв., в котором он по существу не имел предшественников. Лихачев рассматривает доводы оппонентов Шахматова в части, касающейся его исследований о древнейшем русском летописании. Отмеченная ими гипотетичность, шаткость ряда шахматовских построений принимается им применительно к Древнейшему своду 1039 г., который он называет «наиболее слабым звеном во всей системе выводов Шахматова». Д. С. Лихачев характеризует блестящие приемы сравнительно-текстологического анализа Шахматовым летописных текстов, отмечает его исторический подход к летописям, развитый впоследствии М. Д. Приселковым и другими исследователями⁴². В еще более развернутом виде наблюдения Д. С. Лихачева о деятельности Шахматова по изучению русского летописания представлены в статье, помещенной в сборнике памяти ученого⁴³.

О большом вкладе Шахматова в изучение русского летописания говорил М. Н. Тихомиров в одном из своих докладов, отметив особое выдающееся место, которое занимает в отечественной и мировой историографии этот великий труженик науки⁴⁴.

В. Т. Пашуто в статье о Шахматове отметил его немалые заслуги в исследовании русского летописания, прежде всего в сравнительно-текстологическом изучении многочисленных списков, разработке ряда приемов анализа летописных текстов, их расслоения (выявление дублетов в известиях, хронологических ошибок, смены стилей при датировке записей, почерков, приписок, анализ перечней имен, внутренних противоречий, особенностей языка и др.), в разработке грандиозной схемы развития русского летописания. Столь же велики заслуги Шахматова во введении в научный оборот многих новых

списков летописей, установлении существования ряда не дошедших до нас летописных памятников; некоторые из них он попытался реконструировать и т. д. В то же время автор отмечает свойственный трудам Шахматова отрыв изучения истории летописания от истории общества, игнорирование классового смысла летописей как исторического памятника феодальной идеологии⁴⁵.

Подобную оценку Шахматова (а также Преснякова) можно встретить и в статье Л. В. Черепнина, посвященной научному творчеству А. Е. Преснякова. Автор, уделяя основное внимание дооктябрьскому периоду его деятельности, характеризует также работы Преснякова послеоктябрьского периода. Он отмечает формально-источниковедческий характер анализа летописных текстов, свойственный обоим ученым, недопонимание ими значения летописных сводов как памятников феодальной идеологии и источника для изучения истории феодального общества⁴⁶.

И. У. Будовниц в статье о М. Д. Приселкове значительное внимание уделил его трудам по истории русского летописания. Он отметил, что Приселков в основном исходит из схемы Шахматова, следует его методу, хотя и пытается уточнить, дополнить некоторые его выводы. Будовниц критикует Приселкова за «византиноцентризм», выразившийся в том, что ученый считает составителем Древнейшего Киевского свода 1037—1039 гг. митрополита грека Феопемпта (то же предполагал и Шахматов) или какое-то лицо из его окружения. Оспаривает он отождествление Приселковым «великого» Никона, составителя Киевского свода 1073 г., со знаменитым проповедником, публицистом XI в. Иларионом, автором «Слова о законе и благодати». Наконец, Будовниц критикует построения о начальном русском летописании, выдвинутые Истриным (влияние греческой хронографии, особенно хроники Георгия Амартола, на древнейшее русское летописание), Никольским (влияние мораво-паннонских хроник), Лихачевым (тезис о составлении вначале церковноисторического «Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси» при Ярославе Мудром, затем, только в

⁴² Д. С. Лихачев. Русское летописание в трудах А. А. Шахматова. — «Известия АН СССР», Отделение литературы и языка, 1946, т. V, вып. 5, стр. 418 и сл.

⁴³ Д. С. Лихачев. Шахматов как исследователь русского летописания. — В кн.: «А. А. Шахматов. 1864—1920. Сб. статей и материалов», стр. 253—293; см. также: *он же*. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 14—32.

⁴⁴ М. Н. Тихомиров. Что нового внес Шахматов в изучение древнерусских летописей. — В кн.: «Рукописное наследие академика М. Н. Тихомирова в Архиве АН СССР. Научное описание». Составитель И. П. Староверова. М., 1974, стр. 162—166.

⁴⁵ В. Т. Пашуто. А. А. Шахматов — буржуазный источниковед. — «Вопросы истории», 1952, № 2, стр. 47—73.

⁴⁶ Л. В. Черепнин. Об исторических взглядах А. Е. Преснякова. — «Исторические записки», т. 33, 1950, стр. 225—227.

1070-е годы, — первой летописи, принадлежавшей Нико-ну).

Автор поддержал выдвинутую Л. В. Черепниним гипотезу о составлении Древнейшего летописного свода еще в конце X в. в связи с выдачей киевской церкви грамоты о десятине ⁴⁷.

В целом И. У. Будовниц, отдавая должное М. Д. Приселкову, создавшему первый обобщающий труд о русском летописании, реконструировавшему ряд важных летописных памятников, пытавшемуся, по его словам, ввести в исследование летописей исторический, социально-экономический анализ, приходит к выводу, что Приселков был «по существу... буржуазным исследователем, положившим в основу своих трудов идеалистические, а, следовательно, ненаучные построения». Это выразилось в крайнем преувеличении роли церкви, византийского влияния в истории Древней Руси и тем самым — в обеднении русской культуры, сведении на нет ее самостоятельности, оригинальности ⁴⁸.

С подобной оценкой научного наследия М. Д. Приселкова не согласился Я. С. Лурье ⁴⁹. В статье о Приселкове он пишет, что последний приобрел огромный авторитет в области изучения русского летописания, в которой он продолжал труды Шахматова. Автор рассматривает основные труды Приселкова — статьи о летописании периода феодальной раздробленности, обобщающий труд по истории русского летописания и отмечает, что он «перестраивает в сущности всю схему летописания XIII—XV вв., данную А. А. Шахматовым». Я. С. Лурье пишет, что работам Приселкова отнюдь не свойственна недооценка русских и переоценка византийских источников, как подчас утверждалось в литературе. Дело в том, что он обращал внимание на следующее обстоятельство: при описании событий X в. предпочтение нужно отдать современным источникам X же века, а не более поздним, как, например, «Повесть временных лет», отдаленная от этих событий на

100—200 лет ⁵⁰ (замечу только, что нельзя упускать из виду один важный момент: в основании ПВЛ лежат более ранние летописные своды, которые весьма существенно «приближают» нас к событиям X в.).

Автор пишет о новизне подхода Приселкова к изучению летописей, что отличает его от Шахматова. Если для последнего главной целью исследования был текст, то для Приселкова — история, выяснение политических тенденций летописцев, той среды, в которой они трудились. Он считает, что труды Приселкова, «последовательного источниковедческого «мониста...», сохраняют непреходящее значение в создании материалистического источниковедения, с которого начинается материалистическое понимание истории ⁵¹.

Из работ об отдельных исследователях-летописоведах можно назвать также статьи о С. В. Бахрушине, написанные А. И. Андреевым и В. И. Шунковым, которые кратко охарактеризовали его вклад в изучение сибирских летописей ⁵². В. К. Яцунский отметил заслуги А. И. Андреева в исследовании источников по истории Сибири, в частности сибирского летописания ⁵³.

Опубликовано несколько обзорных историографических работ по рассматриваемой теме. Б. Д. Греков, с именем которого (как и ряда других ученых) связано внедрение марксизма в советскую историческую науку, в частности в источниковедение, уделял ей внимание в работах, посвященных подведению итогов развития советской исторической науки за 20, 25 и 30 лет ⁵⁴. Он характеризует работы

⁵⁰ Я. С. Лурье. Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед, стр. 467—468.

⁵¹ Там же, стр. 471—475.

⁵² А. И. Андреев. С. В. Бахрушин — историк Сибири. — «Ученые записки Ленинградского гос. университета им. А. А. Жданова», № 157, Факультет народов Севера, вып. 2. Языки и история народов Крайнего Севера СССР. Л., 1953, стр. 247—248; В. И. Шунков. Труды С. В. Бахрушина по истории Сибири. — В кн.: С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1. М., 1955, стр. 5—6.

⁵³ В. К. Яцунский. А. И. Андреев. Краткий очерк жизни и научной деятельности. — В кн.: А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. 1. XVII век. Изд. 2. М.—Л., 1960, стр. 7 и др.

⁵⁴ Б. Д. Греков. Итоги изучения истории СССР за двадцать лет. — «Известия АН СССР», Отделение общественных наук, 1937, № 5, стр. 1104—1107; он же. Изучение истории СССР за 25 лет. —

⁴⁷ И. У. Будовниц. Об исторических построениях М. Д. Приселкова. — «Исторические записки», т. 35, 1950, стр. 200, 214—231.

⁴⁸ Там же, стр. 231.

⁴⁹ Я. С. Лурье. Михаил Дмитриевич Приселков — источниковед. К 20-летию со дня смерти. — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 466 и сл.; он же. Изучение русского летописания. — В сб.: «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. I. Л., 1968, стр. 13.

А. А. Шахматова по истории русского летописания, В. М. Истрина — о хронике Георгия Амартола, Н. К. Никольского — о «Повести временных лет», труды советских ученых о летописании владими́ро-суздальском и московском (М. Д. Приселков), тверском и яковском (А. Н. Насонов), новгородском (Н. Ф. Лавров), летописании XVI в. (Н. Ф. Лавров, М. Н. Тихомиров), сообщает о подготовке к печати текстов ряда летописей. Останавливаясь на критических замечаниях В. М. Истрина и Н. К. Никольского о трудах А. А. Шахматова по начальной истории русского летописания, Б. Д. Греков отдает предпочтение последним и кратко излагает их содержание.

Б. Д. Греков не принял вывод В. М. Истрина о несамостоятельности первых трудов русских летописцев, являвшихся, по его утверждению, переделкой и дополнением русскими материалами греческой хроники Георгия Амартола, и о вступлении их на самостоятельный путь только после 1054 г., к которому Истрин относит появление первой редакции «Повести временных лет», созданной путем обработки византийских, болгарских и русских известий; в начале XII в. Нестор составил вторую редакцию «Повести временных лет», с которой в 1116 г. Сильвестр снял копию.

Своего отношения к работе Н. К. Никольского о «Повести временных лет» Б. Д. Греков ясно не определил. Но поскольку «более убедительными» ему кажутся построения Шахматова, то можно понять, что Греков не принял выводы Никольского о первоначальной редакции «Повести временных лет» как о чисто «истории Киевской», отражавшей западнославянские влияния и подвергнутой затем очень большим и принципиальным переделкам в XI в., после разделения западной и восточной церквей, а потом в начале XII в. со стороны Сильвестра, испытывавшего большое влияние византийских и норманских тенденций.

«Исторический журнал», 1942, № 10, стр. 85; *он же*. Основные итоги изучения истории СССР за 25 лет. — «Двадцать пять лет исторической науки в СССР» (Сборник статей). М.—Л., 1942, стр. 81—82; *он же*. Развитие исторических наук в СССР за 25 лет. — «Вестник АН СССР», 1943, № 1—2, стр. 64—65; *он же*. Основные итоги изучения истории СССР за 30 лет. — «Труды Юбилейной сессии Академии общественных наук, посвященной тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1948, стр. 139—140.

Останавливаясь на трудах М. Д. Приселкова, в частности на его обобщающем труде по истории русского летописания XI—XV вв., отдавая ему должное как продолжателю А. А. Шахматова, Б. Д. Греков вместе с тем справедливо критикует его за преувеличение византийского влияния на русское летописание.

Краткую характеристику исследований по истории русского летописания, проведенных в советское время, мы найдем также в учебниках М. Н. Тихомирова по источниковедению и его статье о русских летописях⁵⁵, в книгах Д. С. Лихачева, Б. А. Рыбакова, А. Н. Насонова о русских летописях⁵⁶, в трудах по истории исторической науки в СССР (Л. В. Черепнин, В. И. Астахов)⁵⁷, источниковедению (И. Л. Шерман)⁵⁸, по истории Академии наук СССР⁵⁹.

В указанной литературе высказаны различные точки зрения, имеются определенные дискуссионные моменты. Так, М. Н. Тихомиров, соглашаясь с выводами Шахматова о существовании сводов 1070-х и 1090-х годов, трех редакций «Повести временных лет», сомневается в обоснованности его гипотез о существовании Новгородского свода 1050 г. и Древнейшего Киевского свода 1037 г. Критикует М. Н. Тихомиров выводы В. М. Истрина, чрезвычайно упростившего, по его словам, вопрос о происхождении «Повести временных лет» (составление ее первой редакции в 1054 г. на основе «Хронографа по великому изложению» — памятник, изготовленного между 1037 и 1054 гг.

⁵⁵ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в., т. I. М., 1940, стр. 51—55; то же, изд. 2. М., 1962, стр. 63—67; *он же*. Русские летописи, вопросы их издания и изучения. — «Вестник АН СССР», 1960, № 8, стр. 71—72.

⁵⁶ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, стр. 16—17; 32—34; Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963, стр. 158—159; А. Н. Насонов. История русского летописания XI — начала XVIII века. М., 1969, стр. 13—21.

⁵⁷ Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века. Курс лекций. [М.], 1957, стр. 30—34; В. И. Астахов. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.). Харьков, 1965, стр. 47—48.

⁵⁸ И. Л. Шерман. Русские исторические источники X—XVIII вв. Харьков, 1959, стр. 30—32.

⁵⁹ «Очерки по истории Академии наук СССР. Исторические науки». М.—Л., 1945, стр. 26—27.

по хронике Георгия Амартола с присоединением предисловия). М. Н. Тихомиров отмечает, что Истрип не проводит детального критического изучения летописных текстов, как это делал Шахматов, не объясняет — почему позднейшие летописные своды по своей конструкции не напоминают хронографы. М. Н. Тихомиров признает интересной попытку Н. К. Никольского связать некоторые известия «Повести временных лет» (например, сказания о расселении славянских племен, о составлении славянской азбуки) с влиянием западославянских источников.

Давая высокую оценку обобщающему труду М. Д. Приセルкова, М. Н. Тихомиров пишет, что наиболее существенным недостатком его построений является некритическое восприятие научных построений Шахматова (за что, кстати, Присеркова критиковал в свое время сам Шахматов). Возражения автора встретили и суждения о древнейшем русском летописании Д. С. Лихачева, который выдвинул гипотезу о том, что первым летописным памятником было составленное при Киевском Софийском соборе в первой половине 40-х годов XI в. «Сказание о первоначальном распространении христианства»; затем в 1070-е годы Никон, объединив это сказание и различные устные предания, составил первый Киевский летописный свод⁶⁰.

В другой работе М. Н. Тихомиров говорит о гипотетичности многих положений Шахматова и Присеркова и добавляет: «...Но ведь в спорных вопросах невозможно обойтись без гипотез». Далее он приводит пример плодотворности гипотез Шахматова: анализируя Воскресенскую и т. н. Ростовскую летописи, он сделал вывод, что в их основе лежит свод, доведенный до 1479 г. Эта догадка впоследствии подтвердилась: сам Шахматов нашел этот свод в списке XVIII в. (Эрмитажный), а затем был обнаружен М. Н. Тихомировым список первой половины XVI в. (Уваровский), и свод 1479 г. с продолжением до конца XV в. был издан по этим рукописям⁶¹.

Б. А. Рыбаков кратко охарактеризовал работы А. А. Шахматова и его последователей, труды советских ученых, продвигнувших изучение летописей, распыривших

исторический подход к теме, полнее обрисовавших историко-политическую роль древнерусского летописания⁶².

Д. С. Лихачев, характеризуя работы Истрина и Никольского, писал, что они критиковали схему Шахматова, исходя не из всей суммы фактов, а пользуясь лишь немногими данными древнейших списков русских летописей. Отвергая шахматовскую концепцию о Начальном своде 1093—1095 гг., они «забывали при этом, что не одна только система древнейших сводов Повести временных лет рушилась с отменой этой гипотезы, но и вся система позднего русского летописания». Работы обоих этих авторов, считает Д. С. Лихачев, «представляли собой в методологическом отношении шаг назад», так как «они не принимали в расчет данных всего русского летописания... Практически и Н. К. Никольский, и в особенности В. М. Истрин вернулись к старому взгляду на летописные своды, как на случайные и непродуманные соединения разнородного материала»⁶³.

Д. С. Лихачев дает высокую оценку трудам Присеркова, который, исходя в целом из схемы Шахматова и почти не подвергнув пересмотру историю древнейшего периода русского летописания, во многом продвинулся вперед в изучении Лаврентьевской летописи, московского летописания XIV—XV вв., в применении исторического метода при исследовании летописей⁶⁴.

А. Н. Насонов, принимая шахматовскую схему русского летописания XI в. — своды 1039 г., 70-х годов XI в. и 90-х годов XI в., — подчеркивает, что их существование установлено путем сравнения текста «Повести временных лет» и текста Новгородской I летописи младшего извода, который имеет исключительное значение для восстановления Начального свода конца XI в. Имеющиеся в ПВЛ позднейшие вставки (договоры с греками, заимствования из Георгия Амартола и его продолжателя, из Сказания о древней кнзе на славянский язык) разрывают более древний текст Начального свода. Эти позднейшие вставки отнюдь нельзя объяснить сокращением, предпринятым составителем (или составителями) Новгородской I летописи

⁶⁰ М. Н. Тихомиров. Источниковедение, изд. 2, стр. 65—66.

⁶¹ М. Н. Тихомиров. Русские летописи, стр. 74; ПСРЛ, т. XXV. М. — Л., 1949.

⁶² Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи, стр. 158—159.

⁶³ Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 16, 33.

⁶⁴ Там же, стр. 33—34.

младшего извода, как это пытались сделать В. М. Истрин и С. А. Бугославский. Далее Насонов, отмечая у них отдельные верные наблюдения («частные указания» на то, что рассказы об отроке и печенгах под 968 г. по трех первых местах Ольги лет необходимости рассматривать как позднейшие вставки в текст «Повести временных лет»), продолжает полемизировать с ними в защиту шахматовской концепции. Относительно указанных выше в скобках текстов он отметил, что они как раз имеются в Новгородской I летописи и поэтому «главное положение А. А. Шахматова остается в силе». Не являясь доказательными, продолжает А. Н. Насонов, и ссылки Истрина на то, что в Летописце Переяславля-Суздальского договоры с греками сокращены и что заимствования из Георгия Амартола имеются и в «Повести временных лет» в Новгородской I. В первом случае необходимо иметь в виду, что если в Летописце Переяславля-Суздальского упоминания о договорах с греками сохранились, в Новгородской I их нет совсем; во втором — составитель начальной части Новгородской I использовал не непосредственно текст Георгия Амартола, а хронографический рассказ о походе Игоря в Царьград в более древней редакции, чем тот, который использовал в «Повести временных лет».

Не может быть припят и вывод С. А. Бугославского, утверждавшего, что первичным является текст ПВЛ, к которому якобы и восходит соответствующий текст Новгородской I летописи. А. Н. Насонов отмечает, что С. А. Бугославский проводит формальное и случайное сопоставление текстов двух памятников, не рассматривая разнообразные аргументы Шахматова⁶⁵.

А. Н. Насонов не соглашается принять и выводы Н. К. Никольского о Повести о поляно-руси как основе древнейшего ядра древнерусской летописи, поскольку он «ограничивается в основном «идеологическим» анализом», строит свои доказательства на данных Лаврентьевской летописи, мало или совсем не привлекая иной летописный материал (например, Новгородскую I), другие источники («Память и похвала князю Владимиру», «Чтение» Нестора и т. д.). «Сравнительный, текстуальный анализ редакций, действительно, его мало интересует. Его построение

покоится главным образом на наблюдениях «литературно-идеологического» характера. Его интересуют течения прославянские и про-греческие. В основу своей реконструкции он кладет группировку материала по принципу тематическому и идеологическому». А. Н. Насонов указывает на противоречия в истолковании Сказания о предложении книг на славянский язык, которому Никольский придает решающее значение в своем анализе древнейшего ядра ПВЛ. Так, вопреки Никольскому, Древнейший летописный свод не считал древних полян христианами; составитель «Повести временных лет» принимал западных «полян» за русских («еже ныне зовомая Русь»). Данные Никольского о том, что ряд сведений, включенных в древнейшие русские летописи, пришли со славянского запада, «не дают нам основания умалить значение византийско-болгарского влияния на киевскую литературу». В связи с замечаниями о труде Никольского Насонов справедливо, на мой взгляд, ставит вопрос о необходимости «сочетания и взаимопроникновения двух сторон при анализе памятника — «формальной» и «идеологической» (конечно, когда это позволяет паличный материал)». Если исследователь пойдет по этому правильному пути, то «и «формальная» сторона текстологического исследования перестанет быть формальной, а «идеологический» анализ не будет субъективен, произволен и в сочетании с «формальной» стороной исследования приведет (при правильном применении других методических приемов) к точному, по возможности, выводу, к чему должна всегда стремиться научная мысль»⁶⁶.

Упомянув о работах Л. В. Черепина, Б. А. Рыбакова и М. Н. Тихомирова, в которых ставится вопрос о начале русского летописания в начале XI в. или даже в конце X в. (например, гипотеза о летописном своде 996 г.), Насонов высказывает пожелание, чтобы эти гипотезы были подтверждены дальнейшими изысканиями, обоснованиями; вопрос о роли киевской Десятинной церкви в истории русского летописания, по его словам, «требует пересмотра»; гипотезу же о своде (Насонов закавычивает это слово) 996 г. он считает «малообоснованной»⁶⁷.

Л. В. Черепин в книге о русской историографии излагает две противоположные точки зрения советских уче-

⁶⁵ А. Н. Насонов. История русского летописания XI — начала XVIII века, стр. 13—15.

⁶⁶ Там же, стр. 16—18.

⁶⁷ Там же, стр. 20—21.

ных, дававших оценки произведениям летописного типа, в частности «Повести временных лет», как памятнику исторической мысли. Н. Л. Рубинштейн и И. П. Еремин считают (ошибочно, как полагает Л. В. Черепнин), что летописные памятники не являются историографическими сочинениями, так как факты в них излагаются механически в хронологической последовательности без причинно-следственной связи, без изложения какой-либо исторической концепции. Летописные своды, в представлении Рубинштейна (правда, выделившего из них «Повесть временных лет», преодолевающей, по его словам, внутреннюю ограниченность летописной истории), — механически составленные компиляции. Исходя из того же подхода, Еремин по существу отрицал, что летописец руководствовался в своей работе политическими мотивами. Вместо этого Еремин приписывает летописцу абстрактно понимаемые особую «позицию» в обстановке политической борьбы, современной ему, «моральный» подход к описанию событий этого выразителя «общественного мнения» всей Русской земли. Другое направление, представленное именами Б. Д. Грекова, Д. С. Лихачева, М. Н. Тихомирова, рассматривает летописи как цельные исторические сочинения, в которых осмысливается процесс создания Древнерусского государства, объясняются причины различных явлений⁶⁸.

В статье Л. В. Черепнина о «Повести временных лет» большое место уделено рассмотрению работ о начальном русском летописании, опубликованных после исследования А. А. Шахматова⁶⁹. Автор дает очень высокую оценку трудам Шахматова и пишет, что по отношению к его методу существуют в исторической науке два течения. Первое из них, представленное, в частности, В. В. Мавродиным, исходит из того, что любая реконструкция несохранившихся источников, выявление протографа позднейших списков отличаются некоторой гипотетичностью. Мавродин упрекает Шахматова и его школу за «непомерное, нездоровое, граничащее со снобизмом, стремление во что бы то ни стало построить свою гипотезу», призывает

к защите источника от «источниковеда». Другое направление представлено Б. Д. Грековым, который писал о плодотворности «историко-научных гипотез», если они созданы не путем отвлеченных логических построений, хотя бы и самых безукоризненных, «а непременно с учетом возможно широкого охвата реальной обстановки»; именно это и характерно для гипотез Шахматова⁷⁰.

Л. В. Черепнин отмечает заслуги М. Д. Приселкова, который пошел дальше Шахматова в попытках выяснения «исторического облика» древнейших летописных сводов, выявления социально-политической обстановки, в которых они создавались. В то же время он односторонне рассматривает древнейшее русское летописание «под углом зрения преимущественно русско-византийских церковных отношений и самое возникновение летописания целиком приписывает инициативе первого греческого митрополита на Руси» (в другом месте Черепнин отмечает, что это было характерно и для Шахматова)⁷¹.

Метод Шахматова, продолжает автор, вслед за Приселковым был углублен Лихачевым, который подчеркнул значение русских летописей как памятников культуры и литературы, сделал попытку вскрыть устные истоки летописания (родовые предания и др.), показать его национальный, народный характер (в противоположность теории Приселкова о византийском происхождении Древнейшего свода). Л. В. Черепнин отмечает, что Лихачев иначе, в сравнении с Шахматовым, рассматривает начало летописания, но, начиная со свода 1070-х годов и до «Повести временных лет», «подчиняется в основном, как и М. Д. Приселков, схеме А. А. Шахматова».

Обоснованной, на мой взгляд, критике подвергает Л. В. Черепнин взгляды В. М. Истрина, поставившего развитие начального летописания в полную зависимость от византийской хронографии, от которой оно в конце концов отпочковалось⁷².

«Гораздо больший интерес» вызывает исследование Н. К. Никольского, с точки зрения Л. В. Черепнина⁷³, не соглашающегося с отрицательной характеристикой Д. С. Лихачева, который считает, что оно, это исследова-

⁶⁸ Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века, стр. 30-34.

⁶⁹ Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. — «Исторические записки», т. 25, 1948, стр. 293-302.

⁷⁰ Там же, стр. 294.

⁷¹ Там же, стр. 294-295.

⁷² Там же, стр. 296.

⁷³ Там же, стр. 296-297.

ние, представляет собой «в методологическом отношении шаг назад». По словам же автора, Никольский вносит новое именно в методологию исследования летописей в сравнении с Шахматовым: если последний «искал в летописных сводах отражение политических идеалов отдельных летописцев, то столь же необходимо наблюдение над историкографическими схемами, которым подчиняется летописное изложение» (далее идет цитата из книги Н. К. Никольского: Шахматов «не подметил той грани, которая отделяет личное отношение писателя к текущим событиям от того средневекового идейно-тенденционного творчества», которое «вызвало в области летописания изобретение причудливых историкографических построений»).

Можно согласиться с Л. В. Черепнинным, что момент, указанный Н. К. Никольским, имеет важное значение, но необходимо, мне думается, иметь в виду, что, во-первых, Шахматов все-таки учитывал его в своих изысканиях; во-вторых, подобное утверждение Н. К. Никольского, верное само по себе, не было связано у него с признанием необходимости одновременного фронтального сравнительно-текстологического исследования, сопоставления всего комплекса летописного материала; а это и имел как раз в виду Д. С. Лихачев, когда писал, что книга Н. К. Никольского является «шагом назад» в методологическом отношении в сравнении с трудами Шахматова, сильной стороной которых было как раз сочетание летописной текстологии и «идеологического» анализа летописей, как выражается тот же Н. К. Никольский. Его «вторым существенным замечанием методологического характера» в адрес А. А. Шахматова Л. В. Черепнин считает следующее: «А. А. Шахматов преимущественно занимался наблюдениями над «приростом и осложнением» летописных сводов; важно также присмотреться к «преднамеренным пропускам и умолчаниям». Но Шахматов применял и этот, и многие другие приемы изучения летописных текстов.

Вывод Никольского о существовании очень древней повести о судьбах поляно-руси, известия которой были впоследствии вытеснены из позднейших сводов варяжской и корсулской легендами, греко-монашеской тенденцией, Л. В. Черепнин признает «ценным». Разумеется, наблюдения Н. К. Никольского содержат весьма ценные

моменты — выявление следов влияния западославянских источников на составителей древнерусских повествовательных летописных памятников, существования древнейших летописных памятников, приемы «идеологического» анализа летописных текстов.

В критическом плане написаны страницы, посвященные работам С. А. Бугославского и И. П. Еремина о «Повести временных лет»⁷⁴. Л. В. Черепнин справедливо упрекает этих авторов, критикующих Шахматова с неправильных в методологическом плане позиций, за отрицание ими необходимости фронтального текстологического анализа летописных памятников, выяснения их генеалогии, целостной истории сводов, в которых до нас дошла «Повесть временных лет», за модернизацию, вулгаризацию памятников далекого прошлого, за игнорирование политической направленности летописания.

Историкографические замечания Л. В. Черепнина приемлемы и весьма ценны. Нельзя не согласиться и с его выводом: «...Все попытки подвергнуть сомнению правильность общих критических приемов в отношении летописных памятников, которыми пользовался А. А. Шахматов, оказались несостоятельными. Это не значит, что остаются неизбыточными и все конкретные выводы А. А. Шахматова в отношении «Повести временных лет» и предшествующих ей летописных сводов»⁷⁵.

В. И. Астахов, кратко рассматривая новейшую советскую литературу по истории летописания, несколько, по моему, упрощенно смотрит на сущность споров по вопросу о преодолении некоторых взглядов, концепций Шахматова, Никольского и других авторов: предположение первого о существовании Древнейшего Киевского свода 1037—1039 гг., Новгородского свода 1050 г. «опровергнуто уже в советское время М. Н. Тихомировым и Д. С. Лихачевым»; те же авторы и Л. В. Черепнин «в противовес этому» (выводу Никольского) «доказали, что жанр русских летописных статей создавался под воздействием русской действительности, имеет оригинальную форму и характерные особенности, отличающие его от византийской и западноевропейской хронологии» (ошибка, нужно: за-

⁷⁴ Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды, стр. 296—301.

⁷⁵ Там же, стр. 301—302.

паднославянской хронографии) ⁷⁶. В связи с этим следует сказать, что и Тихомиров, и Лихачев не «опровергли» выводы Шахматова о сводах 1037—1039 гг. и 1050 г., а, во-первых, высказали сомнения по поводу шахматовской схемы в этой части, во-вторых, сами выдвинули гипотезы о начале русского летописания, с которыми не все современные исследователи согласны. Что касается Никольского, то Тихомиров и Черепнин поддерживали некоторые аспекты его взглядов.

В книге и докторской диссертации А. Г. Кузьмина рассмотрены некоторые работы по истории русского летописания. Автор основное внимание уделяет дооктябрьской историографии, в том числе трудам Шахматова, разбираются и исследования, опубликованные в советское время. Так, автор говорит о критических замечаниях В. М. Истрина, Н. К. Никольского, С. А. Бугославского по поводу построений А. А. Шахматова, причем отмечает отдельные положительные моменты этой критики, например мысль о необходимости усиления исторического анализа летописного материала в сочетании с его сравнительно-текстологическим изучением, большего внимания к летописям как памятникам, отражавшим различные идейные течения, историографические тенденции. Можно согласиться с автором в том, что анализ работ критиков Шахматова должен учитывать не только слабые стороны их научных трудов, но и определенные достоинства; правильны в сущности и утверждения автора о том, что нельзя отрывать друг от друга «шахматовский» и «дошахматовский» периоды в летописеведении, абсолютизировать, канонизировать взгляды Шахматова, не замечать эволюции, противоречий в его схеме русского летописания. На это уже обращали внимание такие исследователи, как М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, Л. В. Черепнин. Наконец, нет оснований противопоставлять сравнительно-текстологический метод исследования летописей («шахматовский», как его иногда называют, хотя элементы этого метода имели место и до Шахматова, заслуга которого заключается в том, что он применял его на массовом летописном материале в отличие от предшественников, сопоставлявших лишь отдельные летописные тек-

сты) и исторический метод их изучения. Анализ летописных текстов должен сочетаться с анализом идей, в них отразившихся ⁷⁷.

Наконец, в последние годы появились два обзора советской историографии истории русского летописания. В одном из них дана характеристика работ советских историков о русском летописании X—XVII вв., опубликованных почти за 50 лет Советской власти ⁷⁸. В другом рассмотрены важнейшие публикации летописных текстов и исследования о летописях, выполненные до конца 60-х годов; основное внимание уделяется трудам Шахматова и его оппонентов ⁷⁹. Автор высказывает критические замечания в адрес В. М. Истрина, который отрицал тенденциозность, свойственную работе древних летописцев, а расхождение между отдельными летописями объяснял ошибками «устных пересказов», игнорировал данные всех сводов с текстом древнейшего летописания, оставаясь в пределах лишь «Повести временных лет» (напрямую, не приняв во внимание Новгородскую I летопись). То же свойственно работам Никольского и Бугославского ⁸⁰.

В работах Приселкова, основанных на шахматовском методе изучения всего наличного летописного материала, продолжает Я. С. Лурье, пересмотрен ряд конкретных выводов Шахматова о владимиро-суздальском летописании XII—XIII вв., московском летописании XIV—XV вв., генеалогия летописных сводов приведена в стройную и последовательную систему; особое внимание он уделил тенденциозности составителей летописей, летописных сводов, к которым он подошел прежде всего как историк-источниковед в противоположность Шахматову, у которого превалировал филологический анализ ⁸¹.

Я. С. Лурье отметил заслуги Д. С. Лихачева, создавшего новый обобщающий труд о русских летописях, пе-

⁷⁶ В. И. Астахов. Курс лекций по русской историографии (до конца XIX в.), стр. 46—48.

⁷⁷ А. Г. Кузьмин. Русские летописи как источник по истории Древней Руси, стр. 24—30; *он же*. Начальные этапы древнерусского летописания, стр. 10—11.

⁷⁸ В. И. Буганов. Русское летописание в советской историографии. — «Вопросы истории», 1966, № 12, стр. 143—155.

⁷⁹ Я. С. Лурье. Изучение русского летописания. — В сб.: «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. I. Л., 1968, стр. 4—8, 19—32.

⁸⁰ Там же, стр. 19—20, 22—23.

⁸¹ Там же, стр. 23—26.

решившего ряд общих положений Шахматова, прежде всего о новгородском летописании XII—XIII вв., наконец, уделившего большое внимание изучению летописей как литературного явления, их связей с устным народным творчеством. А. Н. Насонов, по словам Я. С. Лурье, много усилий потратил на изучение тверского и псковского летописаний, летописания XV—XVI вв., причем уточнил, пересмотрел ряд выводов Шахматова, например, его утверждение о составлении свода, лежащего в основе Ермолинской, Львовской, Софийской II и других летописей, при дворе ростовского архиепископа; Насонов показал, что свод, лежащий в основе Софийской II и Львовской летописей, был связан с митрополитом конца XV в. Геронтием; в основе Ермолинской лежит общерусская компиляция, не ростовская по своему происхождению; работы Насонова устаивают наличие ряда центров общерусского летописания в XV в.⁸²

Полемизируя с авторами, которые, с одной стороны, отрицали существование Новгородского свода 1050 г., о котором писал А. А. Шахматов (М. Д. Приселков, Д. С. Лихачев, который, кстати говоря, не признает в своих работах и существование свода 1037—1039 гг.), а с другой — предлагали датировать первые летописные памятники более ранним временем в сравнении с Шахматовым (свод 996 г., летописные записи X в. — работы Л. В. Черепнина, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова), автор не соглашается с исследователями, «удревяющими» начало русского летописания, утверждает, что они, привлекая для доказательства летописи XVI в. (Никоновский и Устюжский своды), не исследовали историю текста этих поздних летописей (как это делал Шахматов, например, по отношению к Новгородской I) и тем самым не доказали, что их данные в этой древней части первичны по отношению к данным «Повести временных лет», с которой они сравнивают эти тексты из поздних летописей XVI в. Эти «авторы, — по утверждению Я. С. Лурье, — ценою возвращаются к дошахматовским методам разложения летописных сводов на отдельные элементы»⁸³.

С мнением автора о необходимости тщательного изучения истории текстов тех памятников, данные которых

сравниваются между собой (например, истории текста «Повести временных лет» в составе Лаврентьевской, Ипатьевской, Радзивиловской, Никоновской, Устюжской и других летописей, истории текста самих этих сводов XIV—XVI вв.), нельзя, конечно, не согласиться. Но автор сам признает, что для изучения древнейших этапов русского летописания исследователь не имеет возможности привлечь необходимый материал. Так, для реконструкции Начального свода 1093—1095 гг. Шахматов имел возможность привлечь параллельный текст Новгородской I летописи; его же построение о существовании Древнейшего Киевского свода 1037—1039 гг. и Новгородского свода 1050 г. опиралось на непремение параллельных текстов на критику текста «Повести временных лет», т. е. на ее «внутренний» анализ⁸⁴. Здесь, в этой части пахматовской концепции, где с ее автором не соглашались Приселков и Лихачев, Я. С. Лурье понимает трудность положения исследователя («сложность и относительная бедность материала»). Правда, и там, где говорится о слабой аргументированности построений Черепнина, Тихомирова и Рыбакова, автор тоже признает, что «причиной этого в значительной степени являются недостаточное количество древнего летописного материала, параллельного «Повести временных лет», и невозможность в связи с этим сравнительно-исторического исследования»⁸⁵.

Это противоречие — с одной стороны, понимание того, что недостаток материала для сравнения, сопоставления заставляет прибегать к внутренней критике текста (не только Тихомирова, Рыбакова и других авторов, но и самого Шахматова, применявшего такой метод при построении гипотез о Киевском своде 1037—1039 гг. и Новгородском своде 1050 г.), с другой — квалификация ее, этой внутренней критики текста, как «дошахматовских методов разложения летописных сводов на составные элементы» (причем это относится к исследователям, пытающимся установить летописную традицию в еще более раннее время, чем время составления сводов 1037—1039 гг. и 1050 г.) — кажется мне несколько искусственным. Правы те исследователи, которые считают необходимым

⁸² Я. С. Лурье. Изучение русского летописания, стр. 26—28.

⁸³ Там же, стр. 28—30.

⁸⁴ Там же, стр. 28.

⁸⁵ Там же, стр. 30.

сочетание разных методов изучения летописей — текстологического (сравнительно-текстологического, сравнительно-источниковедческого или, если угодно, формально-текстологического) и «идеологического», изучение истории текста и изучение истории идей в летописях в неразрывной взаимосвязи, изучение истории летописных сводов в их целом виде и их расшивка на составные части, если сам летописный материал дает для этого возможность. В противном случае исследователь вынужден ограничивать себя в применении одного из этих методов или уделять преимущественное внимание одному из них. Я. С. Лурье, критикуя метод, как он пишет, «механического разложения известных летописных сводов на источники», который применялся до Шахматова и применяется после него, пишет, что «этот метод является все-таки несравненно менее плодотворным, чем метод А. А. Шахматова». Далее, Я. С. Лурье продолжает, что если, например, в летописном своде найдены известия, связанные с Суздалем и Рязанью, то можно предположить, что их происхождение связано с этими центрами, но без дополнительных доказательств это предположение останется только догадкой. Если же два летописных свода на протяжении ряда лет совпадают, а потом расходятся между собой, то это убеждает нас в наличии общего протографа двух сводов в этой, совпадающей, части или (что бывает редко) в зависимости их друг от друга в этой же части⁸⁶.

Но ведь речь идет о разных вещах. Там, где имеется возможность сравнивать параллельные тексты летописных сводов, это и делают специалисты; подобная возможность — тот идеальный случай, о котором мечтают летописеведы. Там же, где такой прием невозможен, приходится прибегать и к другому методу, менее, конечно, «плодотворному», но только почему в сравнении с «шахматовским методом»? Ведь и Шахматов прибегал в необходимых случаях к разложению текста летописного памятника, критике этого текста; этим и вызвана гипотетичность ряда построений Шахматова, о которой он сам не раз говорил; вероятно, здесь он менее «плодотворен»? С другой стороны, и авторы, которых критикует Я. С. Лурье, тоже выдвигают гипотезы, основываясь на методе, который применял Шахматов. Вряд ли правомер-

но квалифицировать этот метод «дошахматовским», «механическим». Ведь возможность установить путем сравнения текстов «необратимые» случаи первичности или вторичности одного текста по отношению к другому, о чем пишет Я. С. Лурье⁸⁷, не всегда бывает осуществимой, особенно, когда речь идет о зарождении летописания. Вряд ли исследователь должен воздерживаться от анализа в тех случаях, когда нельзя прибегнуть к классическому сравнительному анализу параллельных текстов летописных сводов (который применялся, хотя и в гораздо меньшем объеме, и до Шахматова).

* * *

Историография историографии летописеведения насчитывает немалое число работ как об отдельных ученых — специалистах по истории русского летописания, так и ряд обзоров научной литературы. Основное внимание в них уделяется трудам Шахматова, причем в оценке концепций его самого и, с одной стороны, его оппонентов (Истрина, Никольского), с другой — последователей (Приселкова) имеют место различные взгляды и споры. В основном советская историческая наука положительно оценила методику Шахматова, его схему русского летописания, но отвергла его методологию исследования; отмечены существенные недостатки принципиального характера: недостаточный исторический подход в летописях, недоучет их обусловленности современной им действительностью как памятников феодальной идеологии, слабая разработанность ряда вопросов истории русского летописания. Выводы Истрина и Никольского, не основанные на сравнительно-текстологической проработке всего фонда летописных текстов, не приняты, за исключением ряда верных наблюдений частного характера; впрочем, некоторые исследователи более положительно оценивают их вклад в летописеведение.

Существуют спорные моменты в общей научной оценке наследия таких ученых, как Шахматов и Приселков. Наконец, нет единодушия в оценке предпринятых в последние десятилетия попыток «удревнить» начало рус-

⁸⁶ Я. С. Лурье. Изучение русского летописания, стр. 20, прим. 57.

⁸⁷ Там же, стр. 21.

ского летописания (работы М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, Л. В. Черепнина).

Все эти спорные, дискуссионные обсуждения говорят о том, что изучение русского летописания после Шахматова идет по пути углубления разработки отдельных вопросов, звеньев его схемы, точнее — звеньев непрерывной цепи самого русского летописания. Споры о сущности «шахматовского» метода изучения летописных текстов, о которых говорилось выше, тесно связаны, на мой взгляд, с поисками путей дальнейшего плодотворного изучения русского летописания, проникновения в тайники, скрытые до сих пор в толще летописного материала; в немалой степени те неясности, которые при этом возникают, вызываются недостаточной изученностью шахматовского научного наследия в области летописеведения, а также «дошахматовского» и «послешахматовского» периодов в изучении русских летописей. Главное заключается в том, что в советской историографии второй половины 1930-х — начала 1970-х годов в связи с победой марксистского направления дана правильная научная оценка творческого наследия А. А. Шахматова и его школы — с одной стороны, положительные моменты (методика анализа летописных текстов), с другой — слабость, ошибочность и неприемлемость методологических принципов исследования. □

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ 1918— СЕРЕДИНЫ 1930-х ГОДОВ

ИЗУЧЕНИЕ НАЧАЛЬНОГО РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

Взгляды Шахматова отнюдь нельзя считать каноническими, не подлежащими обсуждению, критике или пересмотру. Так не считал и он сам. Достаточно в этой связи вспомнить его широко известный отзыв на книгу М. Д. Приселкова о церковно-политической истории Киевской Руси¹, в котором, давая высокую в целом оценку этому труду, он довольно резко указал на его недостаток: автор поставил между собой и русской летописью, основным своим источником, исследование Шахматова о древнейших летописных сводах, к которому в первую очередь следует отнестись критически, даже цитировал летописные тексты по шахматовским реконструкциям². Указывая на гипотетичность ряда выводов Приселкова, Шахматов и по отношению к своим трудам не раз высказывался в том смысле, что многое в них гипотетично, требует дальнейших доказательств и нуждается в критических замечаниях оппонентов. Критику он всегда ожидал с интересом, приветствовал и учитывал в дальнейших изысканиях. Один из его оппонентов, В. М. Истрин, писал однажды, что «сам покойный А. А. Шахматов, зная о моих с ним несогласиях, в последнее время неоднократно выражал желание, чтобы я, взяв, по его выражению, в руки карандаш, посвятил несколько вечеров проверке его взглядов на редакцию «Повести временных лет». Далее Истрин, во многом не соглашавшийся с Шахматовым в концепции начального русского летописания, с грустью заключает свои воспоми-

¹ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913.

² А. А. Шахматов. Заметки к древнейшей истории русской церковной жизни. — «Научный исторический журнал», 1914, № 4 (т. II, вып. 2), стр. 57—58.

нения, помещенные в начале статьи, полемизирующей с работами Шахматова, и хорошо передающие тот дух творческого, товарищеского обсуждения спорных научных проблем, который был свойствен Шахматову и его оппонентам: «Не могу не выразить глубокого сожаления, что исполнить желание А. А. мне пришлось после его неожиданной преждевременной смерти. Это тем более огорчительно, что я во многом сильно разошелся с А. А., а теперь уже нет возможности путем собеседований прийти к желательному соглашению...»³

Выводы трудов А. А. Шахматова, в целом принятые отечественной исторической наукой, встречали и критические возражения, подчас весьма сильные. Одним из таких критиков, доброжелательных и серьезных, был В. М. Истрин. В ряде работ он выступил с критикой шахматовской концепции древнейшего русского летописания. Взамен схемы Шахматова (Древнейший свод 1037—1039 гг., свод 1073 г., свод 1093—1095 гг., три редакции «Повести временных лет») Истрин выдвигает концепцию⁴, согласно которой в первой половине XI в., при Ярославе Мудром, летописный свод не составлялся, велись только отдельные летописные записи. В X в. существовали лишь устные предания. Истрин обращает внимание на сообщение «Повести временных лет» под 1106 г. о смерти боярина Яна Вышатича, участника многих важных событий XI — начала XII в., о которых он немало поведал и автору-летописцу, написавшему о нем текст под этим годом. Он прожил 90 лет, родился, следовательно, в 1016 г., на второй год после смерти Владимира Святославича. От своего отца, боярина Вышаты, и деда он мог слышать рассказы о более ранних временах, о событиях X в. Рассказы, передаваемые из поколения в поколение, создавали устную историю Руси, с появлением же письменности первые русские книжники начинают составлять

первые записи. Они до нас не дошли, но должны «предполагаться». Записи были отрывочными, случайными, «любительскими, разрозненными, зависевшими от личной склонности их авторов, не задававшихся пока широкими целями». «Чужого образца, который дал бы толчок к составлению своей истории (связной истории, цельного исторического труда.— В. Б.) и по которому последняя могла бы быть составлена, еще не было».

Первая русская летопись, при составлении которой использовали т. н. «Хронограф по великому изложению», основанный на хронике Георгия Амартола, появилась не раньше второй половины 1050-х годов, после смерти Ярослава Мудрого, когда были сделаны русские переводы византийских сочинений. Это и была первая редакция «Повести временных лет», которая началась с известия 852 г. о походе Руси на Царьград (взятого, как и ряд других известий, из византийских хроник) и заканчивалась записью о смерти Ярослава Мудрого и его завете детям жить в дружбе и мире. Эта первая редакция ПВЛ имела тот вид, в каком она дошла до нас в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, исключая отсутствовавшие в ней обширное введение (до 852 г.) и Сказание о начале Печерского монастыря (под 1051 г.).

В 70-е и 90-е годы XI в. в первую редакцию ПВЛ сделали, по мысли Истрина, «ничтожные» приписки, дополнения. Наконец, в 1110-е годы появилась вторая редакция «Повести временных лет», составленная Нестором (с прибавлением введения и новых известий за конец XI — начало XII в.)⁵.

В труде Истрина, содержащем ряд интересных сопоставлений текста ПВЛ и хронографических текстов, все же существенным изъяном является весьма недостаточный сравнительно-текстологический анализ всего комплекса списков, содержащих ПВЛ. Это как раз и было сильнейшей стороной метода Шахматова. Отсюда следуют неубедительность выводов Истрина, не принятых в целом исторической наукой, его попытки доказать неразвитость русской исторической, общественно-политической мысли первой половины XI в., когда русское общество, по его утверждению, имело еще «небольшое прошлое», не доросло до создания цельного летописного свода; «истори-

³ В. М. Истрин. Начало русского летописания. По поводу исследований А. А. Шахматова о древнерусской летописи.— «Начала», Пг., 1922, № 2, стр. 43.

⁴ Там же, стр. 43—63; он же. Замечания о начале русского летописания. По поводу исследований А. А. Шахматова в области древнерусской летописи.— ИОРЯС, т. XXVI. Пг., 1923, стр. 45—102; т. XXVII. Л., 1924, стр. 207—251 (сюда же вошли две первые главы этого исследования, первоначально напечатанные в журн. «Начала», Пг., 1922, № 2).

⁵ В. М. Истрин. Замечания, стр. 80 и сл., 248—251.

ческий же интерес проявился позднее, и его проявление находилось в зависимости от чужих образцов, т. е. от исторических образцов византийской литературы, вызывавшей у древнерусского книжника подражание и во всех других областях»⁶. В конечном счете Истрин, недооценивая тот уровень развития духовной жизни, которого достигла Древняя Русь в XI в., и по существу отказываясь от детального сравнительного анализа всего комплекса летописных текстов, путем в определенной степени умозрительных заключений приходит к выводу о несамостоятельном и случайном начале русского летописания, обязанного своим оформлением приезду византийских клириков с библиотекой византийской же исторической литературы в обозе. Сначала, по мысли Истрина, древнерусский читатель имел возможность ознакомиться с отдельными, случайными записями, затем с записями о русских событиях в составе византийских хроник, наконец — известия о русских событиях, продолжающие текст «Хронографа по великому изложению» по греческой истории, отделяются от них и становятся первым русским историческим трудом.

Истрин не принял вывод Шахматова о том, что рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы, политическая борьба современной летописцам эпохи; это сказалось, в частности, как установил Шахматов, при составлении в начале XII в. трех редакций «Повести временных лет». Истрин же, наоборот, считает, что «нет никакой нужды видеть здесь проявление и влияние различных противоположных симпатий и антипатий и в них видеть причину появления различных редакций «Повести». Симпатии и антипатии, конечно, могли обнаруживаться у составителей летописей, «но это обнаруживание происходило произвольно, не будучи ни в каком случае преднамеренным»⁷.

Истрин по существу исходит из мысли о случайности, присущей работе древнерусских летописцев.

Как видим, концепция Истрина не построена на достаточно надежном фундаменте источниковедческого анализа всех текстов; характерно, что автор построил свое изложение по типу «замечаний», возражений на отдельные места, страницы знаменитых шахматовских «Разыска-

ний» и других работ их автора, рассуждений, наблюдений по поводу некоторых летописных известий; с другой стороны, показательно, что в работе нет сопоставления текстов ПВЛ, например, по Ипатьевскому и Лаврентьевскому спискам, а такой крайне важный для изучения памятник, как Новгородская I летопись [«которая, — как говорит Истрин, — при моих возражениях автору (Шахматову. — В. Б.) не имеет уже того значения, какое она имела для него»], при исследовании вопроса о Древнейшем своде 1037—1039 гг. и Начальном своде 1095 г. «оставлена пока в стороне»⁸.

В современной летописеведческой литературе справедливо отмечается явно недостаточная аргументированность критики Истриным шахматовской схемы начального летописания, ошибочность его выводов (М. Н. Тихомиров, Д. С. Лихачев, А. Н. Насонов, И. У. Будовниц и др.).

Н. К. Никольский в своей интересной, но, к сожалению, неполностью опубликованной книге тоже высказывает сомнения в обоснованности шахматовской концепции, но критикует ее с других, по сравнению с Истриным, позиций. Автор подвергает тщательному анализу некоторые известия «Повести временных лет»: «Сказание о преложении книг на словенский язык» под 898 (6406) г., рассказ о крещении Владимира I под 980—1015 (6488—6523) гг., запись о переводах с греческого языка на русский при Ярославе Мудром под 1037 (6545) г. Они исследуются, как пишет Никольский, «со стороны их идеологической связи с другими частями летописного свода, а также с произведениями славянской и русской литературы»⁹.

Труд Никольского имеет своей главной целью опровержение мысли об основополагающем значении византийского (греческого) влияния на происхождение «южнорусской культуры», в частности на древнейшее русское летописание, мысли, которая обосновывается в трудах Шахматова. Последний связывал составление Древней-

⁶ В. М. Истрин. Замечания, стр. 82.

⁷ Там же, стр. 235.

⁸ Там же, стр. 49.

⁹ Н. К. Никольский. Повесть временных лет, как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. К вопросу о древнейшем русском летописании, вып. I. Л., 1930 («Сборник по русскому языку и словесности АН СССР», т. II, вып. I. Л., 1930), стр. 1.

шего свода 1037—1039 гг. с деятельностью первого русского митрополита грека Феопемпта. Он же утверждал, что предания, записанные в ПВЛ и предшествовавших ей летописных сводах, считали первыми просветителями Руси греков, позднее болгар (их письменность наложила отпечаток на Древнейший свод 1037—1039 гг.). Западнославянское же влияние отразилось лишь в случайной вставке «Сказания о преложении книг на словенский язык» под 898 г., которая была сделана только в начале XII в.

Никольский, не соглашаясь с этими выводами Шахматова и его схемой начального летописания XI — начала XII в., исходит в своей концепции прежде всего из анализа текста Сказания под 898 г., которое является, по его убеждению, не случайной вставкой летописца, а частью «ныне утраченного исторического труда, который, не имея значения общерусской летописи и содержа известия о судьбе и стародавних связях русских племен (руси) со славянским миром, был свободен от византизма и норманизма, проникающих «Повесть временных лет». Частью этого труда он считает также начальную часть ПВЛ до 852 г. (введение), которая дошла не в первоначальном виде, и «группу отрывков, внесенных на дальнейшие страницы свода (напр., в агиографическую компиляцию о Владимире и т. п.)»¹⁰.

Никольский отмечает, что как Сказание, так и текст введения ПВЛ, одинаково развивают идею родства (по крови, грамоте, вере) поляно-руси с западными, придунайскими славянами. Далее, заголовок «Повести временных лет» — «Повесть временных лет, откуда есть пошла Руская земля и кто в Киеве нача первее княжити и откуда Руская земля стала есть» — соответствует содержанию не всего свода в целом, а лишь его вводной части. В Радзивиловском и Академическом списках ПВЛ заголовок не имеет именно третьего вопроса: «Повесть временных лет черноризца Феодосьева монастыря Печерского, откуда есть пошла Руская земля и кто в ней почал первое княжити». Замена слов «в Киеве» на слова «в ней» (т. е. во всей Русской земле) «указывает на состоявшееся превращение местной летописи поляно-русской в обще-

русский свод», в котором содержался ответ на третий вопрос заголовка других списков ПВЛ.

Эта первая русская летопись, или «Повесть» по истории поляно-руси, была составлена в последние годы правления Владимира I — в начале XI в. или несколько позднее, так как в статье об обучении детей говорится об Андрихе (Олдржихе) Чешском (1012—1034 гг.). В нее и входили вводная часть ПВЛ, «Сказание о преложении книг на словенский язык», рассказы об испытании вер при Владимире I, об обучении детей и др. Этот летописный свод, проводивший идею славянского родства, возник, по утверждению Никольского, под влиянием западнославянских (моравско-паннонских) хроник.

Провизантийски настроенный автор «Повести временных лет», использовавший этот свод начала XI в. в качестве источника, постарался вытравить из него следы западнославянского влияния (так как после принятия христианства из Византии русских и западных славян разделила разная вера), замолчать факты культурного влияния, воздействия западных славян на Русь в прошлом и выставить на первый план греческое (византийское) влияние, роль Византии в «просвещении» Руси. Этим объясняется тот факт, что в «Повести временных лет» после 898 г. известия о влиянии западнославянской культуры на Русь почти отсутствуют, а в рассказе об испытании вер под 986 г. великий князь Владимир беседует, согласно летописному тексту, с представителями разных народов (магометан, немцев, хазар, греков), но только не со славянами.

Эти выводы Никольского, основанные, по словам автора, на идеологическом анализе «Повести временных лет»¹¹, представляют несомненный научный интерес. Он обосновывает в своем труде представления о большом распространении грамотности на Руси до принятия христианства (например, упоминания договоров 911 и 945 гг. о русских письменных завещаниях, верительных грамотах), об идейном богатстве первых русских исторических трудов.

¹¹ В начале книги Н. К. Никольский пишет о методе своей работы: «Настоящая монография, не повторяя текстуального анализа летописей, опирается главным образом на наблюдения над литературно-идеологической основой легендарных сказаний, мало освещенною А. А. Шахматовым» (там же, стр. 3).

¹⁰ Н. К. Никольский. Повесть временных лет, стр. 3.

В другой работе, которая является частью второго выпуска указанной выше монографии, Никольский продолжает выявление и изучение «западославянских элементов в остатках отжившей культуры», снова полемизирует с автором «Повести временных лет», тенденциозно, по его мнению, связавшим происхождение русской культуры только с византийским влиянием¹².

Взгляды Никольского, как мы уже могли убедиться, встретили разноречивые оценки в специальной литературе. Если одни исследователи (Д. С. Лихачев, Я. С. Лурье и др.) отвергают его выводы, исходя из того, что он не применял в своем исследовании метод всестороннего сравнительного анализа всего комплекса летописных текстов, то другие, тоже отмечая изъяны этого метода, писали о наличии в его работе интересных, верных наблюдений (М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков и др.).

В отличие от Истрина и Никольского, подавляющее большинство ученых приняли выводы Шахматова и исходили из них в своих конкретных исследованиях по различным вопросам истории начального русского летописания. Так, С. Ф. Платонов, анализируя летописный рассказ о крещении Ольги, исходит из существования свода 1039 г. и Начального свода XI в., соглашаясь здесь с Шахматовым, хотя и оспаривает выводы последнего относительно летописного рассказа о крещении Ольги. Если Шахматов видит в нем соединение первоначальной церковной повести о крещении Ольги, вошедшей уже в свод 1039 г., и включенных затем в Начальный свод текстов из Паримийника (сравнение Ольги с царицей эфиопской и цитаты из Библии) и трех вставок о сватовстве византийского императора к Ольге, представляющих собой отрывки из народной легенды, то Платонов склонен рассматривать этот летописный рассказ как более цельное произведение. По мысли автора, текст, «очищенный» Шахматовым от предполагаемых им более поздних вставок Начального свода, производит впечатление неполноты, неясности, неестественности изложения. Поэтому сказание кажется Платонову плодом единовременного «творческого акта». Впрочем, тексты из Паримийника, «не совсем ловко и кстати подобранные», признает вставкой и Плато-

¹² Н. К. Никольский. К вопросу о следах мораво-чешского влияния на литературных памятниках домонгольской эпохи. — «Вестник АН СССР», 1933, № 8-9, стб. 6—18.

нов. В целом сказание возникло в эпоху составления свода 1039 г. и явилось откликом на политическую злобу дня — стремление Руси занять независимую позицию по отношению к имперским притязаниям Византии¹³.

Б. М. Соколов разбирает текст «Повести временных лет» под 6478 г., представляющий собой сказание о происхождении Владимира от Малуши — ключницы Ольги и дочери Малко Любечанина. Сопоставляя его со знаменитым «Словом о законе и благодати» митрополита Илариона, написанным между 1037—1050 гг., автор делает вывод: наличие в последнем образа библейского «рабичища» Измаила, обделенного наследством сына Авраама от рабыни Агари, и противопоставление его образу Исаака, сына того же Авраама от законной и свободной жены Сарры, свидетельствует о том, что Иларион знал предание о происхождении прославляемого им Владимира I от рабыни Малуши, но смотрел на него как на недостоверное, ложное. Автор солидаризируется с выводом Шахматова о том, что этого сказания не было ни в Древнейшем Киевском своде 1037—1039 гг., ни в своде Никона 1073 г. Оно, а также предание о полоцкой княжне Рогнеде, отвергшей предложение «робичича» Владимира, появились впервые в Новгородском своде XI в., из которого впоследствии попало в Начальный свод 1093 г. Это говорит о том, что сказание о происхождении Владимира от рабыни не знали или, что вернее, сознательно игнорировали и Иларион, и создатели первых двух киевских летописных сводов, составленных при сыне и внуках того же Владимира. В связи с этим автор обращает внимание на указанную Шахматовым текстуальную близость «Слова» Илариона и древнейшей летописи и на отождествление Приселковым личности Илариона — создателя «Слова о законе и благодати» и Никона — составителя Киевского свода 1073 г.¹⁴

И. М. Троцкий, принимая с некоторыми оговорками шахматовскую концепцию Начального свода, предшествовавшего «Повести временных лет», и отвергая точку зрения Истрина, анализирует предисловие и текст Начального свода и приходит к выводу, что он проникнут

¹³ С. Ф. Платонов. Летописный рассказ о крещении Ольги в Царьграде. — «Известия Таврической ученой архивной комиссии», № 54. Симферополь, 1918, стр. 182—186.

¹⁴ Б. М. Соколов. По поводу «Слова о законе и благодати» Илариона. — ИОРЯС, т. XXII, кн. 2. Пг., 1918, стр. 317—319.

дружинной идеологией¹⁵. В связи с этим он подробно разбирает характеристики, которые даны в Начальном своде русским князьям Игорю, Святославу, Владимиру и др.; почерпнуты они составителем свода из устных преданий, причем «с известным отбором, согласно проводимым им взглядам и тенденциям» (например, мало сведений приводится об Олеге, так как в Начальном своде он изображен не родственником Игоря, а его воеводой, между тем Шахматов установил, что составитель Начального свода одной из своих задач ставил создание генеалогии киевских князей, начиная с Рюрика)¹⁶. В целом идеология предисловия пронизывает, как считает автор, весь летописный текст до конца XI в.

Из схемы начального летописания Шахматова исходит один из самых талантливых его продолжателей — М. Д. Приселков — в своей научно-популярной книге о летописце Несторе¹⁷. Он собрал отрывочные биографические сведения о Несторе, имеющиеся в его произведениях (Чтение о Борисе и Глебе, Житие Феодосия Печерского, летопись), рассказал об истории Печерской обители. Автор характеризует литературную деятельность Нестора — его житийные произведения, составленные, как он полагает, в 80-е годы XI в., «Повесть временных лет». Приселков исходит из представлений о Начальном своде 1095 г., составителем которого он называет игумена Киево-Печерского монастыря Ивана, своде Никона 1074 г. Относительно Древнейшего свода Приселков более осторожен. Памятник, возникший при Ярославе Мудром, он характеризует как «историческую запись об учреждении в Киеве митрополии, в которой коротко и умышленно темно излагались история создания Русской земли, ее крещение при Владимире и создание Ярославом новой эпохи русской жизни, т. е. учреждение митрополии (так называемый Древнейший свод 1039 г.)»¹⁸. Впрочем, в другом месте той же работы Приселков называет эту «историческую запись» все же Древнейшим сводом. Последний и его продолжение Никоном в 70-е годы XI в. представляли собой летописа-

ние, являвшееся «эпизодическим изложением отчасти разрозненных событий, далеко не подымавшимся в глубь древности»¹⁹. Автор характеризует приемы работы составителей сводов 1074 и 1095 гг., использование ими источников (той же «исторической записи» об основании киевской митрополии — в первом; Жития Антония, Корсунской легенды — во втором), говорит о составе Начального свода, текст которого выявляется путем сличения Новгородской I летописи младшего извода и «Повести временных лет»²⁰. Подробно характеризуется работа Нестора над «Повестью временных лет», законченная, по мнению Приселкова, «вероятно, около 1114—1116 гг.» Он высоко оценивает это произведение: «По широте замысла и богатству материала труд этот свидетельствует о зрелом и много размышлявшем составителе, усвоившем все общерусские заветы великих основоположников Печерской обители, сумевшем углубить это наследие и дать ему широкую историческую перспективу». Произведение Нестора затмило труды его предшественников, и недаром это «общерусское наследие Нестора» снискало такую популярность в последующие времена — вплоть до позднейших летописных сводов составители начинали их текстом «Повести временных лет»²¹. Его труд по указанию Владимира Мономаха, которому не понравился беспристрастный рассказ Нестора о киевском правителе и сочувственный отзыв летописца о сопернике Мономаха князе Святополке, передали для переделки в фамильный княжеский Выдубицкий монастырь, игумен которого, Сильвестр, и составил новую редакцию «Повести временных лет»²².

В конце книги Приселков пишет об этапах летописания XI — начала XII в. (Древнейший свод, свод Никона, Начальный свод Ивана, Несторова «Повесть временных лет»), содержании летописных памятников этого времени. Нестор, по его словам, мало переделывал труд Ивана и тем самым его предшественника, но привлекал и новые материалы (народные предания, хронику Амартола, договоры с греками), следовал заветам, идеям своих предшественников по летописанию²³.

¹⁵ И. М. Троицкий. Элементы дружинной идеологии в «Повести временных лет». — ПИ, сб. 2. М. — Л., 1936, стр. 17—45.

¹⁶ Там же, стр. 30—31.

¹⁷ М. Д. Приселков. Нестор-летописец. Пг., 1923.

¹⁸ Там же, стр. 45, 71—72.

¹⁹ Там же, стр. 104.

²⁰ Там же, стр. 78—85.

²¹ Там же, стр. 89—90.

²² Там же, стр. 91—94.

²³ Там же, стр. 102—111.

Киевское летописание после 1118 г., по словам Приселкова, падает в литературном достоинстве и по своей полноте, теряет постепенно общерусские горизонты. «То начало несомненно общерусского летописания и оживляющее его чувство единой Русской земли, которым отмечено летописание поры разработки его в Печерском монастыре, постепенно исчезает и суживается, доходя в сущности до киевского провинциализма и княжеского личного интереса»²⁴.

Литературный талант, широкое образование автора «Повести временных лет», ее общерусская традиция сделали труд печерского схимника той книгой, по которой «учились знать свое прошлое не как набор фактов и сведений, а как живое национальное ощущение себя, как исторического народа», «тем историческим памятником, который будил во всех углах рассыпавшегося единства Русской земли память о своем великом прошлом и о том, что все мы — общих дедов внуки»²⁵.

Книга Приселкова встретила противоречивые отклики. Так, С. А. Бугославский оспаривал причастность Нестора к составлению «Повести временных лет» и считал предложенный Приселковым «опыт историко-литературной характеристики» Нестора «гипотезой, и недостаточно притом обоснованной». Он же отметил, что большинство летописных данных Приселков взял «не столько из документов (каких?! — В. Б.), сколько из реконструкций, правда гениальных, академика А. А. Шахматова». Столь же сурово высказывается рецензент и по адресу «собственной гипотезы М. Д. Приселкова» (поскольку гипотеза о Несторе принадлежит не ему) «о тождестве «великого Никона» (составителя свода 1074 г. — В. Б.) с митрополитом Иларионом», которую он называет «гипотезой без всякой документальной и достаточной логической опоры»²⁶.

Два других рецензента — Н. И. Кареев и А. И. Заозерский — более, на мой взгляд, объективно отметили заслу-

ги Приселкова, сумевшего при крайней скудости данных охарактеризовать личность Нестора, его деятельность и, более широко, деятельность Киево-Печерского монастыря в той области духовной жизни, которая имела большое значение для русского национального самосознания. Появление же удаленного с митрополичьего престола Илариона в Печерском монастыре под именем «великого Никона» является научной «догадкой» Приселкова, который сам говорит об этом весьма предположительно («вероятно», «вправе подозревать»). Оба рецензента отдали должное Приселкову как автору «вдумчивых изысканий... в области современной Нестору эпохи» (Н. И. Кареев), его «продолжительной научной работе над русским летописанием», «глубокому проникновению в жизнь далекого прошлого» (А. И. Заозерский)²⁷.

Ряд исследований посвящен «Повести временных лет», выяснению ее источников. Так, Н. М. Петровский подробно разбирает статью об исповедании веры в составе знаменитого свода начала XII в. Сравнивая летописный текст исповедания веры с «Написанием о вере», опубликованным Н. К. Никольским в 1907 г. и сохранившимся также в неизданных рукописях (например, в Минеях Четых митрополита Макария за февраль), Петровский приходит к выводу, что перевод греческого «Написания» сделан Петром Черноризцем, под именем которого, возможно, скрывается Петр Симеонович — болгарский царь X в., принявший монашество; по-видимому, это сочинение и явилось источником летописного текста²⁸.

В. М. Истрин рассматривает другой источник «Повести временных лет» — Откровение Мефодия Патарского, помещенное в летописи под 1096 г. Автор заключает, что составитель летописи использовал неизвестные два перевода этого сочинения, возвеличивающего греческое царство и сохранившегося в югославянских и русских списках, а особый не дошедший до нас перевод²⁹. В другой

²⁴ М. Д. Приселков. Нестор-летописец, стр. 111.

²⁵ Там же, стр. 112.

²⁶ Рецензию С. А. Бугославского на книгу М. Д. Приселкова см.: «Печать и революция», 1923, кн. 6, стр. 175. О Несторе и «Повести временных лет» см.: С. А. Бугославский. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора. — ИОРЯС, т. XIX, кн. 1. СПб., 1914, стр. 131—186; кн. 3. СПб., 1914, стр. 153—191.

²⁷ См. рецензии Н. И. Кареева («Педагогическая мысль», Пг., 1923, № 3, стр. 78) и А. И. Заозерского («Века», Пг., 1924, № 1, стр. 178).

²⁸ Н. М. Петровский. К вопросу об источниках «Повести временных лет». — «Известия Северо-восточного археологического и этнографического института в гор. Казани», т. II. Казань, 1921, стр. 49—72.

²⁹ В. М. Истрин. Откровение Мефодия Патарского и летопись. — ИОРЯС, т. XXIX. Л., 1925, стр. 380—382.

работе тот же автор рассматривает известные договоры с греками, включенные в летописный текст, и утверждает, что они были включены в летопись не Нестором, нашедшим их в княжеском книгохранилище в начале XII в., как полагал Шахматов, а в конце первой половины XI в. — именно в это время был составлен «Хронограф по великому изложению», куда «и попали наши договоры, только что переведенные наряду с другими многочисленными памятниками, привезенными греками, которые в составе греческого клира прибыли по вызову Ярослава в Киев при учреждении русской митрополии в 1037 г.» Инициаторами перевода выступают у Истрина те же греки, поскольку, по его словам, русские князья в противоположность грекам «не придавали никакого значения письменным договорам»³⁰. Таким образом, Истрин, и здесь полемизируя с шахматовской концепцией, отстаивает свой тезис о «Хронографе по великому изложению», составленном примерно в середине XI в. под влиянием греческих (византийских) образцов, и к этому же времени «привязывает» перевод на русский язык текста договоров с греками X в. и включение его в этот летописный памятник. С подобным утверждением, как и вообще с построением Истрина, согласиться трудно; исследователи установили, например, что русский перевод договоров с греками одновременен их заключению обеими сторонами в X в.

А. И. Лященко, сопоставляя рассказы «Повести временных лет» и саги об Олафе Триггвасоне, делает в одном из своих трудов вывод, что они не являются источниками друг для друга.

В другой работе того же автора сопоставляются данные «Повести временных лет», Новгородской I летописи и Эймундовой саги о событиях второй половины 10-х годов XI в., выясняется историческая основа рассказа саги о борьбе Ярослава со Святополком и Брячиславом и участии в ней отрядов конунга Эймунда и ярла Рагнара³¹.

³⁰ В. М. Истрин. Договоры русских с греками X века. — Там же, стр. 391—392.

³¹ А. И. Лященко. «Eymundar Sage» и русские летописи. — «Известия АН СССР», VI серия, т. XX, № 12. Л., 1926, стр. 1061—1086; он же. Сага про Олафа Триггвасона й літописне оповідання про Ольгу. — «Україна», Київ, 1926, кн. 4, стр. 3—22.

В третьей статье Лященко анализирует летописные сказания о смерти князя Олега, сопоставляя их со скандинавскими сказаниями о смерти Одда. Автор привлекает к исследованию текст «Повести временных лет» в составе Ипатьевской и Радзивилловской летописей, в которых сказание помещено под 6420 г. вслед за текстом договора Олега с греками.

В основе сказания, полагает автор, лежит народное предание, дополненное размышлениями, комментариями летописца. Оно дошло в разных редакциях в составе различных летописей, которые автор и сопоставляет (Радзивилловская, Новгородская, летопись Авраамки, Архангелогородская). Эти киевская и новгородские редакции сказания дают основание автору, в согласии с Шахматовым, полагать, что оно прошло несколько этапов редактирования — от Древнейшего Киевского свода 1037—1039 гг., затем Новгородского свода XI в. к «Повести временных лет» начала XII в.

Разбирая текст саги о смерти норвежского витязя Одда от укуса змеи, Лященко находит сходство в рассказах саги и летописи (особенно Архангелогородской) и склоняется к отождествлению Олега с Оддом и тем самым к влиянию скандинавской саги на летописный рассказ о смерти Олега в том его виде, в каком он попал в текст Древнейшего свода 1037—1039 гг., реконструированный Шахматовым: «Иде Олег Новугороду и оттуда за море, и уклону и змея в ногу, и с того умре». Как и Одд, много путешествовавший, в том числе и по Руси, и умерший по возвращении в родную Норвегию от укуса змеи, Олег тоже вернулся домой «за море» и там нашел такую же кончину. Весть об его смерти пришла на Русь, и здесь, в Киеве и Ладоге, устроили тризну и насыпали холмы-памятники в честь покойного, которые в древнерусском языке назывались «могилами» (современное слово «могила» передавалось словом «гроб», а современное «гроб» — словом «корста»). Исходя из этого факта, составители более поздних сводов утверждали, что Олег умер в русской земле — Киеве или Ладоге; отсюда летописное: «Есть же могила его до сего дни, словеть могила Олгова» (Ипатьевская летопись)³².

³² А. И. Лященко. Летописные сказания о смерти Олега Вещего. — ИОРЯС, т. XXIX. Л., 1925, стр. 254—288.

Е. А. Рыдзевская, разбирая рассказ «Повести временных лет» о походе 907 г. на Царьград, сопоставляя его со скандинавской сагой о норвежском короле Олафе и исходя при этом из существования Древнейшего и Начального сводов 30-х и 70-х годов XI в., установленных Шахматовым, приходит к заключению, что этот рассказ русской летописи в основе восходит к былевому эпосу, преданиям, имеющим аналогию в древнесеверной литературе, отразившей в данном случае (в рассказе саги о борьбе Асбьёрна — сына вождя из северной Норвегии Сигурда — с Ториром — управляющим усадьбой самого короля Олафа) реальную жизнь Норвегии первой четверти XI в. Автор считает, что подобное сопоставление не приводит к выводу о заимствовании, переходе сюжета и т. д.; оба источника самостоятельны по отношению друг к другу³³.

Т. Коструб в рассказах «Повести временных лет» о походах Олега, Игоря и Святослава видит следы влияния героических песен X в., предшественников более поздних украинских дум. Он разбивает летописный текст на ритмические строки, которые кажутся автору своего рода величаниями этим князьям. Подобная форма прославления деяний князей могла существовать, по его предположению, и ранее — в IX в.; в связи с этим он ссылается на известие Феофана от 817 г. о славянских гуслирах³⁴.

Наконец, интересное исследование Е. Ю. Перфецкого посвящено изучению, реконструкции Перемышльского летописного свода 1100 г. Его состав автор выявляет путем сопоставлений текстов «Повести временных лет», Новгородской I летописи младшего извода и хроники Длугоша. Главным источником для Длугоша послужил, по мысли Перфецкого, именно Перемышльский свод 1100 г.³⁵

³³ Е. А. Рыдзевская. К летописному сказанию о походе Руси на Царьград в 907 году. — «Известия АН СССР», VII серия, Отделение общественных наук. Л., 1932, № 6, стр. 471–478.

³⁴ Т. Коструб. Ще до генези форми українських дум. — «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. CXLIX. Львів, 1928, стр. 194–196.

³⁵ Е. Перфецький. Перемышльський літописний кодекс першої редакції в складі Хроніки Яна Длугоша. — «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. CXLIX. Львів, 1928, стр. 31–83; т. CLI. Львів, 1931, стр. 19–56.

Таким образом, в 1918 — середине 1930-х годов исследователи начального русского летописания исходили в основном из концепции Шахматова; даже ее критики, Истрин и Никольский, безусловно, признавали начало XII в. тем важнейшим этапом, когда окончательно оформляется «Повесть временных лет». Нужно сказать, что в эти годы, несмотря на отдельные верные наблюдения, важные дополнения к шахматовской схеме, не появилось достаточно обоснованных, фундаментальных исследований, которые можно было бы поставить в один ряд с трудами Шахматова. Работы этого времени носят большей частью характер разработок по отдельным частным вопросам (например, об источниках «Повести временных лет», происхождении некоторых вошедших в нее повестей, сказаний и т. д.). В концепциях Истрина и Никольского, представленных в более обстоятельно разработанных исследованиях, ряд наблюдений, если исключить несомненный элемент преувеличения, должен быть учтен (например, об использовании византийских и западославянских источников в первых русских летописных произведениях). Нельзя сбрасывать со счета и важность проведения «идеологического» анализа древнейших летописных памятников, хотя отрыв его от летописной текстологии невозможно признать плодотворным.]

ИЗУЧЕНИЕ ЛЕТОПИСАНИЯ ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Летописание второй четверти XII — конца XV в. после трудов Шахматова, уделившего ему немалое внимание, получило дальнейшую разработку. До середины 1930-х годов появилось несколько изданий текстов и ряд трудов, посвященных летописным памятникам, вышедшим из областных центров, в которых не без успеха развивалось в эти столетия летописное дело.]

Сначала упомяну об издании текстов летописей. В эти годы появилось второе издание Лаврентьевской летописи³⁶ и третье издание Ипатьевской летописи³⁷.]

³⁶ ПСРЛ, т. I, вып. 1–3. Л., 1926–1928.

³⁷ Там же, т. II, вып. 1. Изд. 3. Пг., 1923.

Лаврентьевская летопись, т. е. Владимирский свод начала XIV в., издана по собственно Лаврентьевскому списку 1377 г. (называемому также Пушкинским или Суздальским), варианты же к нему, а также некоторые дополнения, исправления взяты по Радзивилловской летописи, представляющей собой особую редакцию владимирского летописания, связанную с т. н. Летописцем Переяславля-Суздальского, по Московско-Академическому списку Суздальской летописи и Троицкой летописи, отразившей Московский свод начала XV в.³⁸ Все эти рукописи не принадлежат к одной редакции, одному своду, но они в той или иной степени отразили владимирское летописание до начала XIV в. Строго подходить, такое совмещение разнородных текстов нецелесообразно. Правда, разночтения к основному тексту Лаврентьевского списка помещены в подстрочнике; к тому же наличие параллельных чтений из родственных в генеалогическом аспекте сводов представляет, конечно, большой интерес для специалистов. Редактор трех выпусков тома Е. Ф. Карский, который в предисловии к первому из них пишет о желании издать «возможно точную копию» Лаврентьевской летописи, по существу контаминирует ее текст с текстами других, хотя и родственных, летописных сводов.

Ипатьевская летопись издана под редакцией А. А. Шахматова по собственно Ипатьевскому списку с подведением вариантов по Хлебниковскому списку; поскольку Погодинский список является неисправной копией с последнего, то он к изданию не привлекался, за исключением тех мест, где несохранившийся текст Хлебниковского дополнялся по Погодинскому. Списки Ермолаевский (позднейшая переработка Хлебниковского) и Краковский (копия латинскими буквами с Погодинского) тоже не использованы.

В предисловии к изданию сообщены краткие сведения о составе Ипатьевской летописи — южнославянского свода XIV в.: первая часть включает «Повесть временных лет», сходную с «Повестью» же в составе Лаврентьевской и родственных ей летописей, но доведенную в отличие от последних (в них она заканчивается 1110 г.) до 1117 г.; вторая часть включает записи 1118—1199 гг. и является летописью общерусской с сильным преобладанием южно-

русских, в частности киевских, известий; последняя часть — Галицко-Волынская летопись — доводит свой рассказ до 1292 г.³⁹

В одном из изданий Библиотеки Академии наук СССР подробно описаны летописи Лаврентьевская, Радзивилловская, Ипатьевская и др.⁴⁰

* * *

Из исследований о русском летописании этого времени назову прежде всего несколько работ о южнорусском летописании.

Галицко-Волынское летописание, отразившееся в Ипатьевском своде, исследует А. С. Орлов⁴¹. Он отмечает, что в Галицко-Волынской земле еще в домонгольский период выработалась своя литературная манера, оказывавшая уже с XII в. влияние на произведения других областей Руси (в том числе, возможно, и на «Слово о полку Игореве»), делались переводы с греческих сочинений (например, «Девгениево деяние» и др.). Здесь уже с третьего пятилетия XII в., как показал Шахматов, была очень популярна «основная», Несторова, редакция «Повести временных лет». Именно ею воспользовались духовник теребовльского князя Василий (1112—1116 гг.), составители списков летописей Хлебниковской и использованных Татищевым Раскольничьей и Голицынской. По галицкой копии той же Несторовой редакции «Повести временных лет» работал в XIII в. инок Поликарп. Местное галицкое летописание ярко отразилось в рассказе об ослеплении теребовльского князя Василька Ростиславича в 1097 г. и событиях 1098—1099 гг. Оно продолжалось и в XIII в., как показывают известия Другоша, Татищева и южнорусского свода конца XIII — начала XIV в. (Ипатьевской летописи). В последнем Галицко-Волынская летопись передается с наибольшей полнотой именно за XIII в. Отталкиваясь от выводов Шахматова, А. С. Орлов пишет, что с начала XII в. Галицко-Волынская летопись, по-видимому, постоянно соединялась с общерусским летописа-

³⁸ ПСРЛ, т. II, вып. 1. Пг., 1923, стр. I—II.

⁴⁰ «Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР», I. Рукописи, т. 3, вып. 1. Л., 1930, стр. 70—79 и др.

⁴¹ А. С. Орлов. К вопросу об Ипатьевской летописи. — ИОРЯС, т. XXXI, кн. 1. Л., 1926, стр. 93—126.

³⁸ ПСРЛ, т. I, вып. 1. Л., 1926, стр. III—VII.

нием, во всяком случае с «Повестью временных лет». Изменяясь с течением времени в своем составе, она меняла и свое название. Сначала называлась «Повестью временных лет (или «дей».— *Прим. А. С. Орлова*) Нестера (или «Нестора».— *То же*), черноризца Федосьева монастыря Печерьского», затем «Летописцем русских царей». Текст «Летописца русских царей», сохранившийся в двух списках XV—XVI вв. (Архивский и дефектный Никифоровский), начинается в обоих из них сокращенным текстом «Повести временных лет». Затем он продолжен в Архивском списке выписками из киевской летописи XII в. и суздальской летописью в переяславской переделке (окончена в 1213 г.), в Никифоровском — текстом западнорусской летописи (составленной в 1428—1430 гг.). Текст «Повести временных лет» в обоих этих списках «Летописца русских царей» отличается от текста того же памятника в составе Ипатьевской летописи, что говорит о существовании двух версий (лучше, вероятно, редакций?) Галицко-Волынского свода⁴².

А. С. Орлов разбирает состав Архивского сборника XV в., в котором, помимо «Летописца русских царей», имеются компилятивный хронограф (из библейских книг, хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы, «Александрии» и «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия) и, судя по оглавлению сборника, толковый Апокалипсис, «Соборник» типа «Изборника» Святослава 1073 г. и болгарский перевод «Пчелы». Автор высказывает предположение, что первоначально сборник из первых четырех частей был составлен во второй половине XIII в. (в XV в. к ним была присоединена «Пчела»). Он характеризует переводную литературу, имевшую хождение в Галицко-Волынском княжестве в XIII—XV вв. и оказавшую влияние на местное летописание. А. С. Орлов основное внимание в своей статье и концентрирует на сопоставлении галицко-волынского летописания с переводными историческими сочинениями из указанного Архивского компилятивного хронографа, известного также по Виленскому списку. Автор выдвигает два предположения о приемах использования этих сочинений (т. е. хроник Амартола и Малалы, труда Иосифа Флавия, «Александрии») в Галицко-Волынской летописи — путем работы над отдельно

существовавшими их текстами (они не сохранились), более полными в сравнении с теми, которые дошли в компилятивных хронографах, или путем работы с их текстами в составе именно этих хронографов, причем в той хронографической версии, которая до нас не дошла (так как хронограф, использованный летописью, не совпадает с теми хронографами, которые известны). Автор проводит сопоставление ряда известий Ипатьевской летописи за XII—XIII вв. с текстами указанных переводных исторических произведений⁴³.

Ряд исследователей прослеживает влияние той же Ипатьевской летописи (точнее, киевской летописи, отразившейся в своде начала XIV в.) на «Слово о полку Игореве». Так, А. И. Лященко, рассматривая вопрос о времени и месте написания «Слова» (осень 1185 г., Киев)⁴⁴, сопоставляет «Слово» с рассказом о несчастном походе Игоря Святославича 1185 г. в летописях Ипатьевской и Лаврентьевской (рассказ последней отразился в Воскресенском, Никоновском, Львовском сводах, Хронографе; в первой этот рассказ отличается большей подробностью)⁴⁵. Близость «Слова» и киевской летописи в Ипатьевском своде, общие для них подробности дают автору основание поставить вопрос, не повлиял ли один из памятников на другой? Он утвердительно отвечает на этот вопрос, не соглашаясь с К. Н. Бестужевым-Рюминым, отрицавшим влияние летописи на «Слово», и с теми, кто утверждал, что, наоборот, «Слово» влияло на летопись. Автор приводит из летописи ряд известий XI—XII вв., которые говорят о том, что стиль, выработавшийся в эти столетия у русских книжников при описании столкновений с половцами, не мог не оказать влияния на автора «Слова», который имел возможность познакомиться с текстом киевской летописи (и другими источниками, рассказами о походе 1185 г.) при написании своего произведения. Сопоставление отдельных мест Ипатьевского свода и «Слова» утверждает автора в его мысли о влиянии летописи на «Слово»⁴⁶.

⁴³ Там же, стр. 95 и сл.

⁴⁴ А. И. Лященко. Этюды о «Слове о полку Игореве». — ИОРЯС, т. XXXI, кн. 1. Л., 1926, стр. 137—147.

⁴⁵ Там же, стр. 147 и сл.

⁴⁶ Там же, стр. 150—154.

⁴² А. С. Орлов. К вопросу об Ипатьевской летописи, стр. 93—95.

В. Н. Перетц, затрагивая тот же вопрос о взаимоотношении текстов «Слова» и Ипатьевской летописи в описании похода 1185 г., склоняется к мысли о влиянии первого на вторую. «Слово» же оказало влияние на рассказ Псковской 1 летописи о битве под Оршой в 1514 г.⁴⁷

А. И. Соболевский в «плаче» новгородцев по своему князе Мстиславе Ростиславиче, помещенном в Ипатьевской летописи под 1179 г., и в рассказе об этом же князе под 1178 г. видит извлечение из несохранившегося произведения русского дружинного творчества, в котором говорилось о каком-то печальном событии, например о кончине Мстислава, но не Ростиславича, а Владимировича, сына Владимира Мономаха (именно этот Мстислав имел деда Всеволода, который упоминается в «плаче»; Мстислав же Ростиславич не имел деда с таким именем). Летописец, сделав это извлечение, заменил половцев, против которых боролись Мстислав Владимирович и Всеволод Ярославич, на чудь, с которой мог иметь дело новгородский князь Мстислав Ростиславич⁴⁸.

Ф. П. Сушицкий посвятил свою работу анализу легенд о завоевании ханом Батыем Киева и о Михайлике и Золотых воротах, тесно связанных между собой и включенных в Ипатьевскую и Густынскую летописи, в «Синописис» И. Гизеля⁴⁹.

* * *

Исследование владими́ро-суздальского летописания было сосредоточено прежде всего на анализе некоторых сводов конца XII в. и Лаврентьевской летописи. Начну с работы Е. Ю. Перфецкого.

В центре внимания книги Перфецкого — владимирские своды 1189 и 1193 гг. Автор исходит из схемы древнейшего русского летописания, предложенной Шахматовым и, по словам Перфецкого, превзошедшей результаты деятельности его предшественников, которые во многом устарели после выхода трудов этого «глубокомысленного

исследователя»⁵⁰. В работах Шахматова многое было поставлено на совершенно иные начала строго научной критики, но в некоторых случаях не все проблемы были решены. Так, он разработал вопрос о новгородском владычном летописании XI—XII вв. (свод 1050 г. в соединении с киевской летописью дал основу этому владычному новгородскому летописанию, которое в 60-е годы XII в. получило свою важнейшую редакцию и в дальнейшем заканчивается созданием в первой половине XIV в. большого свода, представляющего собой протограф Новгородской I летописи), но не касался, не различал, по словам Перфецкого, ведшегося в Новгороде княжеского летописания XII в. Точно так же в исследовании о Кенигсбергской (Радзивилловской) летописи Шахматов, характеризуя этапы летописания XII—XIII вв., не определяет взаимоотношения редакций владимирских летописных памятников. Не видит Шахматов и наличия разных редакций в киевском летописании XII в., которое влияло на древнейшие редакции Владимирского общерусского свода XII в.⁵¹

Для своего исследования Перфецкий привлекает ряд летописных сводов, отразивших древний Владимирский свод. Это Тверская, Львовская, Воскресенская, Никоновская, Новгородская IV, Софийская I летописи, наконец, русский свод, использованный в хронике Яна Длугоша. Группу этих летописей, принадлежащих к «единой семье», автор называет условно Полихроном, так как они восходят, согласно Шахматову, к восстанавливаемым им сводам 1423 и 1448 гг., которые, а также их владимирский первоисточник он называет Полихроном. Последнее название Шахматов применял также и по отношению к предполагаемому им своду XIV в., к которому восходят, с одной стороны, Лаврентьевская, Радзивилловская и сходные с ними летописи, а с другой — Ипатьевская, Хлебниковская и сходные с ними летописи. Здесь Перфецкий расходится с Шахматовым, считая, что эти две группы летописей, тоже отразившие древний Владимирский свод, содержат, однако, иную, владимирскую, летописную редакцию в сравнении с Тверской, Львовской, Воскресенской летописями и другими летописными сво-

⁴⁷ В. Перетц. Слово о полку Игоревім. Київ, 1926, стр. 36—39.

⁴⁸ А. И. Соболевский. К слову о полку Игореве. — ИОРЯС АН СССР, т. II, кн. 1. Л., 1929, стр. 174—175.

⁴⁹ Ф. Сушицький. До історії поетичних оповідань про Михайлика й Золоті ворота та про Батия. — «Заниски Історично-філологічно-го відділу Української Академії наук», кн. 1. Київ, 1919, частина наукова, стр. 85—103; кн. 2—3. Київ, 1923, стр. 3—28.

⁵⁰ Е. Перфецкий. Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922, стр. 1—2.

⁵¹ Там же, стр. 1, 3—4.

дами, которые он и называет группой Владимирского Полихрона⁵².

Перфецкий, поддерживая выводы Шахматова и отчасти его предшественников о сложности и развитости русского летописания эпохи «Повести временных лет» (Киевского свода 1110 г., как еще ее называет Перфецкий), подчеркивает, что с течением времени оно усложняется еще более. Сохранившиеся тексты XII—XIII вв. позволяют говорить о летописании не только киевском и новгородском, но и переяславском (Переяслав-на-Трубеже), галицком, волынском, владимирском, ростовском и др. Два больших летописных свода, имевших громадное влияние на последующее русское летописание, возникают в XIII в. в Галицко-Волынском и Владимиро-Суздальском княжествах, причем оба восходят к одному более раннему своду. От первого, южнорусского или галицко-волынского, свода пошли потом другие своды южнорусской редакции (Ипатьевский, Хлебниковский, Погодинский, Ермолаевский и др.); от второго, севернорусского или владимиро-суздальского, — своды северной редакции (Лаврентьевский, Радзивилловский, Троицкий, Переяславль-Суздальский и др.). Семья же Владимирского Полихрона, по наименованию автора (Тверская, Львовская, Воскресенская и др.), представляет собой объединение северной и отчасти южной редакций; в ней древнейший владимирский «первоисточник» носит более древние черты в сравнении с северной и южной редакциями⁵³.

Таким образом, Перфецкий разделяет привлекаемые к исследованию своды (по отражению в них древнейшего владимирского летописания) на три редакции — группа Владимирского Полихрона (условное, как пишет автор, название «для обозначения принадлежности их к одной общей редакции») ⁵⁴, северная и южная редакции. Это не исключает того, что летописные своды каждой из названных трех редакций отражают влияние сводов не только «своей», но и других редакций (например, в летописи, использованной Длугошем, отразилась южная редакция, в Воскресенском своде — северная, в грандиозном Никоновском — та и другая).

Особую редакцию представляет Новгородская I летопись старшего и младшего изводов. Основанная на новгородском летописном материале, она имеет следы влияния северной редакции. Особняком стоят Новгородские II и III, Псковская I летописи, которые носят преимущественно местный характер⁵⁵.

Перфецкий обращает внимание на летописный свод, использованный Татищевым в «Истории Российской» и соединявший в себе северную и южную редакции (последняя — в редакции Длугоша и Ипатьевской летописи).

В основной части своего труда Перфецкий путем сравнения текстов (правда, в отличие от Шахматова автор не приводит систематически сопоставляемый материал за разное время и из разных сводов; его творческая лаборатория в значительной степени читателю не видна) выявляет наличие новгородского летописного материала XII в. в сводах северной и южной редакций; он сходен или буквально совпадает с аналогичными известиями группы Владимирского Полихрона, но сильно отличается от текста Новгородской I летописи⁵⁶.

Эти общие для трех редакций новгородские известия восходят в группе Владимирского Полихрона, по мнению автора, к одному протографу — общерусскому своду первой четверти XV в. (из него же взяты и общерусские известия сводов этой группы), а в северной и южной редакциях — к другому источнику⁵⁷.

Древнейший Владимирский летописный свод (Владимирский Полихрон) автор восстанавливает, сравнивая между собой тексты Воскресенского, Никоновского (которые, помимо текста древнейшего Владимирского свода, имели своими источниками Московский свод конца XV в. и др.), Тверского, Львовского (помимо того же древнейшего Владимирского свода, в них использованы южная летопись середины XIII в., новгородская начала XIV в. и др.) и других сводов этой группы. Перфецкий считает, что, несмотря на более позднее происхождение «первоисточника» сводов этой группы — свода начала XIV в., он сохранил более древние черты в сравнении с протографом сводов северной редакции (Лаврентьевский и др.), но,

⁵² Е. Перфецкий. Русские летописные своды, стр. 5—6, прим.

⁵³ Там же, стр. 4—6.

⁵⁴ Там же, стр. 6.

⁵⁵ Там же, стр. 6—7.

⁵⁶ Там же, стр. 9—13 и сл.

⁵⁷ Там же, стр. 18—19.

с другой стороны, он имеет и несколько позднейших добавлений против текста Лаврентьевской и других летописей⁵⁸.

Далее, выясняя древнейшую основу протографа Тверской, Львовской и других летописей этой группы, Перфецкий на основе текстологического анализа известий конца XII в. приходит к выводу, что древнейший Владимирский свод был составлен не в 1185 г., как полагал Шахматов, а между 1186 и 1189 гг. (к которым относятся записи о ростово-владимирском епископе Луке), точнее — около 1188—1189 гг. Именно этими годами заканчивается, как показывает сравнение текстов, общий древнейший источник сводов всех указанных трех редакций (северной и т. д.)⁵⁹.

Выясняя состав, источники Владимирского свода 1189 г., Перфецкий показывает, что его текст состоит из известий переяславских, киевских, новгородских, суздальских, владимирских и представляет собой общерусский летописный свод. Такой же общерусский характер носил один из его источников — южнорусский, точнее переяславский (Переяславля-Южного) свод 1186 г., включивший в свой состав известия Киевского свода 1174 г. Далее автор выбирает из летописных текстов переяславские известия за XII в. Первая переяславская летописная запись датируется 1118 г., когда на смену умершему переяславскому епископу Лазарю прибыл Сильвестр — бывший игумен Выдубицкого монастыря, знаменитый редактор «Повести временных лет» (редакция 1116 г.), работавший, как известно, по поручению Владимира Мономаха, долгое время правившего в Переяславле-Южном. Теперь он назначил туда человека, выполнявшего его заказ по переработке труда Нестора, не поправившегося великому князю за освещение деятельности его противника Святополка. В связи с этим Перфецкий предполагает, что именно Сильвестр — инициатор переяславского летописания, в основу которого положена «Повесть временных лет», приведенная, возможно, Сильвестром в Переяславль.

Анализ переяславских известий приводит автора к заключению, что Переяславскую летопись XII в. можно разделить на две части: первую, включающую известия до

начала 1050-х годов, он называет «Епископской Переяславской летописью» (поскольку ее записи говорят о тесной связи с переяславской епископской кафедрой), вторую, за 60-е — 80-е годы XII в., — «Княжеской Переяславской летописью», связанной с именем переяславского князя Владимира Глебовича⁶⁰.

Киевское летописание после «Повести временных лет» ведется при Владимире Мономахе и его приверженцах (тексты за 1117—1145 гг.), затем, с 1146 г., — современником, близким киевскому князю Изяславу Мстиславичу. Автор выделяет Первую Киевскую летопись, заканчивающуюся 1174 г. и вошедшую в своды указанных трех редакций (северную, южную и Владимирского Полихрона). Вторая же киевская летопись, заканчивающаяся 1198 г. (Киевский свод 1198 г.), вошла только в южную редакцию (Ипатьевская и др.)⁶¹.

Составными частями Киевского свода 1174 г., помимо «Повести временных лет», были новгородская летопись, некоторые вставки переяславского редактора (или редакторов) (например, эпитетический, народный материал при описании похода князя Игоря 1185 г. и др.).

Помимо Переяславского свода 1186 г. (включившего Киевский свод 1174 г.), древнейший Владимирский свод 1189 г. включил местную Владимирскую летопись, которую начали вести во Владимире-на-Клязьме с 50-х годов XII в., суздальские летописные записи, «Сказание об убийстве Андрея Боголюбского»⁶².

Таким образом, в этой части своего труда Перфецкий разработал некоторые вопросы истории южнорусского (переяславского и киевского) летописания XII в. с точки зрения его использования во Владимирском своде 1189 г. (в связи с этим становится понятным, что автор, изучая Киевский свод 1174 г., не останавливается на анализе Киевского свода 1198 г., поскольку он не отразился во владимирском летописании, а послужил основой для Ипатьевской и других летописей «южной редакции»).

В другой части книги Перфецкий подвергает изучению новгородское княжеское летописание, которому (как и южнорусскому летописанию XII в.) недостаточное вни-

⁵⁸ Е. Перфецкий. Русские летописные своды, стр. 20 и сл.

⁵⁹ Там же, стр. 29—31.

⁶⁰ Там же, стр. 32—35.

⁶¹ Там же, стр. 36—38 и др.

⁶² Там же, стр. 45—46.

манье, на его взгляд, уделил Шахматов. По мнению автора, большой новгородский летописный свод первой половины XIV в., на котором основана Новгородская I летопись старшего извода, положил в свою основу не только владычную, но и княжескую новгородские летописи, а также общерусский свод, лежащий в основе «северной редакции» (Лаврентьевской и др.). Текст новгородской княжеской летописи автор изучает путем сравнения текстов Новгородской I летописи, с одной стороны, и сводов трех указанных редакций — с другой. Он отмечает, что новгородские летописные тексты 1117—1160, 1174—1182 гг. в них «совершенно разнятся», а почти весь остальной материал более или менее дословно совпадает. Отсюда следует вывод: в XII в. существовала новгородская летопись, отличная от владычной, отразившейся в Новгородской I старшего извода. Эта другая летопись, отразившаяся в сводах Владимирского Полихрона, северной и южной редакций, связана с жизнью и деятельностью новгородских князей, ее и называет автор новгородской княжеской летописью⁶³. Именно данные этой летописи («в ее ранней редакции» начала 60-х годов XII в.) за 1117—1160 гг. использовал составитель Киевского свода 1174 г., откуда они попали в Переяславский свод 1186 г. и затем во Владимирский свод 1189 г.⁶⁴ Так автор объясняет перерыв в известиях предполагаемой новгородской княжеской летописи между 1160 и 1174 гг. Отталкиваясь от гипотезы Шахматова, Перфецкий считает составителем текста этой летописи за 1130—1160 гг. или его части (1134—1137 гг.) иеродиакона новгородского Антониева монастыря Кирика, знаменитого автора «Вопрошания Кирика»⁶⁵.

Наличие записей 1174—1182 гг., не относящихся к владычной летописи, позволяет Перфецкому заключить, что новгородское княжеское («княжеское») летописание велось и после составления редакции первой половины 60-х годов XII в., оно продолжалось и далее. Правда, автор не отвечает с достаточной ясностью на естественно возникающий вопрос: почему же во Владимирском своде 1189 г., отразившемся в позднейших сводах, отсутствуют записи 1161—1173 гг. из этой предполагаемой новгород-

ской княжеской летописи? Его доводы о том, что составитель Киевского свода 1174 г. мог иметь в своем распоряжении только редакцию начала (или первой половины) 1060-х годов или попросту счел ненужным включить в свой труд записи после 1160 г.⁶⁶, не вполне убедительны. Ведь во Владимирский свод 1189 г. записи этой княжеской летописи за 1174—1182 гг. все же попали.

Автор отмечает, что княжеское летописание в Новгороде продолжалось и после 1182 г. и отразилось в текстах различных сводов при описании событий конца XII — начала XIII в., вплоть до Липицкой битвы 1216 г. Именно к этому времени Перфецкий относит составление новых редакций новгородской княжеской летописи и Владимирского Полихрона, использовавшего ее данные. После 1216 г. новгородские известия взяты в своды из новгородской владычной летописи, поскольку они близки, нередко буквально, к соответствующему тексту Новгородской I летописи, в то время как в части до 1216 г. в сводах группы Владимирского Полихрона заметно использование не только владычных, но и княжеских летописных текстов, отсутствующих в Новгородской I. В начале XIII в. новгородскую княжескую летопись ведет «лицо, близкое к новгородскому князю Мстиславу Мстиславичу (герою Липицкой битвы 1216 г., подробно описанной в летописи. — В. Б.), его походный товарищ». Она завершается в 1216 г. или несколько позднее. Тот факт, что эта летопись могла вестись несистематически, отрывочно, автор объясняет неустойчивым положением князей в Новгороде, их частой сменой. В пору же усиления влияния владимирских князей на политику Новгорода, на выбор князей в частности, княжеское летописание здесь прекращается. Но продолжается в течение нескольких столетий владычное летописание⁶⁷.

Продолжая далее изучать владимирское летописание, автор анализирует Владимирский свод, составленный, вероятно, после 1218 г., в правление Юрия Всеволодовича (1218—1238 гг.), погибшего в битве с татарами Батия на реке Сити. Он основан на Владимирском же своде 1189 г. и в свою очередь послужил основанием для общерусского

⁶³ Е. Перфецкий. Русские летописные своды, стр. 58—60 и сл.

⁶⁴ Там же, стр. 67.

⁶⁵ Там же, стр. 67—69.

⁶⁶ Там же, стр. 67.

⁶⁷ Там же, стр. 69—74.

свода первой четверти XV в. и затем для редакции Владимирского Полихрона (Тверская, Никоновская и др.)⁶⁸.

Выше уже говорилось, что Перфецкий, отмечая близость текстов летописей трех редакций в передаче владимирского летописания, указывал, что последнее отразилось в летописях редакции Владимирского Полихрона в более древней редакции (это — Владимирский древнейший свод 1189 г.), чем в летописях северной и южной редакций. Анализируя тексты двух последних редакций, автор приходит к выводу, что они отразили текст более позднего Владимирского свода 1193 г. (Владимирского свода второй редакции)⁶⁹.

Труд Перфецкого, таким образом, вносит немало нового в изучение владимирского летописания XII — начала XIII в., отчасти также южнорусского (перемышльского, киевского) XII в., новгородского XII—XIV вв. Объясняя методику своего исследования, автор пишет, что он соединял сравнительное изучение текстов летописей трех редакций (северной, южной и Полихрона), Новгородской I летописи и внутренний, логический анализ их данных⁷⁰.

Можно отметить, что, помимо сделанных выше замечаний об отсутствии в книге систематического сравнительно-текстологического материала и некоторой разногласия в датировке редакций отдельных летописей, в труде Перфецкого, на мой взгляд, недостаточно учитывается возможность других «промежуточных звеньев» между теми ранними сводами, которые он устанавливает для XII — начала XIII в., и позднейшими сводами XIV—XVI вв., которые привлекаются для исследования (Никоновский и др.). Вряд ли можно согласиться с отнесением к одной «редакции» таких разнородных памятников, как Никоновская, Новгородская IV летописи и др. (редакция Владимирского Полихрона), и даже таких, как, скажем, Лаврентьевская и Радзивилловская (несмотря на их несомненную близость, они все же отразили разные редакции, этапы владимирского летописания). Собственно говоря, эти своды объединяются автором в «редакции» потому, что они отразили более или менее полно и сходно

между собой владимирские летописные своды конца XII в. и более позднего времени; лучше было бы эти редакции называть «группами» или как-то иначе (комплексы и т. д.).

В целом исследование Перфецкого следует признать важным вкладом в изучение русского летописания.

В рецензии на книгу Е. Ю. Перфецкого И. М. Троцкий⁷¹ соглашается с автором, что русское летописание XII—XIII вв. изучено недостаточно. Шахматов в своей схеме русского летописания исходил из того, что в основе целой группы летописных сводов XV в. лежит общерусский свод Фотия 1423 г. (он лег в основу Новгородской IV, Софийской I, Воскресенской и других летописей), восходящий к Владимирскому своду начала XIV в. (близкому к Лаврентьевской, но и отличному от нее) и далее к владимирскому летописанию XIII в., исходившему из первого Владимирского свода 1186 г. Перфецкий, отмечает рецензент, остается «всецело в пределах схемы А. А. Шахматова», внося в нее уточнения (например, древнейший Владимирский свод датирует 1189 г., а не 1186 г.), дополнения. Однако, продолжает Троцкий, работы Приселкова показали, что Владимирский свод начала XIV в., о котором говорил Шахматов, едва ли существовал, что своду 1423 г. предшествовал свод 1409 г. (Троицкая летопись). Поэтому вопрос о взаимоотношении свода 1189 г. и «позднейших списков» (? — вероятно, более поздних сводов) «продолжает ожидать разрешения».

Еще более спорным, с точки зрения Троцкого, является утверждение Перфецкого о ведении в Новгороде XII — начала XIII в. княжеской летописи, вошедшей в южные своды (Переяславский и Киевский) и во Владимирский свод 1189 г. Рецензент считает, что ряд выделенных Перфецким новгородских известий мог быть записан не в Новгороде, а в Киеве (например, известие 1117 г. о выводе Владимиром Мономахом сына Мстислава из Новгорода и др.). Ошибкой Перфецкого является то, что «он построил свое исследование не на изучении внутреннего состава 1-й Новгородской летописи, а на сличении ее с современными ей летописями. Путь, несомненно, правильный, но только когда он является подсобным для

⁶⁸ Е. Перфецкий. Русские летописные своды, стр. 74—78.

⁶⁹ Там же, стр. 79—90.

⁷⁰ Там же, стр. 101.

⁷¹ «Борьба классов», 1924, № 1-2, стр. 305—307.

первого»⁷². С этим замечанием рецензента нельзя не согласиться.

Другой крупный исследователь владимирского летописания — М. Д. Приселков — посвятил два исследования Лаврентьевской летописи. Она представляет собой летописный свод начала XIV в. (последнее известие относится к 1305 г.) в копии 1377 г., сделанной монахом Лаврентием для великого князя суздальско-нижегородского Дмитрия Константиновича.

Изучение Лаврентьевского свода осложнялось тем, что Троицкая летопись в подлиннике XV в., сохранившая текст общерусского свода 1409 г., сходного с Лаврентьевским с начальных известий вплоть до 1305 г. и продолжившего его текст с 1305 по 1409 г., сгорела в 1812 г. и была известна только в выписках Н. М. Карамзина в «примечаниях» к «Истории государства Российского». К тому же, имея параллельные тексты в части до 1206 г., за 1206—1305 гг. она таковых не имела. Наконец, отсутствовал ее текст с середины 1263 г. до середины 1283 г. и с 1288 г. до середины 1294 г. из-за утери нескольких листов рукописи. Однако шахматовское исследование о Симеоновской летописи показало, что она с первой ее записи от 1177 г. до 1390 г. тождественна утраченной Троицкой летописи, в части 1390—1410 гг. является извлечением из недошедшего Тверского свода, а с 1410 г. представляет собой московский свод. В связи с этим Приселков ставит вопрос о возможности, с одной стороны, восстановить текст Троицкой летописи, с другой — восполнить с ее помощью недостающие места Лаврентьевской (в том числе пробелы в тексте, оставленные Лаврентием, ввиду того, что рукопись, с которой он переписывал «летописец», обветшала и отдельные места уже не поддавались прочтению).

Приселков ограничивает свое исследование анализом текста «Летописца» 1305 г. за последние два десятилетия для определения характера памятника, цели его составления⁷³. Он приходит к выводу, что ростовский характер свода, обнаруживаемый с начала XIII в., исчезает на

известии 1281 г., а с 1285 г. и до конца свода идет тверской летописец, к которому присоединены некоторые нетверские известия (записи областных летописцев, припоминания составителя свода).

Приселков выдвигает положение о том, что около 1283 г. в правление великого князя Дмитрия Александровича (сына Александра Ярославича Невского) делается попытка возрождения владимирского летописания, заглохшего после 1263 г. (год смерти великого князя владимирского Александра Ярославича). Это обосновывается анализом текста «Летописца» 1305 г. за 1264—1271 гг. Во владимирском своде были использованы ростовская и новгородская летописи (отразившаяся в Новгородской I летописи старшего извода). Владимирских и тверских источников за эти годы у составителя свода 1283 г. не было. Он анализирует записи 1285—1305 гг. Оказывается, что известия о тверских событиях 1285—1291 гг., как правило, не имеют точной датировки, события с 1291 г. подчас подробно датированы и связаны преимущественно с семейными делами тверского князя Михаила Ярославича. Тверское летописание тем самым, по мысли автора, выросло из семейного летописца этого тверского правителя, начатого в 1293 г. и затем пополненного задним числом, по припоминанию, более ранними известиями за конец 80-х годов. Получается, что Тверь до 90-х годов XIII в. не знала своего летописания.

Дальнейшая работа летописца представляется автору в таком виде: в 1305 г. или позднее он, желая продолжить свод 1283 г., использовал этот тверской летописец и некоторые другие летописцы, припоминания. Причем сводчиком, работавшим над «Летописцем» 1305 г., является, по утверждению Приселкова, тверич.

Из использованных сводчиком 1305 г. областных летописцев автор отмечает новгородский, ярославский, рязанский (владимирского среди них не было). Включение в него некоторых записей о событиях в Москве (одна запись) и Костроме (две записи) под 1304—1305 гг. автор объясняет не тем, что сводчик 1305 г. имел в своем распоряжении соответствующие письменные источники, а близостью событий, современных ему самому.

Составление «Летописца» 1305 г. Приселков связывает с вокняжением на владимирском столе после смерти великого князя Андрея 27 июня 1305 г. (этому событию и по-

⁷² «Борьба классов», 1924, № 1-2, стр. 307.

⁷³ М. Д. Приселков. «Летописец» 1305 г. — «Века. Исторический сборник», № 1. Пг., 1924, стр. 28—35.

священа последняя запись Лаврентьевской летописи) тверского князя Михаила Ярославича. Именно по его инициативе и был составлен Владимирский свод 1305 г., в нем использовали среди прочих и его семейный тверской летописец, который продолжил Владимирский свод 1283 г. великого князя Дмитрия Александровича. Почти одновременно, отмечает автор, около 1300 г. в Галиции создается южнорусский сборник (т. е. летописный свод) — Ипатьевская летопись. Связывая воедино эти факты из истории русского летописания, Приселков неправомерно характеризует их как «один из ранних этапов борьбы малорусской и великорусской концепций русского прошлого»⁷⁴.

В конце статьи Приселков отмечает, что тверская летописная традиция, отразившаяся в тексте Лаврентьевской летописи за вторую половину XIII — начало XIV в., такое же или еще лучшее отражение получила в Тверской летописи и в Рогожском летописце. Она продолжалась и после 1305 г. (например, описание разорения Твери в 1327 г.), и ее использовало, как свидетельствует Троицкая летопись, московское великокняжеское летописание первой половины XIV в.

Мне кажется, что, подчеркивая наличие в своде 1305 г. тверской традиции, следовало бы не упускать из виду, что в своей основе этот свод остается владимирским, поскольку он продолжил, по словам самого Приселкова, Владимирский свод 1283 г.

В статье, посвященной выяснению формата той рукописи «Летописца» 1305 г., которую переписал в 1377 г. монах Лаврентий, Приселков характеризует особенности почерков списка 1377 г. (смена устава и полуустава, пробы, не связанные с невозможностью прочтения текста, что имело место в других случаях) и приходит к выводу, что форматы «Летописца» 1305 г. и его списка 1377 г. не соответствуют друг другу⁷⁵. Для доказательства этой мысли автор проделал скрупулезную работу по сравнению текста Лаврентьевского списка Владимирского свода

1305 г. с текстом Симеоновской летописи. Он заключает, что Симеоновская, получившая через Троицкую тот же текст «Летописца» 1305 г., сохранила лучше, чем Лаврентьевский список, переписанный с обветшавшей рукописи, не только текст свода 1305 г., но и его формат.

Сопоставляя тексты Лаврентьевской летописи и других летописей (Радзивилловской, Софийской I, Троицкой, Фотиева Полихрона первой четверти XV в. и других общерусских сводов XV в.), Приселков прослеживает историю владими́ро-суздальского летописания XII — начала XIV в.⁷⁶ Автор выявляет следы южнорусского летописания во владими́ро-суздальском, характеризует владимирские своды 1177, 1185, 1212, 1229, 1263, 1283 и 1305 гг., Ростовский летописец XIII в., а также своды Переяславля-Южного 1175 и 1210 гг. В этой работе указанные своды изучаются довольно бегло; сравнительно-текстологический материал представлен недостаточно.

В. Щербина в небольшой заметке рассматривает вопрос о влиянии суздальско-нижегородско-городецкого епископа Дионисия на изготовление в 1377 г. копии «Летописца» 1305 г.⁷⁷ Основывается автор на записи Лаврентия, скромно отметившего, что он списал рукопись великому князю суздальско-нижегородскому Дмитрию Константиновичу «по благословению» епископа Дионисия, и на описании жизни и деятельности Дионисия, уроженца Киевщины (род. около 1300 г.), перешедшего затем на «Московщину» и основавшего Печерский монастырь в окрестностях Нижнего Новгорода на высоком берегу Волги (наподобие Киево-Печерского, где он в свое время принял постриг). Среди его помощников особую известность потом получили Евфимий Суздальский и Макарий Желтоводский (основатели Евфимьево-Суздальского и Макарьево-Желтоводского монастырей). Дионисий же (в миру Давыд) стал сначала архимандритом, затем, с 1371 г., епископом суздальским и нижегородским, хорошо знал Сергия Радонежского и митрополита московского Алексия, сыграл немаловажную роль в событиях, связан-

⁷⁴ М. Д. Приселков. «Летописец» 1305 г., стр. 35.

⁷⁵ М. Д. Приселков. Формат «Летописца» 1305 г. — «Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Статьи по славянской филологии и русской словесности». Л., 1928 («Сборник ОРЯС АН СССР», т. CI, № 3), стр. 167–172.

⁷⁶ М. Д. Приселков. Південно-руське літописання в стародавньому суздальському літописанні XII—XIII вв. — «Юбейні збірник на пошану акад. Д. Й. Багалія». Київ, 1927, стр. 447–461.

⁷⁷ В. Щербина. Лаврентій чи Діонісій? Чиїм іменням палезало б називати найстаріший список літопису? — «Україна», Київ, 1924, кн. 3, стр. 10–13.

ных с борьбой за митрополичий престол после смерти в 1378 г. Алексия. Умер он киевским митрополитом в 1385 г.

Автор, исходя из этого, заключает, вернее предполагает («можно гадать»), что Лаврентьевская летопись, в значительной степени посвященная киевским событиям и основанная на «ветшаных книгах», очевидно, привезенных из Киева, была написана не только по благословению Дионисия, но и по его указанию, а возможно, и при его участии. Тем самым ее можно назвать летописью Дионисия, точно так же как Начальную летопись называют летописью Нестора.

Мне кажется, нет необходимости доказывать несостоятельность этой точки зрения, основанной не на анализе летописных текстов, а на общих биографических данных о митрополите Дионисии, благословившем, конечно, именно составление копии, о чем безыскусно поведал сам переписчик монах Лаврентий («И ныне, господа отцы и братья, оже ся где буду описал или переписал, или недописал: чтите, исправляя бога дела, а не клените, занеже книги ветшаны, а ум молод, не дошел...»). Кроме того, статья Щербины, не отличающаяся глубиной научного анализа, к тому же отмечена некоторой украинско-националистической тенденцией.

Н. В. Шляков, разбирая летописные сказания о битве при Листвене, единоборстве Мстислава с Редедей, о Романе Святославиче в тексте Лаврентьевской летописи, усматривает в них следы песен знаменитого «вещего» Бояна, «соловья старого времени», как называет его автор «Слова о полку Игореве»⁷⁸.

О том, что Мстислав Владимирович «зареза Редедю пред плъкы касожьскими», боролся с Ярославом Владимировичем, о «красном» Романе Святославиче упоминается в том же «Слове о полку Игореве». О связанных с Мстиславом и Ярославом исторических событиях рассказывает Лаврентьевская летопись под 6530 и 6532 гг., т. е. «Повесть временных лет» (победа Мстислава над Редедей в 1022 г., возвращение в Киев, где его не приняли киевляне, поход против него Ярослава, бывшего в это время в Новгороде, битва при Листвене в 1024 г., победа Мсти-

слава, отступление Ярослава). Рассматривая их содержание, поэтические образы (особенно в описании битвы при Листвене), автор видит в этих рассказах следы песен Бояна, находит отголоски влияния восточной поэзии на его творчество; летописец использовал эти песни в качестве источника. Боян, будучи уроженцем Тмутаракани (куда пришел князь Мстислав после победы над Редедей), испытал в своем творчестве влияние восточной поэзии народов Кавказа. Первое его произведение было составлено в 1022 г. по случаю победы Мстислава, поэту было в это время не более 16 лет; умер он в возрасте около 95 лет вскоре после 1100 г. После переезда из Тмутаракани с Мстиславом в Чернигов он служил местным князьям, в том числе Олегу Святославичу — тому Олегу «Гориславичу», о несправедливых деяниях которого с такой горечью написал автор «Слова о полку Игореве».

Несколько слов владимирскому летописанию посвятил Н. Н. Воронин, считающий, что местные летописные записи были объединены в свод в 1185—1186 гг.; эта первая редакция подверглась затем переработке в 1192 г. (вторая редакция Владимирского летописного свода) в угоду великому князю Всеволоду Большое Гнездо (он именуется «великим», подчеркивается его участие в разных событиях этого времени)⁷⁹.

М. И. Артамонов и А. В. Арциховский посвятили свои работы миниатюрам Кенигсбергской (Радзивилловской) летописи⁸⁰. Обе статьи имеют «вещеведческий», искусствоведческий аспект, тем не менее содержат интересные наблюдения источниковедческого характера. Так, первый автор, излагая взгляды Шахматова на происхождение, источники этого памятника (составитель Кенигсбергской летописи положил в ее основание иллюстрированный Переяславский летописный свод первой четверти XIII в. князя переяславско-суздальского Ярослава Всеволодовича, дополнил ее Лаврентьевской летописью), предполагал, что между иллюстрированным Переяславским сводом первой

⁷⁸ Н. Шляков. Боян. — ИРЯС АН СССР, т. I, кн. 2. Л., 1928, стр. 483—498.

⁷⁹ Н. Н. Воронин. Владимиро-Суздальская земля в X—XIII вв. — «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 5-6, стр. 230.

⁸⁰ М. И. Артамонов. Миниатюры Кенигсбергского списка летописи. — «Известия ГИИМК», т. X, вып. 1. Л., 1931, стр. 1—28; А. В. Арциховский. Миниатюры Кенигсбергской летописи. — Там же, т. XIV, вып. 2. Л., 1932, стр. 1—40.

четверти XIII в. и Кенигсбергской летописью могло быть несколько промежуточных этапов (копий с Переяславского свода, одна из которых и могла попасть в руки составителя Кенигсбергской летописи). Анализируя стиль миниатюр, автор указывает, что они изготовлялись в конце XV — начале XVI в. в мастерской; там работало несколько мастеров — писцов (по крайней мере два), рисовальщиков⁸¹.

* * *

Из работ этого времени о новгородском летописании следует назвать статью Е. Перфецкого о новгородском княжеском летописании XII в.⁸², которому он уделил немалое внимание и в указанной выше книге. Здесь автор развивает те же взгляды по вопросу о новгородском летописании XII в.: с одной стороны, владычным, отразившемся в Новгородской I летописи старшего извода, с другой — княжеском, которое вошло сначала в Киевский свод 1174 г. и Переяславский свод 1186 г., а затем во Владимирский Полихрон в редакции 1189 г. Отмечу неправомерное наименование южнорусского (киевского и переяславского) летописания XII в. украинским; подобное наименование применимо к более поздним летописным памятникам и другим произведениям письменности.

Троцкий написал исследование о Новгородской I летописи⁸³. Она сохранилась, пишет автор, в двух изводах: старшем, доведенном до 1333 г. и составленном в середине XIV в. (представлен одним дефектным Синодальным списком, который начинается с записи 1016 г.), и младшем, продолжающем летописные записи до середины XV в. (Комиссионный, Академический, Толстовский и другие списки). Отправной точкой исследования являются выводы Шахматова, установившего, что в начале этого свода было помещено извлечение из «Повести вре-

менных лет» в соединении с местной новгородской летописью. Подобное объединение было произведено в 1167 г. в связи с получением в 1165 г. архиепископского сана епископом Новгорода. Эта новгородская владычная летопись подвергалась несколько раз литературной обработке в XII—XIII вв. при церкви св. Якова (записи о служивших в ней Германе Вояте, авторе записи об его смерти, пономаре Тимофее). В XIV в. на основе этой летописи с привлечением общерусского Полихрона начала XIV в. и был составлен новый новгородский свод — Новгородская I летопись старшего извода⁸⁴.

Списки младшего извода были изготовлены с того же оригинала, что и Синодальный список старшего извода (т. е. в их основе тоже лежит владычная летопись; текст списков младшего извода иногда полнее и точнее, чем текст старшего извода), и проверены по последнему за 1017—1143 гг.

Автор сосредоточил свое внимание на анализе текста старшего извода, следующего за извлечением из «Повести временных лет», причем сильной стороной его работы является сопоставление параллельных текстов старшего и младшего изводов Новгородской I летописи⁸⁵. Оно показало, что старший извод за XII в. имеет гораздо большее количество известий, более подробных дат, чем младший. За XIII в. таких различий меньше, причем на этот раз младший извод проявляет большее внимание к деталям. Записи за XIV в. опять богаче в старшем изводе. По предположению автора, старший извод имел какие-то источники, независимые от владычной летописи. Он связывает наличие в старшем изводе известий, отсутствующих в младшем, с использованием в первом летописных записей, ведшихся в новгородском Юрьеве монастыре. Об этом свидетельствуют, по его мнению, приписки к тексту старшего извода (заканчивающегося записью 1333 г. об укреплении Юрьева монастыря архимандритом Лаврентием) за 1337, 1345 и 1352 гг., так или иначе связанные с Юрьевым монастырем. Троцкий оспаривает мнение Перфецкого о ведении в XII в. в Новгороде княжеской летописи, поскольку в записях, независимых от владычной летописи, имеется и ряд записей церковного характера,

⁸¹ М. И. Аргамонов. Миниатюры Кенигсбергского списка, стр. 9—11, 16—17, 25—27.

⁸² Е. Перфецкий. Новгородський княжий літопис і його відношення до українського літописання XII століття. — «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. CXXXIV—CXXXV. Львів, 1924, стр. 1—18.

⁸³ И. М. Троцкий. Опыт анализа первой Новгородской летописи. — «Известия АН СССР», VII серия, Отделение общественных наук, 1933, № 5, стр. 337—362.

⁸⁴ Там же, стр. 342—345.

⁸⁵ Там же, стр. 345—351.

а внимание записей XII в. к событиям из семейной жизни новгородского князя Ярослава Владимировича объясняется тем, что Юрьев монастырь, при котором велась летописная запись (автор считает, что малозначительная в новгородской жизни церковь св. Якова не могла быть центром постоянной летописной работы), был фамильным монастырем Ярослава. Монастырь основали его дед и прадед, в нем, как говорится в Новгородской I летописи под 1198 г., погребены два сына Ярослава⁸⁶.

Архимандричье летописание могло не раз сводиться, объединяться с владычным; об этом говорят дублировки некоторых известий за XII—XIII вв., взятых, по мнению автора, из разных источников — владычной и архимандричьей (юрьевской) летописей, следы точки зрения руководства Юрьевского монастыря. Летопись Юрьева монастыря велась, как полагает Троцкий, в XII и первых десятилетиях XIII в. и затем в конце XIII и первой половине XIV в. В течение нескольких десятилетий между этими периодами существование юрьевской летописи отметить не удастся. Начало этого перерыва автор датирует концом 1230-х — началом 1240-х годов, когда на основе владычной и юрьевской летописей был составлен свод, доведенный до 1238 г. (запись о втором нашествии татар). Летописание в монастыре оживает снова в конце XIII в., его результатом явилось составление старшего извода Новгородской I летописи, после которого юрьевское летописание прекратилось совсем⁸⁷.

В целом работа Троцкого представляет большой научный интерес, ее выводы относительно двух традиций новгородского летописания XII — первой половины XIV в. более предпочтительны в сравнении с наблюдениями Е. Перфецкого.

* * *

Тверское летописание подверглось изучению в трудах А. Н. Насонова. Автор, отмечая, что он «пользовался тем сравнительным методом изучения летописных памятни-

ков, который был впервые разработан в трудах А. А. Шахматова», путем анализа летописных компиляций XIV—XVI вв. реконструирует не дошедшие до нас тверские летописные своды XIII—XV вв.⁸⁸ Таким образом, эта работа в меньшем масштабе повторяет то, что делал Шахматов, который, изучая древнейшее русское летописание XI — начала XII в., исходил из анализа более поздних сводов-компиляций XIV—XVI вв.

К сравнительному анализу Насонов привлек ряд летописных памятников, отразивших тверскую летописную традицию. Это Тверской сборник, Рогожский летописец, Лаврентьевская, Никоновская, Симеоновская летописи и ряд других. Их текстологическое сопоставление выявило существование с 1285 г. летописных записей о событиях в Тверском княжестве, начатых в связи с постройкой каменной соборной церкви св. Спаса по инициативе епископа Симеона; они вошли в состав великокняжеских владимирских сводов, в частности свода, доведенного до 1327 г., и отразились в Лаврентьевской и Симеоновской летописях. Свод 1327 г., переработанный и дополненный московскими известиями, лег в основание Московского великокняжеского летописца, составленного при Иване Калите и явившегося источником общерусского свода 1409 г. (Троицкая летопись). Свод 1327 г., пополненный тверскими известиями, кладет основание Тверскому великокняжескому летописцу, составленному при князе Александре тверском, получившем в Орде ярлык на «великое княжение Тверское» десять лет спустя после того, как Иван Калита стал великим князем владимирским.

С 1375 г. (капитуляция Твери в результате похода войск великого князя Дмитрия Ивановича) летописное дело в Твери прекращается, но в начале 80-х годов (в связи с ослаблением Москвы после «Тохтамышева разорения» 1382 г.) снова оживает. В первой половине XV в. тверское летописание переживает возрождение. Большой

⁸⁸ А. Н. Насонов. Летописные своды Тверского княжества. — «Доклады АН СССР», серия В, 1926, ноябрь — декабрь, стр. 125—128 (краткое изложение исследования о тверском летописании, в полном объеме опубликованного четыре года спустя); он же. Летописные памятники Тверского княжества. Опыт реконструкции тверского летописания с XIII до конца XV в. — «Известия АН СССР», VII серия, Отделение гуманитарных наук, 1930, № 9, стр. 709—738; № 10, стр. 739—773.

⁸⁶ И. М. Троцкий. Опыт анализа первой Новгородской летописи, стр. 351—353; см. также рецензию И. М. Троцкого на книгу Е. Ю. Перфецкого («Борьба классов», 1924, № 1-2, стр. 305—307).

⁸⁷ И. М. Троцкий. Опыт анализа первой Новгородской летописи, стр. 353—361.

«общетверской» свод создается по инициативе тверского епископа Арсения, он был закончен после его смерти в 1409 г. Этот свод отразился в Троицкой летописи, а его текст выявляется путем сопоставления Симеоновской, «примечаний» Карамзина, Никоновской и летописей, сохранивших в своем составе текст Владимирского Полихрона (Воскресенская, Львовская, Ермолинская, Новгородская IV, Софийская I и др.).

Следующий этап тверского летописания — Тверской свод 1425 г., связанный с именем тверского князя Ивана Михайловича; следы его имеются в Троицкой летописи, Хронографе 1512 г., в «примечаниях» Карамзина. Примерно тогда же в Кашине, правитель которого князь Василий враждовал с тверскими князьями, появляется кашинская редакция того же тверского свода 1425 г. (отражена в Никоновской летописи, Русском Временнике и общем протографе Симеоновской летописи и Рогожского летописца в записях за 1390—1412 гг.).

В правление тверского князя Бориса Александровича в 1455 г., в обстановке борьбы Твери и Москвы за первенство, за наследие второго Рима — Константинополя, павшего под ударами турок в 1453 г., в Твери составляется новый летописный свод. В части до 1285 г. (с которого, как мы видели выше, начинаются тверские известия) он представляет собой краткое, конспективное изложение событий по извлечениям из свода 1448 г., Владимирского Полихрона и др. Сокращен и текст собственно тверских известий. Свод 1455 г. характерен ярко выраженной тенденциозностью: тверские князья изображаются в нем верховными защитниками православного мира, несмотря на татарское иго, в то время как московские князья — изменниками православию. В центр изложения событий всемирной истории поставлено Тверское княжество. Текст свода 1455 г. отразился в Рогожском летописце (до 1375 г.) и в Тверском сборнике (за 1285—1455 гг.).

Свод 1455 г. в Москве в конце XV — начале XVI в., уже после присоединения в 1485 г. Твери к Москве, кладут в основу нового свода, в котором тверские известия доведены до 1486 г.; в нем использованы также Ростовская владычная летопись, летописный отрывок 1276 г. (вторая часть Тверского сборника). Затем этот свод соединяют в Москве же с текстом свода 1534 г. (первая часть Тверского сборника).

Исследование Насонова, помимо новой детальной разработки истории тверского летописания, до него мало изученного, содержит ценные наблюдения об общерусском летописании XV — первой половины XVI в., поскольку автор подвергает детальному анализу своды этого времени. Так, он доказывает, что мнение Приселкова о прекращении митрополичьего летописания во второй половине XV в. (последние его памятники, по Приселкову, — своды 1448 и 1457 гг.) является ошибочным. Насонов доказал, что в это время митрополичья летописная традиция продолжалась; например, сокращенная редакция Владимирского Полихрона попала во Львовскую летопись не через Ростовский владычный свод (как полагал А. А. Шахматов), а через общерусский митрополичий летописец, послуживший основанием для свода 1534 г., сохранившегося в Тверском сборнике ⁸⁹.

* * *

Истории московского летописания посвящено немного работ, среди них особое место занимает исследование М. Д. Приселкова. Оно посвящено знаменитой Троицкой летописи, сгоревшей в 1812 г. ⁹⁰ Автор опирается на выводы Шахматова, установившего, что общерусскому своду митрополита Фотия 1423 г. (он отразился в Софийской I и Новгородской IV) предшествовали общерусский же московский свод 1409 г. (отразившийся в не сохранившейся Троицкой, Симеоновской, в «примечаниях» и тексте «Истории» Карамзина), московский княжеский свод 1390 г. и, наконец, общерусский свод митрополита Киприана, тоже доведший свое изложение до 1390 г. ⁹¹ В своей работе Приселков путем тщательного сопоставления текстов Симеоновской летописи и «Истории» Карамзина реконструирует состав Троицкой летописи. Он приходит к выводу, что сгоревшая рукопись Троицкой летописи представляла собой, вероятно, оригинал свода 1409 г. ⁹²

⁸⁹ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества, стр. 713—721 и др.

⁹⁰ М. Д. Приселков. Летописание XIV в. — «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пг., 1922, стр. 24—39.

⁹¹ Там же, стр. 24—25.

⁹² Там же, стр. 31.

Приселков устанавливает, что свод Фотия 1423 г. отличается от свода 1409 г. сокращением ряда московских известий узкосемейного содержания и дополнением его антимосковскими записями из летописей тех центров, которые соперничали с Москвой⁹³.

Предшествующее летописание Приселков рассматривает очень бегло. С его точки зрения, в Троицкой летописи, когда в ней под 1392 (6900) г. упоминается о «Летописце великом русском», имеется в виду Владимирский великокняжеский свод 1305 г. (Лаврентьевская летопись). Попав в Москву, свод 1305 г. «омосковился», дополнялся в XIV в. семейно-княжескими, митрополичьими и великокняжескими известиями. Одна из более поздних редакций «Летописца великого русского» была составлена после смерти великого князя Дмитрия Ивановича Донского. Она положена в основу свода 1409 г.⁹⁴

В конце этой статьи Приселков, выделяя из свода 1409 г. довольно много известий за XIV в., относящихся к Суздальско-Нижегородскому княжеству, заключает, что с 70-х годов XIV в. переживает эпоху возрождения суздальское летописание. Он связывает это с поставлением на суздальскую епископскую кафедру Дионисия, «неразгаданного, но выдающегося церковного деятеля XIV в.», которому в летописи дается под 6882 г. необычайно возвышенная и почтительная характеристика. Это летописание, созданное при епископской кафедре, было по своему характеру княжеским. Именно по его «благословению» в 1377 г. монах Лаврентий переписал текст «Летописца великого русского» в редакции 1305 г.; более поздние редакции этого свода, ставшего давно московским, в Суздале использовать для соединения общерусского свода с суздальской летописью не хотели⁹⁵. Связывая с именем Дионисия оживление суздальского летописания, автор в то же время отнюдь не считает его, как это делает В. Щербина, чуть ли не составителем, автором Лаврентьевской летописи.

* * *

Изучение «областного» русского летописания XII—XV вв. после Шахматова до середины 1930-х годов можно

⁹³ М. Д. Приселков. Летописание XIV в., стр. 32—35.

⁹⁴ Там же, стр. 31—32, 35.

⁹⁵ Там же, стр. 37—39.

считать весьма плодотворным. Особенно большой вклад внесли исследователи в изучение летописания владимирского (Е. Ю. Перфецкий, М. Д. Приселков и др.), тверского (М. Д. Приселков, А. Н. Насонов и др.), новгородского (И. М. Троицкий и др.), московского (М. Д. Приселков и др.), отчасти южнорусского (киевского, галицко-волынского, переяславского). Его результатом было установление существования ранних летописных записей, ряда древнейших сводов в этих центрах. Во многих случаях были внесены изменения в схему Шахматова, разработки которого применительно к летописанию этого времени были значительно углублены или пересмотрены. При этом выявились различные, спорные точки зрения (о новгородском летописании XII—XIV вв., владимирских сводах того же времени, о взаимоотношениях различных летописных традиций, а также летописных памятников и литературных произведений, например «Слова о полку Игореве», и др.). Некоторые из них трудно признать приемлемыми, обоснованными (например, мысль Е. Ю. Перфецкого о новгородском княжеском летописании XII—начала XIII в. и особенно утверждение В. Щербины о Дионисии как составителе Лаврентьевской летописи). В плане научной методики исследования летописей выделяются работы Приселкова, Троицкого, Насонова. Таким образом, после работ Шахматова изучение русского летописания этого периода значительно продвинулось вперед.

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ КОНЦА XV—XVII В.

Образование в конце XV в. единого Русского государства имело своим следствием составление в это же время и позднее, в XVI и XVII столетиях, ряда летописных сводов, нередко грандиозных по своим размерам (например, в конце XV в., в середине XVI в.). Летописание этого времени привлекало внимание исследователей, прежде всего А. А. Шахматова, преимущественно в плане выявления более древних сводов, не сохранившихся до нашего времени.

До середины 1930-х годов появилось несколько публикаций и исследований по истории русского летописания указанных столетий. Немаловажное значение имело про-

долженне издания серии «Полное собрание русских летописей». На следующий год после Октябрьской революции был опубликован указатель к шести томам (т. IX—XIV) этой серии, включавшим Никоновскую летопись, Новый летописец и Повесть о житии и преставлении царя Федора Ивановича⁹⁶. Через три года после этого появилась в свет Типографская летопись, подготовленная к печати С. П. Розановым «под смотрением» А. А. Шахматова и А. Е. Преснякова⁹⁷. Это издание исправляет существенные ошибки предыдущих публикаций летописи в 1784 и 1853 гг., в которых ее текст был «составлен произвольно и без оговорок по двум рукописям» Кирилло-Белозерского монастыря из Московской Синодальной библиотеки (№ 789, 486), представляющим различные летописные памятники, причем первая из этих рукописей (под № 789), действительно, содержит текст Типографской летописи (записи с древнейших времен до 1534 г.), а вторая (под № 486) включает два памятника — краткий «Летописец русский» (до 1533 г.) и «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича». В издании 1921 г. летопись опубликована (полностью, в то время как в 1784 и 1853 гг. — только в части за 1206—1534 гг.) по рукописи № 789 Синодальной библиотеки, варианты подведены по рукописи из собрания Ф. А. Толстого Публичной библиотеки; кроме того, сомнительные или испорченные чтения пояснялись текстом Воскресенской летописи, для изучения источников которой «Типографская дает ценнейшие наблюдения». Сама Типографская, по словам автора предисловия А. А. Шахматова, сравнительно небольшая по объему и составлена путем выписок из обширного общерусского свода. Для суждений о протографе Типографской летописи (основной сохранившийся список которой писан в первой половине XVI в.) ценный материал дает список Публичной библиотеки, хотя он и более поздний — относится к XVII в.⁹⁸

Рогожский летописец (назван так по рукописи, обнаруженной Н. П. Лихачевым в библиотеке московского старообрядческого Рогожского кладбища) был опубликован

⁹⁶ ПСРЛ, т. XIV, вторая половина. Пг., 1918.

⁹⁷ Там же, т. XXIV. Пг., 1921.

⁹⁸ Там же, стр. I—III; см. также рецензию В. Д. («Века. Исторический сборник», № 1. Пг., 1924, стр. 165—166).

вторым изданием Н. П. Лихачевым (он готовил текст и был редактором)⁹⁹. Эта летопись, заканчивающаяся 1412 годом, представляет собой «выборку из общерусского свода с преобладанием тверских известий»; она близка к Симеоновской за вторую половину XIV — начало XV в.¹⁰⁰

Вскоре появилось второе издание Софийской I летописи, подготовленное П. Г. Васенко (он же редактор тома)¹⁰¹. В отличие от издания 1851—1853 гг. в основу положен не Толстовский список, а более древний список Оболенского (XV в.), для вариантов привлечены еще шесть списков (не использован Горюшкинский список — копия XVIII в. с Бальзеровского списка)¹⁰². В этом втором издании текст летописи доведен до 1255 (6763) г.; ее конец, к сожалению, не переиздан.

Помимо этих переизданий, подготовленных, что очень важно, на новых основаниях, появилась публикация неизвестного в науке летописного памятника из рукописи XVI в. Он посвящен апологетическому описанию событий правления Василия III за 1518—1526 гг.¹⁰³ Памятник, по наблюдениям автора, составлен лицом духовного звания, возможно, иноком Пафнутьево-Боровского монастыря Иннокентием¹⁰⁴.

Рукописные списки ряда летописей XVI—XVII вв. и более позднего времени (например, Иркутский летописец конца XVIII в.) упоминаются в обзоре материалов Отдела рукописей Библиотеки Академии наук СССР¹⁰⁵.

* * *

В те же годы появляется несколько исследований по истории летописания. Правда, не все они были посвящены непосредственно анализу летописных текстов этого вре-

⁹⁹ Там же, т. XV, вып. 1. Изд. 2. Пг., 1922.

¹⁰⁰ Там же, стр. I—II.

¹⁰¹ Там же, т. V, вып. 1. Изд. 2. Л., 1925; рецензию В. Д. см.: «Века. Исторический сборник», № 1, стр. 165.

¹⁰² Там же, стр. I—II.

¹⁰³ М. Н. Тихомиров. Новый памятник московской политической литературы XVI в. — В кн.: «Московский край в его прошлом», ч. 2. М., 1930, стр. 105—114, текст летописца — стр. 108—114.

¹⁰⁴ Там же, стр. 107.

¹⁰⁵ «Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР», I. Рукописи, т. 3, вып. 1. Л., 1930, стр. 90 и сл.

мени. Так, А. В. Флоровский попытался установить летописные тексты, которые использовал в своем знаменитом труде о России С. Герберштейн¹⁰⁶. Из них Герберштейн заимствовал ряд сведений по истории России с древнейших времен до начала XVI в. Взяты они, как полагает автор, сравнивающий их с опубликованными летописными текстами, из летописного свода, начинавшегося «Повестью временных лет» и заканчивавшегося описанием событий начала XVI в.; он близок к московским сводам, отразившимся лучше всего в Воскресенской, Львовской, Ермолинской, Симеоновской, Никоновской, Новгородской IV, Тверской, Софийской I летописях, но не идентичен ни с одним из этих сводов.

А. И. Соболевский, рассматривая литературную деятельность знаменитого протопопа середины XVI в. Сильвестра (Домострой, послания и др.), высказывает мысль о том, что он был причастен к созданию Степенной книги — памятника, составленного в первой половине 1560-х годов¹⁰⁷.

Наибольший интерес представляют исследования о Никоновской летописи. Н. Ф. Лавров, разбирая работы своих предшественников и пересматривая их выводы (А. А. Шахматов, Н. П. Лихачев, С. Ф. Платонов, А. Е. Пресняков и др.), сравнивая между собой списки Никоновской — Патриарший и Оболенского — и далее тексты Никоновской и Софийской I и II, Воскресенской и Львовской, приходит к выводу, что древнейший текст Никоновской содержит первая часть (лл. 1—939, записи по 1519 г.) списка Оболенского (относится к 30—40-м годам XVI в.). Она является белой копией основной редакции, протографа Никоновской, источником которого (с 1506 г.), общим с источником Воскресенской летописи (с 1509 г.), была не дошедшая до нас редакция Софийской II летописи. Три остальные части списка Оболенского сделаны позднее и разновременно. Вторая его часть (записи за 1520—1556 гг.) была составлена в 50-е годы XVI в. по неизвест-

ному списку Воскресенской летописи (до 1541 г.) и по Патриаршему списку (с 1542 по 1556 г.); третья часть — записи 1556—1558 гг. (бумага относится к концу 50-х годов XVI в.) — представляет собой самостоятельный текст; наконец, четвертая — частные записи конца XVI в. (бумага относится к 70-м годам XVI в. и даже к XVII в.).

Патриарший список (написан в конце 1550-х годов несколькими писцами) в части до 1521 г. составлен по списку Оболенского, с этого года до 1533 г. — по недошедшему списку Воскресенской летописи, за 1534—1553 гг. — по «Летописцу начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича», за 1553—1556 гг. идет самостоятельный текст.

Патриарший список и первые три части списка Оболенского были составлены по инициативе правительства Ивана Грозного и вышли в окончательном своем виде из одних рук. Они должны были, как предполагает Лавров, служить черновыми материалами для задуманного Лицевого свода. Ко всей этой летописной работе имел прикосновение А. Ф. Адашев¹⁰⁸. В статье Лаврова приведен интересный сравнительно-текстологический материал, но можно согласиться с ним, что исследование грандиозного Никоновского свода только начато работами исследователей конца XIX — первой трети XX в.

С. П. Розанов, соглашаясь с выводами Лаврова о взаимоотношениях частей основных списков Никоновской летописи, возражает ему по вопросу о времени составления этого свода¹⁰⁹. Он развивает собственный взгляд, согласно которому первая часть списка Оболенского отредактирована в 50-е годы XVI в. Как он пытался показать в своей более ранней работе (1912 г.) о западнорусском Хронографе, Никоновский свод пользовался последним в той редакции, которая могла быть в России не ранее 1553—1556 гг., так как один из источников Хронографа — хроника Мартина Бельского — появилась только в 1551 г. Она становится известной живущему в отставке в Троице-Сергиеве монастыре митрополиту Иоасафу (с 1529 г. —

¹⁰⁶ А. В. Флоровский. Каким летописным текстом пользовался Герберштейн? — «Ученые записки Высшей школы г. Одессы, отдел гуманитарно-общественных наук», т. II. Одесса, 1922, стр. 69—80.

¹⁰⁷ А. И. Соболевский. Поп Сильвестр и Домострой. — ИРЯС АН СССР, т. II, кн. 1. Л., 1929, стр. 202.

¹⁰⁸ Н. Ф. Лавров. Заметки о Никоновской летописи. — ЛЗАР, вып. I (34). Л., 1927, стр. 55—90.

¹⁰⁹ С. П. Розанов. «Никоновский» летописный свод и Иоасаф, как один из его составителей. — ИРЯС АН СССР, т. III, кн. 1. Л., 1930, стр. 267—287.

игумен Троице-Сергиева монастыря, в 1539—1542 г. — митрополит, с 1542 г. — ссылка в Кирилло-Белозерский монастырь после изложения, после 1547 г. — перевод в Троице-Сергиев монастырь, где он и умер в 1555 или 1556 г.). Он и использовал ее при составлении Хронографа западнорусской редакции (отразившегося в Русском Временнике 30-х годов XVI в. и Хронографе 1599 г.).

Одновременно Иоасаф трудится над русским летописным сводом; после его смерти работа заканчивается по подготовленным им материалам.

Наконец, эту работу затребовали в Москву и по официальному распоряжению рукопись Иоасафа раздирают на части, которые переписываются отдельными писцами, причем делается это дважды: сначала при дворе митрополита, затем «троицкая рукопись попадает в другие руки, но в тех же правительственных кругах». Этим объясняются особенности, различия списков Патриаршего и Оболенского.

Мысль об участии Иоасафа в составлении Никоновской летописи высказывал еще А. А. Шахматов, а В. С. Иконников считал его вдохновителем и Воскресенского свода. Однако мнение С. П. Розанова о причастности Иоасафа к составлению Никоновского свода в 50-е годы XVI в. нуждается в дополнительных доказательствах. Выводы же Лаврова о взаимоотношениях списков этого свода, их отдельных частей — весьма ценное достижение летописной текстологии Никоновского свода.

А. В. Арциховский подверг изучению миниатюры последнего тома Лицевого свода XVI в., текст которого составляет часть Никоновской летописи за 1535—1567 гг.¹¹⁰ Это тот Синодальный список, который послужил оригиналом для Царственной книги. Работа имеет «вещеведческий» аспект в изучении миниатюр, которых в рукописи насчитывается более 1000. Автор отмечает, что летопись ярко отражает феодальную идеологию эпохи; ее цель — прославление царя Ивана IV.

А. И. Лященко анализирует рассказ Никоновской летописи под 1148 (6656) г. о богатыре Демьяне Куденевиче в связи с борьбой Изяслава Мстиславича и его сына

¹¹⁰ А. В. Арциховский. Миниатюры Синодального списка Никоновской летописи. — «Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова». Л., 1934, стр. 117—125.

Мстислава с Глебом Юрьевичем из-за Переяславля¹¹¹. Этот рассказ, по мысли автора, идет от народных сказаний времени Изяслава Мстиславича, отраженных в «местной, быть может, Переяславской летописи», подновленной со стороны языка и распространенной легендарными и поучительными подробностями летописцем XVI в.

С автором можно, по-видимому, согласиться в том, что народные сказания о подвигах храбрых ратников возникали в XII в. и получали отражение в современном им летописании, однако следует иметь в виду, что ко времени включения их в гораздо более поздние своды (например, в Никоновский) они могли пережить немало переработок.

То же можно сказать и о рассказе о Мстиславе Тмутараканском и черкесском (касожском) князе Редее, помещенном в Никоновской под 1022 (6530) г., который исследует Л. Г. Лопатинский¹¹².

* * *

Несколько интересных работ посвящено западнорусским, точнее белорусско-литовским, летописям. Ф. П. Сушицкий в своей книге подробно разбирает литературу вопроса (начиная со Шлёцера и кончая Иконниковым), итогом которой явилось установление ряда положений: существование этих летописей с XIV в., характеристика их сохранившихся списков как сводов, использование в качестве источников смоленской, волынской, киевской, подольской, владимирской летописей, Летописца великих князей литовских, народных сказаний и преданий и т. д., наличие краткой редакции первой половины XV в., сложной и полной редакций второй половины XVI в.¹¹³ Далее автор подробно анализирует списки и редакции указанных летописей (первая редакция — Супральный список, вторая редакция — список Красинского, третья редакция —

¹¹¹ А. И. Лященко. Былина о Дюке Степановиче. — ИОРЯС, т. XXX. Л., 1926, стр. 135—137.

¹¹² Л. Г. Лопатинский. Мстислав Тмутараканский и Редее по сказаниям черкесов. — «Известия Бакинского гос. университета», № 1, второй полутом (гуманитарные науки). Баку, 1921, стр. 197—203.

¹¹³ Ф. П. Сушицкий. Западно-русские летописи как памятники литературы, ч. I. Киев, 1924, стр. 1—54; он же. Західно-руські літописи як пам'ятки літератури, ч. II. Київ, 1929, стр. 1—54.

хроника Быховца)¹¹⁴, причем отнесение тех или иных памятников к определенной редакции вряд ли можно признать оправданным (например, к краткой редакции отнесены такие разные летописи, как Супрасльская, Аврамки и т. д.). Основное место занимает в книге анализ содержания различных летописей.

А. Ершов рассмотрел вопрос о времени написания и авторе Густынской летописи. Сравнивая Густынскую летопись с «Палинодией» Захария Копыстенского, которая в ней использована, и анализируя текст самой летописи, автор приходит к выводу, что она была составлена в 1623—1627 гг. не кем иным, как Захарием Копыстенским¹¹⁵.

М. С. Грушевский разбирает «Львовскую летопись» (она содержит записи за 1498—1649 гг.). Анализ рукописи, в составе которой она находится, привел его к выводу, что летопись, «по крайней мере ее более новые части», принадлежит перу владельца и составителя сборника шляхтича с Брацлавщины Михаила Гунашевского, закончившего летопись в середине XVII в., вероятно, во второй половине 1647 г. (последнюю запись он посвятил Зборовскому договору 1649 г., но она, как и некоторые другие, внесена позднее). В 1653 г. он служил в Запорожском войске и был доверенным лицом войскового писаря И. Выговского, будущего гетмана. Название этой летописи «Львовская» Грушевский считает ошибочным¹¹⁶. Летопись, как и весь сборник, составлялась Гунашевским для львовских братчиков и сохранилась в Львовском архиве, но написана она не львовянином, а жизнь Львова в ней отображена слабо.

Разбирая состав, содержание летописи, Грушевский устанавливает, что Гунашевский был автором записей 1630—1649 гг. (причем записи за 1648—1649 гг. были им приписаны позднее), записи же за предшествующее время являются выборкой из других сочинений (каких именно — автор не говорит).

¹¹⁴ Ф. П. Сушицкий. Западно-русские летописи, ч. I, стр. 55—84; ч. II, стр. 55—100.

¹¹⁵ А. Ершов. Коли й хто написав Густинський літопис? — «Записки Наукового товариства ім. Шевченка», т. С(100). Львів, 1930.

¹¹⁶ М. С. Грушевский. О так называемой «Львовской летописи» (1498—1649) и ее предполагаемом авторе. — «Известия АН СССР», VII серия, Отделение общественных наук, 1931, № 5, стр. 569—587.

* * *

Из работ о русском летописании XVII в. можно назвать несколько исследований о Латухинской Степенной книге, сибирских летописях.

П. Г. Васенко дал анализ одного из списков Латухинской Степенной книги — переработки 1677 г. Степенной книги первой половины 1560-х годов¹¹⁷. Названная так Н. М. Карамзиным по имени ее владельца, балахнинского купца Латухина, эта переработка Степенной книги принадлежит, как установил С. Ф. Платонов, Тихону — архимандриту Макарьевского Желтоводского, затем келарю Савво-Сторожевского монастырей. Академический список конца XVIII в., как показывает Васенко, принадлежит к первоначальной, наиболее полной редакции труда Тихона, который составлял и сокращенные его редакции. Причем Академический, как и другие списки (например, Библиотечный), восходит к оригиналу тихоновского произведения.

Из сибирских летописей в это время привлекали внимание исследователей Строгановская и Есиповская летописи. А. М. Ставровиц, отталкиваясь от замечания С. Ф. Платонова о возможной причастности Сергея Кубасова, трудившегося над составлением Хронографа, к сибирскому летописанию, утверждает, что он является не только составителем Хронографа («Кубасовский хронограф»), но и автором «Повести» И. М. Катывева-Ростовского, приписанной к этому Хронографу (здесь автор возражает Платонову, который был «склонен ответить отрицательно» на вопрос об авторстве Кубасова), и, наконец, составителем Строгановской летописи¹¹⁸. Последнюю автор считает фальсификатом, составленным по поручению Строгановых около 1673 г. Кубасовым на основании подлинных документов, умело им обработанных, протографа летописи, сходной с Есиповской, местных преданий и летописей, некоторых риторических добавлений, созданных

¹¹⁷ П. Г. Васенко. Академический список Латухинской Степенной. — «Доклады АН СССР», серия В, 1929, № 15, стр. 280—282.

¹¹⁸ А. М. Ставровиц. Сергей Кубасов и Строгановская летопись (Новые мысли по поводу «Старых сомнений»). — «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пг., 1922, стр. 285—293.

им самим. Кубасов использовал при этом «свою» повесть, приписываемую Катыреву-Ростовскому.

Ставровиц делает и общие замечания о сибирских летописях, которые, по ее мнению, летописями в полном смысле слова не являются, так как каждая из них носит на себе следы современных литературных влияний (например, повестей о «Смуте» начала XVII в.) и является переработкой более ранних хронографов¹¹⁹. Впрочем, своего определения этим памятникам автор не дает, приведенные же ею соображения не убеждают в том, что они не могут считаться летописями. Ставровиц в начале статьи сообщает, между прочим, что она закончила большую работу, посвященную анализу всех сибирских летописей и переданную для напечатания в «Летопись занятий Археографической комиссии»¹²⁰.

Статья Ставровиц вызвала возражения А. А. Введенского¹²¹. Оспаривая ее вывод, автор говорит, что рукописный подлинник Строгановской летописи писан почерком первой половины XVII в., филиграниц указывают на 1630-е годы; следовательно, летопись не может быть фальсификатом 1673 г. и сочинением С. Кубасова. Сам Введенский считает, что составление протографа Строгановской летописи, автор которой прекрасно знал документальные материалы из архива Строгановых, не обошлось без участия представителей этой фамилии («не без участия сольвычегодских хором Строгановых»). Посылая Ермака с дружиной в Сибирь, Строгановы, как это бывало у них и в других случаях, вероятно, потребовали письменные отчеты. Затем последовала первая запись о событиях похода Ермака, составленная в хорамах Строгановых в Сольвычегодске на основе этих документальных материалов. Он ставит вопрос о том, что «первая запись сибирской летописи т. н. Строгановского извода» могла послужить основным источником для многих редакций и переработок сибирской летописи, «в том числе и т. н. есиповских редакций», в XVII в.

Большое внимание сибирскому летописанию уделил

¹¹⁹ А. М. Ставровиц. Сергей Кубасов и Строгановская летопись, стр. 286.

¹²⁰ Там же, стр. 285.

¹²¹ А. Введенский. Библиотека и архив Строгановых в XVI—XVII вв.—«Север», кн. 3–4. Вологда, 1923, стр. 98–100.

С. В. Бахрушин¹²². Начало сибирского летописания он связывает с деятельностью первого тобольского архиепископа Киприана. Сначала по его указанию остававшиеся еще в живых ермаковские казаки составили «написание» о былых походах и боях, затем по нему изготовили синодик для тобольского Софийского собора (сохранившийся в позднейших сибирских летописных сводах, например в Есиповской летописи). В 1636 г. архиепископский подьячий Савва Есипов составил летопись «О Сибири и о Сибирском взятии» (Есиповская летопись). В первой половине того же века неизвестный автор составил повесть «О взятии Сибирской земли», которую со времен Карамзина принято называть Строгановской летописью, так как ее цель состоит не столько в том, чтобы изобразить подвиги Ермака, сколько подчеркнуть роль Строгановых в открытии и завоевании Сибири¹²³.

В литературе высказывались противоположные точки зрения по вопросу о зависимости Есиповской и Строгановской летописей друг от друга (они, а также синодик близки друг к другу при описании похода Ермака). Одни авторы говорили о первоначальности первой по отношению ко второй (П. И. Небольсин), другие приходили к противоположному выводу (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, Г. И. Спасский). По С. А. Адрианову, примерно в 1622 г. появилось казацкое «написание», затем — синодик Киприана, который и использовал в 1636 г. Есипов, называя его «списанием»; Строгановская летопись возникла путем переработки Есиповской.

С. В. Бахрушин, сравнивая тексты этих трех памятников, показывает их отличие друг от друга (в том числе сокращения и дополнения в синодике в сравнении с обеими летописями). В их основе лежит какой-то общий первоисточник, текст же Строгановской ближе к синодику, чем текст Есиповской. Тем самым все три памятника пользуются этим первоисточником самостоятельно. Если синодик основан на казацком «написании», то Есиповская — на нем и синодике, а Строгановская использовала этот же «первоисточник» (т. е. «написание») и некоторые

¹²² С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М., 1927, стр. 1–35; то же: С. В. Бахрушин. Научные труды, т. III, ч. 1. М., 1955, стр. 13 и сл.

¹²³ С. В. Бахрушин. Очерки, стр. 4–5.

документы из архива Строгановых вне зависимости от синодика и Есиповской летописи. Казацкое «написание» Бахрушин датирует временем не позднее конца XVI в. (так как из царей в нем упоминаются только Иван IV и Федор Иванович, а из сибирских городов — Тобольск и Верхотурье). В синодике 1622 г., помимо него, были использованы дополнения казаков — участников похода Ермака ¹²⁴.

В конце XVII в. Есиповская летопись послужила канвой для иллюстрированной «Истории Сибирской» С. У. Ремезова (Ремезовская летопись). Последняя является не простым сводом, а скорее ученым историческим трудом. В рукопись этого труда искусственно внесены листы Кунгурской летописи — самостоятельного памятника сибирского летописания ¹²⁵.

Все эти летописи, за исключением Кунгурской, так или иначе можно возвести к первоначальному «написанию». Другие летописи занимают особое, самостоятельное место. Например, Кунгурская летопись, возникшая во второй половине XVII в. в Прикамье, отличается народным стилем, грубоватым юмором; она основана на устном предании или неизвестных источниках ¹²⁶.

В конце XVII в., вероятно в Сибирском приказе, составляют «Описание новые земли Сибирского государства», явившееся источником сочинения Витзена «О северной и восточной Тартарии». Анализ рассказа «Описания» о завоевании Сибири, освобождение его от явных вставок позволяют Бахрушину выявить «довольно полный исторический очерк, который нельзя поставить в непосредственную связь с известными нам летописями». Это самостоятельное произведение, построенное по своему плану, отличающемуся от «трафаретного». Эта «повесть» связана с Прикамьем, как и Кунгурская летопись; но ее автор — житель Тобольска, не порвавший связи с «Пермью Великой», его труд построен на устных легендах лиц, знавших Максима Строганова, на русских и местных преданиях, собственных наблюдениях, документах. Эта повесть оказала влияние на некоторые литературные памятники

XVII в.: например, на сокращенные редакции Есиповской летописи (Бузуновский и Головинский списки) ¹²⁷.

Все эти произведения являются, по Бахрушину, не столько летописями, сколько историческими повестями, которые изображают историю завоевания Сибири в законченной литературной форме ¹²⁸.

В конце раздела о сибирском летописании Бахрушин кратко характеризует т. н. сибирские городовые летописи XVII—XVIII вв. Это — «Книга записная», «Записки, к истории Сибири служащие», представляющие собой погодные обзоры важнейших событий, изложенные в летописной форме, а также «Новая Сибирская история» Ильи Черепанова, доведенная до 1759 г. (компиляция из общерусских, сибирских летописей, сочинений Миллера и др.) ¹²⁹.

Вопрос о Есиповской летописи затрагивает М. Н. Сперанский в исследовании о Повести о Таре и Тюмени ¹³⁰. Публикуя текст этой повести, сохранившейся в самостоятельном виде в рукописном сборнике Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Сперанский в предисловии излагает ее содержание (нападение татар на эти и другие города в 1634—1635 гг.), высказывает предположение об ее авторе (житель Томска). Сравнивая тексты этой «воинской повести» и Есиповской летописи, составленной в 1636 г., автор замечает, что автор Повести о Таре и Тюмени использовал текст летописи в качестве источника. Наконец, он выдвигает гипотезу о Савве Есипове как авторе этой повести. Оба памятника — летопись и повесть — Савва Есипов написал примерно в одно время — в начале второй половины 1630-х годов.

* * *

Исследование летописания конца XV—XVII в. можно считать успешным лишь применительно к Никоновской летописи (Н. Ф. Лавров, С. П. Розанов) и сибирским летописям (С. В. Бахрушин). В целом же богатая история

¹²⁴ С. В. Бахрушин. Очерки, стр. 7—17.

¹²⁵ Там же, стр. 17—24.

¹²⁶ Там же, стр. 26—30.

¹²⁷ Там же, стр. 30—33.

¹²⁸ Там же, стр. 33.

¹²⁹ Там же, стр. 33—35.

¹³⁰ М. Н. Сперанский. Повесть о городах Таре и Тюмени. — «Труды Комиссии по древнерусской литературе Академии наук СССР», т. 1. Л., 1932, стр. 13—32. |

летописания этих столетий разрабатывалась явно недостаточно. Отмечу наличие разногласий среди исследователей по вопросу о времени составления некоторых памятников (например, тех же Никоновской и сибирских), о взаимоотношениях различных сибирских летописей между собой. Разногласия объясняются прежде всего крайне недостаточной изученностью истории летописных текстов. Некоторые выдвинутые в литературе гипотезы нуждаются в дополнительных доказательствах (например, мнение А. И. Соболевского о причастности протопопа Сильвестра к составлению в 1560-е годы Степенной книги, С. П. Розанова — об Иоасафе как об одном из возможных составителей Никоновской летописи, А. Ершова — о Захарии Копыстенском как предполагаемом составителе Густынской летописи), другие вызывают немалые сомнения (например, утверждение А. М. Ставровиц о Сергее Кубасове как авторе Строгановской летописи, якобы фальсификата 1673 г., и «Повести» Катырева-Ростовского).

В смысле методики летописного источниковедения следует выделить статьи Н. Ф. Лаврова, С. П. Розанова и М. Н. Сперанского, для которых характерен высокий уровень сравнительно-текстологического анализа.

ИЗУЧЕНИЕ ХРОНОГРАФОВ

Переводы, переписка, использование в качестве источников иностранных хронографических памятников, составление собственно русских хронографов занимает заметное место в истории отечественного летописания. Древнейшие хронографы составлялись в Византии на основе Библии, античных и византийских источников, т. е. являлись по своему характеру компиляциями. Эти обзоры всеобщей истории не содержали сведений по русской истории, но тем не менее вызвали интерес русских читателей и составителей древнейших летописных сводов.

К древнейшему типу хронографа принадлежит т. н. Еллинский и Римский летописец. В хронографах подобного рода сначала кратко описываются библейские события, затем идет очерк всеобщей истории, причем особенно большое внимание уделяется истории Рима, Александру Македонскому, Византийской империи от ее образования до падения в 1453 г.

Первоначальная, несохранившаяся редакция Русского хронографа была составлена в середине XV в. Пахомием Логофетом (Сербом). В нем к сведениям по всеобщей истории добавлены записи по русской истории и истории южных славян. Эта редакция была впоследствии продолжена (редакции 1512 г., 1617 г., после 1620 г. и др.)¹³¹. Источниками первоначальной редакции Русского хронографа являлись библейские книги, «Иудейская война» Иосифа Флавия, летописец Еллинский и Римский, хроники византийских авторов Иоанна Малалы, Георгия Амартола, Константина Манассии, Иоанна Зонары, патриарха Никифора, жития св. Саввы сербского и Стефана Лазаревича, общерусский свод Фотия 1423 г. («Полихрон») и др.

Те же византийские хроники имели на Руси хождение и в более отдаленные времена, начиная с XI—XII вв., когда их не только переводили и читали, но и перерабатывали, использовали при составлении русских летописных памятников.

Указанные выше византийские хронисты работали в разное время. Иоанн Малала жил в первой половине VI в. (его всемирная история доведена до 563 г.); Георгий Синкелл — в конце VIII — начале IX в. (его труд описывает события с «сотворения мира» до правления Диоклетиана); Георгий Амартол писал свое сочинение во второй половине IX в.; он называл себя «амартолос», т. е. «грешник», такое наименование стало впоследствии ассоциироваться с его личностью; хроника Амартола, доведенная до 864 г. и затем продолженная до 948 г., сохранилась почти в 30 списках X—XVII вв.; древнейший славянский перевод сделан в X в. в Болгарии; Иоанн Зонара жил в конце XI — первой половине XII в., его хроника доведена до 1118 г.; Константин Манассия — хронист XII в. (хроника доведена до 1081 г.).

До середины 1930-х годов появились одно научное издание хроники Георгия Амартола, а также описание рукописных списков Толковой Палеи (хронографической),

¹³¹ А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 1—2. М., 1866—1869; он же. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.

хроник Амартола, Манассии, хронографов, хронографических сборников¹³².

Большое внимание уделялось древнейшим византийским хронографическим памятникам. Из работ этого времени выделяю ряд исследований В. М. Истрина. В одном из них автор, отмечая использование в «Повести временных лет» жития Василия Нового в рассказе о походе русских на Царьград 941 г., пишет, что последний взят из «Хронографа по великому изложению», основанному в этой части на хронике Георгия Амартола и житии Василия Нового «с присоединением некоторых данных несомненно русского происхождения». Оба эти памятника были переведены на Русь в XI в.¹³³

Хронике Георгия Амартола тот же автор посвятил капитальное монографическое исследование и издал ее текст в древнерусском переводе¹³⁴. Текст хроники, вернее ее древнерусского перевода, издан по пергаменному списку XIII—XIV вв. Московской духовной академии (Троицкий список), варианты подведены по семи бумажным спискам XV—XVII вв., причем из списка Ундольского XV в. взято окончание текста хроники, отсутствующее в Троицком списке (хотя список Ундольского принадлежит ко второй редакции, в то время как Троицкий — к более древней). Продолжение хроники Георгия Амартола (на греческом языке) издано по Ватиканскому списку, греческий оригинал некоторых частей перевода — по Венскому списку¹³⁵.

В своем исследовании Истрин, помимо историографии вопроса¹³⁶ и детальных изысканий об особенностях перевода хроники Георгия Амартола¹³⁷, изучает редакции памятника¹³⁸, его связь с памятниками древнерусской лите-

ратуры¹³⁹, прослеживает пути проникновения в югославянские страны, на Русь византийских хронографических памятников¹⁴⁰. Одним из них была хроника Иоанна Малалы, посвященная в основном древнегреческой, отчасти и византийской истории. В полном виде она не сохранилась и дошла в составе т. н. еллинских летописцев разных редакций. В начале XII в. отрывки из нее вошли в продолжение «Повести временных лет».

При Ярославе Мудром в связи с основанием русской митрополии, построением Софийского собора и приездом в Киев греческого митрополита Феопемпта с греческим же клиром организуется большая работа по переводу ряда книг с греческого языка. Среди переведенных хронографических памятников была хроника Георгия Синкелла, доводившая изложение, довольно притом краткое, только до 284 г.; правда, в его труде древнерусский читатель нашел сравнительно подробное изложение еврейской истории (от пленения евреев до явления Иисуса Христа), что, как правило, отсутствовало в других хрониках. Все же этот памятник ввиду своей краткости заметного влияния на русское летописание не оказал. Другую судьбу испытала на русской почве хроника Георгия Амартола, ставшая весьма популярной на Руси и оказавшая, по словам Истрина, «большое влияние на развитие у нас исторической литературы»¹⁴¹. Георгий Амартол довел свой труд до 864 г., а неизвестный автор в 948 г. продолжил ее по хронике Симеона Логофета, причем первая редакция, принадлежащая Амартолу, была дополнена не только записями после 864 г., но и в тексте до этого года (разновременные вставки внутри основного текста). Оригиналом для древнерусского перевода послужил один из списков второй, дополненной, редакции труда Георгия Амартола. Этот оригинал сходен с Венским списком XI в. и Ватиканским списком XIII в.

Русский перевод хроники Георгия Амартола середины XI в. дважды, в том же XI в. (тотчас после изготовления перевода), и не позднее конца XII в., подвергался «стилистической чистке», направленной на исправление вкрапившихся в текст ошибок, улучшение качества перевода. Эти

¹³² «Описание Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР», I. Рукописи, т. 3, вып. 1. Л., 1930, стр. 1—30.

¹³³ В. М. Истрин. Где было переведено Житие Василия Нового? — ИОРЯС, т. XXII, кн. 2. Пг., 1918, стр. 320—321.

¹³⁴ В. М. Истрин. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь, т. I. Текст. Пг., 1920; т. II. а) Греческий текст «Продолжения Георгия Амартола»; б) Исследование. Пг., 1922.

¹³⁵ Там же, т. I, стр. VII, XI—XVIII.

¹³⁶ Там же, т. II, стр. 117—126.

¹³⁷ Там же, стр. 127—309.

¹³⁸ Там же, стр. 310—346.

¹³⁹ Там же, стр. 347—408.

¹⁴⁰ Там же, стр. 409 и сл.

¹⁴¹ Там же, стр. 411.

две обработки автор называет первой и второй редакциями, в то время как перевод середины XI в. — первооригиналом¹⁴².

«Первооригинал» хроники Георгия Амартола после ряда переписок дошел в одном Троицком списке XIII—XIV вв. (список Московской духовной академии). От первой редакции не сохранилось ни одного списка, но она дошла, правда неполностью, в составе древнерусских хронографических памятников; от второй редакции, которую продолжали переписывать, сохранилось семь списков.

Первая редакция хроники Георгия Амартола (т. е. текст той же середины XI в.), хроники Георгия Синкелла и, вероятно, Иоанна Малалы были привлечены составителем «Хронографа по великому изложению», отраженного в «Хронографической Толковой Палее» и других хронографических памятниках. Этот хронограф впоследствии подвергался обработке — дополнялся, сокращался (например, при описании похода Игоря на Царьград привлекли новый источник — житие Василия Нового).

В начале второй половины XI в. на основе «Хронографа по великому изложению» и записей о выдающихся событиях русской истории создается первая редакция «Повести временных лет». Нестор в начале XII в. создает вторую редакцию «Повести временных лет», добавляя к первой большое предисловие (при составлении которого снова воспользовался трудом Амартола, но уже в отдельном его списке первой редакции, а не в составе компиляции). Заимствования из труда Амартола в первой и второй редакциях «Повести временных лет» восходят, таким образом, по мысли Истрина, к тексту его первой редакции, а не «первооригинала».

Составленный в промежуток времени от конца XI до начала XIII в. Еллинский летописец первой редакции включил значительную часть хроники Георгия Амартола в той же первой редакции. Еллинский летописец второй редакции, составленный в первой половине XIII в. в Суздальской Руси, среди других источников использовал хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола в редакциях «Хронографа по великому изложению», и Еллинского летописца первой редакции.

¹⁴² В. М. Истрин. Книги временныя и образныя Георгия Мниха, т. II, стр. 416—417.

В начале второй половины XIII в. в составленном в Литве хронографе, посвященном истории евреев (Архивский, или Иудейский Хронограф), используется текст первой редакции хроники Амартола. Текст Амартола в передаче «Хронографа по великому изложению» был использован в качестве источника при составлении «Хронографической Толковой Палеи» полной и краткой редакций, сходной здесь с Еллинским летописцем второй редакции.

Из второй редакции хроники Георгия Амартола конца XII в. тогда же было извлечено Сказание о вхождении Александра Македонского в Иерусалим и включено в первую редакцию «Александрии». Но эта вторая редакция труда Амартола не раз переписывалась в самостоятельном виде.

Рассмотренные хронографические памятники («Хронограф по великому изложению», Еллинский летописец обеих редакций, «Хронографическая Толковая Палее» обеих редакций) являются, по заключению Истрина, памятниками не древнеболгарской, а древнерусской литературы. Из Болгарии пришла на Русь только хроника Иоанна Малалы. Хроники же Георгия Синкелла и Георгия Амартола «явились уже на Руси», их русские переводы и использовались при составлении только что названных древнерусских хронографических компиляций¹⁴³.

Известные события конца XIV — первой половины XV в. (с одной стороны — объединение русских земель, с другой — ослабление Византии, Флорентийская уния, падение Константинополя) сопровождались важными изменениями в духовной жизни на Руси, переживавшей национальное возрождение; к этому же времени относится начавшееся с конца XIV в. второе южнославянское влияние (появление на Руси южнославянских литературных памятников и самих славян, спасавшихся от новых завоевателей — турок и искавших прибежище у своих единоверцев — русских). Русские политики и книжники в XV в. берут на вооружение теорию о Руси, Москве как преемнице Византии в качестве мирового центра христианства. В этой обстановке в XV в. («в конце XV в.», по словам Истрина) появился Хронограф, в котором к истории библейской и истории византийской (они занимали

¹⁴³ Там же, стр. 429.

в предыдущих хронографических памятниках главное место, оттеснив на задний план историю других азиатских и европейских народов) была добавлена история южных славян и история русская¹⁴⁴. Для раздела по византийской истории, материал о которой сокращался, использовали уже не подробные хроники Иоанна Малалы и Георгия Амартола, а более краткие типа хроники Константина Манассии. Окончательное завершение этот Хронограф, являвшийся, так сказать, всеобщей историей православных народов (древнееврейской, византийской, южнославянской, русской) во главе с русским народом, историей «третьего Рима», получил в начале XVI в. (редакция 1512 г.).

Особую статью посвятил Истрин изучению взаимоотношений хроники Амартола с хронографическими толковыми палеями¹⁴⁵ (т. е. изложениями ветхозаветной, библейской истории; сопровождаемыми толкованиями, объяснениями, в отличие от исторических палей, в которых дается только фактическое изложение ветхозаветной истории). Отталкиваясь от своего исследования и издания текста Амартола, автор, еще в 1906 г. отметивший в общей форме заимствования из него (в части, касающейся «истории Давыда») в первую редакцию Толковой Палеи, теперь развивает дальше свои взгляды. Сравнивая передачу текста Амартола в разных редакциях Палеи, Истрин приходит к выводу, что каждая из них имеет первоначальные чтения, отсутствующие в других, но к наиболее древнему списку восходит т. н. Коломенская Палея (из этой «первоначальной редакции Палеи» образовались Полная и Краткая Палеи, которые тоже, независимо друг от друга, восходят к более древним спискам).

В статье о древнерусском переводе «Иудейской войны» Иосифа Флавия Истрин сравнивает его с переводом хроники Георгия Амартола и высказывает догадку, что первый памятник (древнейший список которого относится к XV в., но восходит ко второй половине XIII в.) мог быть переведен одновременно со вторым, во второй половине XI — первой половине XII в. Об этом же говорит и

¹⁴⁴ В. М. Истрин. Книги временныя и образныя Георгия Мниха, т. II, стр. 431—434.

¹⁴⁵ В. М. Истрин. Толковая Палея и Хроника Георгия Амартола.— ИОРЯС, т. XXIX. Л., 1925, стр. 369—379.

тот факт, что труд Флавия оказал влияние на «Слово о полку Игореве»¹⁴⁶.

Миниатюры хроники Георгия Амартола, сохранившиеся (в количестве 127) только в одном, древнейшем (неполном, дефектном) Троицком списке, восходящем, по терминологии Истрина, к «первооригиналу» русского перевода середины XI в., дают, по Д. В. Айналову, основание заключить, что одни из них взяты из различных источников (например, из греческих иллюстрированных библий), другие изготовлены («сочинены») «поздно, т. е., по-видимому, в XI веке, когда возникла вся иллюстрация греческого протооригинала»; они не имеют никакой связи с античной художественной традицией и обнаруживают «византийское художественное понимание»¹⁴⁷. Очень интересны наблюдения Айналова о проникновении в миниатюры хроники Амартола «русской формы, отпечатка русского быта и жизни». Точно так же, как при переводе на древнерусский язык появились отмеченные Истриным «русизмы» в языке, так и «в исполнении картинок обнаруживается у иллюстратора, или собственно русского копировальщика, такая же склонность к русизмам, которая стоит рядом с литературной»¹⁴⁸. Так, древнерусский рисовальщик понял слово «златник» из византийской хроники не как «золотая монета», а изобразил на своем рисунке золотую гривну-слиток. Тем самым миниатюры древнерусского перевода хроники Амартола являются памятником древнерусского же искусства.

Анализ первой миниатюры, посвященной заказчикам рукописи, и данных Тверской летописи привел автора к выводу, что на ней изображены тверской князь Михаил Ярославич и его мать Оксинья (Ксения), что рукопись была изготовлена до 1294 г. (год женитьбы князя Михаила)¹⁴⁹. В манере мастера Прокопия, рисовавшего эту миниатюру, Айналов прослеживает «отражение киевского

¹⁴⁶ В. М. Истрин. «Иудейская война» Иосифа Флавия в древнем славяно-русском переводе.— «Ученые записки Высшей школы г. Одессы», Отдел гуманитарно-общественных наук, т. II. Одесса, 1922, стр. 27—40.

¹⁴⁷ Д. В. Айналов. Миниатюры древнейших русских рукописей в Музее Троице-Сергиевой лавры и на ее выставке.— В кн.: «Краткий отчет о деятельности Общества любителей древней письменности и искусства за 1917—1923 гг.» [Л.] 1925, стр. 11—35.

¹⁴⁸ Там же, стр. 24.

¹⁴⁹ Там же, стр. 27—33.

домонгольского искусства, стоящего в близких связях с византийским цареградским»¹⁵⁰. С Киевом, центром митрополии, были постоянно связаны северо-восточные русские земли (те же Михаил и Оксинья посылали туда в 1289 г. посольство игумена Андрея, которого митрополит киевский и всея Руси Михаил поставил епископом в Тверь), отсюда разбегались в разные стороны художники «от утеснения татарского». Обстановка же установившегося в русских землях татаро-монгольского ига отразилась в этой миниатюре в том, что князь Михаил тверской изображен в зеленой татарской шапочке.

Таким образом, это интересное исследование Айналова показывает, что миниатюры древнейших русских рукописей дают дополнительную возможность для изучения истории текстов, их датировки.

Несколько небольших исследований посвящено поискам следов хроники Иоанна Малалы в древнерусских рукописных памятниках, компиляциях. Так, Д. И. Абрамович выявляет в древнейшем рукописном списке Златоусту¹⁵¹ XII в. из Публичной библиотеки отрывок из Х книги хроники Малалы (прение апостола Петра с Симоном волхвом). Сопоставляя этот отрывок с текстом хроники Малалы в Архивском Хронографе и Еллинском летописце первой и второй редакций, автор заключает, что «перед нами два различных перевода» и что хроника Малалы была известна на Руси не только в составе хронографических компиляций¹⁵².

Компилятивные хронографы, включающие хронику Иоанна Малалы, влияли, по мнению А. С. Орлова, на многие древнерусские исторические, литературные произведения — от «Повести временных лет» начала XII в. до «Повести» Катырева-Ростовского XVII в.¹⁵³ Работа Орлова посвящена в основном текстологическому сопоставлению «Повести о Казанском царстве» XVI в. с Хронографом

1512 г., которое позволило сделать вывод о влиянии Русского хронографа Пахомия Сербя середины XV в. (отразившегося в Хронографе редакции 1512 г.) на эту повесть. Но в ней имеются замечания о более раннем периоде русской хронографии. Так, Орлов считает, что влияние хронографической компиляции с Малалой на текст «Повести временных лет» имело место не в XII в., а в XIII в. и явилось следствием работы галицкого летописца (текст Галицкой летописи до 70-х годов XIII в. тоже отмечен сильным влиянием этой хронографической компиляции). Он же отмечает влияние подобных хронографических сборников на «Слово о полку Игореве», «Повесть о Мамаевом побоище», Повесть о взятии Царьграда в 1453 г.

Особенно сильное влияние на русское летописание оказал составленный, как считал А. А. Шахматов, в 1442 г. Пахомием Логофетом компилятивный Хронограф, в основу которого были положены Еллинский летописец второй редакции, Паралипоменон Зонары, жития Стефана Лазаревича, Стефана Дечанского, Иларiona Мегленского, Саввы Сербского, летопись Манассии и др., при изложении же русских событий — Владимирский Полихрон первой четверти XV в. (свод Фотия 1423 г.). Хронограф Пахомия дважды перерабатывался и дополнялся в XV в. и более пяти раз в следующем столетии¹⁵⁴.

Хроника Иоанна Малалы, полный текст которой не сохранился ни в греческих рукописях, ни в славянских переводах (впервые был сделан в Болгарии в X в.), послужила источником для разных хронографических компиляций (Архивский Хронограф, Еллинский летописец, хронографы особого состава), в которых отрывки из нее и сохранились. М. Н. Сперанский привлек к ее исследованию новую рукопись — Забелинский список (XVII в.) хронографа из Исторического музея в Москве, также содержащий отрывок из Малалы, близкий, как оказалось, к типу Архивского Хронографа, но сильно сокращенный в сравнении с ним¹⁵⁵.

Хроника Зонары известна у нас в полном виде (список Ундольского XVII в.) и в сокращенной переделке

¹⁵⁰ Д. В. Айналов. Миниатюры древнейших русских рукописей, стр. 33.

¹⁵¹ Златоуст — извлечение из сочинений Иоанна Златоуста, составленное в IX в. в Болгарии.

¹⁵² Д. И. Абрамович. Отрывок хроники Иоанна Малалы в Златоусте XII в. — «Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского». Л., 1928, стр. 19—24. Разрядка автора статьи.

¹⁵³ А. С. Орлов. Хронограф и «Повесть о Казанском царстве». — «Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского», стр. 188—193.

¹⁵⁴ Там же, стр. 188—189.

¹⁵⁵ М. Н. Сперанский. Забелинский отрывок Хронографа с Малалой. — «Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова». Л., 1934, стр. 75—81.

(т. н. Паралипоменон Зонары) (список Иосифо-Волоколамского монастыря XV в.). Их изучением и сравнением со списками, хранящимися в иностранных библиотеках (Венский, Хиландарский, Белградский списки XV—XVII вв.), занимался П. О. Потапов¹⁵⁶. Все указанные списки (кроме Паралипомена) ¹⁵⁷, по наблюдениям автора, представляют собой один перевод в одной редакции. Паралипоменон же Зонары является произведенным в 1383 г. механическим сокращением полного текста хроники за счет исключения почти всей древнееврейской истории и ряда статей, эпизодов из других частей хроники. Его текст восходит к списку Зонары, сделанному иноком Григорием в правление Стефана Душана с исправленного им списка, восходящего к полному тексту 1344 г. Список «невежественного» русского писца 1383 г. был снова переписан после 1408 г. К полному списку 1344 г. восходит список Ундольского XVII в.

Автор оспаривает мнение А. Н. Попова о переводе хроники Зонары на славянский язык в Сербии в 1344 г. В этом году, по Потапову, текст Зонары был только «списан», т. е. скопирован. Сам же перевод сделан предположительно в 1170 г. в Болгарии, находившейся в то время под властью Византии.

Относительно создания первой редакции Русского хронографа, датированной Шахматовым 1442 годом, С. П. Розанов высказал другую точку зрения¹⁵⁸. Он оспаривает вывод Шахматова, основывающегося в своей датировке на анализе хронологических расчетов конечной части Хронографа; согласно его концепции, он дает основание говорить, что к 1442 г. относится первая редакция Хронографа, а к 1453 г. относится уже следующая. Розанов подвергает сомнению правомочность подобных расчетов Шахматова, привлекающего для аналогии один из новгородских софийских сборников, содержащий Хронограф особого состава. Хронологический расчет последнего, по Розанову, не восходит к Русскому хронографу и носит вполне самостоятельный характер. Кроме того, записи

Русского хронографа после 1442 г. органически связаны с предыдущими (например, статья «О взятии Царьграда», которую Шахматов связывал с «личным творчеством» редактора Хронографа 1512 г., с чем не согласен Розанов). Розанов приводит ряд примеров, обосновывающих это положение (например, в той же статье «О взятии Царьграда» составитель ссылается на свою предыдущую работу с упоминанием о турках: «Первое убо рекох о них пространнейше, откуда начало приаши и како возвысися царство их, ныне же вкратце реку»; этот предшествующий текст помещен в том же Хронографе в пространной статье «Великое княжение Серпское и о турках»).

Датировка первой редакции Русского хронографа содержится, по наблюдению Розанова, во введении к нему; расшифровывая криптограмму составителя, он утверждает, что работа над Хронографом была начата в 1456 г. и окончена в 1462 г. Последняя дата подтверждается упоминаниями записей Хронографа о смерти Василия II Темного и вокняжении его сына Ивана III.

В построении Розанова имеется слабое место, связанное с истолкованием хронологического расчета криптограммы введения к Хронографу. Его составитель сообщает, что он начал свою работу «во обновление того (солнца.— В. Б.) двосотное и тридесать первое двадесать четвертого лета», т. е. на двадцать четвертый год двести тридцать первого «обновления солнца» — солнечного круга в 28 лет. Это дает $231 \times 28 = 6468 - 4 = 6464$ г. По мысли Розанова, из этой цифры высчитывалось не 5508, а 5500, в итоге получался 964 г., который мыслился как 6964 г. (поскольку в XV—XVII вв. при датировках нередко опускали тысячи и даже сотни), т. е. 1456 г. Год окончания получался таким же образом; во введении говорилось, что Хронограф составитель «кончах втораго лета во второе обновление», т. е. на второй год 232-го двадцативосьмилетнего периода солнечного круга; это дает $232 \times 28 = 6496 - 26 = 6470 - 5500 = 970$, т. е. 6970 = 1462 г.

Эта сложная конструкция, сопровождавшаяся произвольными подстановками цифр, встретила возражения А. Д. Седельникова¹⁵⁹. Он указал на недостаточную обоснованность хронологического комментария Розанова и

¹⁵⁶ П. О. Потапов. Судьба Хроники Зонары в славяно-русской литературе.— ИОРЯС, т. XXII, кн. 2. Пг., 1918, стр. 141—186.

¹⁵⁷ Паралипоменон («книги о пропущенном») — название двух исторических книг Библии, идущих вслед за книгами царств.

¹⁵⁸ С. П. Розанов. Время составления первоначальной редакции Русского хронографа.— ИОРЯС, т. XXX. Л., 1926, стр. 311—322.

¹⁵⁹ А. Д. Седельников. Досифей Топорков и Хронограф.— «Известия АН СССР», VII серия, Отделение гуманитарных наук, 1929, № 9, стр. 755—757.

возможность позднейших вставок (например, в первой половине XVI в.) в текст Хронографа, называющий Ивана III великим князем. Основная часть работы Седельникова посвящена доказательству того, что «старец» Иосифо-Волоколамского монастыря Досифей Топорков, племянник знаменитого Иосифа Волоцкого, является редактором Хронографа 1512 г., списанного в 1538 (7046) г. по повелению Досифея Вассианом Дракулой¹⁶⁰. Именно Досифею Топоркову, автору-составителю Волоколамского патерика, приписывает Седельников включенное в Хронограф «Изложение о вере». Сам же «первооригинал» Хронографа в списке 1538 г. предшествует последнему «лет на пятнадцать»¹⁶¹. Таким образом, согласно Седельникову, Хронограф 1512 г., использованный и переработанный Досифеем Топорковым приблизительно в середине 1520-х годов, в чистом виде не сохранился, а был заслонен более поздней переработкой — досифеевской же редакцией.

Хронограф редакции 1617 г. подвергся изучению со стороны содержащихся в нем сведений о «Смуте» начала XVII в. П. Г. Васенко отмечает художественное мастерство автора Хронографа 1617 г. при описании событий и исторических деятелей этого времени, фактические неточности в его изложении, наконец, высказывает предположение, что автором статей о «Смуте» был протопоп московского Благовещенского собора Терентий, известный в литературе как составитель Повести о видении некоему мужу духовну, а также послания и челобитной Лжедмитрию I¹⁶². Автор, развивающий здесь взгляды А. Н. Попова и С. Ф. Платонова, полемизирующий с ними и В. С. Иконниковым (считавшим автора статей о «Смуте» светским лицом), высказал интересную догадку, которая, однако, требует дополнительных обоснований.

П. Г. Любомиров в новом списке Хронографа редакции 1617 г. (принадлежал П. М. Мальцеву, затем Саратовскому университету), соединенного с Хронографом 1512 г. и отличающегося от напечатанного текста, прослеживает содержание статей о «Смуте», в частности характеристику знаменитого Д. М. Пожарского — одного из руководи-

лей Второго Ополчения. По наблюдениям автора, в этом списке отразилась попытка редактора-переписчика Мальцевского списка возвысить роль Пожарского в событиях начала XVII в., прииженную в том тексте оригинала, который он копировал и отчасти перерабатывал и правил¹⁶³.

* * *

Таким образом, изучение хронографического материала было сосредоточено в эти десятилетия в основном на византийских памятниках, точнее древнеславянских, в первую очередь древнерусских переводах византийских хроник и их использовании при составлении различных древнерусских же компиляций в XI—XV вв. Определенное внимание уделялось и истории текста древнерусских хронографических компиляций и собственно хронографов русской редакции XV—XVII вв. Наибольший вклад в изучение византийских хроник и их использования в древнерусских летописных и хронографических памятниках внес В. М. Истрин, автор важных работ на эту тему, особенно — замечательного исследования о хронике Георгия Амартола, издатель ее текста в древнерусском переводе. Он же дал в этой работе обзор истории всей русской хронографии на протяжении XI—XVII вв., т. е. от первых переводов византийских хроник на русский язык и составления первых компиляций до позднейших русских редакций хронографов. Представляют интерес и исследования о Толковой Палее (В. М. Истрин и др.), о хрониках Малалы и Зонары (Д. И. Абрамович, А. С. Орлов, М. Н. Сперанский, П. О. Потапов). Ряд положений, выдвинутых в исследованиях о различных редакциях Русского хронографа XV—XVII вв., вызывает сомнения или требует дополнительных изысканий, доказательств (например, выводы С. П. Розанова о времени составления первоначальной редакции Русского хронографа XV в.; мнение А. Д. Седельникова о досифеевских переработках Хронографа 1512 г., предпринятых в 1520-е и 1530-е годы; утверждение П. Г. Васенко о протопопе Терентии как авторе статей о «Смуте» в Хронографе 1617 г.).

¹⁶³ П. Г. Любомиров. Изображение Пожарского в новом списке «Хронографа 1617 г.» — «Культура, научное приложение», Саратов, 1922, № 2-3, стр. 17—21; см. также: он же. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939, стр. 307—313.

¹⁶⁰ А. Д. Седельников. Досифей Топорков и Хронограф, стр. 757 и сл.

¹⁶¹ Там же, стр. 765.

¹⁶² П. Г. Васенко. Заметки к статьям о Смуте, включенным в Хронограф редакции 1617 года. — «Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову». Пг., 1922, стр. 248—269.

В заключение следует отметить, что достаточно широкому и глубокому сравнительно-текстологическому анализу весь комплекс древнерусских хронографических памятников не подвергался.

ОБОБЩАЮЩИЕ ТРУДЫ

Помимо специальных исследований по отдельным конкретным вопросам истории русского летописания последней уделяется определенное внимание в обобщающих работах, посвященных прежде всего истории древнерусской литературы, а также развитию историографии России феодального периода, наконец, обзору источников по определенным историческим проблемам.

В историографическом очерке А. С. Лаппо-Данилевского древнейшее русское летописание рассматривается как начало русской историографии. Стремление к познанию прошлого своего народа, тесно связанное с развитием русского народного самосознания, побуждало его представителей, по Лаппо-Данилевскому, к научной обработке того, что сохранилось в памяти русского народа о его «бытиях и деях». В основе этого «умственного движения», обнаружившегося и в русской историографии, лежало, согласно идеалистической установке автора, «общечеловеческое стремление к чистому знанию и оценке его содержания»¹⁶⁴. Останавливаясь в общих чертах на вопросе о развитии исторической мысли Древней Руси, смене точек зрения, образовании школ и направлений, автор изолируется от классовой сущности этих течений как направлений в развитии феодальной идеологии.

Лаппо-Данилевский пишет о несомненном влиянии церковной точки зрения на понимание исторического прошлого своего народа, особенно в то время, когда «краткие погодные записи или календарные заметки современников о важных с их точки зрения событиях стали перерабатываться в летописные своды»; это происходит, с его точки зрения, в конце XI — начале XII в. (своды киевского игумена Иоанна и монаха Нестора; Древнейший свод 1037—1039 гг. и свод Никона 1070-х годов автор не упоминает, считая, вероятно, их существование пробле-

матичным). Первые своды возникли «под некоторым влиянием византийской и южнославянской письменности»¹⁶⁵.

Говорит автор и об отражении в древнерусской летописи мирских, политических интересов, но этот тезис лишен научного классового содержания; дело сводится к зависимости монастырей, в которых велась летописная работа, от того или иного князя; от сводов, составленных в монастырях, отличались своды, составленные «в условиях вольной городской жизни» и склонные «отмечать события, касавшиеся ее благосостояния»¹⁶⁶.

Работу Нестора Лаппо-Данилевский характеризует в духе концепции Шахматова, хотя недооценивает, на мой взгляд, значение предшествующего свода, положенного в основу его труда. С его точки зрения, свод Иоанна конца XI в. был «значительно переработан» Нестором, последний «произвел... систематическую выборку из хроники Амартола и его продолжателя» (хотя последняя могла быть им использована не непосредственно, а через посредство предшествующего свода) и других источников. Сомнительно, чтобы повесть о призвании варягов была включена в «Повесть временных лет» самим Нестором и т. д.¹⁶⁷

Последующие киевские редакции «Повести временных лет» (имеются в виду редакции 1116 и 1118 гг.) получили более широкое распространение, их политические тенденции благоприятствовали взглядам Владимира Мономаха.

Далее автор характеризует летописание Новгорода и Пскова, Галича и Волыни, которое имело по преимуществу местный характер, но испытало влияние киевского летописания. Он отмечает, помимо этого, такие их особенности, как обнаруживающееся иногда во псковских летописях сочувствие к «меньшим людям», боровшимся с «большими людьми». Новгородские и псковские летописцы нередко выражают враждебные чувства к Москве, стеснявшей вольности их земель; псковичи, кроме того, не могут скрыть подчас недовольства действиями «старшего брата» Новгорода Великого. Однако в этой характеристике мы не найдем правильной исторической оценки процесса образования единого государства в пору объединения русских земель, находившей яркое отражение в политической на-

¹⁶⁴ А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк развития русской историографии. Введение. — «Русский исторический журнал», 1920, кн. 6, стр. 5.

¹⁶⁵ Там же, стр. 6—7.

¹⁶⁶ Там же, стр. 7.

¹⁶⁷ Там же, стр. 7—8.

правленности летописных сводов времени феодальной раздробленности и образования единого Русского государства.

Лаппо-Данилевский говорит о светском характере, яркости, живости Галицко-Волинской летописи, отступающей к тому же от строго хронологической манеры изложения. Кратко характеризуется северо-восточное летописание (Ростовская, Переяславская, Тверская, Архангельская, Двинская, Устюжская и другие летописи).

Характеризуя общерусские летописные своды, автор пишет, что древнейший из них был составлен во Владимире, затем он отразился в московских летописях XV—XVI вв. (в том числе в своде 1423 г., Воскресенском своде и др.). Из летописей XVI в. автор останавливается на Никоновском своде, Степенной книге, особо подчеркивая ее православно-политическую тенденциозность.

С точки зрения автора, Степенная книга завершает собой летописный период нашей историографии¹⁶⁸, с чем, конечно, согласиться невозможно. Правда, он говорит о деятельности в середине XVII в. Записного приказа, которому было поручено продолжить до этого времени Степенную книгу, о компилятивном труде дьяка Федора Грибоедова, но, как видно, не придает этому особого значения: «Прежние летописные своды стали постепенно перерождаться в компилятивные исторические сочинения, явно окрашенные политическими тенденциями»¹⁶⁹ (эти политические тенденции и ранее имели место, что признает и автор). Официальные записи о военных походах, службах, назначениях постепенно стали переходить из летописей в разрядные книги; все большее развитие получают более свободные формы исторического рассказа — повести, сказания (о Мамаевом побоище, взятии Казани, событиях «Смуты» и др.). Появляются исторические компиляции, сочинения со связным изложением истории своего отечества, для которых характерны начавшееся падение исключительного господства религиозной догмы над наукой, наличие некоторых приемов критики текста, использование западных исторических трудов, определенное понимание значения исторического знания (хроника Феодосия Сафоновича, «Синописис» И. Гизеля и др.)¹⁷⁰.

В целом очерк Лаппо-Данилевского, довольно общий, популярный, исходит по существу из представления о «саморазвитии идей», обусловленность которых определенными историческими обстоятельствами, процессами игнорируется.

В. М. Истрин в курсе древнерусской литературы исходит из правильного тезиса о том, что она в XI—XIII вв. была «общерусской» или, точнее, просто «русской» и «не была ни великорусской, ни малорусской, ни белорусской»¹⁷¹. Его же утверждение, что она не была идейной (хотя и откликалась на те или иные общественные, политические события), как, например, в XV—XVII вв.¹⁷², не соответствует действительности. Автор игнорирует классовое содержание, идейную борьбу, отразившуюся в памятниках древнерусской литературы.

Характеризуя древнерусскую историческую литературу, Истрин останавливается на переводных хрониках и компилятивных хронографах¹⁷³. Первые переводы византийских хроник, появлявшихся с V до XII в., были сделаны в Болгарии при царе Симеоне (885—927 гг.). Византийские хроники, как правило, содержали более или менее подробное обозрение событий мировой истории, начиная с «сотворения мира»; они имеют «церковно-народный характер»; все это определило интерес к ним в славянском мире (в отличие от византийских «историй», появившихся в V—XV вв. в количестве около трех десятков и дававших описание событий только своего времени; ни один из этих трудов у южных славян и русских переведен не был).

Далее автор говорит о переводах хроник Иоанна Малалы Антиохийского (на Руси стала известна в конце XI — начале XII в.), Георгия Синкелла (то же в конце XI в.; обе эти хроники большого распространения не получили), Георгия Амартола (переведена на Руси в середине XI в., стала очень популярной у русских книжников, их главным источником по всеобщей истории), «Исторической Палеи» (или «Очи палейных», «Книга бытия небеси и земли» — сокращенное изложение библейской истории), «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия

¹⁶⁸ А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк развития русской историографии, стр. 10—13.

¹⁶⁹ Там же, стр. 14.

¹⁷⁰ Там же, стр. 16—24.

¹⁷¹ В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы домонгольского периода (11—13 вв.). Пг., 1922, стр. V.

¹⁷² Там же, стр. VII—VIII.

¹⁷³ Там же, стр. 84—95.

(использованной, наряду с Библией, хрониками Малалы и Амартола, при составлении Архивского, или Иудейского Хронографа — компилятивного сочинения по истории еврейского народа).

Первые хронографические памятники были составлены на Руси по указанным выше хроникам. Здесь Истрин излагает свои взгляды на начало русского летописания, в котором большую роль сыграло появление в середине XI в. «Хронографа по великому изложению». В XI—XII вв. в Киеве на основе в первую очередь хроник Малалы и Амартола был составлен компилятивный сборник, названный автором «Еллинский и Римский летописец» (т. н. первой редакции), причем под «Еллинским летописцем» он разумел хронику Малалы, под «Римским летописцем» — хронику Амартола. Этот сборник (наряду с «Хронографом по великому изложению», «Александрией» распространенной редакции, «Сказанием Епифания о богородице», «Сказанием о взятии Константинополя крестоносцами», «Видением Даниила» и др.) был использован при составлении в Суздальской земле в XIII в. Еллинского и Римского летописца второй редакции. «Хронограф по великому изложению» отразился и в Хронографической Толковой Палее.

Истрин и в этом труде отстаивает мнение, что историческая литература на Руси появилась сначала в виде византийских переводных хроник — «всеобщих» историй (главным образом еврейской, как предхристианской, и византийской, как христианской). Под их влиянием и на их основе появляются русские компилятивные хронографы, присоединившие к себе некоторые русские сказания; затем отпочковывается история «русская» — «Повесть временных лет».

Хроники Иоанна Зонары и Константина Манассии, переводы которых были сделаны в Болгарии в XII в., были использованы (особенно вторая из них) составителем Русского хронографа; последний Истрин датирует концом XV в. (Шахматов — серединой XV в.)¹⁷⁴.

Относительно русского летописания Истрин указывает на его особенность, состоящую в том, что «летопись не есть памятник, вылившийся из-под пера какого-либо одного автора, в какое-либо одно определенное время и в ка-

ком-либо одном определенном месте». Нужно говорить о древнерусском летописании середины XI—XVI в. (о более раннем и более позднем летописании Истрин не считает возможным говорить); «в древнерусском «летописании» участвовало громадное количество авторов различных эпох, различных настроений и взглядов»¹⁷⁵. Он указывает на неодинаковый характер работы летописцев XI в.: одни составляли записи о современных им событиях, другие выступали в роли сводчиков, компиляторов предшествовавших им записей; в свои своды они включали материал или в полном виде, или в выборках, добавляли кое-что от себя (рассуждения, замечания).

Дошедшие до нас списки летописей (их около 200, как говорит Истрин) представляют собой позднейшие своды, имеющие, как правило, длинную предшествующую историю.

Далее Истрин развивает взгляд на древнерусскую летопись, с которым трудно согласиться: она, с его точки зрения, отличается однообразием, несмотря на ее длинную историю. Даже если разложить летопись на составные части, то и тогда невозможно обнаружить их прямую зависимость от современности; «побуждения книжников, составивших (у автора: составившего. — В. Б.) тот или другой свод, обыкновенно остаются неясными». «Исключение» Истрин делает лишь для первоначального свода, составленного в начале правления Изяслава Ярославича (с 1054 г.), т. е. для первой редакции «Повести временных лет», согласно его схеме начального летописания. В ней высказаны определенные взгляды на окружающую жизнь и взаимные отношения, обнаружены нравственные воззрения, использованы определенные литературные приемы. Все это без изменений внесено в последующие «продолжения» «Повести временных лет», которые ничего нового не содержали. Автор пишет об «устойчивости нравственных воззрений» русских книжников XI—XIII вв.¹⁷⁶

Истрин не считает возможным дать точный ответ на вопрос об «официальном» или «любительском» характере русских летописей. Возможно, с его точки зрения, и то, и другое. Некоторые летописи велись при княжеских дворах, имели официальный характер, другие составлялись

¹⁷⁴ В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы, стр. 94.

¹⁷⁵ Там же, стр. 135.

¹⁷⁶ Там же, стр. 136—137.

«из любви к книжному делу» самих книжников, являлись результатом их «чисто литературных склонностей». Летописные же своды он сколь решительно, столь и неосновательно считает «чисто литературными памятниками»¹⁷⁷.

Далее автор характеризует Лаврентьевскую и Ипатьевскую летописи, особенно их начальную часть, т. е. «Повесть временных лет», показывает отличия обоих текстов, говорит о повгородских и других летописях¹⁷⁸. Подробно Истрин излагает свои взгляды на начальное русское летописание («Хронограф по великому изложению», первая редакция «Повести временных лет», ее возможное продолжение Никоном в 70-е годы XI в., труд Нестора, копия с него Сильвестра в начале XII в.)¹⁷⁹.

В XII—XIII вв. летописание раздробилось по разным центрам; летописи этого времени, тоже не дошедшие до нас в первоначальном виде, отразились в более поздних летописных сводах.

Наряду с другими памятниками антиеврейской литературы, появившимися на Руси в переводах с XI в. («Толковые Псалтыри», «Толковые пророчества» и др.), Истрин останавливается и на «Толковой Палее, яже на Иудея» — памятнике XIII в., Иудейском Хронографе, составленном в западнорусских областях в середине XIII в., и др.¹⁸⁰

Наконец, Истрин характеризует «Летописец Переяславля-Суздальского» (название самого памятника, сохранившегося в списке XV в., другое: «Летописец русских царей», составлен он в 1214—1219 гг.), возникший в Переяславле при князе Ярославле Всеволодовиче (1213—1236 гг.), сыне Всеволода Большое Гнездо и отце Александра Ярославича Невского. Одна из редакций этого летописца, текст которого в списке первой четверти того же XIII в. был украшен миниатюрами, был впоследствии, в XV в., скопирован (с пропусками и дополнениями), и эта копия известна под названием Радзивилловской, или Кенигсбергской, летописи¹⁸¹.

Ряд положений книги В. М. Истрина вызвал возражения М. Д. Приселкова, который в своей рецензии на нее,

в целом очень благожелательной, подверг критике тезис автора об отсутствии идейности в древнерусской литературе XI—XIII вв. По его словам, «как бы ни увлекалась русская историческая наука вопросами социально-экономическими и политическим быта, пред одним фактом она всегда останавливалась с высокой оценкою: пред фактом упорного существования, вопреки всякой политической очевидности, именно идеи осознанной национальности — единого русского народа и единой Русской земли, — выросшей необычайно рано, засвидетельствованной в первых же памятниках нашей письменности, с необычайною яркостью сказавшейся в создании и обработке русского летописания, бережливо унесенной на север с пикнувшего киевского юга и здесь закрепленной, — уже в татарскую пору, — в политическую программу собирания «всей Руси»... Единая Русская земля была идеей основною и всенаполняющею, составляя, так сказать, тот воздух, без которого не было бы жизни произведений нашей древней литературы»¹⁸².

Сам Приселков допускал преувеличение, когда связывал зарождение национального сознания и идеи политического единства Руси с установлением византийской «игемонии» и появлением в Киеве греческой митрополии в середине XI в. С этого времени и до середины XV в. (т. е. до падения Византии) и продолжается, по Приселкову, первый период в истории русской литературы (и тем самым летописания), развитие которой, следовательно, зависело в первую очередь от установления и затем освобождения от византийского влияния¹⁸³.

А. С. Орлов отмечает свойственную русской летописи систему, некоторую стройность состава, «но она поддерживается лишь византийской традицией и хронологической сетью, а также политической тенденцией, в общем же такие сборники неоднородны в своих частях и хаотичны в их расположении».

Иван IV усилил в русской летописи, под которой подразумевается прежде всего Лицевой свод XVI в., абсолютистскую тенденцию; в ней представлена мировая история, а его царствование рассматривается как наилучший

¹⁷⁷ В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы стр. 137.

¹⁷⁸ Там же, стр. 138—141.

¹⁷⁹ Там же, стр. 141—148.

¹⁸⁰ Там же, стр. 213—223.

¹⁸¹ Там же, стр. 224—227.

¹⁸² «Россия и Запад, исторические сборники», № 1. Пг., 1923, стр. 199.

¹⁸³ Там же, стр. 200—201.

результат мирового исторического процесса. Автор присоединяется к Преснякову, критиковавшему собственное наименование этого свода «исторической энциклопедией» (под влиянием Шахматова, который назвал одну из реконструированных им хронографических компиляций «древнеболгарской энциклопедией X в.», что встретило возражения Истрина). Лицевой свод XVI в. таковой «энциклопедией» не является¹⁸⁴.

Характеристики древнерусских, западнорусских (украинских, белорусско-литовских) летописей мы находим в ряде книг. В. И. Пичета кратко пишет о летописании XI—XVII вв.¹⁸⁵, причем ошибочно считает, что в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях в части до 1110 г. (т. е. в тексте «Повести временных лет») «нет различий», что «продолжением Ипатьевского свода (нужно: «Повести временных лет» по Ипатьевскому списку или своду.— В. Б.) является Киевская летопись, доводящая рассказ до 1200 г. (на самом деле до 1198 г.— В. Б.)»; спорно деление на редакции (краткая, средняя и полная) литовско-белорусских летописей (например, к краткой отнесены такие различные по своему характеру памятники, как Летопись Авраамки, Супрасльская и др.)¹⁸⁶.

Подобные же, но более обширные обзоры приводятся в книгах Д. И. Багалей, детально рассмотревшего историю летописания с XI в. (уже применительно к этому времени автор говорит об «украинско-русских летописях») до XVII в.¹⁸⁷, М. С. Грушевского¹⁸⁸ и Ф. П. Сушицкого¹⁸⁹.

Краткий обзор сибирских летописей XVII—XVIII вв.

¹⁸⁴ А. С. Орлов. Книга русского средневековья и ее энциклопедические виды. — «Доклады АН СССР», серия В, 1931, № 3, стр. 44—45.

¹⁸⁵ В. И. Пичета. Введение в русскую историю (Источники и историография). М.—Л., 1922 (на обложке — 1923), стр. 34—36, 76, 87—88.

¹⁸⁶ Там же, стр. 34, 76, 87.

¹⁸⁷ Д. Багалей. Нарис української історіографії, т. I, вип. 1. Літописи, Київ, 1923; вип. 2. Джерелознавство. Київ, 1925.

¹⁸⁸ М. Грушевський. Історія української літератури, т. II. Київ — Львів, 1923, стр. 108—146; т. III. Київ — Львів, 1923, стр. 3—82, 142—215; т. V, вип. 1. Київ, 1926, стр. 162—185.

¹⁸⁹ Ф. П. Сушицкий. Западно-русские летописи как памятники литературы, ч. I. Киев, 1924; он же. Західньо-руські літописи як пам'ятки літератури, ч. II. Київ, 1929. Рецензию В. П. Адриановой см.: «Труды Института славяноведения АН СССР», т. I. Л., 1932, стр. 506—507.

мы находим в работах В. И. Огородникова (по литературе излагаются вопросы о начале летописания в 1620-е годы при тобольском архиепископе Киприане, «казацком написании», синодике тобольского Софийского собора, составлении в XVII—XVIII вв. летописей — Есиповской, Строгановской, Кунгурской, автором которой он ошибочно считает С. У. Ремезова, Черепановской)¹⁹⁰.

* * *

Наиболее значительным из обобщающих, обзорных трудов 1918 — середины 1930-х годов нужно признать книгу В. М. Истрина о древнерусской литературе XI—XIII вв., для которой характерен оригинальный, индивидуальный, хотя и спорный в ряде случаев, подход автора к решению некоторых вопросов истории русского летописания, особенно начального его периода. Эта работа и статья А. С. Лаппо-Данилевского содержат ошибки принципиального, теоретического характера (у первого — утверждение об отсутствии идейности в древнерусских летописных сводах, являвшихся к тому же якобы чисто литературными произведениями, у второго — исходная мысль о развитии национальной идеи, отразившейся в историографии Древней Руси, как стремлении к «чистому знанию» и др.). Общим для работ подобного рода являлось игнорирование или недооценка классовой обусловленности различных направлений исторической мысли как отражения феодальной идеологии. В работах некоторых авторов проявлялось стремление представить древнерусское летописание XI—XII вв. «украинским» или «украинско-русским». Как и в специальных исследованиях по отдельным вопросам истории летописания, в обобщающих, обзорных работах имели место разногласия, споры, а также ошибочные моменты (например, выводы о редакциях белорусско-литовских летописей и др.).

¹⁹⁰ В. И. Огородников. Очерк истории Сибири до начала XIX стол., ч. I. Введение. История дорусской Сибири. Иркутск, 1920, стр. 30—41.

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СЕРЕДИНЫ 1930-х — СЕРЕДИНЫ 1950-х ГОДОВ

ИЗУЧЕНИЕ НАЧАЛЬНОГО РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

В указанные два десятилетия советское летописеведение проделало немалую работу по изучению древнейшего периода русского летописания.

В области публикации летописных текстов в этот период вышло хорошо подготовленное научное издание «Повести временных лет»¹. Первая часть содержит ее текст до 1117 г. по Лаврентьевской летописи (окончание с 1110 до 1117 г. — по Ипатьевской) и перевод на современный русский язык; вторая часть — выполненные Д. С. Лихачевым историко-литературный очерк о «Повести временных лет», обзор ее списков, комментарии (частично составлены Б. А. Романовым), указатели, родословную таблицу русских князей, упоминаемых в ней, схему взаимоотношений летописных сводов, включивших в свой состав ПВЛ, две карты.

По своему научному значению это издание нельзя не признать выдающимся явлением в отечественном летописеведении, в летописной археографии².

Важно отметить, что Д. С. Лихачев издает текст ПВЛ по одному Лаврентьевскому списку, а разночтения из ряда списков, сохранившихся в составе других летописных сводов, приводит не в подстрочнике, а в комментариях, сопровождая их своими разъяснениями. Тем самым, с одной стороны, становится понятной история текста ПВЛ в

составе многих самостоятельных редакций русских летописей; с другой — устраняются ошибки предыдущих изданий ПВЛ (А. Ф. Бычкова и др.), в которых издаваемый основной текст Лаврентьевского списка 1377 г. по существу подновлялся, заменялся в ряде случаев текстом более поздних списков, например Радзивилловского, Московско-Академического XV в.

В историко-литературном очерке Д. С. Лихачев развивает свои взгляды на начало русского летописания (его устные народные истоки, составление повести о распространении христианства на Руси и т. д.). Отмечая, что шахматовская схема начального русского летописания (Древнейший свод 1037—1039 гг., свод Никона 1073 г., Начальный свод 1093—1095 гг., три редакции «Повести временных лет») хорошо обоснована множеством соображений и ее следует принять, несмотря на возражения В. М. Истрина и Н. К. Никольского, что ее автор принес в формальный филологический анализ исторический подход, Д. С. Лихачев считает, что последний все же был у него неправилен, так как он «признавал только политическую борьбу феодальных центров, но он не видел классовой борьбы»³.

* * *

Из работ, посвященных древнейшему русскому летописанию, остановлюсь прежде всего на статьях, в которых ставился и разрабатывался вопрос о его зарождении. М. Н. Тихомиров⁴, разбирая употребление «Повести временных лет» применительно к Киевской земле понятий «Русь», «Русская земля», пишет, что существование Древнейшего свода 1037 г., к которому Шахматов и Приселков возводят большинство русских известий за IX—X вв., недостаточно доказано: сводчик 1037 г. должен был рассказать с особой подробностью о своем времени, между тем о правлении Ярослава Мудрого в летописи говорится кратко и неточно, как и о правлении его отца Владимира после крещения Руси 988 г. (т. е. в части за 988—1015 гг.). О второй половине X в. (о времени Святослава, распри его сыновей, первых годах правления Владимира) говорится более подробно, чем о первой половине XI в. К тому же

¹ «Повесть временных лет». Ч. 1. Текст и перевод. Подготовка текста Д. С. Лихачева. Перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под ред. члена-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950. Ч. 2. Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под ред. члена-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.

² См. рецензию В. Т. Пашуто: «Вопросы истории», 1951, № 7, стр. 117—121.

³ «Повесть временных лет», ч. 2, стр. 58—60.

⁴ М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». — «Советская этнография», 1947, № VI—VII, стр. 62—66.

Владимир Святославич изображен в этом рассказе в довольно непривлекательном свете (низкое происхождение от ключницы, жестокость, вероломство, развратность) в противоположность убитому им брату Ярополку.

Сравнивая тексты «Повести временных лет» и Новгородской I летописи, «которая, как доказал А. А. Шахматов, дает понятие о составе более древнего текста, чем Повесть временных лет», автор приходит к заключению, что Новгородская I лучше, чем ПВЛ, передает текст особого источника, в них отразившегося,— Повести о начале Русской земли (правда, и в Новгородской I она имеет признаки переработки, сделанной в 70-е годы XI в.; в ПВЛ же она осложнена многими вставками, например о призвании трех варяжских князей; ее текст разбит на годы, что отсутствовало в первоначальном тексте Повести о начале Русской земли). В Повести о начале Русской земли рассказывается об основании Киева и первых русских князьях. Благожелательность летописца к Ярополку и враждебность к Владимиру говорят за то, что она была составлена при Святополке Окаянном, правившем в 1015—1019 гг.; он считался сыном то ли Ярополка, то ли Владимира («Владимир же залеже жену братью грекиню, и бе непрадна, от нея же родися Святополк..., бе бо от двою отцу, от Ярополка и от Володимера»)⁵. В эти годы происходила борьба Святополка с Ярославом, который победил с помощью варягов. Именно этим объясняются последующая обработка рассказа о начале Русской земли в духе, угодном Ярославу и варягам, выдвижение на первый план роли варягов, Новгорода в создании Русского государства, попытка доказать скандинавское происхождение слова «Русь» (в то время как в первоначальной редакции Повести о начале Русской земли понятие «Русь» связывалось с полянами, Киевской землей)⁶.

Отмечу, что автор оставил без объяснения факт переработки первоначального текста Повести о начале Русской земли при Ярославе Мудром: неясна форма, в которой была проделана эта переработка (вероятно, не при включении Повести о начале Русской земли в летописный свод, поскольку М. Н. Тихомиров не согласен с мнением о со-

ставлении при Ярославе свода 1037—1039 гг., а путем обработки текста самой Повести, которая впоследствии попала в один из сводов второй половины XI в. или начала XII в.).

Л. В. Черепнин в статье о «Повести временных лет» затрагивает вопрос о предшествующем ей древнейшем летописании⁷. Сначала он напоминает, что, согласно взглядам Шахматова, этот свод имел три редакции — 1113, 1116 и 1118 гг. (правда, Шахматов колебался и иногда считал, что труд Сильвестра 1116 г. является не редакцией, а лишь списком с Несторовой редакции 1113 г., которую он датировал и иначе — 1111 г.); его построение было поддержано М. Д. Приселковым и Д. С. Лихачевым. Возражение Л. В. Черепнина названным авторам сводится к тому, что нельзя противопоставлять Несторову и Сильвестрову (т. е. первую и вторую) редакции памятника друг другу по их отношению к Святополку и Владимиру Мономаху (первая редакция защищала-де интересы Святополка в ущерб Владимиру Мономаху, вторая выступала с противоположных позиций), нельзя говорить об обострении в связи с этим отношений между Мономахом и Киево-Печерским монастырем, где составлялась первая редакция ПВЛ. Автор обосновывает свои доводы тем, что Киево-Печерский патерик, ярко отражающий взгляды братии этой обители, неизменно благожелателен к Владимиру Мономаху, который, со своей стороны, был весьма близок к монастырю, с благоговением относится к его святыням. То же характерно и для «Повести временных лет». В то же время Патерик осуждает насилия Святополка (наряду с благожелательными замечаниями в его адрес). Патерик же в той части, которая восходит к «Посланию» Поликарпа, основан, как показал Шахматов, на первой, Несторовой, редакции «Повести временных лет». Тем самым снимается противопоставление двух ее первых редакций, а «Нестора можно считать человеком, сочувствовавшим Мономаху, и подходить к его труду следует как к произведению, задуманному вместе с Мономахом по вокняжении последнего в Киеве»⁸. Он был составлен между 1113 (вокняжение

⁵ М. Н. Тихомиров. Происхождение названия «Русь» и «Русская земля», стр. 65—66, 71.

⁶ Там же, стр. 71—72.

⁷ Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды.— «Исторические записки», т. 25, 1948, стр. 303—333.

⁸ Там же, стр. 306—310.

Владимира Мономаха) и 1116 гг. (появление второй редакции), точнее — в связи с освящением в 1115 г. нового каменного храма в Вышгороде и перенесением туда рак с мощами «заступников земли Русьстей» Бориса и Глеба. Этот акт считался большим национальным праздником; он продолжался три дня, в нем участвовали князья, в том числе Владимир Мономах, церковные иерархи, множество народа, получившего «милости» от властей. Привлечение Нестора к составлению этого труда объясняется тем, что он был известен как автор Чтения о Борисе и Глебе. Л. В. Черепнин соглашается с выводом С. А. Бугославского о написании Нестором Чтения около 1108 г. (а не между 1081—1088 гг., как полагал Шахматов), но оспаривает его мнение, что Нестор не является составителем «Повести временных лет». И то, и другое произведения близки друг другу по времени появления и идейной направленности (концепция борьбы язычества и христианства и победы последнего, осуждение княжеских усобиц, обоснование принципа старейшинства среди князей-правителей)⁹.

Некоторые различия между «Повестью временных лет», с одной стороны, и Чтением о Борисе и Глебе и житием Феодосия Печерского (в этих двух произведениях Нестор сам говорит о своем авторстве), с другой, что дало основание Бугославскому отрицать причастность Нестора к составлению первого из названных трех памятников, Л. В. Черепнин в общей форме объясняет тем, что ПВЛ по своим характеру и задачам — памятник иного типа в сравнении с двумя другими. Кроме того, при ее составлении он использовал готовые образцы — более ранние летописные своды¹⁰.

В связи с развиваемым им новым взглядом на обстоятельства и время составления первой редакции «Повести временных лет» Л. В. Черепнин пишет, что во второй, Сильвестровой, редакции переработка шла не по линии устранения просвятополковской и антимомомаховской тенденций, а по пути переделки известий 1110—1115 гг., особенно описания перенесения мощей Бориса и Глеба в 1115 г. Дело в том, полагает Л. В. Черепнин, что это описание, которым и заканчивался труд Нестора (первая ре-

дакция «Повести временных лет»), содержало упоминание о споре между Владимиром Всеволодовичем Мономахом и Олегом Святославичем (оба — внуки Ярослава Мудрого) о месте, куда следовало поставить раки с мощами: первый предлагал поставить их в середине церкви, второй — на правой стороне, «в комару, иде же отць мой, рече, назнаменел» (имеется в виду Святослав Ярославич черниговский). По предложению митрополита бросили жребий, и победу одержал постоянный соперник Мономаха Олег Святославич (это тот Олег «Гориславич», который с немалой долей горечи упоминается в «Слове о полку Игореве»). Все эти события и были изложены Нестором, в труде которого Олег выглядел победителем, хозяином торжества (именно у него обедали его участники — князья и духовенство, собравшиеся в Вышгороде). Смерть Олега Святославича в августе 1115 г. (перенесение мощей состоялось в мае 1115 г.), последовавшая затем перегруппировка сил Всеволодичей и Святославичей дали Мономаху возможность пересмотреть труд Нестора в этой части, чтобы более определенно заявить свои права на киевский стол в обстановке политического соревнования Всеволодичей и Святославичей¹¹.

Менее убедительно (за неимением материала) разработан автором вопрос о стремлении Владимира Мономаха к пересмотру первой редакции «Повести временных лет» в связи с освещением в ней его социальной политики во время Киевского восстания 1113 г., когда он пришел к власти, и составлением им в том же году законов о «резах», «закупах» и, возможно, других¹².

Возникновение в 1118 г. третьей редакции автор связывает с усобицей 1117 г. между Ярославом Святославичем и Владимиром Мономахом. Именно эти события дали толчок к включению в «Повесть временных лет» (в третьей редакции) «Поучения» Владимира Мономаха и повести галицкого священника Василия об ослеплении Василька Ростиславича и других событиях 1098—1099 гг. Автор подчеркивает, что соседство этих памятников и их помещение именно в этом месте летописи — не случайность (как писали Шахматов и Приселков), а вполне сознательное стремление связать воедино записи о Лю-

⁹ Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет», стр. 310—314.

¹⁰ Там же, стр. 314.

¹¹ Там же, стр. 315—316.

¹² Там же, стр. 316—318.

бечском съезде, осудившем усьобицы, с записями о неправедных действиях Святополка Изяславича (отца Ярослава), ослепившего Василька Ростиславича, и содержащимися в «Поучении» записями о борьбе с усьобицей, связанной Ярославом Святополчицем. Таким образом, в третьей редакции на первый план выступают разногласия Всеволодичей и Изяславичей и сглаживаются разногласия Всеволодичей и Святославичей, которым уделялось большое внимание во второй редакции (теперь же, наоборот, подчеркивается, что в 1117 г. князь Давыд Святославич, брат Олега Святославича, дети последнего и Ростиславичи помогают Владимиру Всеволодовичу Мономаху в борьбе с Ярославом — сыном Святополка Изяславича)¹³.

Л. В. Черепнин, соглашаясь с выводом Шахматова о составлении в конце XI в. Начального свода, использованного в «Повести временных лет» и в Новгородской I младшего извода (сличение их текстов и позволяет выявить существование Начального свода), ставит вопрос об уточнении времени его составления. Если Шахматов считал, что он был доведен до 1093 г., до записей о поражении русских от половцев, в связи с чем он и был составлен (окончательно оформлен примерно в 1095 г.), то Черепнин выдвигает гипотезу о доведении Начального свода до описания Любечского съезда 1097 г., когда он и возник. Именно в связи с этим становится понятным идейный смысл предисловия Начального свода, в котором ставится проблема вреда междукняжеских усьоб, ослаблявших Русь в годину тяжких половецких нашествий; та же идея развивается и в статье 1093 г. (которой, по Шахматову, заканчивался Начальный свод) и затем в статьях 1094—1097 гг.; все они органически связаны с предисловием. Далее, завет Ярослава Мудрого 1054 г. (перед смертью) своим детям («не преступати предела братья, ни сгонити») тоже изложен составителем Начального свода на основе принципов Любечского съезда. Впрочем, последний тезис и попытка выявить некую летопись со сведениями с 1054 до 1096 г. (о событиях черниговских, тмутараканских, половецких), положенную в основу соответствующих записей Начального свода и «Слова о полку Игореве», а также отождествление «вещего» Бояна и боярина Яна Выпятича (потомка Добрыни, дяди Владимира I

Святославича)¹⁴ представляются гипотезами, требующими дополнительных обоснований.

Делается в статье попытка уточнить и время составления свода 1070-х годов: не в 1073 г., в связи с усьобицей между Изяславом и Святославом Ярославичами, а в 1072 г., в связи с первым перенесением мощей Бориса и Глеба в Вышгороде. Статья же об усьобе 1073 г. принадлежит перу составителя Начального свода¹⁵. Еще более тезисно обосновывается предположение о составлении Древнейшего свода в Киеве еще в конце X в., именно в 996 г.; оно основано на сопоставлении текста ПВЛ с «Памятью и похвалою князю русскому Володимиру» «мниха Иакова», в которой использованы какие-то краткие летописные заметки, ведшиеся, возможно, в киевской Десятинной церкви, где и был составлен этот древнейший свод (возможно, к этому причастен Анастас Корсунянин, при котором церковь получила десятину от великого князя Владимира «в девятое лето» от крещения Руси, т. е. в 996 г., в связи с чем и был составлен летописный свод). Далее, Л. В. Черепнин предполагает, что в основе этого свода «лежит какая-то старинная повесть о полянах-руси, существование которой предполагал Н. К. Никольский». «Существование подобной ранней повести» предполагает и М. Н. Тихомиров¹⁶.

Таким образом, в исследовании Л. В. Черепнина сделана попытка внести некоторые поправки в схему начального русского летописания, предложенную Шахматовым, и в этом плане оно должно быть поставлено в связь с работами Н. К. Никольского и М. Н. Тихомирова. В ряде моментов попытка автора вызывает несомненный интерес (например, гипотезы о времени и причинах составления Древнейшего свода, сводов 70-х и 90-х годов XI в., трех редакций «Повести временных лет»); дальнейшую разработку проблемы в этом направлении следует признать плодотворной. Правда, некоторые аспекты концепции Л. В. Черепнина разработаны еще недостаточно (например, о своде 996 г. и др.); кроме того, остается неясным отношение автора к гипотезе А. А. Шахматова о Древнейшем своде 1037—1039 гг. и гипотезе Д. С. Лихачева о «Сказании о первоначальном распространении христианства на Руси»

¹³ Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет», стр. 318—321.

¹⁴ Там же, стр. 324—329.

¹⁵ Там же, стр. 330—331.

¹⁶ Там же, стр. 334—333.

пачала 1040-х годов как первоначальном памятнике, на котором (в соединении с устными народными преданиями о первых князьях-язычниках) основаны более поздние летописные своды (Л. В. Черепнин отмечает только, что в изложении Д. С. Лихачева не вполне ясно, когда произошло объединение двух этих слоев в одном летописном памятнике)¹⁷.

В нескольких работах затрагивается проблема существования древнейшего летописного свода времени Ярослава Мудрого. Так, Д. С. Лихачев в одной из своих статей говорит о концепции Шахматова — Приселкова, в то же время решительно выступает против утверждения последнего о том, что основной идеей свода 1039 г. является идея церковной и политической несамостоятельности Руси, ее зависимости от Византии. Он подчеркивает русское самобытное начало древнейшего летописания, высокое патристическое сознание летописца¹⁸. Автор осторожно формулирует свое мнение о времени составления свода и его составе: «В каком бы составе ни восстанавливать свод Ярослава, к какому бы году княжения Ярослава его ни относить, совершенно ясно, что начало русского летописания не было созданием митрополита-грека»¹⁹. Выше уже упоминалось, что Д. С. Лихачев, пишущий в этой работе о «своде Ярослава», понимает под ним «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси».

С. А. Бугославский, прослеживая интерпретацию темы «Русской земли» в древнерусской литературе, прямо исходит из гипотезы Шахматова о своде 1039 г., которая, по его словам, «подтверждается» его собственным исследованием «Сказания о Борисе и Глебе». Далее он считает, что к этому своду во второй половине XI в. было сделано дополнение — одна или несколько редакций Киево-Печерской летописи, вошедших во «второй свод» (второй — после первого свода 1039 г.), каковым он считает «последнюю известную нам по спискам редакцию Повести временных лет». Основной идеей Древнейшего свода автор считает «гордость русского писателя, сознающего огромное культурное значение христианского просвещения Руси»²⁰.

¹⁷ Л. В. Черепнин. «Повесть временных лет», стр. 334—332.

¹⁸ Д. С. Лихачев. Культура Киевской Руси при Ярославе Мудром. — «Исторический журнал», 1943, № 7, стр. 29—31.

¹⁹ Там же, стр. 31.

²⁰ С. А. Бугославский. Русская земля в литературе Киевской Руси XI—XIII веков. — «Ученые записки Московского гос. университе-

Именно составитель свода 1039 г. первым в русской литературе выдвигает тему о Русской земле, которую затрагивают княжеские усобицы (в связи со статьей 1015 г. об убийстве Бориса и Глеба); та же тема разрабатывается в «Слове о законе и благодати» Илариона (1037—1050 гг.) и в «Сказании о Борисе и Глебе». Все три произведения, вышедшие из одной литературной школы, проникнуты чувством гордого сознания национального подъема Руси, ее права освободиться от высокомерной опеки византийского императора и патриарха²¹. Далее автор рассматривает ту же тему на примере «Повести временных лет», киевского, галицко-волынского, новгородского, ростово-суздальского, владимирского летописания XII—XIII вв.²²

П. О. Карышковский критикует утверждение Шахматова и Приселкова об использовании в Древнейшем своде и своде 1073 г. болгарской летописи (в плане приемов летописания, фразеологии), что отразилось в известиях о балканских войнах Святослава, о походе Олега на Царьград, в сказании о крещении Владимира. Автор считает, что подобные рассказы сложились в русской, в частности дружинной, среде²³.

Киевский свод 1070-х годов рассматривается в статье Л. В. Черепнина. Как и в указанной выше работе о «Повести временных лет», автор связывает его составление со съездом русских князей в Вышгороде в 1072 г., когда происходило перенесение мощей Бориса и Глеба. Тогда же была составлена Правда Ярославичей — часть Краткой редакции Русской Правды. Оба памятника — законодательный и летописный — составлялись в обстановке обострения классовой борьбы (народные движения в 1068—1069, 1071 гг.), были откликами на нее, отвечая потребностям господствующего класса в укреплении своего правового, идеологического положения. Летописный свод 1072 г. проникнут феодальной идеологией²⁴.

та», вып. 118. Труды кафедры русской литературы, кн. 2. М., 1946, стр. 5.

²¹ Там же, стр. 6—9.

²² Там же, стр. 9—20.

²³ П. О. Карышковский. О мнимом болгарском источнике древнейших русских летописных сводов. — «Труды Одесского гос. университета им. И. И. Мечникова», год ХС, т. 144, Серия исторических наук, вып. 4. Одесса, 1954, стр. 175—182.

²⁴ Л. В. Черепнин. Русская Правда (в Краткой редакции) и летопись как источники по истории классовой борьбы. — В кн.: «Ака-

М. К. Каргер, исходя из схемы Шахматова — Приселкова, но с поправкой согласно Лихачеву («Сказание о первоначальном распространении христианства», составленное при Ярославе, затем своды 1070-х и 1090-х годов, «Повесть временных лет»), прослеживает указания Начальной летописи на различные памятники старины, материальной культуры (могилы, урочища и т. д.), историко-топографические объекты (перевозы, дворы тех или иных лиц, церкви и пр.). Все они восходят к «Никоновскому своду 1073 г.»²⁵.

Б. А. Рыбаков свод 1090-х годов, называя его «сводом игумена Ивана 1093 г.», а также введение Нестора к «Повести временных лет» использует как источник, содержащий сведения о племени уличей²⁶. М. Д. Приселков считает, что «Повесть временных лет», возникшая в начале XII в., является мало надежным источником по истории Руси IX — начала XI в.; более достоверными являются современные событиям этого времени византийские источники, показаниями которых и нужно проверять данные русских летописных сводов²⁷. Разумеется, следует учесть соображение Приселкова о том, что ряд византийских источников (например, сочинения Константина Багрянородного, Льва Калойского и др.) близки к событиям X в. и их необходимо использовать в исторических исследованиях. Однако и в них могут быть ошибки, неточности в освещении истории Древней Руси, легко объяснимые недостаточными знаниями иностранцев о нашей стране, их в ряде случаев предубежденным отношением к тому, что они описывают. В этом смысле необходимы критический анализ византийских источников, сопоставление с данными русских источников, в частности летописей, которые, несмотря на более позднее происхождение, сохранили в своем составе или использовали различные источ-

демику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия. Сб. статей». М., 1952, стр. 89—99.

²⁵ М. К. Каргер. К характеристике древнерусского летописца. — ТОДРЛ, т. XI. М. — Л., 1955, стр. 59—71.

²⁶ Б. А. Рыбаков. Уличи (Историко-географические заметки). — КСИИМК, т. XXXV. М. — Л., 1950, стр. 3 и сл.

²⁷ М. Д. Приселков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. — «Ученые записки Ленинградского гос. университета», № 73, Серия исторических наук, вып. 8. Л., 1941, стр. 215—217 и сл.

ники, не столь уж отдаленные от событий второй половины X в.

Новые соображения о древнейшем новгородском летописании XI в. высказывает А. А. Зимин. Его статья посвящена изучению текста Краткой редакции Русской Правды, включавшейся в состав летописей²⁸. Автор связывает появление законодательных памятников с различными событиями классовой борьбы и политической истории. В своем источниковедческом анализе он идет от более поздних сводов XV в. «вглубь», к сводам XI в. Он считает, что Правда Ярослава, появившаяся в 1016 г. в связи с восстанием в Новгороде 1015 г. против варягов, была включена в первую Новгородскую летопись 1017 г., о которой говорит А. А. Шахматов²⁹. Эту летопись пополнили в 1036 г., в числе источников был и Покон вирный, который Ярослав Мудрый дал отправленному в Новгород на княжение старшему сыну Владимиру³⁰. Устав Ярославичей, составленный в 1036—1052 гг. в Киеве, поместили в качестве «приложения» к Древнейшему Киевскому своду, который автор датирует 1036 годом (а не 1037—1039 гг.)³¹. В 1052 г. при составлении Древнейшего Новгородского свода (А. А. Шахматов датирует его 1050 г.), основанного на Новгородской летописи 1036 г. и Древнейшем Киевском своде 1036 г., были соединены воедино Правда Ярослава, Устав Ярославичей, Покон вирный, Покон мостникам; возникла Краткая редакция Русской Правды³².

Свод Никона 1073 г. автор упоминает со ссылкой на Шахматова, но подробно его не анализирует³³.

Киево-печерский игумен Иван, составитель Начального свода 1093—1095 гг., поместил в нем Краткую редакцию Русской Правды, взяв ее из Новгородского свода 1052 г. В «Повесть временных лет» она включена не была, в противоположность Новгородскому своду Кирика 1136 г., куда она попала вместе с другими материалами Начального свода³⁴.

²⁸ А. А. Зимин. К истории текста Краткой редакции Русской Правды. — «Труды Московского гос. историко-архивного института», т. VII. М., 1954, стр. 155—208.

²⁹ Там же, стр. 171 и сл.

³⁰ Там же, стр. 176 и сл.

³¹ Там же, стр. 183—195, 198.

³² Там же, стр. 195—207.

³³ Там же, стр. 167, 204.

³⁴ Там же, стр. 156—170.

В новгородских сводах XIII в. Краткую Правду заменили Пространной, которая стала в Новгороде действующим законодательным кодексом с начала этого столетия. Краткая же редакция из свода Кирика попала в Новгородский свод первой половины XV в., положенный в основу Новгородской I летописи младшего извода³⁵.

В статье А. А. Зимина имеются некоторые новые наблюдения о времени создания древнейших летописных сводов, которые, как и соображения М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина и других исследователей, являются свидетельством дальнейших попыток углубленного изучения одной из труднейших источниковедческих проблем по истории России раннего феодализма.

Б. Д. Греков дает высокую оценку «Повести временных лет», называя ее «первым трудом по истории России», первоклассным памятником отечественной культуры³⁶. Касается он и более ранних этапов летописания. Краткие летописные записи, подобные тем, которые велись, например, во Франкском королевстве, появляются на Руси, по предположению автора, со второй половины IX в., когда окрепла власть в крупных политических центрах, а Киев стал столицей большого Русского государства; «каждый новый киевский князь заводил свои собственные записи. В «Повести временных лет» есть ясные намеки на это обстоятельство»³⁷. Касаясь вопроса о византийском влиянии на начальное русское летописание, Б. Д. Греков резонно указывает, что оно имело место только в отношении формы. Что же касается содержания, то русские сами, без всяких воздействий и влияний извне, почувствовали на определенном этапе развития потребность оглянуться на свое прошлое, осмыслить его³⁸.

«Повесть временных лет» в дошедшем до нас виде — результат работы нескольких поколений русских летописцев, пересматривавших и продолжавших работу своих предшественников. Так работал и Нестор, автор житий Бориса и Глеба, Феодосия Печерского³⁹. Автор здесь,

излагая историю Киево-Печерского монастыря, связывает возникновение редакций ПВЛ со взаимоотношениями монастыря с киевскими князьями Святополком Изяславичем и Владимиром Всеволодовичем Мономахом (с первым у монастыря были хорошие отношения, и это отразилось на содержании Несторовой редакции «Повести временных лет», благосклонной к нему; вторая редакция отразила влияние их общего недруга Мономаха)⁴⁰. Этот тезис оспаривается в ряде работ Л. В. Черепнина, упомянутых выше.

Параллельно с этой основной линией русского летописания оно велось и в других центрах, например в Новгороде, Галиче, Переяславле. Незыблемым фундаментом всех последующих исторических трудов оставалась «Повесть временных лет» Нестора. «Это одно из произведений человеческого гения, которому судьба предназначила неувядаемый интерес на протяжении веков»⁴¹.

Эти мысли Б. Д. Греков развивает и в книге о культуре Древней Руси⁴².

Точке зрения Б. Д. Грекова и других исследователей, основанной на классовом анализе исторических явлений и источников, по существу противостоит концепция ученых, основанная на формально-текстологическом анализе источников, игнорировании их классовой направленности. Имею в виду работы С. А. Бугославского и И. П. Еремина. Первый автор, поставивший своей целью изучить все списки, редакции и первоначальный текст памятника, выступил с критикой шахматовской схемы древнейшего русского летописания⁴³. Сопоставление текстов, которое носит у него формально-литературный характер, привело его к ошибочному выводу о том, что списки «новгородского извода» «Повести временных лет» не дают оснований видеть в их архетипе остатки сводов, предшествующих «Повести временных лет». Бугославский считает, что первая редакция «Повести временных лет» была составлена вскоре после

³⁵ А. А. Зимин. К истории текста Краткой редакции Русской Правды, стр. 208.

³⁶ Б. Д. Греков. Первый труд по истории России. — «Исторический журнал», 1943, № 11-12, стр. 57-67.

³⁷ Там же, стр. 59.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же, стр. 60, 64.

⁴⁰ Там же, стр. 64-65.

⁴¹ Там же, стр. 65.

⁴² Б. Д. Греков. Культура Киевской Руси. М. — Л., 1944, стр. 44-75. Рецензию Е. Федорова см.: «Славяне», 1945, № 2, стр. 41-42.

⁴³ С. Бугославский. «Повесть временных лет» (списки, редакции, первоначальный текст). — В кн.: «Старинная русская повесть. Статьи и исследования». Под ред. Н. К. Гудзия. М. — Л., 1941, стр. 7-37.

1113 г. неизвестным монахом Киево-Печерского монастыря (авторство Нестора он отрицает) и сохранилась в Лаврентьевском списке «в составе, почти тождественном оригиналу». Вторая редакция «Повести временных лет» появилась в правление Владимира Мономаха.

Работа Бугославского встречает противоречивое отношение со стороны современных ученых. Одни подвергают ее резкой и в значительной степени обоснованной критике, отвергая его выводы (Д. С. Лихачев, Л. В. Черепнина, Я. С. Лурье), другие склонны признавать в ней наличие положительных моментов (А. Г. Кузьмин).

«Повесть временных лет» интересует И. П. Еремина прежде всего с точки зрения изучения политических убеждений летописца, его «философии истории», особенности художественного творчества; при этом, по его словам, он стремится «избежать ненужной модернизации»⁴⁴. Между тем анализ автора как раз страдает модернизацией, субъективизмом. Главный его просчет заключается в том, что он, игнорируя достижения Шахматова и других ученых в изучении этого памятника (его сложный состав, история текста, наличие предшествующих сводов), утверждает, что художественный анализ структуры «Повести временных лет» должен предшествовать изучению генеалогии этого свода. «Реально дошедший до нас текст» «Повести временных лет» (прежде всего по Лаврентьевскому списку) является «безусловно достоверным». Он «может стать предметом анализа и независимо от его родословной»⁴⁵.

Автор, рассматривая взгляды древнерусских летописцев, ошибочно характеризует облик «действительного летописца», который «вопреки общепринятому мнению, гораздо ближе к пушкинскому Пимену»; он «скорее моралист, чем политик, по умонастроению, он написал свою «Повесть» по собственной инициативе, — как выразитель общественного мнения, мнения «земли Русской», в той мере, в какой Печерский монастырь в эту эпоху не раз мнение это отражал»⁴⁶. Всю идеологию летописца, этого представителя класса феодалов, Еремин сводит только к религиозности, христианской вере.

⁴⁴ И. П. Еремин. «Повесть временных лет». Проблемы ее историко-литературного изучения. Л., 1946, стр. 2.

⁴⁵ Там же, стр. 9.

⁴⁶ Там же, стр. 38. Разрядка автора.

Узость, антиисторичность подхода Еремина к «Повести временных лет», его ошибочные по существу, крайне неудачно сформулированные положения вызвали справедливую критику советской научной общественности. Специалисты единодушно отметили, что работа Еремина является неубедительной попыткой ревизии общепризнанных результатов в изучении русского летописания, достигнутых Шахматовым и его школой⁴⁷.

В ряде работ рассматриваются источники «Повести временных лет». Назову сначала работы, посвященные выяснению народного происхождения многих известий свода начала XII в. Немало в этом плане сделал Д. С. Лихачев. В одной из работ он, используя и уточняя наблюдения Шахматова, выделил из ПВЛ известия, так или иначе связанные с Добрыней, «уем» (дядей) Владимира I и героем киевского былинного цикла, и его сыном Константином. Эти известия по своему происхождению — новгородские, причем устные, а не письменные⁴⁸. Лихачев расходится с Шахматовым в объяснении пути, которым они попали в летопись. Если Шахматов полагал, что составитель Новгородского летописного свода изготовил его путем переработки Древнейшего Киевского свода, дополнения последнего новгородскими известиями, то Лихачев предлагает более простое, по его словам, объяснение: не новгородский, а киевский сводчик использовал устные рассказы о новгородских событиях (поскольку известия о Добрыне и Константине Добрыниче вошли в состав Киевской летописи). Согласно его толкованию, все эти новгородские рассказы, предания были записаны летописцем Никоном в 60-е годы XI в. со слов Яна Вышатича или его отца Вышаты; между прочим, Никон и Вышата вместе находились в Тмутаракани в 1064—1066 гг. (кстати говоря, в указанных выше известиях попадаются и сведения о тмутараканских делах). Рассказы Вышаты и его сына Яна о делах представителей своего рода, история которого прослеживается Д. С. Лихачевым (Свенельд, Мстиша — Лют, Добрыня, Константин — Коснятин, Остромир, Выша-

⁴⁷ См. рецензии В. Т. Пашуто («Вопросы истории», 1948, № 6, стр. 105—106), Л. В. Черепнина («Советская книга», 1948, № 3, стр. 104—106), а также историографический раздел статьи Л. В. Черепнина о «Повести временных лет».

⁴⁸ Д. С. Лихачев. «Устные летописи» в составе Повести временных лет. — «Исторические записки», т. 17, 1945, стр. 201—224.

та, Ян), использовали составители сводов 1073, 1095 гг. и «Повести временных лет» (т. е. Никон, Иван, Нестор).

Автор пишет о широком распространении родовых преданий Яна и его отца Вышаты «в народной среде», ввиду того, что они служили целям пропаганды активной политики по отношению к врагам Руси (в другом месте говорится о «широком распространении в народе отдельных эпизодов этого первоначально узкого родового предания»⁴⁹). С практикой родовых преданий, этих своего рода «устных летописей», включенных потом в летописи письменные, Д. С. Лихачев связывает возникновение с XII в. и затем бытование вплоть до XV в. многочисленных родовых, семейных и личных летописцев⁵⁰.

В другой работе тот же автор выявляет предания X — первой половины XI в., отразившиеся в «Повести временных лет»⁵¹. Это легенды, предания о происхождении названий племен, народов (моравы, древляне и др.), об их расселении, передвижении, об основании Киева Кием, Щеком и Хоривом и их сестрой Лыбедью, о Радиме и Вятко (родоначальниках радимичей и вятичей), о князьях Рюрике, Синеусе и Труворе. Особую группу составляют сказания о победе русских над врагами: обрами-аварами, хазарами и др. В древнейших сказаниях (например, о борьбе с хазарами, о смерти князя Олега) заметен языческий, культовый элемент. Рассказы о трех местах княгини Ольги древлянам занимают, по словам Д. С. Лихачева, переходное положение от исторических преданий старого языческого типа к новым, чисто историческим. Все упомянутые предания принадлежат народному творчеству⁵². Кроме того, в летописи сохранились исторические предания представителей господствующего класса (например, Яна Вышатича, со слов которого летописец записал немало сведений), в том числе предания, посвященные прежде всего деятельности представителей его рода и поэтому, как полагает автор, не получившие широкого распространения;

⁴⁹ Д. С. Лихачев. «Устные летописи» в составе Повести временных лет, стр. 220—222.

⁵⁰ Там же, стр. 224.

⁵¹ Д. С. Лихачев. Народное поэтическое творчество времени расцвета Древнерусского раннефеодального государства (X—XI вв.). — В кн.: «Русское народное поэтическое творчество», т. I. М.—Л., 1953, стр. 153—178.

⁵² Там же, стр. 153—168.

это, кстати говоря, противоречит тому, что пишет автор в статье об «устных летописях» в составе «Повести временных лет».

Ряд героических преданий дописьменного периода является отголоском дружинного эпоса; это — сказания о походах Аскольда и Дира, Олега, Игоря, Святослава. Рассказы летописи о знаменитых пирах Владимира I — отголоски дружинных песен его времени⁵³. Дружинное творчество «питалось по преимуществу связями этой среды с народом»⁵⁴; оно не было враждебно народу в противоположность религиозно-историческому творчеству, произраставшему в стенах монастырей. Последнее было чуждо, враждебно народу. Создаваемые в монастырях предания, легенды (о путешествии апостола Андрея на Русь, о монахах и бесах и др.) не находили широкого отклика за их пределами⁵⁵.

Со свойственными ему талантом и яркостью Д. С. Лихачев выявляет народно-поэтическую основу ряда исторических преданий, сказаний «Повести временных лет». При этом, на мой взгляд, несколько преувеличены значение дружинного эпоса в смысле связи его с народом, отсутствия в нем враждебности к народу и противопоставление дружинного и монастырского устнопоэтического творчества. Следует, мне кажется, в большей степени учитывать, что летопись является произведением, которое в целом отражает феодальную идеологию господствующего класса Древней Руси, к которому принадлежали и княжеские дружинники и монахи, т. е. феодалы светские и церковные. В этом смысле дружинный эпос, отразившийся в летописи, имеет своей целью прославление, героизацию представителей господствующего класса, в первую очередь великих князей киевских, их военных походов. Конечно, предания о правителях и походах находили отклик, подчас весьма широкий, в народной среде, так как те или иные стороны их личности, деятельности вызывали в ней благожелательное отношение, симпатии (личная храбрость, удачные походы, успешная борьба с внешними врагами). Кроме того, в отношении народа к князьям, дружине оставалось еще многое из того, что было свойственно отношениям между главой рода или племени и его помощ-

⁵³ Там же, стр. 168—172.

⁵⁴ Там же, стр. 172.

⁵⁵ Там же, стр. 172—178.

никами, с одной стороны, и основной массой сородичей, соплеменниками, с другой, во времена первобытнообщинного строя, военной демократии. Но нужно иметь в виду, что осуждение тем же народом политики феодальной эксплуатации, тягот походов, насилий и обид со стороны дружинников лишь изредка находило отражение в дружинном эпосе, летописи (например, осуждение Святослава за то, что он, предпринимая далекие походы, забывает о своей русской земле, или его отца Игоря за поборы с древлян и т. д.). Вряд ли можно полностью игнорировать и то, что религиозное сознание, которое настойчиво внедрялось в народную среду с конца X в., начало давать свои плоды уже во времена Древнерусского государства, и в этом смысле едва ли можно считать, что религиозные легенды, возникавшие с XI в. в монастырях, были полностью оторваны от народной среды, народного сознания.

М. Н. Тихомиров обращает внимание на произведения светского, гражданского характера, включенные в древнюю летопись. Это те повести, которые, дойдя до нас в составе летописей, когда-то, как писал в свое время К. Н. Бестужев-Рюмин, являлись самостоятельными, отдельными произведениями. Гражданская литература, которую в противовес церковной недооценивают в исторической науке, «появилась по крайней мере в X веке, т. е. одновременно или почти одновременно с литературой церковной». Это — Повесть о начале Руси, о которой писали И. И. Срезневский и особенно Н. К. Никольский, и ряд сказаний более позднего времени⁵⁶.

Две статьи посвящены договорам с греками, включенным в «Повесть временных лет». М. В. Левченко анализирует договоры 907 и 911 гг., П. О. Карышковский — договор 971 г.⁵⁷ Второй из названных авторов пишет, что в летопись попал не весь текст договора 971 г. (о котором упоминают Лев Диакон и другие авторы), а лишь дополнение к нему (обязательства Святослава по отношению к Иоанну Цимисхию). Тот же автор, разбирая рассказ «По-

вести временных лет» о князе Святославе⁵⁸, приходит к заключению, что его источниками были народные, точнее дружинные, предания, краткие записи о событиях, которые велись тогда же, при Святославе, как полагали И. И. Срезневский, М. И. Сухомлинов, Б. Д. Греков. Он же оспаривает мнение Шахматова и Приселкова о том, что в основе рассказа о Святославе лежит какая-то болгарская летопись. Запись же о договоре 971 г. в летописи автор характеризует как слова клятвы Святослава при его ратификации.

В. А. Пархоменко рассматривает известия «Повести временных лет» о княжении Владимира I. Он обращает внимание на то, что о первой половине его княжения летопись говорит довольно много и охотно, а последние 17 лет его жизни и правления освещены исключительно скупо. Это свидетельствует о том, что в распоряжении летописца имелись не летописные записи, а какие-то сказания, предания, известные во второй половине XI в.; их-то он и подверг субъективной литературной обработке⁵⁹. Замечу здесь, что указанные автором предания в составе «Повести временных лет» могли в нее попасть и не непосредственно, а через предшествующие своды; кроме того, время Владимира могло найти отражение не только в преданиях, но и, возможно, в письменных памятниках, предшествовавших «Повести временных лет».

С. В. Бахрушин рассматривает летописный рассказ о крещении Руси при Владимире — Повесть о крещении Владимира в Начальном своде, которая имеет весьма сложный состав и была написана уже после смерти великого князя киевского, т. е. после 1015 г.⁶⁰ Р. В. Жданов, разбирая тот же источник (который, по его словам, лучше называть летописным сказанием о Владимире, главном герое рассказа)⁶¹, оспаривает мнение Шахматова о том, что

⁵⁶ М. Н. Тихомиров. Городская письменность в древней Руси XI—XIII вв. — ТОДРЛ, т. IX. М. — Л., 1953, стр. 63 и сл.

⁵⁷ М. В. Левченко. Русско-византийские договоры 907 и 911 гг. — «Византийский временник», т. V. М., 1952, стр. 105—126; П. О. Карышковский. К истории балканских походов Руси при Святославе. — «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», № 14. М., 1955, стр. 26—30.

⁵⁸ П. О. Карышковский. К вопросу о первоисточниках по истории походов Святослава. — «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», № 9, М., 1952, стр. 59—60.

⁵⁹ В. А. Пархоменко. Характер и значение эпохи Владимира, принявшего христианство. — «Ученые записки Ленинградского гос. университета», № 73, Серия исторических наук, вып. 8. Л., 1941, стр. 205 и сл.

⁶⁰ С. В. Бахрушин. К вопросу о крещении Киевской Руси. — «Историк-марксист», 1937, кн. 2, стр. 45—50.

⁶¹ Р. В. Жданов. Крещение Руси и Начальная летопись. — «Исторические записки», т. 5, 1939, стр. 3—30.

одним из его источников является болгарская повесть о крещении царя Бориса. Он присоединяется к мнению Бахрушина о том, что мотив вероисповедного состязания мог быть навеян паннонским житием Константина-Кирилла, еврейской легендой об обращении хазар в иудейскую веру. В целом материал для рассказа об испытании вер, речи философа мог быть взят из Хронографической Пален, вероятнее из «Хронографа по великому изложению», от которого последняя и произошла (здесь автор присоединяется к точке зрения Истрина и других авторов по вопросу о времени и месте возникновения Палей); тем самым этот рассказ восходит не к Древнейшему своду, как полагал Шахматов, а к Начальному своду 1095 г.⁶²

В. Д. Королук, анализируя рассказ «Повести временных лет» под 1030 г. о смерти польского короля Болеслава Храброго в 1025 г. и восстании в Польше 1037—1038 гг., приходит к выводу, что источником для него и соответствующего места жития св. Антония (рассказа о Моисее Угрине, захваченном вместе с сестрой Ярослава Мудрого Предславой в плен в 1018 г. Болеславом Храбрым и томившемся вместе с ней в польском плену), частично сохранившегося в Киево-Печерском патерике, явился современный рассказ польского происхождения⁶³.

И. Назин и М. Рабинович в общей форме отметили использование материалов княжеских архивов в летописях, в частности в «Повести временных лет», в которую включены княжеские договоры, послания⁶⁴. При этом, конечно, следует иметь в виду, что использовали эти документы не только составители ПВЛ, но и их предшественники по летописному делу.

Выше говорилось об исследованиях, посвященных изучению источников, привлеченных при написании «Повести временных лет» и сводов, ей предшествующих. Известно, что сама «Повесть временных лет», этот Киевский свод начала XII в., явилась источником, широко использованным в последующем русском летописании или непо-

средственно, или опосредованно, в составе других сводов. Кроме того, «Повесть временных лет» послужила источником нелетописных произведений. Например, М. О. Скрипиль приходит к выводу, что этот памятник использован в «Слове» и «Молении» Даниила Заточника. Последний привлекает исторические примеры, взятые из летописного текста, пересказывает, цитирует его⁶⁵.

* * *

Таким образом, время с середины 30-х до середины 50-х годов отмечено дальнейшей углубленной разработкой истории древнейшего русского летописания. В ряде случаев уточнялись, пересматривались выводы Шахматова и его школы (о времени составления киевских и новгородских сводов XI — начала XII в., работы Л. В. Черепнина, А. А. Зимина), предложены новые решения некоторых вопросов, например о начале ведения летописных записей на Руси с IX в. (Б. Д. Греков), составлении первого летописного свода в 996 г. (Л. В. Черепнин), Повести о начале Руси в 1015—1019 гг. при Святополке (М. Н. Тихомиров). Из работ об источниках «Повести временных лет» наиболее важное значение имеют статьи М. Н. Тихомирова, Д. С. Лихачева, С. В. Бахрушина.

В указанных исследованиях советских авторов подчеркиваются национально-патриотический характер первых русских летописных, повествовательных произведений, их самостоятельность, самобытность и в то же время их классовый, феодальный характер.

По некоторым проблемам имеют место разногласия между исследователями (например, о времени и обстоятельствах появления Древнейшего свода, первой редакции «Повести временных лет», авторстве Нестора), противоречия в концепциях отдельных авторов (например, в статьях Д. С. Лихачева о степени распространения родовых преданий Яна Вышатича в народной среде), неточные, на мой взгляд, положения, формулировки (в статье М. Д. Приселкова — сравнение русской летописи и византийских источников, в статье Д. С. Лихачева — о дружинных и монастырских преданиях в их отношении к

⁶⁵ М. О. Скрипиль. «Слово Даниила Заточника». — ТОДРЛ, т. XI. М. — Л., 1955, стр. 83—90.

⁶² Р. В. Жданов. Крещение Руси и Начальная летопись, стр. 12—15.

⁶³ В. Д. Королук. Летописное известие о крестьянском восстании в Польше в 1037—1038 гг. — В кн.: «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия». М., 1952, стр. 69—75.

⁶⁴ И. Назин и М. Рабинович. Древнерусские архивы. — «Исторический журнал», 1938, № 12, стр. 60—61.

народному сознанию), наконец, положения, которые требуют дальнейших изысканий (о первых летописных записях с IX в., своде 996 г.).

Попытку пересмотра шахматовской схемы начального русского летописания со стороны С. А. Бугославского и И. П. Еремина следует признать неудачной; она справедливо не нашла признания в научной литературе.

В плане летописеведческой методики исследователи шли прежде всего по пути логически-смыслового анализа, хотя имелись и отдельные сравнительно-текстологические моменты.

ИЗУЧЕНИЕ ЛЕТОПИСАНИЯ ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

В указанные десятилетия появилось несколько публикаций летописных памятников периода феодальной раздробленности. Необходимо выделить публикации А. Н. Насонова и труд М. Д. Приселкова.

Следует начать с издания знаменитой Новгородской I летописи, текст которой, как показали исследования Шахматова и других ученых, имеет большое научное значение для выяснения истории древнейшего русского летописания, предшествовавшего «Повести временных лет»⁶⁶. В предыдущих изданиях (в 1841 г. в серии «Полное собрание русских летописей» и в отдельном издании 1888 г.)⁶⁷ этот памятник публиковался без разделения на изводы. Текст древнейшего Синодального списка, отражавшего старший извод этого источника, был продолжен в первом из этих изданий по спискам младшей редакции или извода — по Академическому (текст за 1333—1441 гг.) и Толстовскому (текст за 1441—1444 гг.); оба эти списка использованы и для подведения вариантов к Синодальному списку. В издании 1888 г. отсутствующее в Синодальном списке начало (с древнейших времен до 1016 г.) напечатано по двум спискам младшего извода — Толстовскому и Комиссионному с вариантами из Академического; текст же за 1333—1444 гг. — по Комиссионному с

вариантами из Академического и Толстовского. Далее, текст основного Синодального списка старшего извода дополнялся вставками из трех указанных списков младшего извода.

Эти ошибки издателей XIX в. были исправлены в публикации А. Н. Насонова, в которой, в соответствии с выводами Шахматова и Приселкова о двух изводах Новгородской I летописи, они изданы отдельно — старший по Синодальному XIII—XIV вв., младший — по новому и наиболее исправному Комиссионному списку XV в. с вариантами по Академическому середине XV в. и Толстовскому (копия 50-х годов XVIII в. с Академического), по последнему приведено отсутствующее в Комиссионном начало НЛ младшего извода. В приложениях помещены отдельные места из Воронцовского списка XIX в. (это — копия сокращенной переработки Академического списка, произведенной в XVIII в.), которые восполняют пропуски Академического списка (из-за утери отдельных листов), статьи Комиссионного списка, помещенные перед и после текста НЛ младшего извода, наконец, фрагмент летописи по Троицкому списку 60-х годов XVI в., обнаруженному А. А. Зиминим и А. А. Ромодановской во время печатания НЛ.

На новых основаниях переиздал А. Н. Насонов и псковские летописи⁶⁸. Они тоже публиковались в серии ПСРЛ⁶⁹, причем издатели разделили их на две редакции — Псковскую I и Псковскую II; первая издана по восьми спискам (кроме того, из двух других списков опубликованы «прибавления» в приложениях), вторая — по одному. Главный недостаток издания середины XIX в. заключался в том, что в нем основной текст печатался не по одному, лучшему, списку, а комбинировался по разным спискам; получался, таким образом, контаминированный текст, реально не существовавший; кроме того, варианты давались выборочно.

А. Н. Насонов привлек к изданию 24 списка, которые отразили не две, как считали издатели середины XIX в., а три редакции псковских летописей. В предисловиях к двум выпускам, в которых помещены тексты псковских I, II и III летописей, даны подробное описание всех спис-

⁶⁶ «Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов». М.—Л., 1950.

⁶⁷ ПСРЛ, т. III. СПб., 1841, стр. 1—114; «Новгородская летопись по Синодальному харатейному списку». СПб., 1888.

⁶⁸ «Псковские летописи», вып. 1—2. М.—Л., 1941—1955.

⁶⁹ ПСРЛ, т. IV—V. СПб., 1848—1851.

ков, их текстологическое, источниковедческое исследование.

Ростовский владычный летописный свод XV в. с текстом за 859—1490 гг. издан А. Н. Насоновым по двум спискам — Синодальному и Музейному⁷⁰.

Интересным изданием летописного памятника, хотя и спорным в ряде случаев, является реконструкция М. Д. Приселковым Троицкой летописи, пергаменная рукопись которой сгорела во время московского пожара 1812 г.⁷¹ Текст этого общерусского летописного свода, составленного в Москве в начале XV в. (в 1408 г., как тогда считалось), восстановлен по выпискам из Троицкой летописи, приводимым в примечаниях к «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, по текстам родственных летописей (Лаврентьевская, Симеоновская) и др.

М. Н. Тихомиров издал летописную Повесть о Тохтамышевом разорении особого состава, представляющую интерес, по словам автора, «как ранний исторический памятник богатой и замечательной московской литературы конца XIV в.»⁷²

Краткий кирилло-белозерский летописец середины XV в. опубликовал А. А. Зимин⁷³.

Наконец, упомяну описания рукописных списков с летописными текстами, сделанные М. Н. Тихомировым и А. Н. Насоновым⁷⁴.

* * *

В исследовательском плане детальную разработку получило в этот период галицко-волынское и киевское летописание.

⁷⁰ А. Н. Насонов. Летописный свод XV в. (по двум спискам). — В кн.: «Материалы по истории СССР», т. II. М., 1955, стр. 273—321.

⁷¹ М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950.

⁷² М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники. — «Исторический архив», т. VII. М., 1951, стр. 211—217.

⁷³ А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв. — «Исторический архив», т. V. М.—Л., 1950, стр. 6—7, 22—27.

⁷⁴ М. Н. Тихомиров. Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания. — «Исторические записки», т. 13, 1942; А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — ПИ, вып. IV. М., 1955.

М. Д. Приселкову принадлежит труд по истории южнорусского и западнорусского (белорусско-литовского) летописания XI—XVI вв.⁷⁵ Автор сначала рассмотрел включенную в «Повесть временных лет» повесть Василия об ослеплении Василька (события 1097—1100 гг.), составленную в Галиции. Главными источниками ее послужили устные рассказы современников и личные воспоминания автора, поскольку последний был участником событий. Составлена повесть в 1113—1116 гг. Затем Приселков характеризует галицко-волынское летописание XII—XIII вв. — галицко-волынские известия в составе Киевского свода 1199 г. (1200 г.) игумена Выдубицкого монастыря Моисея, Галицко-Волынскую летопись конца XIII в. Два последних источника в соединении с ростово-суздальским сводом начала XIII в. и пинскими летописными записями конца XIII в. послужили основой для составления в конце XIII в. летописного свода — Ипатьевской летописи.

Более поздние памятники летописания, появившиеся на территории бывшего Галицко-Волынского княжества, включенного в состав Польши и Литвы, — Львовская, Баркулабовская, Супрасльская (конец XV—XVII в.), а также белорусско-литовское летописание XV—XVII вв. характеризуются очень бегло.

А. С. Орлов подробно излагает шахматовскую характеристику южнорусского летописного свода XIV в., отразившегося в Ипатьевском, Хлебниковском и других списках [его состав: 1) «Повесть временных лет» по 1117 г., 2) в части с 1118 до 1199 г. — Киевская летопись в соединении с владими́ро-суздальским общерусским сводом митрополита Петра 1305 г.; 3) в части за 1201—1292 гг. — Галицко-Волынская летопись]⁷⁶. Далее автор привлекает для сопоставления текст Архивского и Виленского списков т. н. «Иудейского Хронографа» (первый относится к концу XV — началу XVI в., второй — к XVII в.); составлен Хронограф был, по его предположению, в 1262 г. в Галицко-Волынской земле (а не в Литве, как полагал

⁷⁵ М. Д. Приселков. Летописание Западной Украины и Белоруссии. — «Ученые записки Ленинградского гос. университета», № 67, Серия исторических наук, вып. 7. Л., 1941, стр. 5—24.

⁷⁶ А. С. Орлов. О галицко-волынском летописании. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 15—24.

Истрин), что доказывается анализом лексики обоих списков. Наряду с ним в обоих списках были помещены Апокалипсис, Русская летопись по 1214 г., Соборник (копия «Изборника» Святослава 1073 г.), Пчела. Галицко-волынская обработка чувствуется и в тексте «Летописца русских царей», причем первая его часть («Повесть временных лет» с добавлением за 1137 и 1143 гг.) сходна с соответствующим текстом Ипатьевской летописи, а вторая часть (за 1138—1214 гг.) «пришла в эту область из Переславля-Суздальской» (земли), но тоже подверглась правке галицко-волынского редактора. Работа над ними и «спайка» обеих частей — «Повести временных лет» и Летописца Переяславля-Суздальского — производилась в XIII в., начиная с 1240 г.⁷⁷

Д. С. Лихачев, разбирая редакции жития Александра Невского, сохранившиеся в различных летописях (Лаврентьевской, Софийской I, Псковской II), отмечает влияние на него компилятивных хронографов домонгольской поры (а через них таких памятников, как хроника Мала-лы, Псевдо-Каллисфенова «Александрия», «Троянская история» Дигениса Критского, «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия и др.), повести о Девгении Акрите. Между тем компилятивный Хронограф сходного состава и повесть о Девгении Акрите, как установил А. С. Орлов, отразились и в Ипатьевской летописи за первую половину и середину XIII в., т. е. в Галицко-Волынской летописи⁷⁸. Далее Д. С. Лихачев приводит примеры параллелей из Галицко-Волынской летописи к житию Александра Невского, которые говорят о сходстве в стиле, манере повествования, традиционных формулах воинских повестей, в композиции. Жизнеописание Александра Невского в житии близко к жизнеописанию Даниила Галицкого в Ипатьевской летописи. Выискивая пути связей книжников юго-западного Галича и северо-востока Руси, автор обращает внимание на Кирилла — «печатника» князя Даниила Галицкого, затем митрополита, переехавшего в 1250 г. к Александру Невскому (так как его патрон — князь Даниил — вел с папой римским переговоры об унии). Именно он и его помощники из Га-

лича имели непосредственное отношение к составлению жизнеописания Даниила в Галицко-Волынской летописи и жития Александра Невского; главным литературным образцом для них и был компилятивный Хронограф, имевший хождение в юго-западной Руси⁷⁹. Первоначально этот Хронограф входил в состав сборника второй половины XIII в. (отразившегося в Архивском списке Хронографа, происходившего из Галицко-Волынской области; в его составе, как известно, был «Летописец русских царей», состоявший из «Повести временных лет» с выписками из Киевской летописи XII в. (т. е. южнорусской летописи) и из суздальской летописи в переяславской перделке (Летописец Переяславля-Суздальского). Д. С. Лихачев предполагает, что местом работы «южнорусса» над редактированием Летописца Переяславля-Суздальского была не Галицко-Волынская Русь, а сам Переяславль-Суздальский, где после смерти Александра Невского жили его сын великий князь владимирский Дмитрий и митрополит Кирилл с двором (Архивский Хронограф был составлен в 1262 г., накануне смерти Александра Невского)⁸⁰.

Жизнеописание Даниила Романовича Галицкого в Галицко-Волынской летописи подробно исследовал Л. В. Черепнин, установивший существование особого летописца этого князя⁸¹. Автор отмечает, что Галицко-Волынская летопись за 1201—1292 гг., сохранившаяся в составе Ипатьевского свода, распадается на две части. Первая заканчивается описанием событий 6768 г., после которого замечен перерыв в известиях; она посвящена в основном Галицкому княжению и личности ее правителя Даниила (1201—1264 гг.). Во второй части (с 6769 г.) основное внимание уделяется Владимиру-Волынскому, их князьям Васильку Романовичу и Владимиру Васильковичу.

Первую часть Л. В. Черепнин и называет Летописцем Даниила Галицкого, поскольку она посвящена его апологии и «вышла из кругов политических сторонников этого князя». Во второй же части летописи о нем говорится кратко и сдержанно. Анализируя состав, содержание летописца, автор приходит к выводу, что он представлял

⁷⁷ А. С. Орлов. О галицко-волынском летописании, стр. 24—35.

⁷⁸ Д. С. Лихачев. Галицкая литературная традиция в Житии Александра Невского. — ТОДРЛ, т. V. М. — Л., 1947, стр. 36—44.

⁷⁹ Там же, стр. 44—53.

⁸⁰ Там же, стр. 53—55.

⁸¹ Л. В. Черепнин. Летописец Даниила Галицкого. — «Исторические записки», т. 12, 1941, стр. 228—253.

собой цельное произведение, составленное еще при жизни князя и лишенное хронологической сетки, «наложенной» на его текст позднее (что, кстати говоря, привело к появлению ряда хронологических ошибок). При описании некоторых событий автор упоминает более ранние или поздние события.

Поскольку в летописце прослеживается особое внимание к городу Холму, который при князе Данииле Романовиче являлся политическим центром княжества, то он и был, вероятно, местом составления летописца примерно в 1256—1257 гг. (последняя запись — о походе на Холм татаро-монгольского полководца Бурундая, которая ошибочно датируется 6768-м годом). Далее, летописец возник, вероятно, при холмской епископской кафедре, так как ее глава, епископ Иоанн, называется «спешником» (помощником) Даниила Романовича; о нем говорится в летописце в хвалебном тоне. Правда, несмотря на наличие церковной терминологии и идеологии, памятник отличается светскостью содержания — в нем подробно описываются походы, сражения, политическая борьба, боярские интриги. Летописец был изготовлен скорее всего по заданию самого Даниила с целью идеологического обоснования его борьбы с мятежными боярами, их «крамолами», «беззаконьем», возвеличения Русской земли, прославления ее победоносного оружия (описание военных подвигов князя Даниила), обоснования идеи христианской лиги для борьбы с татаро-монгольским игом (переговоры Даниила с римским папой о церковной унии в обмен на помощь против татар).

Л. В. Черепнин отмечает художественную, стилистическую близость Летописца Даниила Галицкого и «Слова о полку Игореве», второе оказало несомненное влияние на первый. Он присоединяется к мнению А. С. Орлова о галицком происхождении «Слова о полку Игореве», автором которого был, возможно, уроженец Галицкой земли, прибывший ко двору князя Игоря Святославича с Евфросиньей Ярославной — дочерью галицкого князя Ярослава Осмомысла, ставшей женой предводителя несчастного похода 1185 г.

Анализ текста летописца позволяет Л. В. Черепнину выделить вошедшие в его состав, отразившиеся в нем памятники: начальную галицкую повесть о Данииле и Васильке Романовичах (составлена галицким книжником

Тимофеем около 1211 г.), Сказание о битве на Калке 1223 г. (написано его участником), Повесть о борьбе Даниила с боярами, правителями Венгрии и Польши (начата тысяцким Демьяном в 1220-е годы и закончена в 1238—1245 гг. после обследования крамолы бояр комиссией из печатника Кирилла и стольника Якова), Сказание о Батыевом побоище, рассказ о поездке князя Даниила в Золотую Орду к Батыю, цикл воинских повестей о борьбе галицких князей с ятвягами, местные летописные своды, официальные документы княжеского архива (например, договоры князя Даниила с окрестными государями), переводные сочинения из епископской библиотеки (например, Архивский компилятивный Хронограф).

Подробно исследовано галицко-волынское и киевское летописание XIII в. в работах В. Т. Пашуто⁸². Сильной их стороной является изучение летописных текстов в тесной связи с классовым анализом исторических событий, выявлением политической направленности памятников летописания, идейно-политической борьбы феодальных центров, идеологии господствующего класса. В работах проводится тщательный сравнительно-текстологический анализ. В отличие от своих предшественников Пашуто, тоже выделяющий в составе Ипатьевского свода Киевскую летопись, датирует ее окончание не 1198 г. или 1199 г. (он говорит о 1200 г. в данном случае), а 1238 г. Но свод 1238 г. примыкал к Киевскому же своду конца XII в.

Автор связывает это с тем, что введение к Ипатьевской говорит о киевских князьях, правивших «до избить Батыева» (взятия Киева ханом Батыем в 1240 г.). Эту Киевскую летопись 1238 г. Пашуто выделяет, сравнивая между собой тексты Ипатьевской, Воскресенской, Новгородской I летописей и хроники Длугоша. Она вошла в состав Летописца князя Даниила Романовича, который был составлен митрополитом Кириллом и датируется автором 1246 годом (в отличие от Л. В. Черепнина, считающего, что он был составлен в 1256—1257 гг.). Кроме

⁸² В. Т. Пашуто. Киевская летопись 1238 г. — «Исторические записки», т. 26, 1948, стр. 273—305; он же. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси и Литвы (XIII в.). — «Известия АН СССР», Серия истории и философии, т. VI, 1949, № 4, стр. 360—362; он же. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 17—133.

того, из той же Киевской летописи 1238 г. заимствован ряд сведений 1200—1238 гг. в Новгородскую I летопись старшего извода. Сравнение же с текстом английских хроник позволяет автору утверждать, что один из киевских летописных текстов этой поры явился источником для выступления игумена Петра Акеровича на Лионском соборе 1245 г. (его послал князь черниговский Михаил к папе для выяснения возможности получения помощи против татар).

Свод 1246 г., помимо Киевского свода конца XII в., продолженного до 1238 г., использовал повествование о войне волынских князей с черниговскими, воинские повести о Данииле Романовиче, отчеты военных и дипломатов, документы княжеского архива и др.

Далее Пашуто называет Холмскую летопись 1260-х годов епископа Ивана, своды Василька Романовича, Владимира Васильковича (последние два являются провинциальными по своему уровню владими́ро-во́лынскими летописями), Мстислава Даниловича. Автор, рассматривая тексты с жизнеописаниями литовских князей, выделяет их в особую литовскую летопись, которая была включена в состав волынской летописи.

Наблюдения Пашуто, во многом продвинувшего изучение галицко-волинского летописания XIII в., встретили положительную в целом оценку в научной печати⁸³. Высказывались и возражения. Так, В. Д. Королюк сомневается в правомерности выделения Киевской летописи 1238 г., поскольку в «гипотетической конструкции» В. Т. Пашуто, т. е. в восстанавливаемом им тексте этой летописи, вообще отсутствуют собственно киевские известия. Самостоятельные же киевские известия в труде Длугоша не имеют параллелей в русских летописных сводах. Во всяком случае, продолжает Королюк, если подобный памятник летописания существовал, его следует признать скорее не Киевским сводом, а памятником летописания смоленско-киевских Ростиславичей, поскольку в нем проявляется явный интерес к внутренней истории Смоленска.

«Решительные возражения» высказывает Королюк по поводу выделения из владими́ро-во́лынского летописания

⁸³ См. рецензии А. А. Зимина («Советская книга», 1951, № 2, стр. 86) и В. Д. Королюка («Вопросы истории», 1951, № 8, стр. 133—134).

Литовской летописи, составленной, по В. Т. Пашуто, в Новогрудке. Выделенные им немногие известия «не составляют ни по форме, ни по содержанию единого литературного целого, не отражают или почти не отражают событий внутриполитического развития Литовского княжества»⁸⁴.

М. Н. Тихомиров, исследуя проблему городской письменности XI—XIII вв., отметил гражданский, светский характер Галицко-Волынской летописи, некоторых повестей (об Изяславе Мстиславиче, об убиении Игоря Ольговича, об убиении Андрея Боголюбского) в составе Ипатьевского летописного свода⁸⁵.

И. П. Еремин характеризует Киевскую летопись, которая продолжает в Ипатьевской текст «Повести временных лет» и доведена до конца XII в. Автор изучает ее с литературоведческой точки зрения (метод отражения исторической действительности — погодные записи, рассказ, повесть)⁸⁶. Его работа носит формально-литературоведческий характер; в ней, как и ранее в книге о «Повести временных лет», автор игнорирует анализ идейного, классового содержания памятника, сложную историю его текста. Формальный анализ отдельных мест летописи приводит его, по верному замечанию В. Т. Пашуто, к ошибочному выводу о допрагматическом характере наших летописей⁸⁷.

В. А. Пархоменко анализирует рассказ Ипатьевской летописи под 1201 г. о посылке гонца половецким ханом Сырчаном к другому хану Отроку (Отраку), бежавшему «в Обезы» в годы нападений Владимира Мономаха на половцев, с предложением вернуться на родину после смерти половецкого недруга (легенда о траве евшан, или емшан)⁸⁸, а также рассказ о походе русских князей на половцев в 1103 г. Автор приходит к выводу, что в них заметны следы половецкого эпоса, половецких песен.

⁸⁴ «Вопросы истории», 1951, № 8, стр. 134.

⁸⁵ М. Н. Тихомиров. Городская письменность в Древней Руси XI—XIII вв. — ТОДРЛ, т. IX. М. — Л., 1953, стр. 60, 63—66.

⁸⁶ И. П. Еремин. Киевская летопись как памятник литературы. — ТОДРЛ, т. VII. М. — Л., 1949, стр. 67—97.

⁸⁷ В. Т. Пашуто. За марксистско-ленинскую историю литературы. — «Вопросы истории», 1950, № 3, стр. 118—119.

⁸⁸ В. А. Пархоменко. Следы половецкого эпоса в летописях. — ПИ, сб. III. М. — Л., 1940, стр. 391—393.

Истории владими́ро-суздальско-ростовского летописания посвящено работ немного, но среди них имеются два исследования М. Д. Приселкова о Лаврентьевской летописи. В первом из них⁸⁹ автор подробно излагает обстоятельства покупки А. И. Мусиным-Пушкиным рукописи Лаврентьевской летописи, ее издания в XIX—XX вв., дальнейшую судьбу рукописи. Далее автор описывает ее внешний вид (бумага, почерки, формат, дефекты, пропуски текста, переписанного с «ветхой» рукописи начала XIV в., утрата отдельных листов), прослеживает взаимоотношения Лаврентьевской с другими летописями, ей родственными. Поскольку, как установил еще Карамзин, тексты Лаврентьевской и Троицкой сходны вплоть до 1305 г., т. е. до последних записей первой из них, то ее пропуски можно восстановить или по выпискам из Троицкой в труде Карамзина (поскольку Троицкая сгорела в 1812 г.) или по Симеоновской, которая, согласно Шахматову, «передавала довольно удовлетворительно текст погибшей Троицкой летописи». Приселков установил, что ряд исправных чтений Лаврентьевской идет от того оригинала, который переписывал молодой и усердный монах Лаврентий в 1377 г., т. е. от летописца 1305 г.

В конце статьи автор ставит вопрос о плане нового издания Лаврентьевской и, более широко, летописных текстов вообще. С его точки зрения, «должно самым решительным образом порвать со старою традициею» издавать только тексты и их палеографические описания, указатели. К ним нужно добавить комментарии, в которых издатель должен давать справки о происхождении того или иного известия издаваемой летописи (из какого свода или источника оно попало в эту летопись), о дальнейшей его судьбе в более поздних летописных трудах. В конкретном случае с Лаврентьевской Приселков предлагает сопровождать ее текст тем материалом, который дают Троицкая, Симеоновская, выписки Карамзина. Почему-то автор считает, что его нужно дать «в вариан-

тах»; по смыслу статьи можно понять, что его нужно поместить в комментариях. Здесь же Приселков правильно отмечает, что Радзивилловскую летопись нельзя привлекать для вариантов к Лаврентьевской, поскольку они отражают разные этапы владимирского летописания⁹⁰. Но главное не в этом неясном разграничении вариантов и комментариев, а в том, что предложение о введении в аппарат издания летописных текстов комментариев вряд ли целесообразно по ряду причин. Подобное включение намного усложнило бы подготовку летописных публикаций; но прежде всего его довольно трудно осуществить практически, так как по вопросу о происхождении отдельных частей, кусков, известий даже сравнительно хорошо изученных летописей в научной литературе существуют разногласия; многое еще не выяснено, неясно. По ряду летописных памятников, например по Никоновскому своду, не говоря уже о многих других, менее известных, такая работа еще не проводилась или только начинается. Конечно, сказанное здесь не означает, что подобные комментарии не нужны вообще. Они очень нужны, но не в томах публикаций, а в монографиях и статьях по истории русского летописания.

В другой работе тот же автор изучает историю владимирского летописания конца XII — начала XIV в., ту цепь летописных сводов, которая в своем развитии в конечном счете привела к появлению свода 1305 г., т. е. Лаврентьевской летописи⁹¹. Сопоставляя текст последней с текстами Радзивилловской, Московско-Академической и Летописца Переяславля-Суздальского, сохранившими Владимиро-Суздальский великокняжеский свод 1212 г. и Переяславский свод 1216 г., автор приходит к выводу, что им предшествовали владимирские своды 1177 г. (составлялся в конце правления Андрея Боголюбского и закончен в начале правления Всеволода Большое Гнездо) и 1193 г., причем в обоих использованы южнорусские источники — епископский 1175 г. (в своде 1177 г.) и княжеский 1187 г. (в своде 1193 г.) летописцы Переяславля Русского (Южного) князя Владимира Глебовича — пле-

⁸⁹ М. Д. Приселков. История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий. — «Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена», т. XIX. Кафедра истории СССР. Л., 1939, стр. 175—197.

⁹⁰ Там же, стр. 196—197.

⁹¹ М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись (история текста). — «Ученые записки Ленинградского гос. университета», № 32, Серия исторических наук, вып. 2. Л., 1939, стр. 76—142.

мянника Всеволода Большое Гнездо (княжеский переяславский летописец использован, кстати говоря, и в Киевском своде 1199 г., вошедшем в Ипатьевскую летопись). В епископском переяславском летописце была использована Сильвестровская редакция «Повести временных лет» 1116 г., в княжеском — редакция 1118 г. (вспомним, что Сильвестр в 1119 г. был назначен Владимиром Мономахом епископом в Переяславль Русский), и это отразилось в Лаврентьевской летописи.

Но, помимо епископского Летописца Переяславля Русского, сводчик 1177 г. привлек собственно ростово-суздальские и владимирские материалы: Ростовскую летопись Юрия Долгорукого 1157 г., Владимирский летописец Андрея Боголюбского 1175 г. (начинавшийся с 1158 г.), Сказание об его убийстве в 1175 г. Из переяславского источника взяты «Поучение» Владимира Мономаха, помещенное перед «Повестью временных лет», эта последняя и далее текст с 1116 до 1158 г., отдельные записи за последующее время.

Главная политическая установка свода 1177 г., по Приселкову, заключается в мысли о переходе руководящей роли от Киева к Владимиру, и эта установка разрабатывается в последующих владимирских, ростовских, наконец, в общерусских московских летописных сводах⁹².

Интересны наблюдения автора о ростовском летописце князя Юрия Долгорукого, который был очень мало использован во Владимирском своде 1177 г. по причине той борьбы за первенство в Ростово-Суздальском княжестве, которую вели между собой три города — молодой Владимир и более «давние» Ростов и Суздаль. Но этот ростовский летописец более полно отразился в т. н. Типографской летописи — ростовской обработке Московского свода 1479 г.

Летописные записи времени Андрея Боголюбского, повествование об его убийстве принадлежат, как считает автор, перу церковника, служившего в главной церкви Владимира.

Сводчик 1193 г. (служитель той же церкви) положил в основу своего труда предшествовавший свод 1177 г.,

пополнил его владимирскими записями за 1177—1193 гг., а также южнорусскими из княжеского Летописца Переяславля Русского. Свод 1193 г. снова заявлял о претензиях города Владимира и великого князя владимирского Всеволода Юрьевича Большое Гнездо на первенство в Ростово-Суздальском княжестве и в союзе русских княжеств.

Далее следует Владимирский свод 1212 г. (в нем, помимо местного материала, использован Летописец Переяславля Русского 1209 г.), положенный в основу Летописца Переяславля-Суздальского 1216 г. и затем отразившийся в Радзивилловской летописи.

В тексте Лаврентьевской за 1206—1239 гг. отразились две струи — Владимирский великокняжеский свод Юрия Всеволодовича 1228 г. с продолжением до 1237 г. (до его смерти) и ростовский летописец Константина Всеволодовича и его сыновей (записи за 1206—1227 гг.). В этом своде 1228 г. использован Летописец Переяславля Русского того же 1228 г.

В 1239 г. составляется свод Ярослава Всеволодовича, в основу которого составитель-ростовец кладет ростовский летописец Константина и его сыновей (княживших в Ростове), дополнительно используя и владимирский свод Юрия 1228 г.; события 1238—1239 гг. описаны сводчиком 1239 г.

В следующем своде 1263 г., составленном в Ростове после смерти Александра Ярославича Невского, использованы Владимирский свод 1239 г., ростовская епископская и владимирская митрополичья летописи, жития Александра Невского и митрополита Кирилла; в своде 1281 г. (составлен в Переяславле-Суздальском) — ростовская летопись 1281 г., новгородская летопись; наконец, в своде 1305 г. (Лаврентьевская) — Переяславско-Суздальская летопись 1283 г., новгородская начала XIV в., тверская, рязанская летописи, летописец Федора Ростиславича Черного — князя ярославского и смоленского, повесть о событиях в Курском княжении при баскаке Ахмате (вставлена между записями за 1283 и 1285 гг.). Свод 1305 г. был составлен сводчиком-тверичом при великом князе владимирском Михаиле Ярославиче (на владимирский стол этот тверской князь сел в 1306 г.).

В конце отмечу, что Приселков, в отличие от Шахматова, считает, что текст Лаврентьевской летописи сложил-

⁹² М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись, стр. 100.

ся независимо от т. н. Владимирского Полихрона начала XIV в., что этого последнего «как первой попытки митрополии создать общерусский летописный свод не было вовсе»⁹³.

П. П. Смирнов, основываясь на тексте татищевской «Истории Российской» с рассказом о восстании холопов в Новгородской земле в X в., взятом из «Истории города Ростова» (рукописи, составленной, по его словам, лет за 200 до написания «Истории») и «Летописи Муромской», предполагает, что он мог содержаться в какой-либо недошедшей древней ростовской летописи. Историю ростовского и владимирского летописания автор излагает по Шахматову и в основном по Приселкову. Близкий к татищевскому рассказ имелся в какой-то новгородской летописи, сообщение из которой приводит в своем труде С. Герберштейн, и в т. н. Вятском летописце, памятнике довольно позднем (XVII в.)⁹⁴.

Миниатюры Радзивилловской летописи тщательно изучены А. В. Арциховским⁹⁵. Поставив перед собой задачу исторической критики этих миниатюр, автор сопоставляет изображенные на них предметы с подлинными предметами, которые раскопали археологи, — орудиями труда, одеждой, оружием и т. д. Кроме того, следует иметь в виду, что миниатюры дают ценный комментарий к летописному тексту, и в этом плане «картинки» весьма важны и для изучения текстов летописей, времени их возникновения, взаимоотношения между собой. Тем самым подобная работа способствует не только более глубокому познанию событий далекого прошлого, но и более тщательному исследованию памятников русского летописания⁹⁶.

⁹³ М. Д. Приселков. Лаврентьевская летопись, стр. 86.

⁹⁴ П. П. Смирнов. Сказание о холопьем войне в древней Руси. — «Ученые записки Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина», т. II, Кафедра истории СССР, вып. 2. М., 1947, стр. 3—11, 18—22.

⁹⁵ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, стр. 4—40.

⁹⁶ См. рецензии Н. Н. Воронина («Вестник АН СССР», 1945, № 9, стр. 108—113), Б. А. Рыбакова («Доклады и сообщения исторического факультета Московского гос. университета», вып. 4. М., 1946, стр. 36—51), М. Н. Тихомирова («Вопросы истории», 1945, № 2, стр. 147—148).

Из работ о новгородском летописании прежде всего следует назвать исследования Д. С. Лихачева. В кандидатской диссертации автор анализирует новгородское летописание XII в.⁹⁷ Он начинает рассмотрение с третьей редакции «Повести временных лет», которая была составлена в Киеве при участии сына Владимира Мономаха Мстислава, княжившего до 1117 г. в Великом Новгороде, и каких-то новгородских книжников, прибывших вместе с ним в Киев. Сын Мстислава Всеволод, княживший в Новгороде в 1118—1136 гг., становится инициатором нового летописного начинания — объединения «Повести временных лет» в третьей редакции с местной новгородской летописью, которую начали составлять в XI в. Этот свод Всеволода составлен не ранее 1119 г. и не позднее 1136 г., т. е. после составления третьей редакции ПВЛ и до изгнания Всеволода из Новгорода и составления нового Новгородского свода 1136 г. епископа Нифонта, в который свод Всеволода в сильно сокращенном виде вошел в качестве составной части. Возможно, свод Всеволода был составлен до 1132 г., так как с этого года его власть сильно пошатнулась. Свод был выполнен киевлянином.

Переворот 1136 г., установление в Великом Новгороде «нового республиканского строя», изгнание князя и возрастание могущества новгородского епископа, ставшего вскоре именоваться архиепископом, приводят к изменению в новгородском летописании. Свод 1136 г., составленный при архиепископе Нифонте, включает свод Всеволода, но подвергает его существенному пересмотру (в этой работе непосредственное участие принимает domestik Антониева монастыря Кирик), редактированию по Киевскому Начальному своду 1090-х годов с целью устранения мономашьей тенденции третьей редакции «Повести временных лет». Начальный свод во вводной своей части содержал упреки в адрес князей в «несытстве», алчности, притеснении людей, и это оказалось весьма кстати в политической обстановке начала второй половины 1130-х го-

⁹⁷ Д. С. Лихачев. Новгородские летописные своды XII в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — «Известия АН СССР», Отделение литературы и языка, т. III, вып. 2—3, 1944, стр. 98—106.

дов. Нифонт, бывший постриженник Киево-Печерского монастыря, хорошо знакомый с киевским летописанием конца XI — начала XII в., назвал свод 1136 г. «Софийским Временником»: ведь именно при нем и при его активном участии в 1136 г. новгородского князя изгоняют из Детинца с его храмом св. Софии, и последний с этого времени становится резиденцией новгородского архиепископа. Тем самым «Софийский Временник» с его антикняжеской тенденцией был составлен не в 1421 г. или 1434 г., как полагал А. А. Шахматов, и не в начале XIII в., как говорили И. П. Сенигов и одно время тот же Шахматов, а в тесной связи с переворотом 1136 г.

Свод 1136 г. с этого времени кладут в основу последующих новгородских архиепископских сводов.

По Киевскому Начальному своду текст свода 1136 г. редактировался до 1074 г., так как этим годом заканчивались новгородские известия Начального свода (а не потому что, как писал Шахматов, в руках сводчика 1136 г. имелся дефектный список Начального свода). После этого года использован, но очень сильно сокращен свод Всеволода. Начиная с 20-х годов XII в. составитель мог описывать события по памяти, причем его внимание приковано прежде всего к внутреннему положению в Новгороде Великом; происходит своего рода «общая демократизация летописания в период новгородской республики» (сообщения о ценах на продукты, погоде, стихийных бедствиях и др., что связано с нуждами местного населения, его благосостоянием).

В новгородских летописных памятниках демократизируются язык, стиль изложения (проникновение диалектизмов, разговорных элементов); усиливается документальный, юридический характер летописания, поскольку летописи в глазах новгородцев являлись документом, который обосновывал их независимость.

На своде Нифонта основан свод Германа Вояты — попа церкви св. Якова, тесно связанной с домом св. Софии, владыка которого, архиепископ Нифонт, поставил Вояту в попы в 1144 г., о чем он и сообщает в своем своде. Своды Нифонта — Кирика и Германа Вояты выявляются путем сличения текстов Новгородской I летописи старшего и младшего изводов, Новгородской IV летописи и Тверского сборника (последний привлечен для анализа только свода Вояты).

«Софийский Временник», т. е. свод Нифонта 1136 г., детально рассмотрен Д. С. Лихачевым⁹⁸. Автор указывает, что Шахматов, в конце концов остановившийся на мнении о начале XIII в. как времени соединения Киевского Начального свода с новгородской летописью, исходил из мысли о случайном характере этого мероприятия; впрочем, детально этот вопрос он не разработал, оставив его открытым. Автор и в этой и в предыдущей работах показывает не случайный, а обусловленный характер привлечения Начального свода при составлении антикняжеского «Софийского Временника» 1136 г.

Свод 1136 г., как уже отмечалось, оказал большое влияние на последующее новгородское летописание, в частности его текст сохранился в Новгородской I летописи старшего и младшего изводов, в последующих сводах XV в. — составленных при новгородском архиепископе Евфимии II «Софийском Временнике» 1432 г., своде 1448 г., Новгородской IV летописи⁹⁹. Д. С. Лихачев в одном из исследований показал, что в рукописном сборнике, в котором в свое время находился текст «Слова о полку Игореве», вместе с ним помещалась и Новгородская I летопись младшего извода¹⁰⁰.

А. А. Зимин в рассмотренной выше статье высказывает мнение, что Краткая редакция Русской Правды была включена в текст Новгородского свода 1136 г. Автор здесь оспаривает выводы А. А. Шахматова, М. Д. Приселкова, С. В. Юшкова, считавших, что она вставлена в новгородские летописи в первой четверти XV в. или даже в 1448 г. Он исходит из мысли, что в свод 1136 г. Краткая Русская Правда попала вместе с извлечениями из Начального Киево-Печерского свода 1093—1096 гг.¹⁰¹

⁹⁸ Д. С. Лихачев. «Софийский Временник» и новгородский политический переворот 1136 г. — «Исторические записки», т. 25, 1948, стр. 248—265.

⁹⁹ Д. С. Лихачев. Идеологическая борьба Москвы и Новгорода в XIV—XV вв. — «Исторический журнал», 1941, № 6, стр. 47—48, 51—52.

¹⁰⁰ Д. С. Лихачев. О русской летописи, находившейся в одном сборнике со Словом о полку Игореве. — ТОДРЛ, т. V. М. — Л., 1947, стр. 139—141.

¹⁰¹ А. А. Зимин. К истории текста Краткой редакции Русской Правды. — «Труды Московского гос. историко-архивного института», т. VII. М., 1954, стр. 156—164.

В статье А. А. Зимина и А. Н. Насонова о Троицком списке Новгородской I летописи младшего извода, который был известен в свое время А. А. Шахматову, но затем утерялся и вновь был найден А. А. Зиминим и А. А. Ромодановской, подчеркивается важное значение этого памятника, сохранившего в своем составе текст Начального свода 1093—1095 гг., самого Троицкого списка 60-х годов XVI в., который имеет ряд более древних чтений в сравнении с другими списками. Текст, близкий к Троицкому списку НИЛ младшего извода, мог находиться в сборнике, содержавшем «Слово о полку Игореве». Заканчивается Троицкий список известиями о событиях 1015 г. В конце статьи авторы ставят более общий вопрос о необходимости проведения систематического обследования рукописных собраний, содержащих древнерусские летописи, составления их научного описания, систематизации с целью подготовки нового издания собрания летописей¹⁰².

Некоторые известия Новгородской I летописи подверглись изучению в статьях И. П. Шаскольского и Н. А. Мещерского. Первый рассмотрел статью о походе шведов на Русь в 1240 г. в составе НИЛ старшего извода¹⁰³, Н. А. Мещерский — оригинальную древнерусскую повесть о взятии фрягами (крестоносцами) Царьграда в 1204 г., которая сохранилась в составе НИЛ старшего и младшего изводов, Еллинского летописца второй редакции и Софийской I летописи; попала она сюда из какого-то общего для них источника — вероятно, из южнорусского памятника¹⁰⁴.

Н. Г. Порфиридов кратко охарактеризовал новгородские летописи как памятник средневековой «областной литературы»¹⁰⁵. Автор говорит о новгородских сводах 1050 г., XII в. (с использованием Киевского Начального свода 1095 г., «Повести временных лет»), новгородском летописании XV в., характеризует особенности их стиля,

¹⁰² А. А. Зимин, А. Н. Насонов. О так называемом Троицком списке Новгородской первой летописи. — «Вопросы истории», 1951, № 2, стр. 89—91.

¹⁰³ И. П. Шаскольский. Новые материалы о шведском походе 1240 г. на Русь. — «Известия АН СССР», Серия истории и философии, т. VIII, № 3, 1951, стр. 270—271.

¹⁰⁴ Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами в 1204 г. — ТОДРЛ, т. X. М. — Л., 1954, стр. 120—135.

¹⁰⁵ Н. Г. Порфиридов. Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI—XV вв. М. — Л., 1947, стр. 226—229, 239, 248 и др.

языка. Д. С. Лихачев в рецензии на эту работу справедливо отметил, что ее автор не показал, в том числе и на примере новгородского летописания, взаимосвязи, взаимовлияния культур Новгорода Великого и других центров — Москвы, Ростова, Пскова, Твери. Столь же обоснован его упрек в том, что автор склонен преуменьшать светский, мирской характер новгородской литературы, в том числе летописания; ведь исторические произведения были одновременно произведениями светскими, художественными¹⁰⁶.

* * *

Исследования о псковском летописании написаны А. Н. Насоновым. В одной из своих работ он кратко обосновал деление псковских летописей не на две, как это делали издатели середины XIX в., а на три редакции, показал их важное значение в качестве исторического источника¹⁰⁷. В другой автор более подробно рассматривает псковское летописание XV—XVII вв.¹⁰⁸ Сравнивая все известные в науке списки с псковским летописным материалом, Насонов устанавливает, что летописное дело во Пскове зародилось с XIII в., им руководили местные выборные власти (с начала XIV в. — посадники). Работа по ведению летописных записей носила официальный характер и велась в основном при церкви св. Троицы; при этом использовались документы псковского архива (отчеты, реляции, представлявшиеся на вече). Первый псковский летописный свод был составлен в 50-х — начале 60-х годов XV в.; в качестве своего рода предисловия к нему помещена биография Довмонта; его источниками являлись Хронограф, сокращенный Новгородско-Софийский свод, Новгородская V летопись, смоленско-литовский источник.

Исходя из этих и других наблюдений над т. н. «областным» летописанием времени феодальной раздробленности, Насонов справедливо считает, что не только в Москве, но и во Пскове, Владимире, Новгороде, Твери появляются

¹⁰⁶ «Советская книга», 1947, № 11, стр. 71—73.

¹⁰⁷ А. Н. Насонов. Летописные памятники Пскова. — «Историк-марксист», 1937, кн. 5-6 (63-64), стр. 271—272.

¹⁰⁸ А. Н. Насонов. Из истории псковского летописания. — «Исторические записки», т. 18, 1946, стр. 271—294.

общерусские по своему характеру летописные своды, и, более того, такой характер начинает приобретать владимирское летописание еще в XII—XIII вв., но татаро-монгольское нашествие положило этому конец, «и кругозор составителей летописных сводов на северо-востоке суживается»¹⁰⁹.

Псковское летописание продолжается и во второй половине XV в. (своды 1464 г., 1469 г.; 1481 г., выявленный еще Шахматовым; конца 1480-х годов), и далее — в XVI в.

В работе об «областном летописании» тот же автор подчеркивает широкое значение термина «русское летописание»¹¹⁰; это составление текущих, погодных записей и летописных сводов, летописных компиляций (с привлечением или без привлечения нелетописного материала) и «списание» летописных сводов без изменений или с изменениями редакционного характера.

Автор показывает обусловленность летописания общественно-политической жизнью, интересами правящих классов, общественных организаций и отдельных деятелей.

Несмотря на наличие местных особенностей, тенденций (например, антимосковских настроений в одном из псково-печерских сводов XVI в.), русское летописание представляло в целом единое явление, так как в его истории цементирующую роль играло киевское (лучше бы, по-моему, сказать: древнерусское, начальное) летописание, а для составителей сводов характерны общерусский размах, широта интересов. И далее повторяются мысли, изложенные в указанной выше статье.

Здесь же А. Н. Насонов кратко излагает свои выводы по истории псковского летописания.

Несколько замечаний о псковских летописях сделал Л. А. Творогов, основывающийся на выводах Насонова. Он же привел некоторые летописные записи на рукописях (например, о знакомстве писца «Апостола» 1307 г. с тек-

¹⁰⁹ А. Н. Насонов. Из истории псковского летописания, стр. 256—257, 293.

¹¹⁰ А. Н. Насонов. О русском областном летописании. — «Известия АН СССР», Серия истории и философии, т. II, № 4, 1945, стр. 290—292.

стом «Слова о полку Игореве», о росписях храма Снетогорского монастыря в 1313 г., записи несохранившейся Снетогорской летописи на «Прологе» этого монастыря)¹¹¹.

О тех же псковских летописях писала О. А. Яковлева. Она обратила внимание на то, что рукопись с текстами Псковской I и III летописей сохранилась в рукописном собрании В. Н. Собакина, отец которого, Н. С. Собакин, служил в 1643—1650 гг. воеводой Пскова. Автор подробно рассматривает историю использования, изучения и издания текстов этих летописей. Она вносит частичное исправление в наблюдения А. Н. Насонова: если он считал две части одной рукописи различными списками псковской летописи, то О. А. Яковлева пояснила, что дела № 69/92 и № 447/915 из ЦГАДА составляли в свое время одну рукопись¹¹².

В нескольких работах Н. Н. Масленниковой отмечено значение псковских летописей для изучения истории Пскова времени образования единого Русского государства, присоединения к нему самого Пскова¹¹³. Автор установила, что в тексте Псковской I летописи, изданном в т. IV «Полного собрания русских летописей», описание присоединения Пскова в 1510 г. представляет собой соединение записей трех различных летописей¹¹⁴. В целом же

¹¹¹ Л. Творогов. Вновь открытая Псковская летопись. — «Псковская правда», 1945, № 224 (246); он же. Холмогорский список Псковской летописи. — Там же, № 228 (250); он же. Источники по истории Псковской земли. Летописные заметки на книгах. — «Печорская правда», 1946, № 42 (190); он же. Источники по истории Псковской земли. Псковские летописи. — Там же, № 24 (172); он же. К столетию издания «Псковской первой летописи» (1848—1948 годы). — «Псковская правда», 1948, № 136 (921).

¹¹² О. А. Яковлева. К истории псковских летописей. — «Записки Научно-исследовательского института при Совете Министров Мордовской АССР», т. 6. История и археология. Саранск, 1946, стр. 132—146; она же. К истории псковских летописей. — Там же, т. 9. Саранск, 1947, стр. 218—229.

¹¹³ Н. Н. Масленникова. Идеологическая борьба в псковской литературе в период образования Русского централизованного государства. — ТОДРЛ, т. VIII. М. — Л., 1951; она же. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1953; она же. Присоединение Пскова к Русскому централизованному государству. Л., 1955.

¹¹⁴ Н. Н. Масленникова. Присоединение Пскова... Л., 1955, стр. 85—86.

она опирается на наблюдения А. Н. Насонова о псковском летописании¹¹⁵.

* * *

А. Н. Насонов затронул и вопрос о летописном деле в Твери. Автор отмечает общерусские тенденции в тверском летописном своде середины XV в., отражавшем идею о Твери как третьем Риме; он сохранился в Рогожском летописце и второй части Тверского сборника¹¹⁶.

В исследовании Я. С. Лурье о Тверском княжестве XV в. уделяется внимание и тверскому летописанию¹¹⁷. Автор сопоставляет тексты Тверского сборника, Рогожского летописца, Новгородской IV летописи, Слова инок Фомы о великом князе тверском Борисе Александровиче (1425—1461 гг.), в котором использован тверской летописный материал, проводит мысль о ведении летописного дела при этом князе (свод 1455 г.), в эпоху последнего возвышения Твери (и одновременного ослабления Москвы во времена борьбы с Шемякой), которая в это время пыталась играть «роль, предназначенную впоследствии Москве»¹¹⁸.

Н. Н. Воронин разбирает записи о Щелкане (Шевкале) в Тверской летописи (Тверском сборнике) или, как полагает Насонов, в Тверском великокняжеском своде 1327 г., в Рогожском летописце, отразившем Тверской свод 1455 г. Они представляют собой живой народный рассказ, записанный в том же 1327 г. и впоследствии интерполированный в летописный текст¹¹⁹.

М. А. Ильин изучает Повесть о Михаиле Тверском (составленную, по его мнению, в первой половине XV в.) в составе Тверского сборника, Новгородской IV, Симеоновской, Воскресенской и Никоновской летописей. Автор отмечает использование летописи князя Бориса Алек-

сандровича в Слове похвальном инок Фомы, который, возможно, и был автором этой летописи, как предполагает Шахматов. При князе Борисе тверском появились не только летописный свод 1455 г. (как установил Насонов), но и Слово инок Фомы и Повесть о плавских событиях, включенная в состав Тверского сборника. Наконец, автор, опираясь на наблюдения Я. С. Лурье, рассматривает летописные известия о событиях в Твери в 1327 г. («щелкановщина»)¹²⁰.

Ту же Повесть о Михаиле Тверском сделал предметом специального исследования Б. И. Дубенцов, изучающий различные ее редакции в составе тверских летописных памятников — сводов князя Ивана Михайловича 1408 г., епископа Арсения, Василия Михайловича Кашинского, Ивана Михайловича 1425 г., Бориса Александровича. Автор в суждениях о тверском летописании исходит из выводов А. Н. Насонова, М. Д. Приселкова, Н. Н. Воронина¹²¹.

* * *

Из работ о московском летописании выделяется исследование М. Д. Приселкова о Троицкой летописи¹²². Поскольку она сгорела в 1812 г., с целью реконструкции содержания автор подробно исследовал выписки из ее текста в примечаниях к первым пяти томам труда Н. М. Карамзина. Он обосновал свой вывод, что в целом для реконструкции Троицкой, помимо карамзинских выписок, необходимо привлечь Лаврентьевскую, Симеоновскую и другие летописи.

Д. С. Лихачев в уже упоминавшемся очерке кратко характеризует московские общерусские летописные своды

¹¹⁵ См. рецензию Я. С. Лурье: «Вопросы истории», 1955, № 10, стр. 144.

¹¹⁶ А. Н. Насонов. О русском областном летописании, стр. 290.

¹¹⁷ Я. С. Лурье. Роль Твери в создании Русского национального государства. — «Ученые записки Ленинградского гос. университета», № 36, Серия исторических наук, вып. 3. Л., 1939, стр. 94—102.

¹¹⁸ Там же, стр. 101.

¹¹⁹ Н. Н. Воронин. «Песня о Щелкане» и Тверское восстание 1327 г. — «Исторический журнал», 1944, № 9, стр. 77—82.

¹²⁰ М. А. Ильин. Тверская литература XV в. как исторический источник. — «Труды Московского гос. историко-архивного института», т. III. Кафедра истории СССР. М., 1947, стр. 6—14, 24, 31—34, 41—42.

¹²¹ Б. И. Дубенцов. Из истории тверской литературы первой половины XV в. (Повесть о Михаиле Александровиче Тверском). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1955, стр. 13—23.

¹²² М. Д. Приселков. О реконструкции текста Троицкой летописи 1408 г., сгоревшей в Москве в 1812 г. — «Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена», т. 19. Кафедра истории СССР. Л., 1939, стр. 5—42.

первой половины XV в. — свод Киприана 1408 г. (Троицкая летопись, сгоревшая в 1812 г.), свод Фотия, в которых использовано большое число местных летописей — новгородская, тверская, суздальская, рязанская, ростовская, ярославская, нижегородская, московские (в том числе предшествовавший московский свод — «Летописец великий русский»), серпуховская летопись. Идея собирания русских земель, единства Руси, положенные в основу этих сводов, продиктовали приемы работы летописцев-сводчиков, объединивших в своих трудах ряд памятников областного летописания. Подобный подход начинает находить применение и в летописных памятниках других центров, например Новгорода, Твери¹²³.

Н. К. Гудзий в общей характеристике московской литературы XIV — первой половины XV в. уделяет внимание и летописанию¹²⁴, которое, по его словам, приобретает общерусский характер задолго до образования единого государства. Летописное дело в Москве началось, по мнению автора, в 20-е годы XIV в. в связи с заложением Успенского собора; оно носит местный характер (описание церковных событий, жизни княжеской семьи). Подъем начинается с конца XIV в. В конце 80-х или начале 90-х годов этого столетия создается «Летописец великий русский», который начинается с «Повести временных лет». Он вошел в общерусский свод Киприана 1409 г. Затем был составлен общерусский свод Фотия в 1423 г. (по Шахматову) или в 1418 г. (по Приселкову); это — т. н. Владимирский Полихрон. Он был, очевидно, положен в основу русских статей Русского хронографа 1442 г. Пахомия Логофета; тем самым русская история по инициативе Москвы включается в историю общемировую.

Я. С. Лурье разбирает летописный рассказ о знаменитом «стоянии на Угре» в 1480 г. и приходит к выводу, что он является ростовским по своему происхождению и попал в ряд летописей (Симеоновская, Воскресенская и др.) из протографа Типографской летописи. Главная его идея — обличение бояр, отговаривавших Ивана III от

¹²³ Д. С. Лихачев. Идеологическая борьба Москвы и Новгорода в XIV—XV вв., стр. 43—45 и др.

¹²⁴ Н. К. Гудзий. Зарождение и становление московской литературы. — «Вестник Московского университета», 1947, № 9, стр. 104—105.

решительных действий против татар; летописные «своды, созданные после Угры, были антибоярскими»¹²⁵.

* * *

Таким образом, в середине 1930-х — середине 1950-х годов появились ценные публикации летописных текстов и исследования по истории летописания феодальной раздробленности. А. Н. Насонов переиздал на новых основаниях Новгородскую I летопись старшего и младшего изводов и псковские летописи, устранив недостатки предыдущих изданий и серьезные ошибки археографов XIX в., объединявших воедино тексты разных летописных редакций. М. Д. Приселков провел работу по реконструкции текста Троицкой летописи.

К числу достижений советского летописеведения этого периода необходимо отнести исследования о галицко-волынском летописании (В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин), владими́ро-суздальском (М. Д. Приселков), новгородском (Д. С. Лихачев), псковском (А. Н. Насонов), тверском (А. Н. Насонов, Я. С. Лурье, М. А. Ильин), московском (М. Д. Приселков). Они во многом расширили, детализировали, уточнили построения А. А. Шахматова в этой части истории русского летописания. В то же время в решении некоторых вопросов имеются различные точки зрения (время составления отдельных владимирских сводов XII—XIII вв., галицко-волинских летописцев); очевидно, исследование этих вопросов требует дополнительных усилий специалистов.

В методике работы с летописным материалом наблюдается сочетание текстологического анализа и анализа идей, классового, политического содержания летописей. В работах некоторых авторов имел место формально-текстологический подход, не подкрепленный наблюдениями о летописях как памятниках феодальной идеологии, отражавших интересы господствующего класса, анализом истории текста летописей в целом (например, работа И. П. Еремина о Киевской летописи). В эти десятилетия в изучении летописей господствующие позиции занимает марксистско-ленинская методология.

¹²⁵ Я. С. Лурье. Из истории политической борьбы при Иване III. — «Ученые записки Ленинградского гос. университета», № 80, Серия исторических наук, вып. 10. Л., 1941, стр. 79—83.

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ КОНЦА XV—XVII В.

Изучение этого периода истории русского летописания в указанное время отмечено достижениями в области публикации текстов. Выдающееся значение имеет издание М. Н. Тихомировым Московского летописного свода конца XV в. в серии «Полное собрание русских летописей»¹²⁶, возобновление которой является его заслугой.

Научная общественность высоко оценила это издание¹²⁷. В то же время некоторые положения М. Н. Тихомирова вызвали возражения. Л. В. Черепнин считает датировку Шахматова более правильной, так как Эрмитажный список оканчивается 1477 годом; записи же вплоть до 1492 г. являются позднейшими приписками к этому своду. С его точки зрения, из Эрмитажного списка следовало привести все варианты, а не ограничиваться отдельными разночтениями, которые в ряде случаев дают более правильные чтения в сравнении с основным списком. Кроме того, рецензент ставит вопрос о необходимости (при условии проведения «большой предварительной работы по разысканию и систематизации летописных списков, сличению вариантов и установлению редакций ряда летописных памятников») подготовки нового издания ПСРЛ «на основе марксистской методологии». С. А. Левина считает Московский свод конца XV в. одной из редакций Московского свода 1493 г.¹²⁸

М. Н. Тихомиров издал и ряд летописных памятников XVI в. Одним из них является Постниковский летописец¹²⁹. Он включает записи за 1503—1547 гг. (опубликован текст за 1533—1547 гг.): Написан памятник в части за 1533—1547 гг. типичным деловым языком XVI в.; этот отрывок, принадлежащий перу дьяка Постника Губина Маклакова, представляет собой «очень интересный историографический памятник — русские мемуары XVI в.,

облеченные в обычную форму летописных записей».

Он же издал конец Владимирского летописца за 1395—1513 гг., отметив при этом, что основная его часть (им не опубликованная), является извлечением из большого летописного свода, близкого к Троицкой летописи начала XV в. Изданный текст, по характеристике автора, является московским по происхождению. В нем имеются сведения о московских событиях, отсутствующие в других сводах; их автором был современник Василия III, москвич, лицо духовного звания¹³⁰.

Представляют немалый интерес краткие летописные памятники, изданные им же: Краткий Владимирский летописец XVI в. с известиями за IX—XII вв., имеющими некоторые дополнения в сравнении с другими летописями; Соловецкий летописец конца XVI в. (описаны события от венчания Ивана IV на царство в 1547 г. до конца правления его сына Федора); наконец, Острожский летописец первой половины XVII в., составленный на Украине в Остроге, возможно, «мещанином» — горожанином (записи за 1500—1636 гг.)¹³¹.

М. Н. Тихомиров же опубликовал Повесть о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого, летописчик времени опричнины и летописный отрывок начала XVII в. о построении городов в Московском государстве¹³².

Несколько кратких летописцев XVI в. опубликовал А. А. Зимин¹³³. Два из них изготовлены в Иосифо-Волоколамском монастыре. Первый составлен около 1552 г. Марком Левкеинским; помимо сведений о монастыре, в нем помещены известия о борьбе России с Литвой и Казанью в 1520-е — 1530-е годы. Второй является делом рук Игнатия Зайцева (в основном около 1555—1556 гг., приписки за 1557—1571 гг.); в его начале помещен летописчик известного церковного деятеля — Иосифа Санина; в основной части летописца Зайцева имеются сведения о военных походах Ивана Грозного 1547—1552 гг.,

¹²⁶ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949.

¹²⁷ См. рецензию Л. В. Черепнина: «Вопросы истории», 1950, № 9, стр. 142—143.

¹²⁸ С. А. Левина. Воскресенская летопись (ее редакции, источники и значение). — «Труды Московского гос. историко-архивного института», т. X. М., 1957, схема между стр. 402 и 403.

¹²⁹ М. Н. Тихомиров. Записки о регентстве Елены Глинской и боярском правлении 1533—1547 гг. — «Исторические записки», т. 46, 1954, стр. 278—288.

¹³⁰ М. Н. Тихомиров. Из «Владимирского летописца». — «Исторические записки», т. 15, 1945, стр. 278—300.

¹³¹ М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники. — «Исторический архив», т. VII. М., 1951, стр. 207—211, 217—253.

¹³² М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники XVI в. — «Исторические записки», т. 10, 1941, стр. 84—94.

¹³³ А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв. — «Исторический архив», т. V. М.—Л., 1950, стр. 3—6, 7—22, 27—39.

о борьбе с «еретиками» середины XVI в. (Матвей Башкин и др.). Другие летописцы составлены в Кирилло-Белозерском монастыре в 1530-е годы.

«Казанскую историю» заново опубликовала Г. Н. Моисеева¹³⁴. Этот памятник, составленный в 1564—1565 гг. русским, находившимся 20 лет в казанском плену, посвящен истории борьбы русского народа с татарами. Начинается он с рассказа о нашествии Батыя и заканчивается описанием взятия Казани в 1552 г., значительное внимание уделяется истории Казанского ханства. По своему жанру он является исторической повестью. Г. Н. Моисеева изучила 231 список, тогда как в распоряжении Г. З. Кунцевича, автора специальной работы об этом памятнике, имелось всего 152 списка¹³⁵. В основу издания положен древнейший список конца XVI в. В отличие от Кунцевича, насчитывавшего восемь редакций «Казанской истории» (он ошибочно считал группы родственных списков отдельными редакциями), Моисеева говорит о существовании двух редакций — «первоначальной» (первой) 1564—1565 гг. и «позднейшей» (второй) 90-х годов XVI в. Списки второй редакции делятся ею на семь групп. Текст издан только по одному списку первой редакции, причем варианты из других ее списков фактически отсутствуют. Имеются недостатки и в передаче текста (вставка отдельных кусков из списков, отсутствующих в основном; купюры в основном тексте и т. д.). Из известных автору списков в книге помещено описание только 82. Состав сборников, в которых они находятся, не описан. Отсутствуют указатели. Имеются ошибки в комментариях. На эти недостатки справедливо указали рецензенты¹³⁶.

Из «местных» летописей XVI в. упомяну издание псковских летописей А. Н. Насоновым и публикацию Устюжского свода, осуществленную К. Н. Сербиной¹³⁷.

¹³⁴ «Казанская история». Подготовка текста, вступительная статья и примечания Г. Н. Моисеевой. Под ред. члена-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954.

¹³⁵ Г. З. Кунцевич. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. СПб., 1905; см. также: ПСРЛ, т. XIX. СПб., 1903.

¹³⁶ См. рецензии В. Н. Автократова («Исторический архив», 1955, № 6, стр. 219—222) и М. Г. Сафаргалиева («Вопросы истории», 1955, № 7, стр. 148—151).

¹³⁷ «Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец)». Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950.

Большое научное значение второго из этих памятников определяется тем, что в нем сохранилась более древняя и полная редакция Начального свода. Сербина подчеркивает, что в Устюге Великом с начала XIII до конца XVI в. велось «систематическое летописание». Она характеризует историю изданий и изучения свода, его списки. На важное значение этого издания обратил внимание А. Н. Насонов¹³⁸.

Из летописных памятников XVII в. следует отметить находку О. А. Яковлевой Пискаревского летописца, текст которого издан ею, к сожалению, неполностью — только за 1533—1625 гг. (с приписками до 1645 г.)¹³⁹.

Описание летописных памятников московских архивохранилищ опубликовали М. Н. Тихомиров и А. Н. Насонов¹⁴⁰.

* * *

Изучение летописания времени образования и развития единого Русского государства в конце XV—XVII в. отмечено появлением ряда исследований о памятниках общерусского и отчасти местного летописания. Так, М. Н. Тихомиров опубликовал статью о Вологодско-Пермской летописи¹⁴¹. Эта летопись была известна еще Карамзину, который сделал из нее выписки для своей «Истории государства Российского». А. А. Шахматов изучал ее текст по трем спискам. Он считал, что в основе Вологодско-Пермской летописи (в части до 1418 г.) лежат софийские летописи, известия 1418—1480 гг. изло-

¹³⁸ См. рецензию А. Н. Насонова: «Вопросы истории», 1951, № 3, стр. 114—115.

¹³⁹ «Пискаревский летописец». Подг. текст О. А. Яковлева.— В кн.: «Материалы по истории СССР», т. II. М., 1955, стр. 5—210. Я. С. Лурье неточен, когда говорит, что Пискаревский летописец «охватывает время с 1533 по 1625 г. (с приписками до 1645 г.)», — это «время» «охватывает» только текст Пискаревского летописца, изданный О. А. Яковлевой; см. рецензию Я. С. Лурье («Исторический архив», 1956, № 4, стр. 277).

¹⁴⁰ М. Н. Тихомиров. Летописные памятники б. Синодального (Патриаршего) собрания.— «Исторические записки», т. 13, 1942; А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы).— ПИ, вып. IV. М., 1955.

¹⁴¹ М. Н. Тихомиров. О Вологодско-Пермской летописи.— ПИ, вып. III. М.—Л., 1940, стр. 225—244.

жены по своду 1480 г., с 1481 г. до начала XVI в. включены местные вологодские и пермские известия.

М. Н. Тихомиров привлёк к исследованию четыре списка. Автор считает источниками Вологодско-Пермской: Софийскую I, предполагаемый Шахматовым свод 1480 г. (по вопросу о датировке этого свода, отразившегося в Симеоновской, т. н. Ростовской, Уваровской и Воскресенской летописях, автор резервирует свою позицию), московскую летопись за 1483—1496 гг., местные вологодско-пермские записи. Они дали материал для первого Вологодско-Пермского свода, составленного в конце XV — начале XVI в. при дворе пермского епископа Филофея; «в чистом виде этот свод пока не найден»¹⁴².

На основании московских источников (своды, отразившиеся в Воскресенской и Софийской II) был составлен в Москве новый свод, доведённый до 1526 г.; он представлен одним — Академическим — списком. Третий свод изготовили в середине XVI в. (1540-е — 1550-е годы) путем дополнения московскими же записями за 1527—1539 гг.; он сохранился в трех списках — Синодальном, Кирилло-Белозерском и Чертковском.

Это исследование М. Н. Тихомирова явилось результатом изучения текста памятника по всем известным тогда спискам.

Я. С. Лурье, отмечая наличие в конце XV в. различных направлений в общерусском летописании, оспаривает тезис Шахматова о том, что целая группа известий второй половины XV в., оппозиционных по отношению к Москве, восходит к ростовскому летописанию, конкретно — к Ростовскому владычному своду (который отразился в Ермолинской, Типографской, Софийской II и др.)¹⁴³. Существовали, по его мнению, и другие центры независимого, неофициального летописания. К тому же указанные Шахматовым летописи имеют между собой мало общего по части критических замечаний в адрес московского великого князя.

Ростовский свод, действительно, отразился в более позднем летописании — в Типографской летописи. Но тождество Ермолинской летописи с Ростовским владыч-

ным сводом Лурье считает недоказанным. В основе же сходных известий этой и других летописей (Новгородская IV Хронографическая, Погодинская № 1409, Софийская I по списку Царского) лежит не ростовский свод, а свод, связанный с известным московским боярином Федором Басенком, который подвергся опале после вокняжения Ивана III, т. е. с оппозиционными кругами московского боярства¹⁴⁴.

Я. С. Лурье поддерживает мысль Насонова, который, сравнивая Софийскую II и Львовскую летописи, показал, что в 80-е годы XV в. был составлен летописный свод, связанный с митрополитом Геронтием; он (а не все тот же, как считал Шахматов, Ростовский владычный свод) и отразился в указанных летописях. Он доходил, вероятно, до 1489 г.

Из этих трех сводов наибольшей оппозиционностью отличается третий, наименьшей — первый¹⁴⁵.

Далее автор рассматривает официальное московское летописание конца XV в. — своды 1472 г. (в составе Никаноровской, Вологодско-Пермской и др.), 1479 г.¹⁴⁶ В это время составлялись и другие своды, например конца 1490-х годов (точнее — 1500 г.) (отразился в Симеоновской летописи и сходных с ней памятниках — Софийской II, Львовской, Воскресенской); он лег в основу Новгородской Хронографической и дополнительного текста Типографской.

В конце статьи Я. С. Лурье справедливо отмечает публицистический характер рассмотренных им сводов конца XV в.¹⁴⁷

В посмертно изданной статье А. Е. Преснякова рассматривается рукопись т. н. Иоасафовской летописи¹⁴⁸. Автор отмечает, что эта летопись являлась одним из ис-

¹⁴⁴ Там же, стр. 158—163. В связи с этим отмечу, что Я. С. Лурье оспаривает вывод А. Н. Насонова о ростовском характере опубликованного им летописного свода XV в.; см. рецензию Я. С. Лурье на т. II «Материалов по истории СССР». М., 1955 («Исторический архив», 1956, № 4, стр. 280).

¹⁴⁵ Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV в., стр. 163—165.

¹⁴⁶ Там же, стр. 166 и сл.

¹⁴⁷ Там же, стр. 182—186.

¹⁴⁸ А. Е. Пресняков. Иоасафовская летопись. — «Исторические записки», т. 8, 1940, стр. 242—247.

¹⁴² М. Н. Тихомиров. О Вологодско-Пермской летописи, стр. 243.

¹⁴³ Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV в. — ТОДРЛ, т. XI. М. — Л., 1955, стр. 157 и сл.

точников первой части списка Оболенского Никоновского летописного свода, но не непосредственно, а через посредство близкого к ней текста (Шахматов высказывал оба эти предположения). Как и Ростовская и Симеоновская, она лучше отразила древнее московское летописание в сравнении с Воскресенской.

* * *

Внимание исследователей привлекли в эти годы знаменитые вставки в текст Никоновской летописи и Царственной книги, сделанные на полях лицевых рукописей XVI в. С. В. Бахрушин обратил внимание на тенденциозные по своему характеру вставки, относящиеся к деятельности «Избранной рады» Ивана IV¹⁴⁹.

Д. Н. Альшиц подверг детальному анализу текст Синодального списка «Никоновской летописи с рисунками», т. е. последнего тома Лицевого свода XVI в., описывающего события 1535—1567 гг.¹⁵⁰ В этой рукописи властной рукой неизвестного редактора сделаны приписки и поправки в описаниях событий 1537, 1538, 1541 (в трех местах), 1542, 1554 (в двух местах), 1555, 1557 гг. Поправки были точно учтены переписчиком Синодального списка, результатом его работы стала т. н. Царственная книга с текстом за 1533—1553 гг. Но на полях последней появилась новая правка того же редактора. Автор приходит к выводу, что редактором был не кто иной, как сам царь Иван IV Грозный. Сначала он редактировал текст неоконченного тома с записями за 1533—1560 гг. (не сохранившиеся в Синодальном списке известия за 1533—1535 гг. и некоторые другие годы читаются в той же Царственной книге, а также в Лебедевской и Александро-Невской летописях). Работал он в 1563 г., в связи с тем что от руководства летописной работой отошел митрополит Макарий, умерший в том же году. Следующий этап его редакторской работы (приписки к Царственной книге) относится ко времени не ранее 1564 г. и не позднее 1568 г.; он связан с введением опричнины, полемикой с А. М. Курбским.

¹⁴⁹ С. В. Бахрушин. «Избранная рада» Ивана Грозного. — «Исторические записки», т. 15, 1945, стр. 32—34.

¹⁵⁰ Д. Н. Альшиц. Иван Грозный и приписки к лицевым сводам его времени. — «Исторические записки», т. 23, 1947, стр. 251—289.

В другой работе, являющейся продолжением предыдущей, тот же автор рассматривает источники сообщений о т. н. «боярском мятеже» 1553 г. в связи с болезнью Ивана Грозного, поставившей в повестку дня вопрос о престолонаследии¹⁵¹. Прежде всего это две приписки к лицевым рукописям (первая — к Синодальному списку под 1554 г., вторая — к Царственной книге под 1553 г.), затем письмо царя Ивана к Курбскому от 5 июля 1564 г. Альшиц, исходя из своих выводов о двукратном редактировании летописного текста Иваном Грозным (второй этап здесь датируется несколько иначе — «в 1567 или 1568 г.»), показывает, что источником приписки Синодального списка послужило сыскное дело князя С. Лобанова-Ростовского. Описание событий 1553 г. в приписке к Царственной книге (сделанной, как говорит на этот раз автор, в 1567—1568 гг.) отличается от того, как о них было рассказано в приписке к Синодальному списку, сделанной в 1563 г., поскольку изменились обстановка, отношение царя к ряду лиц (например, к князю Д. И. Курлятеву, Н. Фуникову, князю Д. Ф. Палецкому). Если рассказ первой приписки можно считать достоверным, то вторая приписка в смысле достоверности, по словам Альшица, не вызывает доверия.

А. В. Арциховский исследовал миниатюры Лицевого свода XVI в., текст которого является вариантом Никоновской летописи¹⁵². Автор отмечает, что миниатюры четко обозначают различия между предметами материальной культуры, принадлежащими к разному времени, например к XIV, XV, XVI столетиям.

Степенную книгу (составлена по поручению митрополита Макария царским духовником Андреем в 1560—1563 гг.) как памятник русской литературы изучает В. В. Кусков¹⁵³. Автор исходит из того, что этот памятник, как и другие произведения XVI в. (Воскресенская, Никоновская летописи, Великие Четьи-Минеи), имеет своей целью обоснование идеологии московского едино-

¹⁵¹ Д. Н. Альшиц. Происхождение и особенности источников, повествующих о боярском мятеже 1553 г. — «Исторические записки», т. 25, 1948, стр. 266—292.

¹⁵² А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник, стр. 41—154.

¹⁵³ В. В. Кусков. Степенная книга как литературный памятник XVI в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1952.

державия, прославление величия и мощи России. Путем текстологического анализа автор выявляет его источники: Никоновскую, Воскресенскую, Софийскую I летопись, Хронограф редакции 1512 г. и, возможно, др.; агиографическую литературу (Киево-Печерский патерик, жития святых). Автор прослеживает особенности стиля Степенной книги, показывает ее значение в истории развития древнерусской литературы.

В нескольких исследованиях Г. Н. Моисеевой с той же историко-литературной точки зрения изучается «Казанская история»¹⁵⁴, ею же изданная. Этот памятник, составленный в 1564—1565 гг. (что установлено еще Г. З. Кунцевичем), изучен автором по 231 списку (Кунцевичу были известны 152 списка). Она устанавливает источники «Казанской истории»: «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси», Никоновская, Воскресенская, Софийская II, Львовская летописи, Московские своды 1479 и 1518 гг., Хронограф редакции 1512 г., переписка Грозного с Курбским, документы Царского архива, статейные списки Посольского приказа, разрядные дела, родословные книги. Используются рассказы очевидцев, предания и легенды казанских татар, собственные наблюдения автора, много лет жившего в казанском плену. Автор, используя и умело перерабатывая источники, старается провести мысль о том, что Русь исстари «была едина» и ей принадлежала местность, где стоит Казань, что борьба с Казанским ханством, основанном преемником хана Батыя, является продолжением борьбы Руси с Золотой Ордой за возвращение русских земель, ею захваченных. В описании событий середины XVI в. автор — историк и публицист — целиком становится на сторону возвеличиваемого им самодержца Ивана Васильевича и осуждает его противников из числа оппозиционных бояр, дискредитирует их действия, замалчивает их роль во взятии Казани в 1552 г. Его позиция совпадает с позицией Ивана Пересветова. Моисеева

¹⁵⁴ Г. Н. Моисеева. «Казанская история» — новый этап в развитии исторического повествования древней Руси. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1951; она же. Автор «Казанской истории». — ТОДРЛ, т. IX. М. — Л., 1953, стр. 266—268; она же. О некоторых источниках «Казанской истории». — Там же, т. XI. М. — Л., 1955, стр. 187—197.

считает, что мнение некоторых исследователей о священнике («попе») Иоанне Глазатом как авторе «Казанской истории» едва ли соответствует действительности. Скорее всего автор был русским дворянином — недаром после освобождения из плена в 1552 г. он в числе других получил от царя «удел», т. е. земельное владение.

По своему жанру «Казанская история» представляет собой публицистическую историческую повесть и отражает новый этап в историческом самосознании русского народа, в развитии древнерусской литературы.

* * *

Из трудов по истории местного летописания упомяну исследования А. Н. Насонова, который внес большой вклад в изучение псковского летописания XVI в. Он выяснил, что большая работа по составлению во Пскове летописных сводов велась на протяжении всей второй половины XV в. и продолжалась до 1510 г. — присоединения Пскова к России. Следующие летописные своды составляются в 1547 и 1567 гг. Первый из них обнаруживает сочувствие власти московских правителей, но обличает действия их наместников; он мог быть составлен в псковском Елизарове монастыре. Второй свод составлен игуменом Псково-Печерского монастыря Корнилием, которого казнил в 1570 г. Иван Грозный, и отражал оппозиционные по отношению к Москве и царю настроения боярства. Оба свода получили продолжение в XVII в., когда на их основе создается (с приписками, дополнениями) несколько летописных редакций¹⁵⁵.

К. Н. Сербина исследовала Устюжский летописный свод первой четверти XVI в., получивший в XVIII в. название Архангелогородского летописца¹⁵⁶. Он включает записи с 852 до 1598 г. Его содержание связано с историей Древнерусского государства, затем России. В то же время выделяется группа известий (с начала XIII до конца XVI в.), связанных с Великим Устюгом. Устюж-

¹⁵⁵ А. Н. Насонов. О русском областном летописании. — «Известия АН СССР», Серия истории и философии, т. II, № 4, 1945, стр. 292; он же. Из истории псковского летописания. — «Исторические записки», т. 18, 1946, стр. 261—270, 293—294.

¹⁵⁶ К. Н. Сербина. Устюжский летописный свод. — «Исторические записки», т. 20, 1946, стр. 239—270.

ский свод в первой редакции был составлен, по наблюдениям автора, в первой четверти XVI в.; он основан на Устюжском летописце конца XV в., отчасти на сокращенной редакции общерусского летописного свода 1494 г. и др. В течение XVI в. к этому своду делались приписки; в 70-е годы составлена вторая редакция, в первой четверти XVII в. — третья редакция. Летописные же записи в Устюге Великом велись с начала XIII в. при Успенской соборной церкви.

Передовые для своего времени общественно-политические идеи в белорусско-литовском летописании XVI в. выявляет Н. А. Алексютович¹⁵⁷.

* * *

Из работ об общерусском летописании XVII в. прежде всего назову исследование Л. В. Черепнина¹⁵⁸. В основном оно посвящено «Новому летописцу», составленному, согласно наблюдениям Платонова, в 1630 г. в кругах, близких к патриарху Филарету. Автор вскрывает идеологию, политическую концепцию памятника — апологию самодержавия, абсолютизма. Причину событий «Смуты» «Новый летописец» видит в пресечении царской династии и преследовании Романовых. Следствием кризиса династического явился кризис социальный. Завершением «Смуты» стало избрание на царский престол М. Ф. Романова — племянника царя Федора Ивановича.

В числе источников «Нового летописца» Л. В. Черепнин называет «Утвержденную грамоту» об избрании Михаила Федоровича, другие официальные грамоты начала XVII в., документы архива Посольского приказа. Этот патриарший летописец, по предположению автора, явился «плодом совместной работы Посольского приказа и патриаршего штата»¹⁵⁹. Далее, в нем были использованы повествовательные источники: «Повесть о честном жи-

тии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси», «Сказание» Авраамия Палицына, «Рукопись» патриарха Филарета.

Л. В. Черепнин рассматривает также деятельность Записного приказа, созданного по указанию царя Алексея Михайловича в 1657 г. для составления продолжения Степенной книги (от времени Федора Ивановича до самого Алексея). Его руководители — дьяки Тимофей Кудрявцев и Григорий Кунаков — собрали материалы Посольского, Разрядного и других приказов, запрашивали материалы из патриаршей библиотеки, Чудова монастыря, у частных лиц. В результате недолгой работы (в 1657—1659 гг.) новую Степенную книгу составить не удалось, но успели сделать компиляцию из Степенной книги XVI в. и «Нового летописца» 1630 г. В 1658 г. изготовили «Сказание о поставлении на патриаршество Филарета Никитича».

При патриаршем дворе в конце 1650-х годов составили переработку «Нового летописца» (его текст дополнили новыми статьями). В 1673 г. появилась «Книга об избрании Михаила Федоровича», в 1686 г. — летописный свод, изготовленный в связи с заключением «Вечного мира» с Польшей, главную роль в котором сыграл известный глава правительства царевны Софьи боярин кн. В. В. Голицын, прославляемый в этом памятнике. В 1680 г. был составлен новый извод «Нового летописца», дополненного вставками из повестей о «Смутном времени» начала XVII в. и записями до 1679 г. Этот свод был составлен в Великом Новгороде; об этом говорят записи чисто местного характера, близость некоторых из них к записям новгородских летописей. Составной частью свода 1680 г. является «Краткий летописец новгородских владык», ссылки на который имеются в тексте свода. Л. В. Черепнин предполагает, что свод изготовили по инициативе новгородского митрополита Иоакима (1672—1674), ставшего впоследствии патриархом. Вероятно, именно этот свод использовал Татищев, называя его Иоакимовской летописью (а не летопись Иоакима Корсунянина, первого новгородского епископа, умершего в 1030 г., как считал сам Татищев и как иногда утверждалось в литературе), — ведь именно в своде 1680 г. приводится тот баснословный материал, которому так удивлялся российский историк XVIII в., отмечавший, что в «древних несторовых манускриптах» нет

¹⁵⁷ Н. А. Алексютович. Передовая общественная и философская мысль в Белоруссии в XVI в. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Минск, 1955, стр. 7.

¹⁵⁸ Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII в. (Из истории древнерусского летописания). — «Исторические записки», т. 14, 1945, стр. 81—128.

¹⁵⁹ Там же, стр. 96.

ничего подобного, «а находится в прологах и польских историях». Между тем в своде 1680 г. использованы «Синопис» И. Гизеля, в котором имеются выписки из трудов Зонары, Стрыйковского, Крамера, Бельского и др., иностранные куранты, летучие листки и пр.

А. А. Рудаков прослеживает обработку легенды о смерти царевича Димитрия в «Новом летописце»¹⁶⁰.

В начале 1950-х годов появляются первые сообщения о находке Пискаревского летописца, об имеющихся в нем известиях о русском книгопечатании и др.¹⁶¹

Д. С. Лихачев отмечает пробуждающийся интерес исторических произведений XVI — начала XVII в. к исторической личности (Никоновская летопись, Степенная книга, Хронограф редакции 1617 г. и др.)¹⁶².

К сходным с Л. В. Черепнинным выводам об Иоакимовской летописи пришел С. К. Шамбинаго¹⁶³. Автор приводит высказывания Татищева, считавшего Иоакима, составителя летописи, которую он цитирует, первым владыкой Новгорода Великого (этот епископ-грек приехал на Русь в 991 г. и скончался в Великом Новгороде в 1030 г.). Исследователи XIX в. установили, что то, что принималось за древнюю Иоакимовскую летопись, на самом деле представляет собой позднейшую компиляцию из русских и иностранных известий с присоединением литературных, подчас баснословных «украшений», характерных для XV и особенно XVI—XVII вв.

¹⁶⁰ А. А. Рудаков. Развитие легенды о смерти царевича Димитрия в Угличе. — «Исторические записки», т. 12, 1941, стр. 264—270, 281.

¹⁶¹ А. И. Яковлев, О. А. Яковлева. Новая летопись. — «Огонек», 1950, № 42, стр. 21—22; О. А. Яковлева. Два летописных известия о русском книгопечатании в XVI—XVII вв. — «Полиграфическое производство», 1951, № 10, стр. 26; Л. П. Теплов. К сообщению Пискаревской летописи о русском книгопечатании XVI—XVII вв. — Там же, стр. 26—28; Н. А. Фигуровский. По поводу летописного известия о русском алхимике XVI в. — «Труды Института истории естествознания», т. IV. М., 1952, стр. 445—449; О. А. Яковлева. Любопытное известие о московском рудознатце конца XVI в. — Там же, стр. 443—444.

¹⁶² Д. С. Лихачев. Проблема характера в исторических произведениях начала XVII в. — ТОДРЛ, т. VIII. М.—Л., 1951, стр. 218—234.

¹⁶³ С. К. Шамбинаго. Иоакимовская летопись. — «Исторические записки», т. 21, 1947, стр. 254—270.

Шамбинаго привлек для сравнения с татищевскими выписками из «Иоакимовской летописи» рукописи аналогичных по своему составу и содержанию летописных памятников. Он доказывает, что этот памятник был составлен при Иоакиме (1674—1690 гг.), который до своего патриаршества был новгородским митрополитом. Иоакимовская летопись по своему характеру являлась новгородским сводом.

Концом XVII в. В. Н. Автократов датирует знаменитую «речь» Ивана Грозного, «произнесенную» им в 1550 г., т. е. в начале проведения реформ «Избранной рады», на Красной площади перед собравшимся здесь народом (призыв оставить вражду, обещание карать сребролюбцев и лихоимцев, назначение А. Ф. Адашева к приему челобитных «у бедных и обидимых»)¹⁶⁴. Записана «речь» в Хрущовском списке Степенной книги. В начале XIX в. историки (например, Карамзин) считали этот источник достоверным. Впервые подверг сомнению это утверждение Ключевский, а Платонов и Васенко писали о нем как о фальсификации.

Сборник, в котором находится Хрущовский список, относится, как уточняет автор, ко времени царя Алексея Михайловича (1645—1676 гг.). Анализ же «речи», вставленной в текст Степенной книги под 1546 г., позволяет заключить, что автором этой подделки, а по существу публицистического произведения конца XVII в. был опальный окольничий С. С. Колтовский. Он составил его между октябрём 1691 г. и январём 1692 г., цель этой работы — призыв к сотрудничеству монарха со своими советниками, протест против дальнейшего укрепления абсолютистской власти царя.

* * *

Из работ по истории местного летописания XVII в. следует остановиться на трудах о сибирском летописании. Это прежде всего исследование А. И. Андреева об источниках по истории Сибири, возникших в XVII в., где автор уделит большое внимание сибирским летописям¹⁶⁵.

¹⁶⁴ В. Н. Автократов. «Речь Ивана Грозного 1550 года» как политический памфлет конца XVII в. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 255—279.

¹⁶⁵ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири. XVII век. Л., 1939 (на обложке — 1940), стр. 118—178.

Автор рассказывает о собирании и издании текстов этих памятников, разбирает мнения историков о редакциях сибирских летописей, времени их создания. Здесь Андреев в споре А. А. Введенского с А. М. Ставрович о времени составления Строгановской летописи становится на сторону второго из этих авторов, поскольку палеографический анализ рукописи не подтверждает, по его мнению, выводы первого автора.

А. И. Андреев поддерживает тезис С. А. Адрианова о большей древности Есиповской летописи в сравнении со Строгановской; обе пользовались общим первоисточником, до нас не дошедшим. Есиповская летопись составлена в 1636 г., Строгановская — во второй половине XVII в., возможно около 1673 г., Строгановская распространенная — после этого года.

Автор высказал предположение о том, что сокращенные редакции Есиповской и Строгановской могли появиться раньше Есиповской первой и Строгановской первой. Он же высказал мнение, что эти памятники являются «не летописями в обычном смысле, а летописными повестями о завоевании Сибири и ближайших по времени событиях»¹⁶⁶. Он отмечает ошибочность классификации «повестей о завоевании Сибири», неиспользованность при их издании многих списков и ставит вопрос о необходимости новой публикации памятников¹⁶⁷. Сам А. И. Андреев привлёк для исследования немало новых списков сибирских летописей.

Его труд занимает заметное место в историографии сибирского летописания. Рецензенты отмечали, что это обобщающее исследование не только подводит итоги изучению источниковедческой базы по истории Сибири, но и знакомит читателя с результатами исследовательских изысканий автора, его находками различных источников, в том числе новых списков сибирских летописей. Д. С. Лихачев, соглашаясь с А. И. Андреевым в том, что Строгановская летопись является поздней по происхождению, тем не менее считает, что нельзя столь категорично, как это делает автор, отрицать ее значение как исторического источника, поскольку, несмотря на ее сравнительно позд-

нее происхождение, она может правильное и полное передавать свои источники, чем даже более ранняя Есиповская летопись. Вывод же А. И. Андреева о тенденциозности Строгановской летописи, выдвигающей при описании завоевания Сибири на первый план Строгановых в ущерб Ермаку и его дружине, имеет принципиальное научное значение, поскольку позволяет пересмотреть вопрос об участии Строгановых в походе Ермака.

Д. С. Лихачев высказал сомнения относительно тезиса А. И. Андреева о позднем происхождении Кунгурской летописи (конец XVII в.), которая, несмотря на имеющиеся в ней следы поздней обработки (отдельные слова, выражения), сохранила свидетельства о более древнем происхождении (отдельные эпизоды написаны непосредственными очевидцами похода Ермака; наличие неизвестных по другим летописям фактов, точность в деталях, обилие дат; возможно, все это взято из очень древнего источника)¹⁶⁸.

Краткую характеристику сибирских летописей дал А. А. Введенский¹⁶⁹. Рассматривая историографию вопроса, автор поддерживает выводы С. В. Бахрушина и оспаривает мнение П. И. Небольсина, С. А. Адрианова, А. М. Ставрович и А. И. Андреева о более позднем (в сравнении с Есиповской) времени составления Строгановской летописи (в частности, вывод двух последних авторов о ее составлении в конце 1660-х — 1670-х годах). Палеографические особенности списка Строгановской летописи говорят, по мнению А. А. Введенского, о его составлении в первой половине XVII в., точнее — в 1630-е — 1640-е годы. Нет оснований отвергать указание Строгановской летописи об участии Строгановых в организации похода Ермака. Составитель Есиповской летописи, посвященной действиям Ермака в Западной Сибири, мог не знать о внутренней жизни пермских вотчин Строгановых; кроме того, описание роли Строгановых не было необходимо для его концепции.

¹⁶⁸ См. рецензию Д. С. Лихачева: «Сибирские огни», 1941, № 2, стр. 140—141. Ср. рецензии К. В. Базилевича («Восточно-Сибирская правда», 1940, № 230, стр. 4), П. Пермского («Архивное дело», 1940, № 4, стр. 78—79) и Н. Степанова («Известия Всесоюзного географического общества», т. 75, вып. 4, 1943, стр. 55—57).

¹⁶⁹ А. А. Введенский. Строгановы, Ермак и завоевание Сибири. — «Исторический сборник Киевского гос. университета им. Т. Г. Шевченко», № 2. Киев, 1949, стр. 10—15, 23.

¹⁶⁶ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, стр. 141—142.

¹⁶⁷ Там же, стр. 144.

Как видим, в середине 1930-х — середине 1950-х годов летописные археография и источниковедение обогатились важными изданиями и исследованиями. К числу первых относятся публикации М. Н. Тихомирова (особенно Московский свод конца XV в.), А. Н. Насонова (псковские летописи), К. Н. Сербиной (Устюжский летописный свод), О. А. Яковлевой (Пискаревский летописец). Из исследовательских работ выделяются статьи о летописании конца XV — первой половины XVI в. (М. Н. Тихомиров, Я. С. Лурье), о приписках к лицевым летописям третьей четверти XVI в. (Д. Н. Альшиц), о «Казанской истории» (Г. Н. Моисеева), о местном летописании XVI—XVII вв. (А. Н. Насонов — о псковском, К. Н. Сербина — об устюжском), о летописании XVII в. (Л. В. Черепнин — об общерусском, С. К. Шамбинаго — о новгородском, А. И. Андреев — о сибирском).

Из числа публикаций менее приемлемым для историков является издание «Казанской истории», рассчитанное на широкие круги читателей и потому подготовленное по «облегченным» правилам.

Некоторые вопросы вызвали споры. Таковы расхождения по вопросу о времени составления и степени достоверности Строгановской летописи; мне кажутся менее убедительными доводы А. И. Андреева, поддержавшего А. М. Ставровиц; более правильную точку зрения высказывают Д. С. Лихачев и А. А. Введенский, хотя в их взглядах есть и отличие. Это — характеристика роли Строгановых в организации похода Ермака, которая более убедительной выглядит, пожалуй, у второго из названных авторов.

В плане методики источниковедческого исследования особо следует, на мой взгляд, выделить работы М. Н. Тихомирова, А. Н. Насонова, К. Н. Сербиной.

ИЗУЧЕНИЕ ХРОНОГРАФОВ

Издание хронографических текстов, их исследование в середине 1930-х — середине 1950-х годов отмечено некоторыми достижениями. Однако в целом можно говорить о замирании в деле исследования этой отрасли русского летописания.

С. О. Шмидт опубликовал текст «Хронографической летописи» за 1486—1551 гг.¹⁷⁰ Правда, ее текст публиковался ранее: за 1452—1485 гг. — по Погодинскому списку XVI в. (который механически обрывался на 1485 г.) и Музейному списку рубежа XVII—XVIII вв.; за 1486—1551 гг. — по одному дефектному Музейному списку¹⁷¹. С. О. Шмидт публикует текст за 1486—1551 гг. по новому Барсовскому списку середины XVI в., обнаруженному М. Н. Тихомировым¹⁷². Издатель показал, что Погодинский и Барсовский списки Хронографа являются двумя частями одной рукописи. Текст Хронографа содержит важные сведения по истории России второй половины XV — первой половины XVI в.; в частности, большое значение имеют упоминания о «соборе» весной 1549 г. (единственное в источниках), о Московском восстании 1547 г. и др.

Не совсем ясно, почему текст этой «Хронографической летописи», как его осторожно назвал С. П. Розанов, именуется «продолжением Хронографа редакции 1512 г.» — ведь она скорее заключает «продолжение» Хронографа середины XV в. Во всяком случае такое наименование требует объяснения.

М. Н. Тихомиров издал отрывок из компиляции, который он именуется Русским хронографом XVII в. (текст за 1629—1676 гг.)¹⁷³. Он находится в составе Забелинского списка. М. Н. Тихомиров устанавливает, что источниками этой хронографической компиляции, появившейся в конце XVII в. (вероятно, при царе Федоре Алексеевиче) в Великом Новгороде, являются свод, сходный с Новгородской IV летописью, «Новый летописец», «Синописис» И. Гизеля, Псалтирь и др.

Мне кажется, этот источник следует в дальнейшем исследовать в сравнении с другими аналогичными компилятивными памятниками второй половины XVII в., например с Иоакимовской летописью, т. е. большим новгород-

¹⁷⁰ С. О. Шмидт. Продолжение Хронографа редакции 1512 г. — «Исторический архив», т. VII, 1951, стр. 254—299.

¹⁷¹ ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911.

¹⁷² М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Курс источниковедения истории СССР, т. I. М., 1940, стр. 134, 162.

¹⁷³ М. Н. Тихомиров. Новгородский хронограф XVII в. — «Новгородский исторический сборник», вып. 7. Новгород, 1940, стр. 66—114.

ским сводом, составленным по инициативе новгородского митрополита, затем патриарха всероссийского Иоакима, о котором не раз упоминается в публикации М. Н. Тихомирова.

* * *

Исследования о хронографах посвящены, как правило, частным темам. Так, Д. С. Лихачев исследует т. н. Еллинский летописец второй редакции (или вида)¹⁷⁴. Как справедливо отмечает автор, значение этого памятника в истории русского летописания недостаточно оценено в историографии. Гораздо большее внимание со времен Шахматова уделялось Русскому хронографу. Между тем Еллинский летописец, эта «самая крупная литературная энциклопедия русского средневековья», «сопутствует русскому летописанию на всем его протяжении»¹⁷⁵. Его разновидности отразились, с одной стороны, в «Повести временных лет», Галицко-Волынской летописи, житии Александра Невского, с другой — в летописных сводах XV в. (Русский хронограф, Владимирский Полихрон, Новгородская V по Хронографическому списку), XVI в. (Остермановский том Лицевого свода XVI в.), XVII в. (Хронограф второй редакции).

Автор, продолжая и углубляя выводы Истрина, считает Еллинский летописец произведением не древнеболгарской, а русской письменности, возникшим еще в домонгольское время. Еллинский летописец второго вида в первой половине XIII в. оказал влияние на составление Хронографической Палеи полного и краткого состава. В целом этот вид Хронографа насчитывает «более 500 лет действительного существования»¹⁷⁶.

Д. С. Лихачев привлекает к исследованию новый список (последней четверти XV в.) из Рукописного отделения Библиотеки Академии наук СССР (Истрину было известно четыре списка этого вида памятника), сравнивает его текстологически с уже введенными в научный оборот, устанавливает их взаимоотношения между собой и прото-

графами Еллинского летописца второго вида начала XIII в., редакции 1392 г. этого же памятника.

Еллинский летописец второго вида, по наблюдениям автора, возник в Великом Новгороде (об этом говорят, например, наличие в нем новгородской по своему происхождению повести 1204 г., включенной также в Синодальный список Новгородской I летописи старшего извода; наличие новгородизмов в языке памятника). Его копировал один из вождей московских еретиков (жидовствующих) конца XV в. Иван Черный; делалось это по поручению московских правительственных кругов в обстановке повышенного интереса ко всемирно-исторической роли Москвы, как ее представляли себе политики и идеологи времени образования единого Русского государства¹⁷⁷.

М. Н. Тихомиров подверг специальному изучению и опубликовал т. н. «именник» (список) древних болгарских князей, включенный в Еллинский летописец¹⁷⁸. Автор привлек к исследованию три списка конца XV—XVI в. Поскольку соединение Еллинского летописца в один рукописный сборник с Новгородской IV происходит в XV в., то к этому времени относятся и составление первого памятника и вставки в его текст именника.

Н. А. Мецкерский рассмотрел вопрос о датировке т. н. «Виленского (Вильнюсского) Хронографа»¹⁷⁹. Этот памятник, представляющий собой, по словам автора, одно из ценнейших произведений древнерусской письменности, является сводом известий по всемирной истории с древнейших (библейских) времен до взятия императором Титом Иерусалима в 70 г. Его источниками являются библейские книги, византийские хроники Георгия Амартола, Иоанна Малалы, «История Иудейской войны» Иосифа Флавия и др.

Текст Виленского Хронографа совпадает с текстом первой части Архивского Хронографа, что установлено еще Истриным. Он интересен, помимо прочего, сведениями о мифологии древних литовских племен, описанием быта «западнорусского общества в XIII—XV вв.»

¹⁷⁴ Д. С. Лихачев. Еллинский летописец второго вида и правительственные круги Москвы конца XV в. — ТОДРЛ, т. VI. М. — Л., 1948, стр. 100—110.

¹⁷⁵ Там же, стр. 100.

¹⁷⁶ Там же, стр. 101.

¹⁷⁷ Там же, стр. 109—110.

¹⁷⁸ М. Н. Тихомиров. Именник болгарских князей. — «Вестник древней истории», 1946, № 3, стр. 81—90.

¹⁷⁹ Н. А. Мецкерский. К вопросу о датировке Виленского Хронографа. — ТОДРЛ, т. XI. М. — Л., 1955, стр. 380—386.

Автор подробно описывает рукопись Виленского Хронографа, считавшуюся утерянной (она хранится в Рукописном отделении Библиотеки АН Литовской ССР), считает, что она переписана не в XVII в. (как полагал Ф. Добрянский), а не позднее середины XVI в. (что подтверждается анализом палеографических данных). Текст Виленского Хронографа сохранился лучше в сравнении с Архивским, поэтому именно его следует положить в основу издания этого памятника.

Повести и сказания о взятии Константинополя турками в 1453 г. в составе различных памятников изучил М. Н. Сперанский¹⁸⁰. Автор детально исследовал с историко-литературной точки зрения три произведения, посвященные этому событию, поразившему воображение современников и ближайших потомков во всем тогдашнем христианском мире, в том числе в России. В первой половине XVI в. появляются три сочинения: перевод краткой греческой повести (1508—1520 гг.), два русских произведения — лирический плач (около 1512 г.) и пространная повесть (не позднее 1530-х годов). Особую популярность у читателей завоевала русская пространная повесть в двух редакциях — Искандеровской и особенно Хронографической.

Автор изучил большое количество рукописного материала и проследил судьбы трех памятников в русской письменности указанных столетий. Краткая повесть и плач включены в Хронограф редакции 1512 г. Повести и сказания о событиях 1453 г. включаются также в хронографы XVI—XVII вв. (редакции 1520, 1533, 1617 гг. и др.). Они оказали влияние на другие памятники (Степенную книгу, «Казанскую историю», сочинения авторов, писавших о событиях начала XVII в., — Авраамия Палицына, И. М. Катырева-Ростовского и др.).

Хронографической редакции Повести о Николе Зарайском посвятил историко-литературное исследование В. Л. Комарович¹⁸¹. Она сохранилась в составе хроногра-

фического памятника (т. н. Костромской летописи, или Русском Временнике), составленного, как показал Шахматов, в 1530-е годы. Издания повести, осуществленные в XIX—XX вв., страдают ошибками, подчас довольно серьезными (так, И. И. Срезневский опубликовал по существу сводный текст нескольких списков). Автор изучил 12 новых списков и дал их описание. Он разделяет все списки на восемь редакций начала XVI—XVII в.: одна из них включена в Хронограф редакции 1533 г.

П. Г. Любимов в приложениях к монографии поместил статьи, в которых дал характеристику описаний событий начала XVII в. в ряде памятников, в том числе в Хронографе 1617 г., Столярове (или Карамзинском) Хронографе, Хронографе третьей редакции, Хронографе Оболенского, Ельнинском Хронографе¹⁸².

* * *

Таким образом, появились издания некоторых хронографических текстов (М. Н. Тихомиров, С. О. Шмидт), несколько исследований (Д. С. Лихачев, М. Н. Тихомиров, Н. А. Мещерский), но их число, к сожалению, весьма невелико.

ОБОБЩАЮЩИЕ ТРУДЫ

Исследований, в которых даются общие оценки русскому летописанию, рассматриваются все или несколько этапов русского летописания, появилось в эти десятилетия немало, и среди них имеются работы выдающегося значения. Характерной чертой подавляющего большинства из них является то, что в них, как и в ряде трудов указанных десятилетий по конкретным вопросам истории русского летописания, изучение проблемы ведется с позиций марксистско-ленинской методологии. Важно также отметить другой момент: в некоторых обобщающих работах, имеющих научно-популярный, учебный характер, заметное место занимает научно-исследовательская разработка вопросов истории русского летописания.

Начну с трудов исторического профиля. Б. Д. Греков в повторных изданиях своего известного труда о Киевской

¹⁸⁰ М. Н. Сперанский. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII вв. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 136—165; т. XII. М.—Л., 1956, стр. 188—225.

¹⁸¹ В. Л. Комарович. К литературной истории Повести о Николае Зарайском. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, стр. 57—72.

¹⁸² П. Г. Любимов. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939, стр. 307—313, 319—324.

Руси дал ряд замечаний о характере древнерусского летописания — взглядах Нестора, автора «Повести временных лет», по вопросу образования Русского государства, его позиции как представителя господствующего класса, о Сильвестре — продолжателе Нестора, переработавшего текст памятника. Греков подвергает критике норманнскую теорию, отраженную в Повести¹⁸³. Автор ставит вопрос о начале ведения на Руси кратких записей летописного типа со второй половины IX в. Он отвергает мнение о том, что греки создали русскую письменную историю; русские сами в силу внутренней потребности осознания своего прошлого создавали произведения, сначала устные (песни, сказания и др.), затем письменные, в том числе «Повесть временных лет». Последняя была результатом труда нескольких поколений летописцев, пересматривавших и продолжавших работу своих предшественников. Особо важную роль сыграл Нестор, имя которого, как и имя Гомера, стало символом.

Помимо Киева, летописание, отмечает Греков, велось в Новгороде, Галицкой земле, Переяславле, им занимались люди духовные и светские. В различных уголках Русской земли наблюдается пристальный интерес к истории своего отечества.

Обобщающий труд по рассматриваемой теме опубликовал в эти годы М. Д. Приселков¹⁸⁴, достойный продолжатель дела А. А. Шахматова. Как и в работах последнего, в нем имеются недостатки методологического и конкретно-источниковедческого характера, более и менее разработанные вопросы, и это, конечно, нельзя не учитывать при его оценке. С одной стороны, они объясняются не до конца изжитыми представлениями, идущими от старой, буржуазной историографии, от того же Шахматова, с другой — самой необъятностью предмета исследования. В то же время Приселков немало сделал в той области, которая была предметом его тщательных разысканий.

С первых страниц книги Приселков подчеркивает клас-

совый характер летописей как источника, повествующего о действиях князей, а не народных масс, отражающего борьбу феодальных центров, придворных партий. Правда, автор делает исключение в этом плане для первых киевских летописных сводов XI в., предшественников «Повести временных лет»: они, по его мнению (не совсем, на мой взгляд, обоснованному), «дают нам возможность глубже заглянуть чрез них в социальную жизнь, поскольку эти летописные своды отражали точку зрения управляемых, а не правителей». Точно так же трудно принять и другие характеристики летописей, которым автор склонен, кажется, придавать расширительное значение, — о «бедности и однообразии их содержания», «придворном характере и угодливом изложении своему князю»¹⁸⁵.

Приселков справедливо подчеркивает политический характер летописей, отражавших интересы определенных феодальных центров. Очень важны его наблюдения о необходимости проверки показаний одного свода, в котором имеются искаженные, фальсифицированные версии событий (московская редакция записей, взятых из какой-либо местной летописи, например новгородской), показаниями других сводов, в которых эти известия могли сохраниться в более полном, более первоначальном, не исправленном под углом определенной тенденции виде¹⁸⁶. Автор ставит перед собой задачу вывести летописные своды «из круга памятников литературы в круг памятников исторических», исторически объяснить их происхождение, вскрыть политическую обстановку, их назначение, внести поправки, уточнения в шахматовскую схему летописания¹⁸⁷.

Обращает на себя внимание правильная постановка вопроса о необходимости перемены в названиях летописей (например, Ипатьевская и т. д.), новом издании известной серии «Полное собрание русских летописей». Приселков отмечает следующие типы летописной работы: летописные записи, летописцы, летописные своды. Столь же справедливо указание автора на недопустимость при издании летописных текстов объединения списков, принадлежащих по существу к разным редакциям памятника (например, Синодальный список Новгородской I летописи

¹⁸³ Б. Д. Греков. Киевская Русь. Изд. 3. М.—Л., 1939, стр. 12—17; изд. 4. М.—Л., 1944, стр. 11—16, 332—336, 342—345 (в этом издании появилась глава о культуре); изд. 5. М., 1949, стр. 12—18, 396—402, 409—414; изд. 6. М., 1953, стр. 14—16, 18—21, 403—408, 418—422.

¹⁸⁴ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940.

¹⁸⁵ Там же, стр. 5.

¹⁸⁶ Там же, стр. 6—8.

¹⁸⁷ Там же, стр. 13—14.

отражает ее старшую, более древнюю редакцию или извод в сравнении с другими списками)¹⁸⁸.

Проследивая пути древнейшего русского летописания (три редакции «Повести временных лет» и своды, ей предшествовавшие), автор, следуя в основном схеме Шахматова, вносит в нее свои дополнения, поправки. Выявляется наличие нескольких разновременных слоев в записях «Повести временных лет», которые при сопоставлении с текстом Новгородской I летописи младшей редакции позволяют говорить о появлении в XI в. летописных сводов, предшествовавших ПВЛ. Это киевские своды 1037, 1073, 1093 гг. Здесь же говорится о переводах греческих хроник на русский язык. Автор подробно характеризует содержание первых древнерусских летописных сводов, отмечает их особенности, политические тенденции¹⁸⁹.

Далее автор рассматривает южнорусское летописание XII—XIII вв.: Киевский свод 1200 г. игумена Выдубицкого монастыря Моисея, Галицко-Волынскую летопись XIII в. (часть галицко-волынских известий более раннего времени включена и в Киевский свод 1200 г.), сохранившуюся в Ипатьевском своде (причем в его тексте использован, помимо «Повести временных лет» и двух только что названных южнорусских летописей, еще текст северо-восточного свода XIII в.). Выясняются составные части Киевского свода 1200 г.: собственно киевский летописец, летописцы Переяславля Южного (епископский 1175 г. и князя Владимира Глебовича 1187 г.), черниговский летописец Игоря Святославича, его брата Олега и их отца Святослава Ольговича и др. Для XII в. характерно, по словам Приселкова, непрерывное ведение летописания киевских князей. Сохранились известия (в Новгородской I летописи) о южнорусском своде, доводившем изложение до 1204 г., и киевском своде, заканчивавшемся 1237 г. Киевский источник, не переходивший хронологической грани киевского свода, но дававший более исправный текст, использован в московском летописании XV в.¹⁹⁰

Сопоставляя тексты Летописца Переяславля-Суздальского, Радзивилловского и Московско-Академического списков, Приселков показывает, что в их основе лежит

¹⁸⁸ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., стр. 14—15.

¹⁸⁹ Там же, стр. 16—44.

¹⁹⁰ Там же, стр. 44—55.

Владимирский свод 1212 г., дополненный и отчасти отредактированный в Переяславле-Суздальском в 1214 г. Переходя далее к их сравнению с текстом Лаврентьевской, автор выясняет существование других владимирских сводов: первого 1177 г. (его политическая установка — переход руководящей роли от Киева к Владимиру — отражается потом во владимирском и ростовском летописании XII—XIII вв., общерусском летописании последующего времени); затем идет свод 1193 г., в нем использованы летописцы Переяславля Южного — епископский и княжеский; за ними следуют своды XIII в. — уже упоминавшийся 1212 г., 1228 г. (с приписками до 1237 г.), 1239 г. (причем здесь Приселков полагает, что близкий к нему по характеру свод явился одним из источников Ипатьевского свода, — в отличие от Шахматова, видевшего этот источник в предполагаемом им т. н. Владимирском Полихроне начала XIV в., существование которого Приселков отрицает)¹⁹¹, 1263, 1281, 1305 гг. (составленного в Твери)¹⁹².

Попутно выясняются источники этих сводов (летописи Переяславля Русского или Южного, Ростова, Новгорода Великого, Твери, жития, повести и др.).

Построения Приселкова по истории летописания XII—XIV вв. в значительной степени опираются на собственные исследования, о которых говорилось выше. То же можно сказать о главах, посвященных московскому летописанию конца XIV — начала XV в. («Летописец великий русский», свод Киприана 1408 г., которым предшествовала московская обработка Тверского свода 1327 г., свод 1340 г.); фундаментом для них явились изыскания Приселкова о Троицкой летописи¹⁹³.

Завершает книгу изложение истории московского летописания XV в. (Фотиев Полихрон 1418 г.; Хронограф Пахомия Логофета, митрополичий общерусский свод 1448 г., в котором соединились Фотиев свод 1418 г. и Новгородский Софийский временник 1418 г.; митрополичий свод 1456 г.; «Летописец великий русский» в редакциях 1426, 1463 гг., великокняжеские своды 1472, 1479 гг.)¹⁹⁴.

Как видим, труд Приселкова является значительным вкладом в отечественное летописеведение. Помимо того,

¹⁹¹ Там же, стр. 95.

¹⁹² Там же, стр. 57—110.

¹⁹³ Там же, стр. 113—142.

¹⁹⁴ Там же, стр. 142—186.

что в нем значительное место занимает разработка собственно исторического подхода к пониманию летописей, объяснению их появления в определенной общественной среде, он содержит немало новых оригинальных наблюдений о владимирском, южнорусском летописании XII—XIV вв., московском летописании XIV—XV вв., опирающихся на ряд его глубоких исследовательских разысканий.

М. Н. Тихомиров в курсе источниковедения, подводящем итоги изучения проблемы, характеризует Начальную летопись и ее источники, летописание русских земель XIII—XV вв., общерусское и местное летописание XVI—XVII вв.¹⁹⁵ Он подвергает сомнению тезис Шахматова о существовании Древнейшего Киевского свода 1037 г. и Новгородского свода 1050 г.¹⁹⁶ Важным моментом работы является подход к летописи как памятнику, отражающему интересы класса феодалов. Летописи составлялись в верхах общества Киевской Руси, главным образом в кругах, близких к князю. Центральными действующими лицами выступают в них крупные феодалы, в первую очередь те же князья и церковники. Большей частью их творцами были монахи¹⁹⁷. Он отмечает местный в основном характер летописания XII—XV вв., появление в нем общерусских тенденций еще в период феодальной раздробленности, упадок летописания со второй половины XVI в.

Советская научная общественность высоко оценила первый в отечественной науке учебник М. Н. Тихомирова по источниковедению истории России периода феодализма. К. В. Базилович справедливо отметил, что третий раздел учебника, посвященный источникам по истории Киевской Руси, относится к числу лучших его частей. В разделе о летописях М. Н. Тихомиров, в отличие от буржуазных ученых, уделил особое внимание их характеристике как источника, обслуживавшего классовые, политические интересы феодалов¹⁹⁸.

В. И. Пичета тоже выделяет разделы учебника о

Начальной летописи и Русской Правде, в которых выводы автора являются результатом его собственных изысканий¹⁹⁹.

В обобщающем труде по отечественной историографии М. Н. Тихомиров в главах о развитии исторических знаний на Руси в X—XVII вв. прослеживает судьбы русского летописания²⁰⁰. Сначала это были записи конца X—начала XI в. о начале Руси, затем летописные своды XI—начала XII в. (например, «Начальный» 1093 г., «Повесть временных лет» начала XII в. в трех редакциях), летописание периода феодальной раздробленности, образования и развития единого Русского государства. Автор подчеркивает, что «Повесть временных лет» и другие летописные памятники отражают идеологию господствующего класса. Он отмечает появление новых важных моментов в истории летописного дела (во времена феодальной раздробленности — разработка идеи единства русских земель, позднее — идеи самодержавия; составление в XVI—XVII вв. исторических произведений, порывающих со старой летописной формой повествования, как было, например, в Степенной книге, «Казанской истории», исторических повестях и др.).

В рецензии на это издание С. Н. Азбелев обратил внимание на то, что высказанное в нем М. Н. Тихомировым мнение о широкой пропаганде в исторической литературе (со ссылкой на А. А. Шахматова и Д. С. Лихачева) представления о составлении русских летописей в церковных кругах не является убедительным, поскольку речь идет не о пропаганде, а о констатации того бесспорного факта, что «в начальный период истории Руси летописание (как и литература вообще) было сосредоточено главным образом в руках представителей церкви», которая играла первенствующую роль в идеологической жизни феодального общества²⁰¹. Это верно, но М. Н. Тихомиров и в этой и других работах не отрицает, что церковь, монастыри играли большую роль в составлении летописей. Наряду с этим он обращает внимание на факты составления летописей,

¹⁹⁵ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Курс источниковедения истории СССР, т. I, стр. 41—58, 105—113, 122—124, 129—137.

¹⁹⁶ Там же, стр. 55.

¹⁹⁷ Там же, стр. 56—58, 108, 112.

¹⁹⁸ См. рецензию К. В. Базиловича: «Политическая и социально-экономическая литература», 1941, № 7, стр. 38.

¹⁹⁹ См. рецензию В. И. Пичеты: «Исторический журнал», 1941, № 4, стр. 126.

²⁰⁰ «Очерки истории исторической науки в СССР», т. I. М., 1955, стр. 48—105.

²⁰¹ См. рецензию С. Н. Азбелева: «Известия АН СССР», Отделение литературы и языка, т. XV, вып. 6, 1956, стр. 541—542 и сл.

летописных повестей и сказаний лицами светскими, доказывая, что летописное дело не было сосредоточено исключительно в руках духовенства. Говорит автор и о том, что М. Н. Тихомиров переоценивает значение исторических повестей и сказаний, помещенных в летописных сводах, и, наоборот, недооценивает русское летописание (по-скольку пишет об окончании с XVI в., с Никоновской летописи, летописного периода русской историографии), не рассматривает историческую генеалогию летописных сводов, не учитывает достижения отечественных ученых в изучении летописей («пренебрежительное отношение к работам крупнейшего русского ученого» Шахматова). Мне кажется, эти эскапады в значительной степени вызваны тем, что их автор не учитывает обобщающего характера рецензируемого труда, в котором многие вопросы (например, историографические) не могли быть рассмотрены в полном объеме; по некоторым вопросам М. Н. Тихомиров имел собственное мнение, которое подчас расходилось с мнениями других ученых. Что касается генеалогии летописных сводов, то ее освещение не входило в задачу издания, посвященного рассмотрению развития исторических представлений, идей авторов, известных или неизвестных, тех или иных исторических сочинений. Именно с этой точки зрения подходит М. Н. Тихомиров к освещению содержания летописей как памятников историографии феодальной России и изложению взглядов ученых, которые эти летописи изучали.

Б. А. Рыбаков, характеризуя представления русских летописцев XI — начала XII в. о Руси VI—IX вв., рассматривает реконструированные Шахматовым свод Никоны 1073 г. и «Временник» игумена Иоанна 1093—1095 гг., а также Новгородский свод по Комиссионному списку Новгородской I летописи младшего извода и «Повесть временных лет»²⁰².

Очень важное исследование о хронологии русского летописания принадлежит Н. Г. Бережкову²⁰³. Эта статья кратко излагает результаты капитального труда автора,

²⁰² Б. А. Рыбаков. Начало Русского государства (Представления летописцев о Руси VI—IX вв.). — «Вестник Московского университета», 1955, № 4—5, стр. 57—77.

²⁰³ Н. Г. Бережков. О хронологии русских летописей по XIV век включительно. — «Исторические записки», т. 23, 1947, стр. 325—363.

который был подготовлен в связи с работой коллектива Института истории АН СССР над многотомной «Историей СССР» (вышло в свет под названием «Очерки истории СССР. Период феодализма») и опубликован после кончины автора, в 1963 г. Бережков тщательно исследовал датировку известий в летописях Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской I старшего извода, сопоставил их с известиями и датировками в Симеоновской, Воскресенской и других летописях. Выявленная разница в датировке одинаковых известий в различных летописях вызывается, по наблюдениям автора, употреблением их составителями неодинаковых стилей летосчисления (обозначения начала года) для времени до XIV в. включительно — мартовского или ультрамартовского (влияние сентябрьского стиля встречается в виде крайнего исключения). Мартовский год начинался на полгода позже сентябрьского, ультрамартовский — на полгода раньше его. В этом, как указывает автор, и состоит «стержневой вопрос исследования»²⁰⁴.

Методика этой необычайно тщательной, скрупулезной и крайне важной для науки работы заключалась в сопоставлении годов летописных статей с их «полной датой» (обозначение дня месяца и дня недели), с местом года в индиктовом, солнечном, лунном циклах, с точно установленной датой упоминаемого в тексте астрономического явления (при условии, если все эти данные есть в рассматриваемой летописи и, по отношению к астрономическим явлениям, — в специальной литературе); далее идут сопоставления известий внутри летописной статьи, этой последней с предыдущими и последующими статьями, статей обследуемой летописи с другими летописями, наконец, с известиями других источников. Как видим, в основе исследования лежит огромный кропотливый труд, в котором все указанные приемы применялись «в совокупности, во взаимосвязи, при взаимном контроле».

В результате каждая летопись расчленялась автором (в смысле хронологии событий) на полосы мартовских и ультрамартовских обозначений, выявлялись отступления, исключения в употреблении этих стилей (употребление в XII — начале XIV в., наряду с двумя основными, и сентябрьского стиля). Эта множественность стилей, употреблявшихся в нашей стране, не является исключением — то

²⁰⁴ Там же, стр. 332.

же имело место и в Западной Европе в период феодальной раздробленности и долгое время в период существования централизованных государств²⁰⁵.

Сочетание этих стилей, их распространение необходимо изучать, как справедливо говорит автор, в теснейшей связи с исследованием текста летописей; подобное изучение «в сущности... входит в состав изучения истории текста, является его обязательным элементом»²⁰⁶. И, конечно, как отмечает автор, его работа имеет практическое значение для перевода и оценки многочисленных дат различных летописей, для публикации их текстов (в тех случаях, когда на полях печатных изданий проставляются переводы дат на современное летосчисление).

Вопрос о хронологических датах русских летописей, неточности датировок в последних и необходимости их проверки рассматривает и Л. В. Черепнин²⁰⁷. Он обращает внимание на то, что в летописных сводах, предшествовавших «Повести временных лет», в Галицко-Волынской летописи XIII в. первоначально не было хронологической сетки; даты в них были вставлены (причем чаще всего неточно, неправильно) более поздними сводчиками, редакторами. Так, в Галицко-Волынской летописи известие о смерти князя Романа Мстиславича записано под 6709 г. (т. е. под 1200 или 1201 г.), тогда как польские источники сообщают, что он умер в июле 1205 (6713) г.

Характеристику летописей мы находим в ряде работ Н. Л. Рубинштейна по историографии. В его книге говорится о русском летописании XI—XVII вв.²⁰⁸ Автор считает, что в первых погодных летописных записях, которые велись в монастырях или церквях, «начало исторического осмысления событий совсем ничтожно, хотя оно сказывается и здесь в отборе регистрируемых фактов». То же по существу характерно и для следующего этапа — местного летописания (летопись отдельного монастыря или княжества), в нем «голая хронологическая последовательность целиком заменяет вопрос об исторической связи». И только в летописном своде, который должен объединить

всю историю русских земель, «историческая задача выступает во всей полноте»²⁰⁹.

Здесь замечен некоторый элемент формального подхода к оценке летописей, взглядов их авторов-составителей, которые ставятся в зависимость от вида, типа летописных записей (погодные записи — местные летописи — своды), между тем как определенные взгляды на прошлое своего народа, более или менее четко сформулированные, высказывали составители не только сводов, но и тех местных летописей и погодных записей, которые в эти своды включались.

Более того, автор считает, что летописный текст вплоть до XV в. является «механическим объединением отдельных частей», с чем, конечно, нельзя согласиться, поскольку летописные своды XII—XV вв. являются результатом тщательной работы по отбору, объединению, осмыслению известий из тех сводов, источников, на которых они основаны.

Автор дает высокую оценку «Повести временных лет», которой, по Шахматову, предшествовали своды XI в.; «эта летопись все-таки проникнута известной общей идеей некоторого политического единства под главенством киевского князя». Идея «русской земли», проблемы происхождения русского народа и возникновения государства — вот что волнует автора «Повести временных лет». Она и в литературном плане является «наиболее целостным и законченным историческим памятником, отличаясь в этом отношении от ее последующих продолжений».

Это «превосходство» ПВЛ автор объясняет влиянием византийских образцов и благоприятной обстановкой «материального и политического первенства» Киева в Русской земле²¹⁰.

Как видим, автор по существу отрывает «Повесть временных лет» от предшествующего и последующего развития русского летописания, возвышает этот памятник над всеми другими. С этим, а также с характеристикой творческой манеры древних летописцев-сводчиков (только как чисто механическое соединение составных частей в каждом новом своде), с преувеличением степени визан-

²⁰⁵ Н. Г. Бережков. О хронологии русских летописей, стр. 343—345.

²⁰⁶ Там же, стр. 357.

²⁰⁷ Л. В. Черепнин. Русская хронология. М., 1944, стр. 72—73.

²⁰⁸ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., 1941, стр. 20—26, 31—39, 43—49.

²⁰⁹ Там же, стр. 20.

²¹⁰ Там же, стр. 21—22.

тийского влияния на возникновение и развитие летописного дела на Руси согласиться невозможно.

С началом феодальной раздробленности, разрывом культурных связей с Византией историческая мысль сужается, переходит в плоскость местной истории, местного летописания. Перечисляя местные летописные центры XII—XV вв. (Киев, Волынь, Новгород Великий, Псков, Переяславль-Залесский, Владимир, Суздаль, Ростов, Тверь, Москва), автор делает общий вывод: «Все это чисто местные летописи, оторванные одна от другой», хотя известно, что в том же XII в. во владимирском летописании были заметны общерусские тенденции, заглушенные с татаро-монгольским нашествием, но постепенно возрождающиеся с XIV в. Летописание этих столетий вряд ли можно считать совсем «оторванным» друг от друга. Исследования летописеведов дооктябрьского и советского периодов показали, что в ряде т. н. местных летописей использованы, помимо «своих», и «чужие» источники, в том числе летописные своды соседних или отдаленных княжеств. Рубинштейн не склонен согласиться с подобными выводами, например, по отношению к ростово-суздальскому, владимирскому летописанию. По его ошибочному мнению, как в деятельности Всеволода Большое Гнездо нельзя уловить идеи политического единства Руси, столь же тщетно искать объединительные тенденции в летописных сводах этого периода (конца XII — начала XIII в.).

Автор опять пишет о механической работе сводчиков XII—XV вв., замечая, что Приселков «значительно переоценил редакторскую деятельность сводчиков»²¹¹.

С объединением русских земель вокруг Москвы, исчезновением ряда княжеств летописание последних тоже исчезает, вливается в московское летописание, которое ставит себе задачу превращения «действительно в «общерусский» свод». Это происходит в конце XIV в. (свод 1389 г.) и еще более в следующем столетии.

Для XVI в. Рубинштейн выделяет Никоновскую и Воскресенскую летописи, которые он почему-то называет «последними летописными сводами». Говоря о Воскресенской, автор пишет о том, что «составитель свода оказался не в силах органически, внутренне переработать громоздкий летописный материал. Текст летописи под-

вергся лишь некоторой политической редакции» (например, в описании московско-новгородских отношений)²¹².

Этот в известной мере неисторический, модернизаторский подход к оценке памятников русского летописания, о которых автор судит, исходя из несравненно более высокого уровня исторических трудов XVIII—XX вв., т. е. времени существования собственно научных исторических знаний, исторической науки, свойствен и другим разделам книги, посвященным русскому летописанию, а также его статьям по той же проблеме.

Рубинштейн дает характеристику летописным памятникам или близким к ним сочинениям XVI в. (Степенная книга, хронографы и др.). Автор при этом первую редакцию Хронографа относит то к 1440-м годам (по Шахматову), то к 1512 г.²¹³ Неверно его утверждение о прекращении летописания в России в XVI в.²¹⁴ («Новый летописец» XVII в. — не летопись, а историческая повесть, с его точки зрения).

Книга Рубинштейна, как известно, в свое время подверглась довольно серьезной критике. Ряд ее положений, в частности его взгляды на значение русских летописей, вызвал обоснованные возражения. Так, О. Вайнштейн указывал, что первые две главы книги являются сухими, наименее удачными — автор ограничил свою задачу в основном формальным анализом летописей и хроник. Разбор же их содержания, мировоззрения летописцев дан только по отношению к «Синописису» — памятнику конца XVII в. По существу осталось невыясненным движение исторической мысли в период феодализма²¹⁵.

Аналогичные взгляды развивает Рубинштейн в лекции об историографии феодальной Руси²¹⁶ и, с известными вариациями, в обобщающей статье о летописях как историографическом памятнике²¹⁷. Рубинштейн прослеживает

²¹² Там же, стр. 31 и сл.

²¹³ Там же, стр. 26, 35.

²¹⁴ Там же, стр. 36—37, 38—39.

²¹⁵ См. рецензию О. Вайнштейна: «Исторический журнал», 1942, № 10, стр. 120.

²¹⁶ Н. Л. Рубинштейн. Историческое знание феодальной Руси (XI—XVII вв.). Стенограмма лекции, читанной 6 января 1945 г. М., 1945.

²¹⁷ Н. Л. Рубинштейн. Летописный период русской историографии (Историография феодальной Руси XI—XVII вв.). — «Ученые записки Московского гос. университета», вып. 93. История, кн. 1. М., 1946, стр. 3—19.

²¹¹ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 23—25.

истоки исторической мысли в Древней Руси. На самых ранних этапах развития появляются сказания, легенды, мифы об отдельных событиях и героях, которые он не склонен считать историографическими памятниками (например, житие Ольги, легенда об Олеге, Корсунская легенда, Сказание об испытании веры и др.). Первым историографическим памятником автор считает «Повесть временных лет», которую он называет замечательным произведением первых русских летописцев²¹⁸.

Подобные утверждения противоречат реальной действительности. Не только летописи, но и исторические повести, сказания, им предшествовавшие, представляют собой результат осмысления событий прошлого, отражают политические взгляды их составителей и в этом плане не могут быть исключены из поля историографического обозрения. Кроме того, «Повести временных лет», как установлено исследователями начального русского летописания, предшествовали другие летописные своды XI и, возможно, даже конца X в., которые нельзя не отнести к числу историографических памятников.

Рубинштейн суживает значение летописей первых веков их существования, подчеркивает узость кругозора летописцев, отражавших местные интересы (своего монастыря, князя-патрона), локальность летописания. Даже в событиях общерусских летописцы повествуют «с точки зрения своих местных интересов»²¹⁹.

Все эти разнородные события объединялись в своды чисто механически, с помощью погодной сетки, при этой системе не остается места для внутренней, органической связи событий.

С появлением и развитием летописей связано существование первого периода развития исторической мысли каждого народа, которое проходит ряд этапов. Первый этап русского летописания — период формирования летописного памятника (X—XI вв.). Он отмечен «кажущимся глубоким противоречием» — период «открывается памятниками высокого литературного мастерства, временами даже как бы преодолевающего внутреннюю ограниченность летописной истории, так что последующий этап

представляется порой своеобразным упадком по отношению к первому периоду». Автор имеет здесь в виду «совершенный памятник русского летописания» — «Повесть временных лет», которую называет «первой русской летописью». Именно она, преодолевая особенности летописного рассказа, впервые ставит перед собой большую историческую задачу, делает попытку обобщения крупных вопросов нашей истории: «Откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача первее княжити и откуда Русская земля стала есть». Историческая мысль вернется к этим задачам только в конце XVII и в XVIII в.»²²⁰

Это целостное представление о жизни своего народа у автора «Повести временных лет» (так же как у Эйнгарда и других авторов VIII—IX вв., работавших во времена Карла Великого) объясняется тем, что он работал в эпоху «империи Рюриковичей», когда сохранялись территориальное единство Русской земли, политическое единство русских племен, когда, наконец, сохранялись традиции античной культуры с ее совершенными литературными приемами, высокими образцами. На Руси (через Византию) эти античные традиции оказались более живыми, чем в Западной Европе, где папско-католическая схоластика (идущая от Августина) оказала тормозящее воздействие на историческую мысль. Древнерусская летопись обладает большим совершенством в сравнении с западноевропейскими памятниками подобного же типа.

Политический, исторический реализм, общий для византийской исторической литературы и русской летописи, их связь с политической борьбой своего времени, примат светской темы над церковной, политической над религиозной (поскольку в Византии и на Руси имелась, наряду с церковной, сильная светская власть в отличие от Западной Европы) характерны для «Повести временных лет». Для этого памятника, составлению которого, как отмечает и автор, предшествовали другие своды XI в. (наряду с местными летописями, в «Повесть временных лет», складывавшуюся в течение 80 лет, начиная с Киевского свода 1039 г., вошли первичные источники — местные записи, предания, легенды, уходящие в X в.), характерно «определенное литературное и политическое единство летописца». Это связано с работой в Киево-Печер-

²¹⁸ Н. Л. Рубинштейн. Летописный период русской историографии, стр. 3.

²¹⁹ Там же, стр. 5.

²²⁰ Там же, стр. 6—7.

ском монастыре Илариона — Никона, поскольку автор принимает их отождествление Приселковым, затем Ивана — предполагаемого составителя свода 1093 г., Нестора — автора «Повести временных лет». Затем автор пишет о «единстве основной идеологической линии» — «такова еще одна основа своеобразного внутреннего единства и особого совершенства «Повести» как памятника русского летописания», несмотря на «все типичные черты летописного стиля» — «и ...соединение местных княжеских и монастырских летописаний с механическим временным распределением их записей, и идея провиденциализма в истолковании отдельных событий, и церковная легенда, и многое другое». Все это было отодвинуто на задний план той идеологической струей, политической и культурной традицией, которая шла вразрез с основной линией развития феодальной исторической мысли.

Все особенности, высокие качества «первой русской летописи» («Повести временных лет») отмирают и гложут во времена феодальной раздробленности²²¹.

В указанных рассуждениях много противоречивого, спорного и неприемлемого; они продолжают развивать те ошибочные взгляды, которые выражены в рассмотренной выше книге того же автора о русской историографии.

К XII—XV вв. относится второй период русского летописания, время его «наиболее полного развития». Торжествует феодальная раздробленность и происходит полный разрыв с античной традицией предшествующего периода (автор не отмечает, что влияние византийской хронографии в эти столетия отнюдь не прекращается). Хотя «Повесть временных лет» является «во многих отношениях более совершенным литературным историческим памятником, может быть, и более близким к нашим современным запросам, классические черты летописного понимания истории получают свое наиболее полное и законченное выражение именно» в летописании XII—XIV вв.

Эти «классические черты» русского летописания — все те же местная узость, отсутствие единства, связей между летописными центрами²²².

Третий период — конец XV—XVII в., время перерож-

дения и отмирания летописания в условиях складывания феодально-абсолютистской системы и последующего зарождения элементов нового, буржуазного общества. Автор опять пишет о механическом вбирании летописью материалов исторических повестей, отсутствии в ней единого целого. К последней попытке оживить умирающую летопись он относит деятельность Записного приказа, учрежденного в 1657 г. по указанию царя Алексея Михайловича²²³. Автор не учитывает тот факт, что летописание XVII в., еще крайне недостаточно изученное в историографии, представлено целым рядом летописных сводов, составлявших вплоть до конца XVII — начала XVIII в.

И. Л. Маяковский в курсе истории архивного дела отмечает, с одной стороны, что в древней летописи (например, в «Повести временных лет») документы использовались в качестве источника, с другой — что сама летопись (например, в XVI в.) являлась официальным документом²²⁴.

В обобщающих трудах по истории СССР, истории Москвы дана краткая характеристика древнейшего русского летописания, общерусских сводов конца XIV—XV в. (своды 1392, 1409, 1418 гг. и др., Русский хронограф 1441 г., 1512 г., свод 1479 г., Ермолинская летопись), исторических произведений XVI в. (Степенная книга, «Летописец начала царства» Ивана IV, Лицевой свод)²²⁵.

* * *

Большое значение имеют труды историков литературы, литературоведов. Это — работы А. С. Орлова, Д. С. Лихачева и других авторов.

²²³ Там же, стр. 6, 14—15, 17—19.

²²⁴ И. Л. Маяковский. Очерки по истории архивного дела в СССР (Опыт систематического руководства), ч. 1. История архивного дела в СССР до Октябрьской социалистической революции. М., 1941, стр. 52—54, 88—89.

²²⁵ «История Москвы», т. I. Период феодализма. XII—XVII вв. М., 1952, стр. 78—80, 126—127, 259—260. Рецензию Д. С. Лихачева см.: «Вопросы истории», 1953, № 4, стр. 120. «Очерки истории СССР». Период феодализма. IX—XV вв., ч. I. М., 1953, стр. 225—227, 425—426, 434—438; ч. II. М., 1953, стр. 342—344, 356—358, 364, 378; то же. Конец XV — начало XVII в. М., 1955; то же, XVII в. М., 1955, стр. 584—590, 601.

²²¹ Н. Л. Рубинштейн. Летописный период русской историографии, стр. 7—11.

²²² Там же, стр. 6, 11—12.

В курсе истории древнерусской литературы Орлов дает характеристику Толковой и Исторической Палей, рассказов патериков, отразившихся в Начальной летописи, византийских хроник Георгия Амартола и Иоанна Малалы и иных переводных сочинений, тоже отразившихся в Начальной летописи. Специальные главы посвящены «Повести временных лет», областному летописанию периода феодальной раздробленности, летописным повестям о татаро-монгольском нашествии и иге, русскому летописанию XVI в.²²⁶ Автор пишет о внутреннем единстве ПВЛ, широте, размахе замысла ее составителя, об источниках, влиянии византийских хроник и болгарской летописи, включении в ее текст народных легенд и сказаний.

Полемизируя с теми, кто не считал летопись памятником литературы, Орлов допускает преувеличение другого рода, считая ее «по преимуществу памятником литературы»²²⁷. Книге этого автора, который не до конца овладел марксистско-ленинской методологией, как и вообще всем его работам, свойственны некоторая эклектичность, формальный историко-литературный подход к анализу памятников летописания²²⁸. Летописи выглядят у него в известной степени как конгломерат различных народных легенд и сказаний («сказок»), русских, византийских, скандинавских, повестей, местных летописей и пр. Он пишет о единстве «Повести временных лет», подразумевая преемственность работы летописцев, учитывавших работу своих предшественников.

В цикле исследований о героических темах в древнерусской литературе Орлов рассматривает с историко-литературной точки зрения (изучение литературного стиля) содержание воинских повестей, включенных в летописи XII—XVI вв., рассматривает сами летописи — от «Повести временных лет» до Никоновской летописи, неправомерно считая, что в последней летописный стиль находит свое завершение²²⁹. Автор высказывает в них суждения,

аналогичные тем, которые имеются в трех изданиях его курса истории древнерусской литературы.

Широкую известность получил курс истории древнерусской литературы Н. К. Гудзия, уделяющий внимание летописям XII—XVI вв. Он выдержал ряд изданий²³⁰ и был высоко оценен научной общественностью²³¹. Автор с позиций марксистско-ленинской методологии изучения исторического процесса освещает проблему возникновения русского летописания, вызванного к жизни внутренними, национальными потребностями. История составления летописных сводов излагается им с учетом достижений Шахматова и других исследователей. Он подробно характеризует содержание летописей, вскрывает их идейные мотивы, высокое патриотическое звучание, их роль в развитии национального самосознания русского народа.

В других курсах истории древнерусской литературы (В. И. Чичеров, А. А. Кайев)²³² кратко говорится (по Шахматову и др.) об основных этапах летописания, о литературных, стилевых особенностях летописных памятников.

Несомненно, наиболее выдающееся место среди работ историко-литературного профиля занимают исследования, научно-популярные книги Д. С. Лихачева. Собственно го-

туры (Автореферат). — В кн.: «Рефераты научно-исследовательских работ за 1944 г. Отделение литературы и языка». М.—Л., 1945, стр. 11; *он же*. Героические темы древней русской литературы. Обзор стиля «воинских» повестей XI—XVI вв. — «Известия АН СССР», Отделение литературы и языка, т. IV, вып. 2, 1945, стр. 69—85.

²³⁰ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Учебник для высших учебных заведений. М., 1938, стр. 52—57, 113—142, 197—205, 217—220, 294—305. Последующие издания этой книги выходили в 1941, 1945, 1950, 1953, 1956 гг.

²³¹ См. рецензии В. П. Адриановой-Перетц («Советская книга», 1946, № 8—9, стр. 129 и сл.), С. А. Бугославского («Октябрь», 1939, № 2, стр. 215 и сл.), Д. Дега («Литературная учеба», 1939, № 5, стр. 89 и сл.), Л. Шейнкермана («Новый мир», 1939, № 3, стр. 270 и сл.).

²³² В. И. Чичеров. История древней русской литературы. Конспект курса с методическими указаниями для заочников педагогических институтов. М., 1947, стр. 40—45, 65—69 и др.; А. А. Кайев. Русская литература. Учебник для учительских институтов, ч. I. М., 1949, стр. 206—207, 209—222 и др.; рецензию В. П. Адриановой-Перетц на эту книгу см.: «Советская книга», 1950, № 9, стр. 100 и сл.

²²⁶ А. С. Орлов. Древняя русская литература XI—XVI вв. М.—Л., 1937, стр. 33—34, 42—48, 90—105, 110—122, 172—184, 227—231, 252—253, 335—337, 353—358.

²²⁷ Там же, стр. 105.

²²⁸ См. рецензию А. Низовцева: «Литературное обозрение», 1939, № 2, стр. 74—75.

²²⁹ А. С. Орлов. Героические темы древней русской литературы. М.—Л., 1945; *он же*. Героические темы древней русской литера-

вора, его исследования находятся на стыке двух наук — истории литературы и истории.

Прежде речь пойдет об известной книге о русском летописании XI—XVII вв.²³³ С самого начала Лихачев говорит, что в его задачу не входит пересмотр выводов по генеалогии летописания, которые исправляются «лишь в некоторых случаях»; «цель книги — дополнить генеалогию летописания общей историей самой работы летописцев, дать историю способов ведения летописания, приемов летописания — всегда различных в зависимости от условий, в которых велось летописание, дать историю летописания, как историю русской исторической и политической мысли»²³⁴.

Главная мысль, пронизывающая книгу: летописи с момента своего возникновения «служили непосредственному отражению нужд и потребностей русской жизни..., открывали собой широкий путь для воздействия живой действительности на русскую средневековую культуру в целом». С этой «народной» тенденцией боролась тенденция «книжная», которая шла от господствующей идеологической надстройки²³⁵.

Летописи с их духом историзма, государственным размахом, патриотизмом стали одним из основных явлений русской жизни XI—XVI вв., средством политического воспитания общества, «огромной силой, формировавшей национальное самосознание русского народа», энциклопедией средневековых исторических знаний²³⁶.

Рассматривая возникновение летописания на Руси, автор отмечает устные, народные его истоки, независимость от византийских «образцов».

Д. С. Лихачев в основном придерживается схемы древнейшего летописания, разработанной Шахматовым (три редакции «Повести временных лет» и предшествовавшие ей своды 1070-х и 1090-х годов), за исключением гипотезы о Древнейшем Киевском своде 1037—1039 гг. и Новгородском своде 1050 г. Автор считает, что первое историческое произведение было составлено при Ярославе Мудром, но им стало т. н. «Сказание о распространении христ-

анства на Руси», объединившее в своем составе шесть рассказов (сказания о крещении и кончине Ольги, о первых русских мучениках варягах-христианах, о крещении Руси, включая т. н. «испытание о вере», о князьях Борисе и Глебе, похвала князю-просветителю Ярославу Мудрому под 1037 г.). Это, по утверждению Лихачева, «единое произведение» и идейно и стилистически близко к «Слову о законе и благодати» митрополита Илариона. Он мог быть автором обоих сочинений. Сказание не имело хронологической канвы и не являлось еще летописью; его составление (в Киевской Софии) относится к первой половине 1040-х годов²³⁷. Оно имело антигреческое звучание и было направлено на защиту политической и религиозной самостоятельности Руси от Византии. В дальнейшем работу по составлению исторических произведений продолжают в Киево-Печерском монастыре — новом оплоте антигреческой политики. Здесь Сказание, дополненное народными историческими преданиями, летописными прибавлениями, которые начинают вести в монастыре с 1060-х годов, наконец снабженное разбивкой на годы, превращается в первый собственно летописный свод Никона 1070-х годов²³⁸. Автор, на мой взгляд, как и Приселков, преувеличивает «демократизм» первой печерской летописи, которая, по его утверждению, «была выразительницей идей и настроений не верхов феодального общества, а его средних и низших слоев; не правящего верха, а «управляемых» (ссылка на Приселкова)²³⁹.

Большое внимание уделяет Д. С. Лихачев выявлению устных народных истоков летописания, записей деловой (например, посольской, воинской) прямой речи, диалога в летописях, их живой связи с фольклором²⁴⁰.

Помимо летописания XI в. и «Повести временных лет», автор довольно подробно освещает областное летописание — широкую распространенность личных и родовых княжеских летописцев, включаемых в обширные летописные своды Киева, Переяславля Южного и прочих центров, «городовое летописание» (новгородские летописные своды XII в.), «летописные обличительные повести о княжеских преступлениях», жизнеописания князей (например, жиз-

²³³ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947.

²³⁴ Там же, стр. 3. Разрядка автора.

²³⁵ Там же, стр. 7.

²³⁶ Там же, стр. 9—10.

²³⁷ Там же, стр. 62—76.

²³⁸ Там же, стр. 76—93.

²³⁹ Там же, стр. 82.

²⁴⁰ Там же, стр. 100—144.

неописание, или Летописец Даниила Галицкого). Уже в эти времена местные летописи стремятся к «общерусскому охвату» известий²⁴¹. Особенно ярко подобная тенденция выражена во владимирском летописании XII—XIII вв.²⁴²; смену владимирских сводов автор характеризует по работам Приселкова.

Время после татаро-монгольского нашествия автор характеризует как период «спада» в летописании, подъем которого происходит в конце XIV—XV в. (общерусское летописание в Москве, летописные своды Новгорода, Твери).

Летописание XIV—XV и затем XVI—XVII вв. характеризуется в книге менее подробно, подчас даже бегло; к тому же вряд ли можно говорить о «спаде летописной работы» в XV—XVI вв.²⁴³ Большая и непрерывная цепь летописных сводов, составлявшихся в эти столетия в Москве и других городах, причем сводов, нередко огромных по своему объему, очень важных по идеологическому значению и патристическому звучанию, говорит о большом размахе летописания в эпоху образования и развития единого Русского государства, о чем не раз говорит сам Д. С. Лихачев в своих трудах.

Обзор истории русского летописания доведен в книге до конца XVII в. (до местного, в том числе сибирского, летописания). По существу она является первой в советской историографии обобщающей работой, в которой история русского летописания изучена от его зарождения до заката.

Книга Д. С. Лихачева получила высокую оценку специалистов. О ней писали известные советские ученые В. П. Адрианова-Перетц²⁴⁴, Н. К. Гудзий²⁴⁵, Б. А. Романов²⁴⁶, С. В. Юшков²⁴⁷, польский историк-славист Х. Ловмянский²⁴⁸. Первый рецензент указал на большое научное значение этой работы, показывающей самобытный

характер русского летописания как памятника древнерусской литературы, культуры, его связь с живой действительностью, потребностями исторического развития русского народа, оригинальность русской летописной формы, приемов летописного дела, обусловленных развитием исторической, политической мысли своего времени. Возникновение русского летописания было вызвано не влиянием византийских образцов, а внутренними потребностями национального развития, самосознания. Д. С. Лихачев вносит много нового и свежего в характеристику древнейшего летописания, областного летописания, причем выявляет стремление некоторых центров летописания вернуться к охвату общерусских событий. В. П. Адрианова-Перетц отмечает, что летописание с конца XV по XVII в. охарактеризовано Лихачевым «эскизно», и с этим нельзя не согласиться.

Н. К. Гудзий, положительно оценивая книгу и особо отмечая большие научные результаты в освещении летописания XII—XV вв., делает и ряд замечаний. Из них заслуживает внимания, на мой взгляд, упрек в том, что Лихачев в историографическом разделе основное внимание уделяет «критическому изложению системы А. Шахматова, далеко не полно знакомя с тем, что сделано было в области изучения летописей до Шахматова (а сделано было немало!)». Рецензент не соглашается и с концепцией автора книги по вопросу о первом летописном произведении XI в. — «Сказании о распространении христианства на Руси». Объединяемые здесь шесть произведений, как полагает Гудзий, не могут иметь одного автора, так как они не представляют собой единого целого в жанровом отношении. Указывает он и на ряд других натяжек (характеристика деятельности Киево-Печерского монастыря с его «демократической позицией», преувеличение роли Никона в истории летописания), говорит о необходимости более серьезных аргументов для критики утверждения С. А. Бугославского, отрицавшего, что автором «Повести временных лет» был Нестор, для рассмотрения тезиса В. Л. Комаровича о Выдубицком монастыре как месте составления третьей редакции этого памятника (как и второй редакции).

Не соглашается Н. К. Гудзий и с тезисом Д. С. Лихачева об упадке русского летописания после Батыева погрома (ведь в конце XIII в. составлена Галицко-Волын-

²⁴¹ Д. С. Лихачев. Русские летописи, стр. 184.

²⁴² Там же, стр. 268 и сл.

²⁴³ Там же, стр. 331 и сл.

²⁴⁴ «Звезда», 1947, № 12, стр. 209—211.

²⁴⁵ «Советская книга», 1948, № 4, стр. 113—120.

²⁴⁶ «Вестник Ленинградского университета», 1948, № 6, стр. 136—139.

²⁴⁷ «Вопросы истории», 1947, № 11, стр. 110—112.

²⁴⁸ «Przegląd historyczny», Warszawa, 1948, t. 38, s. 279—288.

ская летопись!), с утверждением о том, что Хронограф Пахомия Логофета был только материалом для занимательного чтения (в то время как он возник в связи с отказом Москвы от Флорентийской унии, постановкой вопроса о религиозной самостоятельности Руси, ее всемирном призвании, включении ее истории в историю мировую).

Наконец, можно согласиться с Гудзием, когда он сомневается в справедливости утверждения автора рецензируемого труда о спаде летописной работы в конце XV в. Составление в XVI в. ряда летописных сводов, нередко обширных, даже грандиозных, говорит об обратном.

Б. А. Романов удачно оттенил особенности творческого стиля этой книги Д. С. Лихачева, ясную, выразительную и доходчивую манеру письма, сочетание историко-литературного и исторического подходов к изучению предмета. Автор, по словам рецензента, отдавая должное своим предшественникам, стоя на базе добытых Шахматовым генеалогических результатов, в то же время вносит поправки в их построения, «дает свою историю летописания, работая иным методом, ставя себе иные цели и достигая оригинальных результатов. На готовой, мимоходом подправляемой канве автор вышивает свои узоры...»

С. В. Юшков отметил, что научно-популярная книга Д. С. Лихачева наполнена свежим материалом, проверенным в результате его самостоятельных многочисленных исследований по истории русского летописания. Он тоже отметил недостаточное внимание ее автора к работам исследователей до- и послешахматовской поры. Между тем советские авторы накопили большой материал для серьезной критики сочинений Шахматова, на которые опираются сторонники норманнской теории и концепции о прародине славян, отрицающей их автохтонность. Сам Д. С. Лихачев недостаточно критикует шахматовские труды. С. В. Юшков пишет также, что большая часть книги посвящена летописанию XI—XIII вв., последующим этапам отведено гораздо меньше места.

В более краткой форме свои взгляды на развитие русского летописания Д. С. Лихачев излагает в некоторых статьях и главах²⁴⁹. Автор полемизирует с И. П. Ереми-

²⁴⁹ См., например: Д. С. Лихачев. Русские летописи.— «Звезда», 1939, № 9, стр. 160—166; он же. Русский посольский обычай

ным и Н. Л. Рубинштейном, упрощающими и тринижающими значение начального периода русского летописания и летописания вообще²⁵⁰. Автор с полным основанием замечает, что подобный подход приводит к чрезмерной архаизации исторического мышления, не менее ошибочной, чем его модернизация. Тезис Рубинштейна о механическом характере работы древнерусских летописцев отнимает у них элемент сознательного творчества, снижает уровень исторического знания XI—XVI вв., всего общественного сознания того времени. Оба автора неправомерно считают, что у летописца отсутствовали представления о причинно-следственной связи событий.

Далее Д. С. Лихачев отмечает такие характерные черты русских летописей и всей древней русской литературы, как историзм, интерес к истории, историческим лицам и событиям, сложный, «сводный» характер летописей. Это связано с бережным отношением сводчиков к трудам своих предшественников, которые они включали в свои своды, частично их обрабатывая, проверяя их, сопоставляя с другими источниками, исправляя ошибки. Многочисленные примеры сознательного отношения летописцев к источникам, к своему труду прямо противоречат мнению о механическом характере этих сводов-компиляций.

Тезис об отсутствии у летописцев представления о причинно-следственной связи событий, отбрасывающий их, по замечанию Д. С. Лихачева, в «прямо-таки в леви-брюлевское «первобытное» общество»²⁵¹, также противоречит реальной действительности; летописец не был простым регистратором событий, он — исследователь, конечно далеко не совершенный, но исследователь, различающий связь событий, стремящийся к разысканиям, выяснению причин, исходных моментов событий (например, происхождение Руси, славянской грамоты, основание Киева и т. д.), критически подходивший к некоторым сообщениям своих источников. Автор говорит об идеологии летописцев, их по-

XI—XIII вв.— «Исторические записки», т. 18, 1946, стр. 42—55; он же. План курса и краткие методические указания. История русского летописания. Л., 1948; он же. Литература.— В кн.: «История культуры Древней Руси. Домонгольский период», т. II. М.— Л., 1951, стр. 173—174, 177—179, 183—185, 187—191, 197—203.

²⁵⁰ Д. С. Лихачев. О летописном периоде русской историографии.— «Вопросы истории», 1948, № 9, стр. 21—40.

²⁵¹ Там же, стр. 32.

литических симпатиях и антипатиях, о чем свидетельствуют составленные ими своды, и это опровергает утверждение И. П. Еремина, оспаривавшего крылатую характеристику древнего летописца, которую дал А. А. Шахматов («рукой летописца управляли политические страсти и мирские интересы»). Д. С. Лихачев показывает, что, наоборот, эту мысль Шахматова нужно углубить, поскольку он не видел в истории Древней Руси классовой борьбы, борьбы идеологий различных классов, сословий, а писал лишь о смене политических концепций феодальных центров. По пути углубления этих представлений пошли М. Д. Приселков, пытающийся вскрыть в летописи идеологию не только этих феодальных центров, но и целых социальных слоев, классов, сословий, подойти к летописям как к явлениям общественного мировоззрения, затем А. Н. Насонов, Л. В. Черепнин. Например, Приселков обратил внимание на то, что записанные в летописи рассказы Яна Вышатича отражают дружинную идеологию. Очень важно замечание Д. С. Лихачева о том, что представления летописца нередко выходят за рамки провиденциализма, религиозного мышления «и носят чисто прагматический характер» под влиянием его личного опыта, практической деятельности как историка. «В целом летописец — чаще реальный политик, чем отвлеченный моралист. Он политик по своему общественному положению, а моралист по этикету» («средневековому этикету писательского ремесла») ²⁵².

Мне кажется, с этими замечаниями Д. С. Лихачева в адрес ошибочных положений двух названных выше авторов можно полностью согласиться.

Выше говорилось о работах Д. С. Лихачева, прямо посвященных летописеведческой тематике. Разрабатывает ее тот же автор и в своих книгах по истории древней русской литературы — о ее возникновении (особое внимание уделяется вопросам использования в летописях произведений фольклора, влияния устной речи, деловой письменности на летописание, проникновения в него народной идеологии, выяснения классового характера летописей) ²⁵³, ее

²⁵² Д. С. Лихачев. О летописном периоде русской историографии, стр. 39—40.

²⁵³ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, стр. 32—90, 94—110 и др.

развитии в XI—XVII вв. в рамках всей страны ²⁵⁴ или Новгородской земли ²⁵⁵. (В этих работах подчеркивается патриотизм русских летописцев, мощная национальная стихия древнейших летописей, огромная роль летописания в развитии национального самосознания на Руси.)

В книге о русской культуре конца XIV — начала XVI в. Д. С. Лихачев характеризует и летописание той поры ²⁵⁶ с его историзмом, воздействием на литературу («дух летописи, дух историзма пронизывал собою всю» средневековую русскую литературу, что придавало ей «отпечаток особой серьезности и значительности») ²⁵⁷. Автор исходит из представления о том, что каждая летопись — не случайный набор погодных записей, а цельный труд, который имел определенные политические задачи, историческое произведение, связанное четкой политической концепцией. Они создавались путем сознательной, продуманной работы летописцев по подбору материалов с определенных идеологических позиций. Автор с полным, на мой взгляд, основанием замечает, что русское летописание не было узко местным; даже во времена татаро-монгольского ига каждый феодальный центр стремился включить в свою летопись записи соседей; «в летописи теплилась идея единства Руси» ²⁵⁸. Так, ростовский летописец включает в свой труд новгородский материал, новгородец — рязанские записи; в Твери с начала XIV в. состав-

²⁵⁴ Д. С. Лихачев. Национальное самосознание древней Руси. Очерки из области русской литературы XI—XVII вв. М.—Л., 1945; см. рецензии З. Гершковича («Звезда», 1946, № 4, стр. 197 и сл.) и Н. К. Гудзия («Советская книга», 1946, № 2, стр. 95 и сл.).

²⁵⁵ Д. С. Лихачев. Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. Л., 1945; см. рецензии Н. Н. Воронина («Вопросы истории», 1945, № 1, стр. 137 и сл.), Н. К. Гудзия («Советская книга», 1946, № 2, стр. 92 и сл.), И. П. Шаскольского («Пропаганда и агитация», 1945, № 10, стр. 56 и сл.). Н. К. Гудзий обращает внимание на некоторые преувеличения в оценке Д. С. Лихачевым новгородского летописания XII—XIII вв. (степень ее «демократизации», таланта отдельных летописцев и т. д.), которое в целом стояло ниже яркого галицко-волынского летописания.

²⁵⁶ Д. С. Лихачев. Культура Руси эпохи образования Русского национального государства (конец XIV — начало XVI в.). М., 1946, стр. 57—72.

²⁵⁷ Там же, стр. 58.

²⁵⁸ Там же, стр. 63.

ляются общерусские своды. С конца XIV — начала XV в. выдвигается Москва с ее общерусским летописанием.

Эта книга вызвала противоречивые отклики: с одной стороны, в целом положительные отзывы К. В. Базилиевича и Н. Н. Воронина²⁵⁹, с другой — критические замечания М. Н. Тихомирова²⁶⁰, с точки зрения которого Д. С. Лихачев весь культурный подъем на Руси в XIV—XV вв. связывает с возрождением традиций, политического и культурного наследия Киевской Руси, в то время как в эти столетия русские земли переживали эпоху нового подъема, когда «простое собирание киевских традиций и подражание киевским образцам (как было во второй половине XIII в.— В. Б.) отошло в область предания»²⁶¹. Возражает М. Н. Тихомиров и против утверждения Лихачева о том, что составление летописей никогда не было делом частного лица, частной инициативы; на самом деле летописи составлялись и частными лицами (например, тверской свод, составитель которого происходил «от веси ростовских областей»; летописцы, опубликованные М. Н. Тихомировым; Ермолинская летопись; краткие летописцы).

Лихачев в своем ответе Тихомирову отмечал широкую распространенность стремления к возрождению киевских и владими́ро-суздальских традиций, объединению и собиранию домонгольского наследия, земельного и политического, во времена собирания русских земель, образования и развития единого Русского государства²⁶². Составление же больших летописных сводов было частным лицам в XIV—XV вв. не под силу; это происходит позднее — во второй половине XVI—XVII в.

Характеристика переводной исторической литературы, начального летописания, областных летописных сводов,

общерусского и местного летописания XV—XVII вв. приводится в коллективных трудах по истории русской литературы²⁶³.

* * *

В создании обобщающих трудов по истории летописания указанные десятилетия отмечены несомненными и крупными успехами. Это прежде всего труды М. Д. Приселкова, Д. С. Лихачева, М. Н. Тихомирова, Н. Г. Бережкова. В книгах первых двух авторов подробно прослежена история русского летописания первых пяти веков его существования, менее подробно — летописание XVI—XVII вв. (в книге Д. С. Лихачева). В работах Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Д. С. Лихачева летописи рассматриваются как источник, вышедший из кругов класса феодалов и обслуживавший его интересы, хотя в книгах М. Д. Приселкова и Д. С. Лихачева имеется определенное преувеличение «демократического» характера древнейших летописных сводов XI в.

Формальный подход к оценке русских летописей, имевший своим следствием взгляд на них как результат механического объединения источников, явное принижение их значения в истории русской общественно-политической мысли, культуры вообще, в формировании национального самосознания русского народа, характерен для историографических работ Н. Л. Рубинштейна. Его взгляды были подвергнуты справедливой критике специалистов, отстаивавших взгляд на русские летописи как цельные произведения, проникнутые единством замысла, политическими тенденциями составителей и заказчиков, явившиеся результатом продуманной работы по объединению предшествующего материала и сыгравшие большую роль в культурной жизни Древней Руси, в развитии национального самосознания русского народа на протяжении семи столетий.

²⁵⁹ «Советская книга», 1947, № 3, стр. 50 и сл.; «Вестник АН СССР», 1947, № 5, стр. 124 и сл.

²⁶⁰ «Вопросы истории», 1947, № 4, стр. 119 и сл.

²⁶¹ Там же.

²⁶² Д. С. Лихачев. Ответ профессору М. Н. Тихомирову. — «Вопросы истории», 1947, № 11, стр. 154—157; ср. М. Н. Тихомиров. Еще несколько замечаний о «Культуре Руси эпохи образования Русского национального государства». — Там же, стр. 158—159; вопрос о «киевском наследии» и русском летописании М. Н. Тихомиров в этих замечаниях не рассматривает.

²⁶³ «История русской литературы», т. I. Литература XI — начала XIII в. М.—Л., 1941, стр. 114—134, 257—288, 298—314; т. II, ч. 1. Литература 1220—1580-х годов. М.—Л., 1945, стр. 23—35, 61—62, 69—70, 74—77, 90—96, 100—101 и др.; т. II, ч. 2. Литература 1590—1690 гг. М.—Л., 1948, стр. 47—50, 65—67, 90—94, 273—292; «История русской литературы. Учебник для вузов», т. I, ч. 1. Русская литература XI—XVII вв. М., 1941, стр. 22—24, 32—37, 41—44, 47—50, 62—64 и др.

В ряде обобщающих исследований, в той или иной степени отражавших успехи их авторов в изучении отдельных проблем, вопросов истории русского летописания, имеются новые оригинальные наблюдения, построения, гипотезы, которые дополняют или пересматривают некоторые звенья шахматовской концепции. Выказаны сомнения в существовании некоторых гипотетических сводов XI в., о которых писал Шахматов, предложены новые решения, не во всех случаях бесспорные. Накопилось немало противоречащих друг другу положений, выводов. Все это говорит, мне кажется, о том, что развитие летописеведения начинает ставить в повестку дня вопрос о расширении фронта научных исследований в этой области, о проникновении «вглубь» при изучении многих вопросов истории русского летописания, о критической проверке всех звеньев схемы Шахматова и его последователей с целью коренного ее переосмысления, внесения в нее поправок и уточнений, диктуемых потребностями дальнейшего развития науки.

СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СЕРЕДИНЫ 1950-х — НАЧАЛА 1970-х ГОДОВ

ИЗУЧЕНИЕ НАЧАЛЬНОГО РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ

Исследование древнейшего периода русского летописания отмечено в середине 1950-х — начале 1970-х годов замечательными успехами.

В области летописной археографии сделано было немало. Так, в хрестоматии по истории СССР, изданной под редакцией М. Н. Тихомирова, помещены отрывки из «Повести временных лет», рассказывающие об истории Руси X—XI вв.¹ Подобный же характер имеют публикация документов под редакцией В. В. Мавродина², практикум А. П. Пронштейна и А. Г. Задеры³. Все они основаны на предыдущих публикациях «Повести временных лет», Ипатьевской, Новгородской I летописей.

Немало сделано в области летописного источниковедения, осмысления древнейших этапов русского летописания. Начать необходимо снова с исследований М. Н. Тихомирова. В статье о начале русской историографии он возвращается к вопросу о возникновении первых русских исторических сочинений еще в X в., о чем писал в свое время «глубочайший знаток древнерусской письменности» И. И. Срезневский (он относил начало русского летописания к X в.)⁴.

Отмечая разногласия в датировке начала русского летописания (по А. А. Шахматову — первая половина XI в.,

¹ «Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в.» М., 1960, стр. 137—180, 184—192 и др.

² «Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий», ч. I. IX—XIII вв. М., 1970, стр. 31—34, 38—41, 51—64 и др.

³ А. П. Пронштейн, А. Г. Задера. Практикум по истории СССР. М., 1969.

⁴ М. Н. Тихомиров. Начало русской историографии. — «Вопросы истории», 1960, № 5, стр. 41—56.

по Д. С. Лихачеву — вторая его половина), автор считает, что их причина «кроется, может быть, и в том, что в основу исследования о летописях был положен главным образом лингвистическо-литературный анализ, а собственно исторический анализ известий о Руси IX—X вв., сохранных летописью, остался мало разработанным»⁵.

Летописные своды, изучение которых и находилось в центре внимания исследователей, были итогом, заключительной стадией исторических обобщений; им предшествовала большая работа по составлению отдельных записей об исторических событиях, сказаний, которые вместе с другими источниками и были положены в основу первых летописных сводов.

М. Н. Тихомиров, исходя из построений Шахматова, выделившего путем сравнения текстов «Повести временных лет» и Новгородской I летописи младшего извода тексты сводов XI в. (Начального 1093 г., Древнейшего 1039 г.), продолжил его исследование дальше. Он привлекает для сопоставления текст Устюжского свода, изданный и исследованный К. Н. Сербиной; как известно, он сохранил в некоторых частях более древние чтения Начального свода. М. Н. Тихомиров предполагает, что Устюжский свод в своей начальной части отразил какой-то свод 1060-х — 1070-х годов, предшествовавший своду 1093 г. (он возник, судя по упоминаниям о дворах Гордаты и Никифора, не ранее 60-х годов XI в.). Далее, рассматривая содержание известий указанных трех сводов о начальной истории Руси, М. Н. Тихомиров привлекает и данные «Истории Польши» Яна Длугоша, использовавшего какую-то древнюю русскую летопись.

Автор приходит к выводу о существовании особой Повести о начале Руси, которая рассказывала об основании Киева, притязаниях на него хазар, убийстве Аскольда и Дира — потомков Кия, о князе Олеге и его смерти. Повесть имеет ярко киевскую окраску и составлена в Киеве; она существовала уже в первой половине XI в.

Повествование об Игоре, Святославе и расправе между его сыновьями М. Н. Тихомиров выделяет в Сказание о русских князьях X в. Оно отличается точностью и подробностью, доведено до вокняжения Владимира.

Оба эти сочинения обосложнены различными вставны-

ми статьями, по выделении которых они предстают цельными произведениями. Интересно, что рассказы летописей о времени Владимира и Ярослава Мудрого отличаются компилятивным характером, наличием большего количества легендарных мотивов, вставных статей.

Для датировки Сказания о русских князьях автор привлекает «Память и похвалу» «мниха Иакова» (составлена, по-видимому, в первой половине XI в.), в которой использован какой-то древний летописец, содержащий сведения о смерти Святослава, расправе между его сыновьями и вокняжении Владимира, причем последнее известие, в отличие от всех летописей, точно датировано 11 июня 978 г. На все это обратил внимание еще К. Н. Бестужев-Рюмин. Сопоставляя «Память и похвалу» со Сказанием о русских князьях, автор заключает, что последнее начиналось известием о смерти Игоря и заканчивалось известием о вокняжении Владимира 11 июня 978 г. Анализ же его рассказа о смерти Ольги, погребении и последующем перенесении ее мощей в Десятинную церковь позволяет ему сказать, что Сказание было составлено до 1007 г. (в этом году состоялось перенесение мощей, о чем еще не знал составитель Сказания о русских князьях), вероятно, вскоре после крещения Руси. Оно было первым историографическим произведением на Руси.

В другой работе, которая является частью незавершенной монографии по истории возникновения русского летописания, М. Н. Тихомиров исследует вопрос о древнейшем русском источнике в «Истории Польши» Длугоша⁶. На этот источник обратил внимание Е. Ю. Перфецкий, работу которого продолжил М. Н. Тихомиров. Сравнивая извлечения из этого летописца у Длугоша, содержащие сведения о древнейшей истории Руси, которые доведены до смерти Владимира, он приходит к выводу, что этот летописец составлен на юге, в Киеве, причем является более ранним в сравнении с «Повестью временных лет» и Новгородской I летописью (точнее — с Начальным сводом, отразившимся в ней). Он использован Длугошем не в первоначальном виде, а в составе какой-то более поздней компиляции, которую Перфецкий называет Перемышльским летописным сводом. Этот источник не имел разделения на годы и был

⁶ М. Н. Тихомиров. Русский летописец в «Истории Польши» Яна Длугоша. — В кн.: М. Н. Тихомиров. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969, стр. 226—237.

⁵ М. Н. Тихомиров. Начало русской историографии, стр. 41.

написан в форме Повести или Сказания о первых русских князьях.

Несколько исследований посвятил начальному русскому летописанию Б. А. Рыбаков. С наибольшей подробностью эта проблема разрабатывается в его книге о Древней Руси⁷. Сначала он исследует первые формы исторического повествования, предшествовавшие летописям: эпические сказания о героях — объединителях племен, о постройке первых городов, о героических битвах с чужеземцами; в России певец-сказитель долго соперничал с монахом-летописцем.

Б. А. Рыбаков, исходя из времени сложения каждого эпического жанра и отличая его от времени бытования жанра в определенной среде, устанавливает четыре основных этапа в развитии русского эпоса: 1) племенные сказания, окрашенные мифологическим элементом (середина I тысячелетия до нашей эры — первые века нашей эры), 2) племенные сказания о князьях-воеводах, князьях — строителях городов (IV—VII вв., бытовали вплоть до XII в.); 3) былины (IX—XIII вв., бытование — до XVI—XVII вв., отмирание — середина XX в.); 4) исторические песни (XIII—XVI вв.).

Мифологический эпос сохранился лишь в незначительных отрывках в письменности XII в. и фольклоре XIX в. (в сказках, колыдках, былинах, духовных стихах, апокрифических легендах). Так, в «Слове о полку Игореве» отразились представления древних славян-язычников. В нем мы встретим имена Обиды — богини смерти и несчастья, ее вестниц — русских валькирий Карну и Желю, богов Дажьбога и Сварога и т. д.; сказания о них дожили до времени несчастного похода «полка Игорева». Эпические сказания о победе над змеем (змееборческий цикл) отразили борьбу древних славян-пахарей с кочевниками в Среднем Приднепровье.

В дальнейшем героями эпических сказаний становятся реальные живые люди — племенные князья, военачальники. Таковы, возможно, летописные Радим и Вятко, приведшие свои племена из лесного днепровского Правобережья на берега Сожи (здесь жило племя радимичей) и Оки (вятичи). Сказания о войне славян (антов) с готами в

⁷ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

370-х годах, плене и смерти князя антов Боза (Буса) отразились в том же «Слове о полку Игореве»: потомки готов, жившие 800 лет спустя после этих событий, вспоминают их на берегах Азовского моря, глядя на русских пленников 1185 г.

Остатки племенных эпических сказаний автор выявляет в сообщениях византийских авторов, в аланской и армянской литературе VI—VIII вв., в русских былинах и летописях. Легенда о Кие и его братьях, записанная в первых русских летописных сводах X—XII вв., подвергнута в книге блестящему анализу. Сравнивая данные Новгородской I летописи (датирующей сказание о трех братьях 854 годом) и киевской «Повести временных лет» (которая отодвигает сложение легенды к VII в. или более раннему времени), привлекая дополнительные данные, Б. А. Рыбаков доказывает, что эпоха Кия может относиться к VI в., когда резко возросла военная активность славянских племен; совершавших далекие успешные походы на Византию и в другие страны, когда их военные отряды поступали на службу к византийским императорам (одним из них и был, возможно, Кий — под именем Хильбудия). Первоначально сказание сложилось в VI в. и было посвящено одному Кие, затем в VII—VIII вв. обросло новыми подробностями, расширилось.

Больше половины книги посвящено русским летописям. В ней немало интересных страниц уделяется описанию предполагаемых первых летописных записей об исторических событиях, которые начали вести, по его мнению, с 860-х годов. А в 996—997 гг. (одновременно с рядом были первого Владимиров цикла) был составлен первый Киевский летописный свод. Легенда о призвании варягов в нем отсутствовала: более того, ряд его записей имел антиваряжский характер. В него были включены различные народные и дружинные эпические сказания, а описание событий времени Владимира «до мелочей совпадает с былинными циклами о Добрыне и Илье Муромце»⁸.

В следующем, XI, столетии в Новгороде и Киеве создается ряд летописных сводов (новгородская «Остромирова летопись» середины XI в., направленная против варягов и Ярослава Мудрого; киевские летописные своды — свод Никона Печерского 1073 г., свод игумена Иоан-

⁸ Там же, стр. 349.

на 1095 г.). В 1112—1113 гг. крупнейший историк и писатель русского средневековья печерский инок Нестор создал великое произведение — «Повесть временных лет».

Б. А. Рыбаков предпринимает исследование введения к этому памятнику, которое он и предлагает называть собственно «Повестью временных лет». Датированные записи с 860 по 1111 г., по его словам, «представляют собой полный летописный свод за 250 лет, составленный на основе предшествующих работ» — сводов 996, 1073, 1095 гг. и ряда других русских и иностранных источников (сам Нестор в этой части добавил сведения с 1093 г., которым закончил свое изложение игумен Иоанн). Текст же до 860 г. (от Ноя до Кия), написанный Нестором, содержит введение к погодному изложению русской истории; именно (и только) он соответствует заголовку «Повесть временных лет — откуда есть пошла Русьская земля и кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Русьская земля стала есть». По словам Б. А. Рыбакова, «по самому смыслу этого обширного заголовка ясно, что «Повесть» охватывала только истоки русской государственности, первого киевского князя, первичное становление Киевско-Русского княжества»⁹.

Автор, прослеживая переделки труда Нестора, выполненные в 1116 г. игуменом Сильвестром и в 1118 г. Мстиславом, сыном Владимира Мономаха, показывает, что в двух последних редакциях «Повесть временных лет» подверглась сильным изменениям. Многие были выброшены, заменены другим, перепутано. Устранив более поздние вставки, Б. А. Рыбаков реконструировал текст несторова введения (т. е. «Повести»), оговорив при этом условность подобной реконструкции¹⁰. Автор снимает с Нестора обвинения в путанице по ряду вопросов древнейшей истории своей страны. Великий историк начала XII в. разработал стройную концепцию древнейшей истории Руси как составной части большого славянского мира. В ней большое место отводится характеристике западно- и восточнославянских племен, образованию союзов племен («княже-

ний»), славянским походам VI в., основанию Киева, образованию в IX в. славянских государств (Киевской Руси, Великоморавского, Болгарского), принятию славянами христианства, появлению у них письменности¹¹.

Редакции 1116 и 1118 гг. сильно исказили текст произведения Нестора, а во второй из них по инициативе монашеского князя Мстислава создание русской государственности было приписано пришельцам-варягам. «Первым норманистом был не Нестор и не его далекий предшественник новгородец, автор «Остромировой летописи», а новгородский князь Мстислав, внук английского короля, зять шведского и тесть датского короля, проживший четверть столетия в общении с варягами»¹².

Б. А. Рыбаков показал, что взгляды Нестора, отразившиеся в его тексте введения «Повести временных лет» (который искалечили более поздние редакторы), близки к представлениям современной исторической науки о древнейших этапах истории Руси, их периодизации.

В другой книге¹³ тот же автор дает высокую оценку труду Нестора. Он рассматривает данные летописи Нестора и других источников о происхождении государства Руси: легенду о Кие и его братьях Щеке и Хориве, сведения о бурных событиях VI в., отмеченного военными походами, объединением полутораста славянских племен в полтора десятка крупных союзов и т. д. Этот же и другие летописные источники, былины и прочие памятники привлечены автором при характеристике времени Игоря Старого и его сына, юноши-полководца Святослава, княжения Владимира I в конце X в., которое автор называет «былинным временем Руси».

Б. А. Рыбаков в этой научно-популярной книге делает немало важных наблюдений и научных выводов. Таковы, например, его высказывания о русских книжниках XI в., которые при изложении ранней истории своей земли не упоминали ни Рюрика, ни Олега, «считая их, очевидно, случайными, эпизодическими лицами; после того, как в IX в. пресеклась древняя славянская династия потомков Кия, они называют князя Игоря Старого, прадеда Ярослава Мудрого»¹⁴.

⁹ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи, стр. 216—218. Разрядка автора. Ср.: В. И. Мордасов. К истории текста введения «Повести временных лет». — В кн.: «Проблемы истории феодальной России». Л., 1971, стр. 38—42.

¹⁰ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи, стр. 236—242.

¹¹ Там же, стр. 242—247.

¹² Там же, стр. 353.

¹³ Б. А. Рыбаков. Первые века русской истории. М., 1964.

¹⁴ Там же, стр. 35.

В одной из статей Б. А. Рыбаков исследует вопрос о недошедшем новгородском летописном своде середины XI в., который датировался Шахматовым 1050 годом (он вошел потом в Начальный свод 1093 г. и в «Повесть временных лет») ¹⁵. Автор исходит из схемы Шахматова в этой части и не соглашается с сомнениями М. Н. Тихомирова по поводу существования новгородского свода середины XI в. и предположениями Д. С. Лихачева об устных рассказах Яна Вышатича и его отца Вышаты как источниках новгородских известий (в том числе и легенды о призвании варягов), о родословии Яна; к тому же, по словам автора, Д. С. Лихачев не проанализировал доводы А. А. Шахматова о существовании Новгородского свода 1050 г. Он отмечает ряд натяжек Шахматова и Лихачева в построении «родословного древа» Яна и его предполагаемых предков. Тем самым «устная летопись семи поколений» лишается своих начальных звеньев; устный же характер происхождения новгородских известий за X—XI вв. с их точными датами, топографическими приметами и т. д. тоже является сомнительным.

Заново проведенный автором пересмотр доказательств Шахматова убедил его в обоснованности построения о Новгородском своде середины XI в., в которое Б. А. Рыбаков вносит, по его словам, «частные поправки». Главная из них касается времени окончания свода. Завершение работы сводчика Шахматов связывал с построением Софийского собора в Великом Новгороде. Б. А. Рыбаков связывает составление свода с именем новгородского посадника Остромира, в годы его посадничества (1054—1060 гг.) и была изготовлена эта летопись. Примерно тогда же по его заказу написали и украсили роскошное «Остромирово евангелие» (1056—1057 гг.). Свод доведен до смерти Ярослава Мудрого и назначения Остромира посадником в Новгород в 1054 г.

Именно в этом своде впервые появилась легенда о призвании варягов (предположения Шахматова о существовании Киевского свода 1037—1039 гг. автор называет «сомнительными»), в которой при использовании какого-то устного скандинавского рассказа о Рюрике, пришедшем на Русь со своим домом («Синеус») и верной дружиной

(«Трувор»), эти последние превратились в анекдотических «братьев» Рюрика.

Б. А. Рыбаков подробно рассматривает содержание «Остромировой летописи».

Не отвергает автор и мнение Шахматова о существовании более ранней Новгородской летописи 1017 г. (вошедшей в свод середины XI в.), которую, в отличие от него, автор считает не епископской (составленной при епископе Иоакиме), а светской, боярской.

Свод Остромира 1054—1060 гг., по мысли Б. А. Рыбакова, был смелым памфлетом против покойного князя Ярослава Мудрого, причинившего много зла Великому Новгороду во время своего в нем правления, и проводил мысль о свободолюбии Новгорода, «выкармливание», добровольном приглашении им князей, обязанных не столько управлять (они ограничены «грамотами»), сколько оборонять город,— и все это задолго до восстания 1136 г. и официального отделения Новгородской земли, провозглашения ее феодальной республикой.

Это новгородское посадничье летописание через Начальный свод 1093—1095 гг. вошло в общерусское летописание; именно из него попала в третью редакцию ПВЛ легенда о призвании варягов, подвергнутая обработке в духе, угодном Мстиславу — сыну Владимира Мономаха (автор критикует тезис Д. С. Лихачева о Несторе как «первом норманисте в русской истории»); причем антиваряжская направленность этой легенды в «Остромировой летописи», упрекавшей пришельцев в жадности, буйстве и трусости и подчеркивавшей добровольное их признание новгородцами (как и других князей, приглашавшихся на новгородский стол), оказалась в редакции 1118 г. ПВЛ затушеванной; она получила здесь совсем иное толкование, соответствовавшее склонностям Мстислава, дорожившего ею как личным семейным преданием.

Исследование о начальном русском летописании принадлежит А. Н. Насонову ¹⁶. Автор прослеживает его этапы в тесной связи с развитием Древнерусского государства. Он считает «непоколебленной» аргументацию Шахматова по вопросу о существовании Начального свода конца XI в., свода Никона начала 1070-х годов.

¹⁵ Б. А. Рыбаков. «Остромирова летопись», — «Вопросы истории», 1956, № 10, стр. 46—59.

¹⁶ А. Н. Насонов. Начальные этапы киевского летописания в связи с развитием Древнерусского государства. — ПИ, вып. VII. М., 1959, стр. 416—462.

Автор не принимает концепцию Д. С. Лихачева о Повести о начале христианства на Руси как первом историческом произведении, составленном в 1040-е годы, мнение Л. В. Черепнина о своде 996 г. Более сложным считает А. Н. Насонов вопрос о Древнейшем киевском своде 1039 г. Тем не менее анализ всех данных; летописных и нелетописных, приводит его к заключению, что при Ярославе был составлен летописный свод, но «трудно с уверенностью сказать, когда именно был составлен этот Древнейший киевский летописный свод времени Ярослава и насколько полно дошел он до нас в обработке позднейших редакторов», нередко сокращавших древние своды, которые они использовали в качестве источников¹⁷.

При составлении Начального свода использовали Древнейший киевский свод, печерские записи, новгородский материал, хронографический и др., могли привлечь записи Десятиной церкви в Киеве. В начале XII в. появляются три редакции «Повести временных лет», основанной на Начальном своде. Этот памятник содержал «откровение о русском народе», поскольку он впервые с полной ясностью утверждал и осмысливал понятие Руси в широком значении, как совокупности разных (не только южно-русских) восточнославянских этнических групп или «племен». Он был сразу понят как памятник чрезвычайного значения, благодаря чему был положен в основу дальнейшего русского летописания¹⁸.

Ряд исследований о начальном русском летописании опубликовал А. Г. Кузьмин. Одни из них посвящены анализу хронологических указаний «Повести временных лет»¹⁹, другие — выявлению концепций начала Руси в составе летописных памятников, исторических традиций и идейных течений в XI в.²⁰ Наблюдения автора в расши-

ренном виде изложены в докторской диссертации²¹. В этих работах он снова ставит обсуждавшийся еще учеными XIX — начала XX в. вопрос об авторстве Нестора и приходит к выводу, что автором первой редакции «Повести временных лет» был не он, а Сильвестр, игумен Михайловского Выдубицкого монастыря, а до этого, возможно, какой-то монах Киево-Печерского монастыря. Именно ему принадлежат те летописные статьи, которые имеют индиктный хронологический счет по 15-летним периодам. Далее, Нестор, по его мнению, не мог быть автором «Повести временных лет», так как включенные в нее известия о Киево-Печерском монастыре, его игумене Феодосии, о князьях Борисе и Глебе написаны совсем в другом стиле, чем житие Феодосия и «Чтение» о Борисе и Глебе, бесспорно принадлежащие Нестору. Кроме того, в ПВЛ говорится о Борисе и Глебе сходно с анонимным сказанием о Борисе и Глебе, которое Н. Н. Воронин приписывает перу Лазаря — предшественника Сильвестра по Михайловскому Выдубицкому монастырю и Переяславской епархии; к этому Лазарю проявляет определенное внимание та же ПВЛ.

Нестор, имя которого названо в Ипатьевской летописи, возможно, работал над «Повестью временных лет» после Сильвестра, но объем его работы определить трудно. Во всяком случае этот Нестор, летописец, и Нестор, автор жития и «Чтения», — два разных лица, по мнению Кузьмина.

В работах А. Г. Кузьмина ставится под сомнение существование Начального свода 1095 г., о чем писал А. А. Шахматов, так как при сопоставлении ПВЛ и Новгородской I летописи упускается из виду, что в том и другом памятниках могли быть вставки XII в., могла отразиться позднейшая редакторская обработка и т. д. Ввиду этого не может быть возведен к Новгородской I рассказ ПВЛ о признании варягов, поскольку в первой он имеет следы позднейшего редактирования. Саму эту варяжскую легенду автор считает составленной на севере Руси, в Ла-

¹⁷ А. Н. Насонов. Начальные этапы киевского летописания, стр. 432—433.

¹⁸ Там же, стр. 442, 452.

¹⁹ А. Г. Кузьмин. Индикты Начальной летописи. — В сб.: «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 305—313; он же. Хронология Начальной летописи. — «Вестник Московского университета», История, 1968, № 6, стр. 40—53.

²⁰ А. Г. Кузьмин. Две концепции начала Руси в Повести временных лет. — «История СССР», 1969, № 6, стр. 91—105; он же. Древнерусские исторические традиции и идейные течения XI в. — «Вопросы истории», 1971, № 10, стр. 55—76.

²¹ А. Г. Кузьмин. Начальные этапы древнерусского летописания. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1971.

доге²². Впервые она попала в ПВЛ около 1118 г., затем перешла в Новгородскую I, Ипатьевскую, Лаврентьевскую, Радзивилловскую летописи. Поэтому Начальный свод 1095 г. вряд ли существовал вообще. Но он не исключает использования в Новгородской I какой-то киевской летописи, предшествовавшей ПВЛ. Эти соображения автора о Начальном своде, мне кажется, требуют дополнительных доказательств, прежде всего текстологического характера.

Важными представляются соображения Кузьмина о существовании в XI—XII вв. ряда центров летописания, и в этом плане нельзя рассматривать летописание только как постепенное обосложение одного предыдущего текста: например, текста Начального свода «Повестью временных лет». Летописные памятники более раннего времени могли по-разному использоваться в памятниках более поздних, принадлежащих к разным традициям. Так, в Новгородской I летописи не сохранился ряд записей (некролог-похвала князю Изяславу, статьи о Ярополке Изяславиче и др.), которые не могли быть составлены раньше XI в., а в «Повести временных лет» они представлены.

Плодотворна мысль автора о необходимости сочетания текстологического, литературно-филологического анализа летописей, с одной стороны, и исторического, идеологического, историографического — с другой, важности усиления именно исторического анализа, который подчас недооценивался в работах Шахматова и его последователей.

Конечно, все эти вопросы уже затрагивались в литературе в той или иной форме, степени. О существовании различных летописных традиций в XI — начале XII в. (например, в Киеве, Новгороде Великом) писали многие; о составлении на рубеже XI—XII вв. свода в Перемышле говорит Е. Ю. Перфецкий; то же самое можно сказать относительно исторического, идеологического анализа, на важность которого указывали Н. К. Никольский, М. Н. Тихомиров и другие исследователи. Однако в работах А. Г. Кузьмина изучение летописей обогащается новыми наблюдениями.

В докторской диссертации А. Г. Кузьмина интересен историографический очерк, в котором автор справедливо

обращает внимание на достижения «дошахматовского» периода в летописеведении, на необходимость учитывать в творчестве Шахматова, великие заслуги которого несомненны, наличие изменений во взглядах по тем или иным вопросам, пересмотра им ряда положений, отдельных звеньев схемы, которая постоянно находилась в процессе перестройки и осталась незавершенной ввиду кончины ученого.

Автор считает задачу реконструкции утраченных летописных текстов нереальной и ставит перед собой цель «частичной реконструкции идей», в них отразившихся, и в этом плане широко использует сравнительно-текстологический метод исследования летописей, а также наблюдения и выводы своих предшественников. Он выявляет «узлы», переломные моменты в истории русского летописания времени после «Повести временных лет», которые могли повлиять на состав этого и предшествовавших ему памятников. Эти переломные моменты прослеживаются в 40-е, 50-е, 90-е годы XII в.

Анализируя доводы Шахматова о Начальном своде 1095 г., автор заключает, что датировка его неправильна, поскольку киевский источник Новгородской I летописи продолжается не до 1095 г., а до 1115 г. Кроме того, в Великом Новгороде этот киевский материал мог быть подвергнут редакционной обработке. Во введении к Новгородской I (т. е. к Начальному своду, по схеме Шахматова) говорится, что изложение должно быть доведено до правления византийских императоров Алексы и Исакия, а они правили в начале XIII в.; к тому же в летописи имеется Повесть о взятии Царьграда «фрягами» в 1204 г. Таким образом, этот киевский источник в начальной части Новгородской I являлся не Начальным сводом, а новгородской обработкой XIII в. каких-то киевских записей до 945 г., извлеченных из материалов «видимо, особой хронографической традиции» (поскольку эти записи сходны с записями не только «Повести временных лет», но и более поздних Еллинского летописца второй редакции, Хронографической Палеи), взятых, возможно, из хронографических компиляций, долгое время сохранявшихся в славяно-русских монастырях Византийской империи. Автор предполагает, что новгородский летописец XIII в. был близок к архиепископу Антонию, побывавшему в Константинополе в начале этого столетия. В части с 945 по 1115 г. Нов-

²² А. Г. Кузьмин. К вопросу о происхождении варяжской легенды. — В кн.: «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, стр. 42—53.

городская I, по мнению автора, основана на киевском источнике²³.

Помимо «проблемы Нестора» автор в дальнейшем изложении ставит вопрос о летописной традиции XI в., связанной с Десятинной церковью в Киеве. Большое внимание уделяет он хронологии ПВЛ, в которой употреблялись три стиля (мартовский, ультрамартовский, сентябрьский). Она не является «в этом плане произведением цельным», как считал Н. Г. Бережков. В ней же употребляются и разные космические эры (помимо византийской, считавшей, что христианская эра началась 5508 лет спустя после «сотворения мира», употребляются александрийская — 5500 лет до «рождества Христова», старая византийская — 5504 года до «рождества Христова»).

Автор разбирает две концепции начала Руси, отразившиеся в Начальной летописи (варяжская и поляно-славянская). Ко второй половине X в. он относит появление первых исторических памятников (повестей о русских князьях), историографической традиции. Оформление первой, основной, редакции ПВЛ автор относит к 50—60-м годам XI в.; в ее текст введена хронология. При ее составлении, помимо киевских повестей, упомянутых выше, был привлечен первый новгородский источник, в более первоначальной редакции отразившийся в Софийской I и Новгородской IV летописях. Новгородская I в этой части использовала новгородский источник через посредство ПВЛ. Собственно новгородская летописная традиция начинается с середины XI в. (при кафедре епископов); она отразилась в одинаковой степени в Новгородской I и софийско-новгородских летописях, но не в ПВЛ.

Разные историографические традиции разветвляются в XII в. с началом феодальной раздробленности; наряду с летописями продолжают существовать отдельные повести и сказания.

Такова схема начального русского летописания, предложенная Кузьминым. Она, как и другие схемы, концепции последних десятилетий, продолжает уже давно наметившийся процесс критической проверки схемы Шахматова. Взгляды, высказанные автором, конечно, не во всех деталях бесспорны (например, вопросы об авторстве Не-

стора, взаимоотношениях текстов «Повести временных лет» и других памятников, о «прозападной» традиции Десятинной церкви и др.), но они, несомненно, имеют важное значение в смысле дальнейшего изучения этой сложной проблемы.

В книге о начальном русском летописании А. Г. Кузьмин, помимо историографии проблемы, рассмотрел методологические вопросы текстологического изучения древнейших летописных памятников, в особенности «Повести временных лет»²⁴. Автор, на мой взгляд, справедливо настаивает на сочетании исторического и текстологического методов изучения летописей, указывая при этом, что в его книге акцент «несколько смещается» на исторические методы, поскольку им «еще приходится отстаивать свое право на жизнь»²⁵. Столь же обоснованно Кузьмин говорит о необходимости большого внимания к тому, что сделали отечественные летописеведы до Шахматова. Далее автор рассматривает своды XIII—XVI вв., содержащие «Повесть временных лет» (Ипатьевский, Лаврентьевский, Радзивилловский и др.), сравнивает их между собой, отмечая различные слои, своды, им предшествовавшие. Привлекают его внимание и внелетописные параллельные тексты, важные для выяснения состава летописных памятников (хроника Георгия Амартола, палеи, сказания, Киево-Печерский патерик). Большое место занимает в книге исследование хронологии начального летописания, которой «в летописеведении... принадлежит вообще исключительная роль»²⁶. Очень ценны наблюдения автора о применении в летописях различных космических эр и стилей, которые имеют немаловажное значение в качестве датирующих признаков. В плане расслоения текста «Повести временных лет» автор выявляет наличие отразившихся в ней различных концепций, версий исторических явлений, событий (происхождение Древнерусского государства, крещение Руси). Останавливается автор на проблеме Нестора (был ли он автором «Повести временных лет?»), наконец характеризует содержащиеся в летописях датирующие признаки.

²⁴ А. Г. Кузьмин. Русские летописи как источник по истории Древней Руси. Рязань, 1969.

²⁵ Там же, стр. 30.

²⁶ Там же, стр. 68.

²³ А. Г. Кузьмин. Начальные этапы древнерусского летописания, стр. 14—15.

В работах М. Х. Алешковского принимается та часть схемы Шахматова, в которой говорится о Начальном своде 1095 г., взаимоотношениях Новгородской I летописи, этот свод отразившей, с Ипатьевской и Лаврентьевской, в начальной части которых помещена «Повесть временных лет». Но в отличие от Шахматова он считает, что более древний памятник, т. е. Начальный свод, и был той авторской «Повестью временных лет» (составлена она после восстания в Киеве 1113—1115 гг.), которая затем была отредактирована по заказу Владимира Мономаха и в таком виде дошла в Ипатьевской и Лаврентьевской. Первая же, авторская, редакция «Повести» сохранилась в Новгородской I летописи. Первой редакции «Повести» 1115 г. предшествует начальная Киевская летопись, не имевшая погодных статей; она основана на устных киевских и новгородских источниках. Другие ее источники — Печерская летопись, которую вел сам автор ПВЛ с 1090-х годов до составления своего труда, собственные воспоминания летописца, рассказы его информаторов Яна Вышатича и князя Святополка. «Повесть временных лет» была создана к столетию убийства Бориса и Глеба.

Редакторский (не авторский) текст ПВЛ попал в Великий Новгород и был здесь использован при составлении свода конца 1220-х годов. Этим вызвано наличие некоторых редакторских текстов в Новгородской I летописи, которая прежде всего основана все же на авторском тексте 1115 г.²⁷

Эта конструкция, как видим, упрощает схему древнерусского летописания, предложенную Шахматовым.

А. С. Орешников, рассматривая т. н. «Поучение о казнях божиих», вставленное в «Повесть временных лет» под 1068 г. вслед за известием о поражении Ярославичей на р. Альте от половцев, считает, что оно было включено в

текст летописи (в Начальный свод) самим летописцем²⁸. Его источником было, как установил еще И. И. Срезневский, «Слово о ведре и о казнях божиих» из Златоструя. Доказывает этот тезис автор тем, что мотив божьего наказания за грехи проводится в предисловии и в ряде статей Начального свода, хотя, на мой взгляд, решающее значение этому обстоятельству вряд ли стоит придавать — ведь этот мотив был широко распространен в средневековой литературе, в летописании в том числе.

М. Ю. Брайчевский и И. П. Еремин посвятили особые очерки Нестору, его литературной деятельности²⁹.

В ряде исследований проводится анализ отдельных известий «Повести временных лет». Так, Н. Н. Ильин издал целую книгу о летописной статье под 1015 (6523) г., в которой рассказывается об убийстве князей Бориса и Глеба, и об ее источнике³⁰. Рассмотрев некоторые исследования о начальном русском летописании, в особенности работы Шахматова, его последователей и критиков, автор замечает, что критический анализ гипотез Шахматова о «Повести временных лет», «являющийся очередной задачей источниковедения, в нашей исторической науке только еще начинается»³¹. Сам Н. Н. Ильин и предлагает опыт критического изучения одной из таких «гипотез» Шахматова — об источниках статьи ПВЛ под 6523 годом.

В книге рассматриваются летописное и житийное сказание о Борисе и Глебе, их литературные источники, исторические предания о князьях-мучениках, наконец, сама летописная статья. Автор приходит к выводу, что источником последней послужило анонимное «Сказание об убийстве Бориса и Глеба», составленное около 1072 г. и явившееся первой литературной обработкой устных преданий об убийстве обоих князей. Это сказание сначала было вне-

²⁸ А. С. Орешников. К истории Начального летописного свода (О составителе и времени составления «Поучения о казнях божиих»). — «Труды Московского гос. историко-архивного института», т. 16. М., 1961, стр. 481 и сл.

²⁹ М. Ю. Брайчевский. Перший історик східнослов'янських народів (до 900-річчя з дня народження Нестора-літописця). — «Вісник АН УРСР», 1956, № 7, стр. 51—53; И. П. Еремин. К характеристике Нестора как писателя. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 54—64.

³⁰ Н. Н. Ильин. Летописная статья 6523 года и ее источник (Опыт анализа). М., 1957.

³¹ Там же, стр. 20.

²⁷ М. Х. Алешковский. «Повесть временных лет». Из истории создания и редакционной переработки. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1967; он же. Первая редакция Повести временных лет. — «Археологический ежегодник за 1967 г.» М., 1969, стр. 13—40; он же. К датировке первой редакции Повести временных лет. — «Археологический ежегодник за 1968 г.» М., 1970, стр. 71—72; он же. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971.

сено в Начальный свод конца XI в., где подверглось сокращению и переработке. В связи с этим он считает ошибочной концепцию Шахматова о том, что житийное сказание основано на летописном сказании о Борисе и Глебе. В связи с этим отмечу, что Н. Н. Воронин тоже пишет о зависимости рассказа ПВЛ о Борисе и Глебе от анонимного сказания о них, составление которого он связывает с Лазарем.

Э. Г. Зыков, рассматривая известия ПВЛ о Болгарии второй половины IX — начала X в. (о крещении страны, войнах царя Симеона), оспаривает распространенное в научной литературе мнение, что они взяты из хроники Георгия Амартола³². Поскольку эти известия отредактированы в болгарофильском духе (в то время как известия, которые взяты у Амартола и составлены в антирусском духе, добросовестно переписаны в летопись), автор полагает, что они попали в русскую летопись из болгарского исторического сочинения, в котором события датировались по принятой в Болгарии александрийской эре (по которой от «сотворения мира» до «рождества Христова» прошло не 5508 лет, как принято считать по византийской эре, а 5500 лет); оно было основано на хронике Амартола с добавлением местного материала.

Вопрос о начальном русском летописании затрагивается во многих работах по истории Древней Руси, авторы которых придерживаются схемы Шахматова с поправками ряда его продолжателей и критиков (М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, Д. С. Лихачев, Л. В. Черепнин и др.)³³.

* * *

Таким образом, по-прежнему история начального летописания привлекает большое внимание советских исследователей. Появились важные научные исследования М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, А. Н. Насонова, в ко-

торых, с одной стороны, ставится вопрос о начале русского летописания в X в., с другой — делается попытка пересмотра схемы Шахматова в этой начальной ее части. В одних случаях новые выводы исследователей можно характеризовать как бесспорные или вероятные (например, о составлении первых летописных памятников в конце X — начале XI в.), в других — как требующие дополнительных доказательств (например, о Начальном своде).

В методике работы с летописными текстами все большее место занимает исторический, идеологический анализ, что, наряду с использованием текстологического, нельзя не приветствовать.

ИЗУЧЕНИЕ ЛЕТОПИСАНИЯ ПЕРИОДА ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ

Исследование этого периода русского летописания отмечено несомненным продвижением в решении некоторых вопросов.

Немаловажным фактом является предпринятое в этот период фототипическое переиздание важнейших летописных текстов, опубликованных в свое время в серии «Полное собрание русских летописей», — Лаврентьевской (воспроизведение текста издания 1926—1928 гг.)³⁴, Ипатьевской (воспроизведение текста издания 1908 г.)³⁵, Рогожского летописца первой половины XV в. (воспроизведение издания 1922 г.)³⁶. Фототипическим способом опубликована Новгородская I летопись старшего извода³⁷. Все эти издания вышли под наблюдением М. Н. Тихомирова.

Он же опубликовал древнейший датированный список русской летописи — Летописец патриарха Никифора с русскими статьями, доведенными до 1279 г.³⁸ Летописец сохранился в составе Новгородской кормчей, написанной «около 1280 г., во всяком случае не позже 1294 г.» (смерть

³² Э. Г. Зыков. Известия о Болгарии в Повести временных лет и их источник. — ТОДРЛ, т. XXIV. М. — Л., 1969, стр. 48—53.

³³ См., например: М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М. — Л., 1958, стр. 11—23; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 444—450; Н. Я. Половой. К вопросу о первом походе Игоря против Византии (Сравнительный анализ русских и византийских источников). — «Византийский временник», т. XVIII, 1961, стр. 85 и сл.

³⁴ ПСРЛ, т. I. М., 1962.

³⁵ Там же, т. II. М., 1962.

³⁶ Там же, т. XV. М., 1965.

³⁷ «Новгородская харатейная летопись». М., 1964.

³⁸ М. Н. Тихомиров. Забытые и неизвестные произведения русской письменности. — «Археографический ежегодник за 1960 г.» М., 1962, стр. 234—239.

великого князя Дмитрия Александровича, по указанию которого была переписана рукопись). Источником русских статей этого памятника, который называется автором Новгородским кратким летописцем («Летописец патриарха Никифора вскоре» или «вкратце» положен в основу начальной его части), явилась какая-то близкая к Лаврентьевской летопись. Конечные записи за 60—70-е годы XIII в., по характеристике М. Н. Тихомирова, — «редчайшие записи, составленные современником событий». По своему происхождению летописец является ростовским.

Отдельные отрывки из Ипатьевской, Лаврентьевской и других летописей опубликованы в различных изданиях учебного профиля³⁹.

Из числа многочисленных описаний летописных памятников упомяну работы А. Н. Насонова и М. Н. Тихомирова⁴⁰. В них описаны сотни рукописей, содержащих летописные тексты. Благодаря трудам обоих авторов фонд списков русских летописей возрос в сравнении с временами Шахматова — Приселкова в несколько раз. Отмечу, что описание ряда летописей сопровождается наблюдениями текстологического, источниковедческого характера, они являются по существу небольшими летописеведческими исследованиями.

Советская научная общественность высоко оценила издания летописных текстов этого времени⁴¹.

* * *

Из исследований по истории южнорусского летописания наибольший интерес представляют работы А. Н. Насонова, Б. А. Рыбакова и В. Г. Пашуто. Первый автор, исходя из указаний Шахматова об использовании в Ипатьев-

ской, Лаврентьевской и сходной с ней летописях летописи Переяславля Русского, доведенной по крайней мере до 1186 г., или двух переяславско-русских летописей XII в. (епископской и княжеской), подробно рассматривает вопрос о взаимоотношениях летописания двух центров — Переяславля Русского и Киева⁴². Путем тщательного текстологического сравнения Лаврентьевской и Ипатьевской летописей он показывает, что южнорусский материал за XII в., включенный (в части главным образом до 1157 г.) в Лаврентьевскую, представляет собой киевский летописный источник, подвергнутый сокращению и обработке в Переяславле Русском. Он, этот киевский источник, сходен с аналогичным материалом Ипатьевской, но принадлежит к более ранней редакции (например, не имеет вставок из черниговского источника). Тем самым переяславско-русские летописные своды строились на киевском материале. Местные летописные записи велись при епископской церкви св. Михаила.

Методика работы, которую применяет Насонов, состоит в выявлении в текстах Лаврентьевской и Ипатьевской летописей записей «местного» переяславского, киевского характера. Выясняется сходство и различие обеих летописей в передаче текстов предполагаемых киевского и переяславского сводов. Это сравнение, проводимое систематически, показало, что текст киевского источника отразился в Ипатьевской более полно, чем в Лаврентьевской, переяславские же записи, наоборот, — более подробны в Лаврентьевской. Далее следует естественный вывод о том, что «киевский источник попал в Лаврентьевскую летопись в составе свода Переяславля-Русского»⁴³, причем эта редакция киевского источника — более древняя, чем та, которая отразилась в Ипатьевской.

Б. А. Рыбаков написал ряд блестящих по форме, выдающихся по своему значению исследований по этой проблеме. В одной из статей он подверг анализу Летописец внука Владимира Мономаха — князя Изяслава Мстиславича (1146—1154), который вошел в Киевский летописный свод 1199 г. игумена Моисея, отразившийся в Ипать-

³⁹ «Хрестоматия по истории СССР с древнейших времен до конца XV в.». М., 1960; А. П. Пронштейн, А. Г. Задера. Практикум по истории СССР; «Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий», ч. I. IX—XIII вв. М., 1970.

⁴⁰ А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. — ПИ, вып. VI. М., 1958; М. Н. Тихомиров. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962.

⁴¹ См., например: А. И. Копанев, Н. Е. Носов. Советская литература по истории русского феодализма (до XIX в.) в 1963 г. — «История СССР», 1964, № 3, стр. 152; С. М. Троицкий, А. Л. Хорошкевич. Обзор литературы по истории СССР периода феодализма, вышедшей в 1964 г. — Там же, 1965, № 3, стр. 169.

⁴² А. Н. Насонов. Об отношении летописания Переяславля-Русского к киевскому (XII век). — ПИ, вып. VIII. М., 1959, стр. 466—494.

⁴³ Там же, стр. 481.

евской летописи⁴⁴. Автор привлёк к исследованию, помимо Ипатьевской, Лаврентьевскую, Никоновскую, выписки в «Истории Российской» Татищева. Детальный текстологический и исторический анализ летописного текста XII в., выяснение особенностей, пропусков и повторений текста, симпатий и антипатий предполагаемых авторов, стилевых особенностей, различных отрывков позволяют Б. А. Рыбакову выявить «слои» летописного текста, которые можно отнести к источникам Киевского свода 1199 г.; это летописи разных киевских князей: Андрея Владимировича, Всеволода Ольговича, Святослава Ольговича и Игоря Ольговича, Изяслава Мстиславича. Наиболее подробна летопись Изяслава Мстиславича, занимающая третью часть всего объема Киевского свода 1199 г. (она в пять раз подробнее остальных его частей). Написана летопись ярко и талантливо, с привлечением большого количества документов из княжеского архива (например, автор выявил тексты или отрывки более чем 60 грамот!); здесь же — дневники походов, записи о княжеских съездах и заседаниях Боярской думы, посольские отчеты, дипломатическая переписка, яркие характеристики действующих лиц, памфлеты. Автором этого замечательного памятника Б. А. Рыбаков считает Петра Бориславича — боярина князя Изяслава, дипломата и историка, киевского тысяцкого, идеолога русского боярства времен феодальной раздробленности.

В книге о Древней Руси Б. А. Рыбаков большое место отводит анализу летописей XII в.⁴⁵ Автор скрупулезно выявляет отдельные княжеские летописи, которые вошли в более поздние летописные своды и отразились в Ипатьевской летописи. Особый интерес вызывает анализ летописи князя Изяслава Мстиславича, сына того, кто был инициатором создания третьей редакции «Повести временных лет». Автор летописи Изяслава — боярин, киевский тысяцкий Петр Бориславич, человек большого литературного дарования⁴⁶. Эта и другие летописи попали в Киевский летописный свод 1199 г. В этом памятнике, как в «Слове о полку Игореве», проводится в условиях начавшейся феодальной раздробленности идея единства Руси,

вернее, «создания дружной федерации» для организации отпора нападениям половцев и других внешних врагов⁴⁷.

Останавливается Рыбаков на летописании XII в. и в книге о «Слове о полку Игореве»⁴⁸. В особой главе он рассматривает летописные источники о походе Игоря 1185 г.⁴⁹ Б. А. Рыбаков выделяет из Ипатьевской летописи ряд памятников (особая повесть о походе, киево-печерская летопись, митрополичье летописание, чернигово-суздальское летописание, летописание Рюрика Ростиславича, летопись его соправителя на киевском престоле Святослава Всеволодовича, выписка из «узкосемейной хроники» Игоря Святославича; все это вошло в Киевский летописный свод 1199 г.). Автор проводит тонкий анализ, выявляя слои, напластования текстов, редактирование различных авторов, их политические тенденции, симпатии и антипатии. Так, рассказ предполагаемой летописи Святослава Всеволодовича, великого князя киевского, о неудачном походе Игоря пронизан осуждением действий князя-неудачника, так как он отказался участвовать в организованном Святославом совместном походе против половцев в феврале 1185 г., тайно от него предпринял несколько позднее свой сепаратный поход, во время которого не организовал разведку, обрек свое войско на тягчайшее поражение и открыл дорогу врагу на Русь⁵⁰.

Летопись же Рюрика Ростиславича, соправителя Святослава в Киеве, наоборот, благожелательна к Игорю новгород-северскому, старается всячески оправдать его действия. Эти две разные точки зрения отражены в указанной летописной повести о походе 1185 г., первоначальный текст которой был подвергнут более позднему редактированию⁵¹.

Подробно разбирает Б. А. Рыбаков состав Киевского летописного свода 1199 г. в Ипатьевской летописи в другой книге, посвященной «Слову о полку Игореве»⁵². Он

⁴⁷ Там же, стр. 358.

⁴⁸ Б. А. Рыбаков. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971.

⁴⁹ Там же, стр. 170—201.

⁵⁰ Там же, стр. 181—182.

⁵¹ Там же, стр. 182—183; см. также: Б. А. Рыбаков. Киевская летописная повесть о походе Игоря в 1185 г. — ТОДРЛ, т. XXIV. Л., 1969, стр. 58—63.

⁵² Б. А. Рыбаков. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

⁴⁴ Б. А. Рыбаков. Боярин-летописец XII в. — «История СССР», 1959, № 5, стр. 56—79.

⁴⁵ Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания. Былины. Летописи. М., 1963.

⁴⁶ Там же, стр. 311—345.

1287 гг., о «сандомирском взятии», грамоты, посольские донесения).

Специальное исследование редакциям Галицко-Волынской летописи посвятил А. И. Генсюрский⁵⁹. Автор, помимо редакции 1292 г., т. е. собственно Галицко-Волынской летописи (с текстом за 1201—1292 гг.), пишет о редакциях 1289, 1285/86, 1266, 1234 гг. Высказывает он и соображения об авторах-редакторах пяти сводов, выражавших интересы своих князей, земель. Эти наблюдения вызывают интерес, но они в значительной степени сделаны бегло, намечены и не развиты с достаточной полнотой.

Н. К. Гудзий прослеживает влияние начального киевского летописания на галицко-волынское XIII в., их обоих на более позднее западнорусское (Супрасльская, Никифоровская, Уваровская, идущие от Смоленского свода XV в., включавшего «Повесть временных лет» и др.; летопись Авраамки 1495 г., летописи XVI—XVII вв.)⁶⁰.

М. Б. Свердлов высказывает мнение, что рассказ о битве на Калке 1223 г. был записан сначала в Летописец Переяславля Русского и Галицкую летопись, которая в 1256—1257 гг. была обработана составителем Летописца Даниила Галицкого, выдвинувшим на первый план этого князя⁶¹.

Характеристику южнорусского и западнорусского (белорусско-литовского) летописания XIII—XV и, далее, XVI—XVII вв., содержат работы П. К. Волынского и В. А. Чемерицкого⁶².

⁵⁹ А. И. Генсюрский. Галицко-Волынский літопис (Процес складання; редакції і редактори). Київ, 1958.

⁶⁰ Н. К. Гудзий. Традиции литературы Киевской Руси в старинных украинских и белорусских литературах.— В кн.: «Славянские литературы. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963)». М., 1963, стр. 16—26.

⁶¹ М. Б. Свердлов. К вопросу о летописных источниках «Повести о битве на Калке». — «Вестник Ленинградского университета», № 2, Серия истории, языка и литературы, вып. I. Л., 1963, стр. 139—144.

⁶² П. К. Волынский и др. Історія української літератури. Давня література. Київ, 1969, стр. 45—58, 111—115 и др.; В. А. Чамярыцкі. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Узнікненне і літаратурная гісторыя першых зводаў. Мінск, 1969.

* * *

О ростово-суздальском, владимиро-суздальском летописании имеется ряд исследований Б. А. Рыбакова, А. Н. Насонова, Н. Н. Воронина, Ю. А. Лимонова, А. Г. Кузьмина. Первый автор, сравнивая сочинения Даниила Заточника с текстами летописей владимиро-суздальского цикла, приходит к выводу о причастности этого писателя к летописному делу во Владимире конца XII в.⁶³

А. Н. Насонов в одной из статей приводит немало интересных соображений о летописании Северо-Восточной Руси XII в.⁶⁴ Сначала он рассматривает летописные записи с упоминаниями о Ростово-Суздальской земле в первой половине этого столетия. Выявляются они в составе Лаврентьевской и сходной с ней летописей, а также в Ипатьевской.

По мнению Насонова, эти известия (начиная с 1120 г.) восходят не к северо-восточным записям, а к записям, сделанным на юге, т. е. взяты из южнорусского свода, обрабатывались в Переяславле Русском и затем перешли в Лаврентьевскую⁶⁵. Он же соглашается с М. Д. Приселковым, что они взяты в первый владимирский свод из местного ростовского летописца Юрия Долгорукого. Автор показывает следы переяславско-русской обработки этих известий.

Далее Насонов выявляет местные ростовские летописные записи, сохранившиеся в других летописях, — Типографской, Львовской, а также в статье «А се князи русьстии», предшествующей Комиссионному списку Новгородской I летописи. Велись они в XII в. и позднее, в XIII—XV вв., при ростовском Успенском соборе. «Старый летописец ростовский» упоминает епископ владимирский и суздальский Симон в письме к печерскому монаху Поликарпу в 1225—1226 гг.; Насонов предполагает, что речь идет о летописце конца XII в.

Затрагивает Насонов вопрос об истоках владимирского летописания. Это связано с княжением Андрея Боголюб-

⁶³ Б. А. Рыбаков. Даниил Заточник и владимирское летописание конца XII в. — «Археографический ежегодник за 1970 г.» М., 1971, стр. 43—89.

⁶⁴ А. Н. Насонов. Малоисследованные вопросы ростово-суздальского летописания XII в. — ПИ, вып. X. М., 1962, стр. 349—392.

⁶⁵ Там же, стр. 351.

ского, который перенес столицу княжества во Владимир. Сначала автор рассматривает записи о подвигах князя на юге в 1149—1152 гг. Шахматов и Приселков полагали, что они были записаны владимирским летописцем (как и описание известных событий 1175—1177 гг.), затем попали в Лаврентьевскую и Ипатьевскую. Насонов выдвигает другое толкование, мне кажется, более обоснованное: описание событий 1149—1152 гг. было сделано по заказу князя Юрия Долгорукого, отца князя Андрея, вставлено в официальную киевскую летопись, которая отразилась в Ипатьевской и (в сокращенном виде) Лаврентьевской.

С конца 1150-х — начала 1160-х годов начинается ведение владимирских летописных записей при Успенском соборе (построен в 1160 г.); это было продолжение традиции, принесенной из Вышгорода.

Особое внимание уделяет автор Сказанию об убиении Андрея Боголюбского, которое сохранилось в двух редакциях — краткой (в Лаврентьевской и близких к ней летописях) и пространной (в Ипатьевской летописи). Текстологический анализ показывает, что в Ипатьевскую летопись Сказание попало из северо-восточного источника, соединенного с черниговским текстом. Этот «монтаж» мог быть проведен в Киеве. Возможно и другое: северо-восточный источник попал в Ипатьевскую через черниговский свод. В Лаврентьевской, в которой текст Сказания близок к тексту Ипатьевской, но сильно сокращен и имеет некоторые дополнительные детали в сравнении с Ипатьевской, использован общий с последней источник, но более ранний. Описание событий 1175—1177 гг. сделано по свежим следам владимирским автором (о чем говорит «апология владимирцев» в плане историческом, юридическом, моральном)⁶⁶. Владимирские записи и тексты вышли из среды местного клира; они проникнуты неприязнью к боярскому землевладению⁶⁷.

В другой работе тот же автор исследует владимирское летописание первой половины XIII в.⁶⁸ Для выделения владимирских летописных записей этого времени он при-

влекает, помимо Лаврентьевской (в которой они «погребены» под пластом более позднего ростовского слоя), еще Московский летописный свод 1479 г., в котором владимирский летописный текст сохранился в первоначальном виде, без ростовской обработки, но в отдельных фрагментах вместе с извлечениями из других источников.

Насонов рассматривает сначала вопрос о зарождении нижегородского летописания, о работе Лаврентия по копированию свода 1305 г. (Лаврентьевская летопись). Он в основном принимает выводы М. Д. Приселкова о Лаврентьевской летописи, обоснованно отвергает вывод В. Л. Комаровича о Лаврентии как не копиисте, а авторе-составителе, внесшем в текст летописного свода 1305 г. ряд исправлений⁶⁹. Сам свод 1305 г., как показал Приселков, является великокняжеским владимирским, составленным тогда, когда великим князем владимирским был тверской князь Михаил Ярославич. Насонов, принимая этот вывод, отвергает другое положение того же автора — о соединении владимирского летописания с ростовским при составлении в 1239 г. владимирского великокняжеского свода Ярослава Всеволодовича, в основу которого положили ростовский летописец князя Константина и его сыновей. Этого не могло быть, считает Насонов, так как оба эти князя были злейшими врагами. К тому же в летописи и до и после 1239 г. заметна сильная ростовская окраска, и этот год не подходит в качестве «рубежа» соединения двух летописных традиций. Таким рубежом автор считает 1281 г., когда и был составлен в Ростове очередной великокняжеский владимирский летописный свод.

Далее Насонов выявляет владимирские записи в Московском своде 1479 г. Сравнение выделенных фрагментов с текстом Лаврентьевской показало, что в последней текст великокняжеского свода первой половины XIII в. отражен неполно. Это был памятник, прославлявший князя Юрия Всеволодовича.

Н. Н. Воронин начало ростово-суздальского летописания относит ко времени до вокняжения в Ростовской земле Юрия Владимировича Долгорукого⁷⁰. Помимо лето-

⁶⁶ А. Н. Насонов. Малоисследованные вопросы ростово-суздальского летописания XII в., стр. 388.

⁶⁷ Там же, стр. 391—392.

⁶⁸ А. Н. Насонов. Лаврентьевская летопись и владимирское великокняжеское летописание первой половины XIII в. — ПИ, вып. XI. М., 1963, стр. 429—480.

⁶⁹ Там же, стр. 439—440.

⁷⁰ Н. Н. Воронин. К вопросу о начале ростово-суздальского летописания. — «Археографический ежегодник за 1964 г.» М., 1965, стр. 19—39.

писных памятников («Повесть временных лет», Ипатьевская и др.), автор привлекает к исследованию и памятники нелетописного характера — Киево-Печерский патерик, в котором упоминается «Летописец старый ростовский», жития и т. д. Появление первых летописных записей за 1060—1080-е годы в Ростове Воронин связывает с организацией в нем епископии в 60-е годы XI в. С конца 1080-х годов и до 1160 г. идут, по характеристике автора, записи суздальского летописца. В первой половине XII в. он ведется в суздальском Димитриевском монастыре каким-то духовным лицом, возможно монахом. С 1160 г. летописное дело переходит во владимирский Успенский собор, и ростово-суздальское летописание сменяется владимирским.

Таким образом, Воронин разошелся с рядом своих предшественников во взглядах на начальные этапы ростово-суздальского летописания.

Повесть об убийстве Андрея Боголюбского, сохранившуюся в составе Лаврентьевской и Ипатьевской летописей, Воронин считает произведением владимирской литературы⁷¹. Автором ее пространной редакции (в Ипатьевской) он называет духовника князя Андрея, выпыгородского выходца, главу капитула владимирского Успенского собора Микулу, который составил ее в 1174 г. по свежим следам событий. Он использовал личные впечатления, материал судебного следствия, рассказ свидетеля событий киевлянина Кузьмици. При составлении владимирского свода при Всеволоде III в него попала не пространная, а краткая редакция, представлявшая собой переработку пространной; ее автором был «игумен» Феодул. Полный же текст попал на юг, возможно вместе с автором Микулой, и был включен в киевскую летопись под давлением Всеволода и с целью утверждения авторитета владимирской династии.

Несколько исследований на ту же тему опубликовал Ю. А. Лимонов⁷². Автор изучил ряд летописей, анализ

которых дал ему возможность выделить целый ряд памятников летописания XII—XIV вв. — ростово-суздальского (летописцы Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского, свод 1278 г. и др.), владимирского (своды 1178 г., 1189 г., 1212 г., 1215 г., 1230 г., 1239 г., 1247—1249 гг., 1252 г., 1276 г.), московского (свод 1330 г., послуживший источником Московского свода 1480 г.) и др.

А. Г. Кузьмин рассмотрел упоминания о «Летописце старом ростовском» и «Летописце Нестора» в Киево-Печерском патерике и пришел к выводу, что речь может идти об особой летописной традиции, независимой от «Повести временных лет»⁷³. В этой работе автор подвергает сомнению правомочность попыток анализировать начальные этапы ростово-суздальского летописания на основании Лаврентьевской летописи, как это делают Н. Н. Воронин и Ю. А. Лимонов (целесообразнее привлекать для этого поздние своды XV—XVI вв. с проростовской окраской — Типографскую, Львовскую и др.).

Миниатюры Радзивилловской летописи исследовала О. И. Подобедова⁷⁴.

* * *

По истории новгородского летописания можно назвать лишь несколько работ, затрагивающих частные вопросы. Так, Ю. К. Бегунов изучил житие Александра Невского в составе Новгородской I и Софийской I летописей⁷⁵. Автор приходит к выводу, что в Синодальном списке Новгородской I старшего извода жития не было, оно появляется в XV в. в списках Новгородской I младшего извода, причем оно было разбито на отрывки, которые вкраплены между

тописец Андрея Боголюбского. — В кн.: «Культура Древней Руси». М., 1966, стр. 113—117; он же. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л., 1967.

⁷³ А. Г. Кузьмин. Летописные источники посланий Симона и Поликарпа (К вопросу о «Летописце старом ростовском»). — «Археологический ежегодник за 1968 г.» М., 1970, стр. 73—92.

⁷⁴ О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965, стр. 49—101.

⁷⁵ Ю. К. Бегунов. Житие Александра Невского в составе Новгородской I и Софийской I летописей. — В кн.: «Новгородский исторический сборник», вып. 9. Новгород, 1959, стр. 229—238; он же. К вопросу об изучении Жития Александра Невского. — ТОДРЛ, т. XVII. М. — Л., 1961, стр. 348—357.

⁷¹ Н. Н. Воронин. «Повесть об убийстве Андрея Боголюбского» и ее автор. — «История СССР», 1963, № 3, стр. 80—97.

⁷² Ю. А. Лимонов. Ростово-суздальское летописание середины XII в. (Летописец Юрия Долгорукого). — «Исторические записки», т. 72, 1962, стр. 184—216; он же. Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1963; он же. Ле-

летописными статьями. В Новгородскую I младшего извода, точнее в архетип ее сохранившихся списков, оно попало из Новгородско-Софийского свода 1430-х годов. Это первый вид второй редакции жития (первая редакция — «первоначальная» — составлена в XIII в.); в Софийской I (летописи, составленной в Москве в 40—60-х годах XV в.) помещен отличный от него второй вид той же редакции.

А. И. Семенов привел данные, свидетельствующие о ведении летописи в новгородском Лисицком монастыре в первой трети XV в., когда игуменом в нем служил Евфимий — известный впоследствии новгородский архиепископ (пришел на архиепископскую кафедру в 1429 г. из Лисицкого монастыря), при котором в 1430-е годы был составлен Софийский Временник⁷⁶. Упоминания о «Летописце Лесицком» сохранились в Новгородской II летописи.

А. Г. Кузьмин в краткой заметке остановился на вводных статьях одного из списков Новгородской I младшего извода⁷⁷.

Б. М. Клосс проанализировал состав и источники краткого новгородского летописца XV в. и опубликовал извлеченный из него памятник русского эпоса в записи XVI в. — Сказание о богатыре Александре Поповиче⁷⁸.

* * *

Больше повезло тверскому летописанию. Л. В. Черепнин подробно проанализировал летописные источники о восстании 1327 г. в Твери⁷⁹. Наиболее ранняя редакция рассказа об этом восстании помещена в Рогожском летописце и Тверском сборнике; она более всего близка к действительности; это — описание современника, сложившееся при дворе тверских князей в условиях ослабления

Твери после татарского погрома и получения Иваном Калитой ярлыка на великое княжение владимирское. Затем разбирается рассказ Ермолинской и Львовской летописей, в котором инициатива выступления против татар, его организация приписываются тверскому князю Александру Михайловичу. Он сложился, по мнению автора, в середине XIV в., вскоре после гибели князя в Золотой Орде. Описание Ермолинской и Львовской летописей в переделанном виде вошло в Новгородские IV и V, Софийскую I, Летопись Авраамки; оно относится к первой половине XV в. Та же редакция отразилась и в Псковской I, Московском своде конца XV в., Воскресенской, Никоновской.

Наконец, автор рассматривает описание этого события в Тверском своде Бориса Александровича, помещенное в «Предисловии Летописца княжения Тферскаго»; здесь автор исходит из концепции А. Н. Насонова, оспоренной в этой части Б. И. Дубенцовым и отчасти М. А. Ильиным. В нем получила законченное выражение «княжеская» концепция тверского восстания 1327 г.

А. Н. Насонов проследил отражение тверской летописной традиции в поздних летописных компиляциях XVII в.⁸⁰ Он отметил текстуальные отличия Толстовского списка от других списков Тверского сборника, выявил тверские известия в одном малоизвестном Летописце второй половины XVII в. из ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, наконец издал фрагмент Тверского летописного свода из рукописи Музейного собрания ГИМа с записями за 6822—6852 гг.

Аналогичную работу проделал В. А. Кучкин, выявивший тверские летописные записи в составе двух рукописных сборников конца XVII — первой четверти XVIII в. Государственного архива Калининской области⁸¹. Выписки из тверского летописного источника, по наблюдениям автора, составлены во второй половине XVII в. Они охватывают время с 1390 по 1522 г. Особенно подробны выписки за 1390—1425 гг., в этой части заметно сходство с Никоновской летописью, но имеются и отличия. Внимание

⁷⁶ А. И. Семенов. Лисицкий монастырь — пригородный центр новгородского книгописания. — ТОДРЛ, т. XVII. М. — Л., 1961, стр. 370.

⁷⁷ А. Г. Кузьмин. К прочтению текста вводных статей Комиссионного списка Новгородской Первой летописи. — «Археографический ежегодник за 1970 г.» М., 1971, стр. 90—91.

⁷⁸ Б. М. Клосс. Новый памятник русского эпоса в записи XVI в. — «История СССР», 1968, № 3, стр. 151—157.

⁷⁹ Л. В. Черепнин. Источники по истории антимонгольского восстания в Твери в 1327 г. — «Археографический ежегодник за 1958 г.» М., 1960, стр. 37—41, 46—53.

⁸⁰ А. Н. Насонов. О тверском летописном материале в рукописях XVII в. — «Археографический ежегодник за 1957 г.» М., 1958, стр. 26—40.

⁸¹ В. А. Кучкин. О тверском летописном материале в составе двух рукописных сборников. — ПИ, вып. IX. М., 1961, стр. 341—349.

к Кашину и его князю позволяет автору заключить, что в них отразился тверской свод, прошедший кашинскую редакцию. Тем самым подтверждается предположение о существовании Кашинского свода 1425 г., выдвинутое Насоновым на основании сравнительного анализа Никоновской и других летописей.

Вторая часть выписок (за 1434—1522 гг.) сходна с Воскресенской летописью и частично с Софийской II, Львовской и Уваровским списком Ермолинской, восходящих к митрополичьему и великокняжескому летописанию XV — начала XVI в. Возможно, обе части выписок из одного источника — какого-то тверского епископского летописца конца XV — начала XVI в., в основе которого лежал Кашинский свод 1425 г.

Тот же автор написал исследование, посвященное Повести о Михаиле Ярославиче Тверском, созданной в первой четверти XIV в.⁸² В. А. Кучкин проследил судьбы памятника на протяжении трех с половиной столетий — с XIV по вторую половину XVII в., когда было создано более чем 15 его редакций, определил время их создания, источники, идейную направленность. Это изучение тесно увязано с исследованием состава, истории текста тех рукописных сборников, летописных сводов, в которых Повесть сохранилась, выявлением старших редакций этих сводов и т. д. Автор показал, что Повесть представлена в московском летописании XV—XVI вв. (Софийская I старшего и младшего изводов, Московский свод 1479 г., Ермолинская, Воскресенская и др.) и тверском летописании (Рогожский летописец, Тверской сборник; фрагменты, опубликованные А. Н. Насоновым). Никоновская в изложении Повести объединила обе эти ветви. Древнейшими летописными редакциями являются редакции Софийской I старшего извода и Рогожского летописца.

Прослеживая историю текста Повести в летописях, автор показывает, что она с течением времени не только сокращалась в объеме, но и подвергалась редакционной обработке (устранение антимосковских выпадов, затухание роли Твери), причем это делалось не только в эпоху единого Русского государства, о чем писал Присел-

ков, но и ранее, в XV в., т. е. в период объединения русских земель вокруг Москвы. Таким образом, идейная эволюция Повести отразила поворотный момент в политическом развитии русских земель.

Б. И. Дубенцов, сравнивая тексты Повести о Михаиле Александровиче Тверском Тверского сборника, Новгородской IV, Симеоновской и Никоновской летописей, оспаривает мнение Шахматова и Насонова о существовании «Летописца княжения Тферскаго» (первый относит к нему известия 1325—1425 гг. Тверского сборника, второй — известия 1285—1455 гг.)⁸³. Дубенцов считает, что в Тверском сборнике в части до и после Повести о Михаиле (известия 1399—1403 гг.) отразился не «Летописец княжения Тферскаго», а Кашинский свод 1425 г. В составе Тверского сборника Повесть о Михаиле Тверском является самостоятельным памятником, одним из его источников, который компилятор постарался преобразить в летописное произведение, дав ему заголовок «Предисловие Летописца княжения Тферскаго»; это, по утверждению автора, и ввело в заблуждение исследователей.

Подобные же мысли Дубенцов развивает в другой работе, посвященной Повести о Плаве (о перемирии 1406 г. на р. Плаве) — тверском памятнике, включенном в Тверской же сборник⁸⁴. Он снова оспаривает выводы Шахматова и Насонова о Тверском своде 1455 г. («Летописец княжения Тферскаго») и мнение М. А. Ильина о восхождении Повести о Плаве к этому своду. Он по-прежнему настаивает на предположении, что текст Тверского сборника за 1399—1402 гг. — это Повесть о Михаиле Тверском в особой редакции, вставленная в свод Бориса. Кроме того, автор поддерживает тезис Я. С. Лурье о неоднородности известий Тверского сборника за 1403—1455 гг., их компилятивном характере; некоторые из этих известий (за 1441, 1446—1447 гг.) не могут восходить к своду Бориса, так как враждебны ему.

Повесть о Плаве восходит, по мнению автора, к тверскому своду епископа Арсения начала XV в., из которого она была взята в Тверской сборник (а Повесть

⁸² В. А. Кучкин. Повести о Михаиле Тверском. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1967; он же. Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М., 1974.

⁸³ Б. И. Дубенцов. К вопросу о так называемом «Летописце княжения Тферскаго». — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 118—157.

⁸⁴ Б. И. Дубенцов. «Повесть о Плаве» и «Летописец княжения Тверского». — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 176—182.

о Михаиле — из свода князя Бориса Александровича; известия 1441, 1446—1447 гг. — из какого-то третьего тверского свода, враждебного этому князю). Все эти памятники попали, таким образом, в Тверской сборник непосредственно из указанных трех сводов, а не через посредство «Летописца княжения Тферскаго».

И. У. Будовниц, исходя из выводов Насонова и Приселкова о тверском и московском летописании XIV в., проследил отраженную в них борьбу Москвы и Твери за политическое первенство в русских землях⁸⁵. Он заключает, что с конца XIII — начала XIV в. русское летописание постепенно расширяет свой горизонт, страхируя феодальную замкнутость и снова приобретая общерусский характер. В нем все большее место занимают публицистически заостренная тема борьбы с иноземными завоевателями — «окаянными» татарами, призыв к единству русских земель, прекращению княжеских раздоров. Это оживление публицистической деятельности, отразившееся в русском летописании, позволяет автору с полным основанием отвергнуть вывод М. Н. Покровского о том, что Москве в XIV в. публицистика «и не снилась».

* * *

Из работ о московском летописании можно назвать несколько статей.

Л. Л. Муравьева выявляет в составе различных летописных сводов записи о московских событиях второй половины XIII — первой трети XIV в. Она считает, что первые и немногочисленные записи летописного характера могли вести в Москве со второй половины XIII в., а их ведение в форме особого летописца началось в правление Юрия Даниловича, не позднее 1303—1304 гг. (летописец Даниловичей, использованный впоследствии в летописце 1340 г.)⁸⁶.

С. И. Кочетов рассматривает все упоминания в литературе о сгоревшем в 1812 г. пергаменном списке Троиц-

⁸⁵ И. У. Будовниц. Отражение политической борьбы Москвы и Твери в тверском и московском летописании XIV в. — ТОДРЛ, т. XII. М. — Л., 1956, стр. 79—104.

⁸⁶ Л. Л. Муравьева. Заметки о первых московских летописных записях. — «Археографический ежегодник за 1971 г.» М., 1972, стр. 113—119.

кой летописи, или летописи 1408 г., в описях книгохранилища Троице-Сергиева монастыря 1723, 1729 гг., прослеживает историю его хранения в нем до 1804 г., когда летопись попала в руки Карамзина. Затем ее передали в Общество истории и древностей российских, где она, очевидно, и погибла во время пожара Москвы в 1812 г.⁸⁷ Автор, используя реконструкцию Приселкова, останавливается на содержании летописи за конец XIV — начало XV в.; это время, по его словам, описано современником. Он отмечает интерес записей к смоленской кафедре, смоленскому епископу Михаилу и к московскому митрополиту Киприану. Летопись была составлена в Москве при митрополичьей кафедре после Едигеева нашествия 1408 г.

Г. Н. Моисеева исследовала миллеровскую копию части текста Троицкой летописи, которая, несмотря на некоторую модернизацию орфографии, обычную для русских ученых-историков и рядовых писцов XVIII в., близка к тексту, известному по реконструкции Приселкова⁸⁸.

Ю. А. Лимонов, специально изучивший вопрос об использовании русских летописных текстов в «Истории» Яна Длугоша, пришел к выводу, что польский автор имел в руках не какие-то древнейшие своды, а свод XV в.⁸⁹ Не исключая подобной возможности, следует все же иметь в виду, что Длугош, помимо предполагаемого свода XV в., мог использовать и другие, более ранние летописные памятники, о чем уже не раз говорилось в исследованиях других отечественных летописеведов.

Я. С. Лурье анализирует доводы Шахматова о своде 1448 г., который он считал новгородской летописью (а Приселков — митрополичьей, московской), положенной в основу двух семей-ветвей русского летописания (одна представлена Софийской I, Никаноровской, Московским сводом конца XV в. и многими другими, вторая — Новгородской IV), и приходит к выводу, что отказ Шахматова от понятия «свод 1448 г.» (которое он заменил другим —

⁸⁷ С. И. Кочетов. Троицкий пергаменный список летописи 1408 г. — «Археографический ежегодник за 1961 г.» М., 1962, стр. 18—27.

⁸⁸ Г. Н. Моисеева. Отрывок Троицкой пергаменной летописи, переписанный Г. Ф. Миллером. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, стр. 93—99.

⁸⁹ Ю. А. Лимонов. Русские источники Яна Длугоша по истории Киевской Руси. — В сб.: «Проблемы истории феодальной России». Л., 1971, стр. 76—81.

«Новгородско-Софийский свод 1430-х годов») неправомерен⁹⁰. Тот анализ Шахматовым отсчета лет, по которому совпадают праздники благовещения и пасхи (отсчет помещен в летописях под 1380 г., перед записями о Куликовской битве), более правилен, чем толкование А. В. Маркова (в письмах к Шахматову).

* * *

Вопрос о рязанском летописании кратко затрагивает А. Л. Монгайт⁹¹. Рязанские летописные записи, попавшие в общерусские летописные своды, он делит на три группы. К первой относятся те, которые записаны не в Рязани (например, во владимирских летописях, изображающих рязанцев черными красками); ко второй — те, которые могли быть записаны в Рязани или вне ее (их автора угадать трудно); к третьей — записи, явно принадлежащие рязанцам. Большинство этих последних сохранилось в Никоновской летописи. В основу Никоновской, по Приселкову, положена тверская обработка Троицкой летописи; сводчик 1409 г. пользовался каким-то рязанским летописцем. К этим известиям следует подходить с осторожностью, так как в них встречаются неточности, ошибки, вымысел. В Воскресенской летописи помещена подробная родословная «роспись» рязанских князей под заглавием «Начало великих князей рязанских». Какую-то муромскую летопись использовал Татищев.

Автор приходит к выводу, что рязанское летописание существовало с начала XII в. до потери Рязанью независимости. Он принимает вывод В. Л. Комаровича о составлении рязанских летописных сводов князя Ингвара Игоревича (содержавшего описание междоусобицы русских князей 1218 (1217) г., Калкской битвы 1223 г., Батыева нашествия на Рязань 1237 г. и составленного в конце 1230-х — 1240-е годы) и князя Олега Ивановича (записи доведены до известия об его смерти в 1402 г.)⁹².

Монгайт ставит вопрос о необходимости поисков следов рязанского летописания в других общерусских летописных сводах.

⁹⁰ Я. С. Лурье. К проблеме свода 1448 г. — ТОДРЛ, т. XXIV. Л., 1969, стр. 142—146.

⁹¹ А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., 1961, стр. 9—14.

⁹² «История русской литературы», т. II, ч. I. М. — Л., 1945, стр. 74—77.

Эта работа проделана А. Г. Кузьминым. В одной из статей он анализирует рассказы летописей о нашествии Батыя на Рязанскую землю⁹³. Автор отвергает вывод В. Л. Комаровича о существовании Рязанского летописного свода XIII в., составленного при Ингваре Игоревиче и отраженного в Новгородской I, поскольку он не сопоставлял текст последней с текстами других летописей, не учитывал и историю ее создания. В Новгородскую I, по мнению Кузьмина, рязанские известия могли попасть из каких-то северо-восточных летописей. Кроме того, наличие нескольких известий не дает основания говорить о «летописном своде».

Рассказ о разорении Батыем Рязани в сходном с Новгородской I виде изложен в ряде других летописей — Лаврентьевской, Софийской I, Симеоновской, Ермолинской, Тверской, Московском своде конца XV в., Вологодско-Пермской, Воскресенской, Львовской, Никоновской, некоторых западнорусских летописях. Но все они расходятся между собой при изложении последующих событий. Это говорит о том, что в них отразилось какое-то Сказание о разорении Рязани Батыем. Оно возникло в XIII в., по следам событий; на его основе позднее, в начале XVI в., может быть, после присоединения Рязани к Москве, была создана Повесть о том же событии (Д. С. Лихачев датирует ее составление первой половиной XIV в.)⁹⁴.

Подробно рязанское летописание изучено в книге А. Г. Кузьмина⁹⁵. Автор приходит к летописи прежде всего как к историческому источнику, выявляет известия о Рязани и Муроме периода их самостоятельности в составе всех летописей, проверяет их достоверность, что дает материал для уточнения отдельных звеньев схемы русского летописания.

Автор сначала рассматривает источники, содержащие сведения о Рязани и Муроме, уделяя особое внимание Никоновской, Симеоновской летописям, «История Российской» Татищева, памятникам муромо-рязанской письмен-

⁹³ А. Г. Кузьмин. Летописные известия о разорении Рязани Батыем. — «Вестник Московского университета». Серия IX, История, 1963, № 2, стр. 55—70.

⁹⁴ Д. С. Лихачев. Повесть о разорении Рязани Батыем. — В кн.: «Воинские повести Древней Руси». М. — Л., 1949.

⁹⁵ А. Г. Кузьмин. Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. М., 1965.

ности. Основное содержание книги посвящено анализу всего комплекса летописных известий о Рязани и Муроме до начала XVI в.

Ведение летописных записей, по наблюдениям Кузьмина, начинается в Муроме с конца XI в. и продолжается до татаро-монгольского нашествия; они отразились в летописях двух традиций — южной (записи до конца XII в.) и северо-восточной (с конца XII в.). В «Историю Российскую» Татищева, в которой известия о Муроме представлены с наибольшей полнотой, они взяты из муромской летописи (некоторые, возможно, — из черниговских, ростовских, владимирских источников, из недошедших общерусских сводов).

Рязанские летописные записи начинают вести в XII в. Они попадают в летописные своды, например в Ростовский свод 1160-х годов (именно к 50—60-м годам XII в. относится комплекс известий о Рязани в Никоновской летописи). В конце XII — начале XIII в. (об этом времени рассказывает новый комплекс известий о Рязани в общерусских сводах) составляются, по-видимому, отдельные летописцы, жизнеописания, сказания (например, Сказание о разорении Рязани Батыем). С этого времени летописные сведения о Рязани становятся более систематическими.

Интересно наблюдение автора о том, что в Никоновской в сравнении с другими летописями почти все известия о Рязани даны с сильной прорязанской редактурой, выявляющей повышенный интерес ее составителя именно к рязанским делам.

Интенсивность ведения записей в первой половине XIV в. заметно снижается, временами прекращаясь совсем. Это вызвано, очевидно, возросшей изолированностью Рязанского княжества от других русских земель. Возрастание ее политической роли сопровождается оживлением летописного дела. Так было в правление Олега Ивановича. В конце XIV — первом десятилетии XV в. записи также ведутся регулярно. Затем летописание снова замирает. Последний подъем относится к концу XV — началу XVI в. Именно к этому времени Кузьмин относит составление в Рязани древнейшей редакции Никоновской летописи, в которой имеется так много известий о Рязани, взятых из предшествующих летописных источников.

* * *

Таким образом, летописанию времени феодальной раздробленности посвящено немало работ. Это прежде всего исследования о летописании южнорусском (Б. А. Рыбаков, А. Н. Насонов), ростово-суздальском и владимирском (Б. А. Рыбаков, А. Н. Насонов, Н. Н. Воронин), тверском (А. Н. Насонов), рязанском (А. Г. Кузьмин). Продолжаются углубленное исследование отдельных периодов развития летописания, расчленение его звеньев на более мелкие и мельчайшие (выделение летописцев — владычных, церковных, княжеских, семейных). Тем самым обогащаются наши представления о летописании в целом, его длительной и сложной истории. Этот метод исследования оправдывает себя, хотя сопровождается, и это естественно, появлением различных точек зрения, разногласий (например, о времени составления тех или иных сводов, времени включения в них отдельных источников, составе этих последних). В то же время попытки игнорировать необходимость подобного подхода, стремление рассматривать тот или иной летописный памятник без учета его возможного сложного состава выглядят в ряде случаев неубедительными (например, выводы И. П. Еремина о Волынской летописи).

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ КОНЦА XV—XVII В.

В области летописной археографии середина 50-х — начало 70-х годов примечательны выпуском в свет ряда важнейших летописных памятников. Прежде всего это шесть томов серии «Полное собрание русских летописей».

В т. 26 опубликована Вологодско-Пермская летопись — общерусский свод, составленный в середине XVI в. и содержащий сведения от древнейших времен до 1538 г.⁹⁶ В предисловии к изданию М. Н. Тихомиров кратко изложил свои выводы об этом памятнике, к которым он пришел в статье, ему посвященной, и отметил, что этот свод

⁹⁶ ПСРЛ, т. 26. М.—Л., 1959. Ответств. редактор — М. Н. Тихомиров, составители — В. И. Буганов, Т. Н. Протасьева, М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина.

близок к Никаноровской, Софийской I, Симеоновской летописям в части до 1480 г., а отсюда и до конца содержит оригинальный текст, не имеющий аналогий (за небольшими исключениями) в других летописных сводах. Текст издан по Кирилло-Белозерскому списку середины XVI в., для вариантов привлечены другие списки Вологодско-Пермского свода середины XVI в. (Синодальный и Чертковский) и 1526 г. (Академический).

В следующем томе ПСРЛ издано несколько памятников⁹⁷. Во-первых, Никаноровская летопись — летописный свод, имеющий сведения с древнейших времен до 1471 г. Ее источниками были Софийская I летопись и Московский свод 1471 г., а сама она использована при составлении Вологодско-Пермской летописи. Во-вторых, это сокращенные своды 1493 и 1495 гг.

К. Н. Сербина опубликовала в т. 28 ПСРЛ тексты летописных сводов 1497 г. и 1518 г. (Уваровская летопись)⁹⁸. Оба они начинаются текстом «Повести временных лет» и важны, как и предыдущие своды, для изучения русского летописания XV—XVI вв.

В т. 29 ПСРЛ опубликованы три важнейшие летописи XVI в. — «Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича» (охватывает события 1533—1552 гг., составлен в середине XVI в., возможно, в 1553—1555 гг.) и летописи Александро-Невская (текст за 1533—1553, 1563—1567 гг.) и Лебедевская (текст за 1553—1563 гг.); обе представляют собой части единого текста т. н. Лицевого свода XVI в.⁹⁹

В следующий том ПСРЛ вошли Владимирский летописец XVI в., найденный М. Н. Тихомировым (начинается «Повестью временных лет» и заканчивается 1533 г.; текст близок к Лаврентьевской, Троицкой, Симеоновской) и Новгородская II (Архивская) летопись (сведения с 911 до 1587 г.)¹⁰⁰.

⁹⁷ ПСРЛ, т. 27. М.—Л., 1962. Ответств. редактор — А. Н. Насонов, составители — Н. Н. Улащик, С. М. Каштанов, В. А. Кучкин.

⁹⁸ Там же, т. 28. М.—Л., 1963. Ответств. редактор — М. Н. Тихомиров, составитель и редактор тома — К. Н. Сербина.

⁹⁹ Там же, т. 29. М., 1965. Ответств. редактор — М. Н. Тихомиров, редакторы тома — А. А. Зимин, Н. Н. Улащик, составители — М. Е. Бычкова, А. А. Зимин, А. Г. Кузьмин.

¹⁰⁰ Там же, т. 30. М., 1965. Ответств. редактор — М. Н. Тихомиров, составители — М. Н. Тихомиров, Л. Л. Муравьева, Л. И. Ивина.

Том 31 ПСРЛ составили летописцы последней четверти XVII в.¹⁰¹ Первый из летописцев — Мазуринский — начинается древнейшими известиями и заканчивается Повестью о Московском восстании 1682 г.; затем летописец 1619—1691 гг., содержащий ряд оригинальных записей за XVII в., в том числе подробную Повесть о Московском восстании 1682 г., и, наконец, летописное сказание Петра Золотарева (Золотаревский летописец) о взятии Астрахани повстанческим войском С. Т. Разина в 1670 г.

Фототипическим способом переиздан ряд летописных памятников XVI—XVII вв.: т. н. Тверской сборник XVI в.¹⁰², Никоновская летопись и «Новый летописец»¹⁰³.

Помимо этих серийных изданий и переизданий вышли в свет другие публикации. Так, А. А. Зимин и С. А. Левина опубликовали Иоасафовскую летопись со сведениями за 1437—1520 гг.¹⁰⁴ Составлена она в начале 1520-х годов в канцелярии митрополита Даниила. Этот памятник, содержащий важные сведения по истории образования единого Русского государства, явился одним из источников Никоновского летописного свода.

М. Н. Тихомиров опубликовал краткий летописец конца XV в. с названиями «Россия», «Российская земля»¹⁰⁵. А. Г. Кравченко издал дополнительные статьи Беляевского списка к тексту Московского свода конца XV в., опубликованного в свое время М. Н. Тихомировым¹⁰⁶. Я. С. Лурье опубликовал рассказ о «стоянии на Угре» из краткого летописца XVI в., часть текста (за конец XIV — начало XVI в.) краткого летописца конца XVI в. (начинающегося извлечениями, очевидно, из «Летописца вскоре» патриарха

¹⁰¹ Там же, т. 31. М., 1968. Ответств. редактор — Б. А. Рыбаков, редактор тома — В. И. Буганов, составители — В. И. Буганов, Ф. А. Грекул, В. И. Корецкий, Л. З. Мильготина.

¹⁰² Там же, т. XV. М., 1965.

¹⁰³ Там же, т. IX—XIV. М., 1965.

¹⁰⁴ «Иоасафовская летопись». [Подг. к печати А. А. Зиминим и С. А. Левиной]. Под ред. А. А. Зимины. Отв. ред. М. Н. Тихомиров. М., 1957.

¹⁰⁵ М. Н. Тихомиров. Малоизвестные памятники. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 452—454.

¹⁰⁶ А. Г. Кравченко. Московский летописный свод 1493—1494 годов по Беляевскому списку. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 379—386.

Никифора), близкого к Вологодско-Пермской летописи ¹⁰⁷. М. Н. Тихомиров издал две летописные повести о Московском восстании 1682 г. ¹⁰⁸, В. И. Корецкий — русский летописец XVII в. (правда, неполностью) ¹⁰⁹, В. И. Буганов — две летописные повести о Московском восстании 1682 г. ¹¹⁰; вместе оба этих автора издали Московский летописец 1630-х годов, вышедший, возможно, из среды дворян (вероятно, Яновых) ¹¹¹.

Н. Ф. Дробленкова подготовила публикацию летописных записей 1378—1395 гг., восходящих к Вологодско-Пермской летописи по Лондонскому или Чертковскому спискам и через нее к Никаноровской, являясь их позднейшей переработкой ¹¹². Они представляют интерес для изучения истории текста повестей: о житии и преставлении Дмитрия Ивановича Донского, о Темир Аксаке, о нашествии Тохтамыша, сказаний о Вавилоне.

И. А. Жарков опубликовал отрывок из летописного сборника XVII в., рассказывающего о пожаре в Москве 1547 г. ¹¹³

Три небольших по объему новгородских летописца XVII — середины XVIII в. издал С. Н. Азбелев ¹¹⁴.

Из белорусско-литовских летописей были изданы: хроника Быховца (подготовил ее к печати и перевел на русский язык Н. Н. Улащик) ¹¹⁵ и Баркулабовская летопись (А. Н. Мальцев) ¹¹⁶. Первый памятник включает сведения по истории Великого княжества Литовского от его образования до 1506 г., составлен он в середине XVI в., до 1565 г. Баркулабовская летопись содержит сведения за 1544—1608 гг., важные для изучения истории Белоруссии; в основном внимание ее автора сосредоточено на Баркулабове, расположенном вниз по Днепру в 60 км от Могилева, на этом последнем, Орше, Полоцке и близлежащих районах. Но имеются в ней сведения и по истории Украины, Литвы, Польши, России, Молдавии.

В одном из изданий учебного типа опубликованы отрывки из сибирских летописей XVII в., рассказывающие о походе дружины Ермака, присоединении Западной Сибири к Русскому государству ¹¹⁷.

* * *

Ряд серьезных работ посвящен анализу летописных памятников конца XV в. Так, внимание исследователей привлеч Московский свод 1479 г. А. Н. Насонов подвергает специальному изучению один из его источников — летописный свод южнорусского происхождения ¹¹⁸. Еще Шахматов предполагал, что южнорусский летописный материал взят в свод 1479 г. из Фотиева Полихрона 1423 г., составитель которого использовал черниговскую компиляцию, основанную на Киевском своде 1223—1231 гг. (составленном до соединения с Галицко-Волынской летописью); возможно, наряду со сводами 1423 и 1479 гг., существовал Московский же свод 1450-х годов. Насонов отмечает, что этот южнорусский материал XII в. сближает свод 1479 г. с Ипатьевской, но в первом случае он подробнее.

В другой работе Насонов показывает, что Московский свод 1479 г. (или 1480 г.) и Ермолинская летопись в части

¹⁰⁷ Я. С. Лурье. Новонайденный рассказ о «стоянии на Угре». — ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 289—293; он же. Краткий летописец Погодинского собрания. — «Археографический ежегодник за 1962 г.» М., 1963, стр. 431—444.

¹⁰⁸ М. Н. Тихомиров. Заметки земского дьячка второй половины XVII в. — «Исторический архив», 1939, т. II, стр. 93—100; он же. Записки приказных людей конца XVII в. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 442—444, 448—456.

¹⁰⁹ В. И. Корецкий. Летописец с новыми известиями о восстании Болотникова. — «История СССР», 1968, № 4, стр. 120—130.

¹¹⁰ В. И. Буганов. Новый источник о Московском восстании 1682 г. — В сб.: «Исследования по отечественному источниковедению». М., 1964, стр. 318—324; он же. Повесть о Московском восстании 1682 г. — В сб.: «Древнерусская литература и ее связь с новым временем». М., 1967, стр. 317—354.

¹¹¹ В. И. Буганов, В. И. Корецкий. Неизвестный московский летописец XVII в. из Музейного собрания ГБЛ. — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 32. М., 1971, стр. 127—167.

¹¹² Н. Ф. Дробленкова. Летописные заметки о событиях 1378—1395 гг. в сборнике ГИМ, Увар. № 206 (1776). — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, стр. 309—314.

¹¹³ И. А. Жарков. К истории московских пожаров 1547 г. — «Исторический архив», 1962, № 3, стр. 223—226.

¹¹⁴ С. Н. Азбелев. Новгородские местные летописцы. — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, стр. 364—370.

¹¹⁵ «Хроника Быховца». М., 1966.

¹¹⁶ А. Н. Мальцев. Баркулабовская летопись. — «Археографический ежегодник за 1960 г.» М., 1962, стр. 291—320.

¹¹⁷ «Наш край в документах и иллюстрациях» (Сборник о Западной Сибири XII в.—1917 г.). Тюмень, 1966, стр. 23 и сл.

¹¹⁸ А. Н. Насонов. Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник. — ПИ, вып. IX. М., 1961, стр. 350—385.

после «Повести временных лет» до 1425 г. имеют большое сходство в передаче известий, но во второй текст представляет собой сокращенное изложение их общего источника¹¹⁹.

Ю. А. Лимонов продолжил работу Насонова по изучению южнорусского источника свода 1479 г.¹²⁰ Он выявил ряд известий южнорусского происхождения за первую половину XIII в.; этот предполагаемый южный источник заканчивался началом 1240-х годов, причем, в отличие от аналогичного источника Ипатьевской, он не был подвергнут галичской обработке. В основе он является Киевской летописью с включением черниговских известий. Помимо нее, в своде использованы источники Софийской I, Новгородской IV, Лаврентьевской, Троицкой.

Ю. А. Лимонов же проделал большую работу по выявлению северо-восточного источника того же свода¹²¹. Шахматов, установивший источники свода 1479 г. (1480 г.) — Новгородский свод 1448 г., отразившийся в Софийской I и Новгородской IV, Троицкая, Суздальская, близкая к Ипатьевской южная летопись, — полагал, что северорусский (точнее владимирский) источник использован в статьях за 1207—1234 гг. и попал в свод 1479 г. через Ростовский владычный свод епископа Ефрема особой редакции.

Автор сначала отслаивает новгородские известия свода 1480 г. за XII в., затем сообщения Троицкой летописи и южного источника за XII — начало XIII в. Оставшиеся известия можно, по его мнению, возвести к Лаврентьевской и летописи, близкой к Радзивилловской. Продолжая анализ по отношению к известиям XIII—XIV вв., Лимо-

нов выявляет сходство записей свода 1480 г. с текстами Новгородской IV, Софийской I, Троицкой, Лаврентьевской, Суздальской, южного источника (Киевской летописи, доведенной до 1240-х годов). Помимо этого, имеется ряд записей, взятых из владимирского источника, как верно предполагал Шахматов. Они по своей редакции значительно отличаются от записей Троицкой, Лаврентьевской, Летописца Переяславля-Суздальского. В последних отсутствует ряд известий свода 1479 г. Но если Шахматов считал, что известия этого владимирского источника заканчиваются на 1234 г., то Лимонов предлагает передвинуть эту дату — изложение событий по этому источнику продолжается примерно до 1330 г. (для второй четверти XIV в. свод 1479 г. не дает «сколько-нибудь отличных чтений» от Софийской I, Новгородской IV, Троицкой).

Таким образом, северо-восточный источник свода 1480 г. в части за XII — начало XIII в. являлся Радзивилловской летописью особой редакции, продолженной известиями до 1330 г. Здесь же Лимонов высказывает мысль, что южнорусский источник в своде 1480 г. был использован не в самостоятельном виде, а в составе этого северо-восточного памятника, включавшего сообщения XII—XIV вв. Сходный северо-восточный источник был использован при составлении Синодального списка Новгородской I старшего извода, в котором последнее северо-восточное известие датируется 1328-м годом.

Этот северо-восточный источник, заканчивающийся описанием московских событий, автор считает первым Московским сводом 1330 г. Составлен он был, вероятно, при московской церкви Спаса-Преображения и ее первом архимандрите Иване, похвалой которому (и строителю церкви Ивану Калите) и заканчиваются записи этого источника.

Выше уже упоминалось, что А. Г. Кравченко издал дополнение к тексту Московского свода конца XV в., опубликованного М. Н. Тихомировым¹²². Автор, исходя из дополнений Беляевского списка, введенного им в научный оборот, к Уваровскому и Эрмитажному спискам Московского свода конца XV в., по существу приходит к выводу, что существовал только свод 1493 г., а свода 1479 г. не было. Я. С. Лурье и Б. И. Дубенцов убедительно, на мой

¹¹⁹ А. Н. Насонов. Московский свод 1479 г. и Ермолинская летопись. — В сб.: «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М., 1961, стр. 218—222.

¹²⁰ Ю. А. Лимонов. О южнорусском источнике Московского летописного свода конца XV в. — В сб.: «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, стр. 146—149.

¹²¹ Ю. А. Лимонов. Северо-восточный источник Московского летописного свода 1480 г. — В сб.: «Исследования по истории феодально-крепостнической России». М.—Л., 1964, стр. 3—39; он же. Происхождение северо-восточного источника Московского летописного свода 1480 г. — «Исследования по отечественному источниковедению» («Труды ЛОИИ АН СССР», вып. 7). М.—Л., 1964, стр. 444—449.

¹²² А. Г. Кравченко. Московский летописный свод 1493—1494 годов по Беляевскому списку. — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 379—386.

взгляд, обосновали мнение о том, что летописные тексты говорят о последовательном составлении московских сводов 1472, 1479, 1493 гг.¹²³

К. Н. Сербиной принадлежит несколько исследований о летописных сводах 1497 и 1518 гг., тексты которых она же опубликовала в т. 28 ПСРЛ. Свод 1497 г., сохранившийся в одном списке XVII в., сделанном в вологодском Спасо-Прилуцком монастыре (хранится в Уваровском собрании ГИМ), и не нашедший отражения в последующем русском летописании, является, по наблюдениям Сербиной, общерусским митрополичьим сводом, составленным при митрополите Симоне в пору примирения Ивана III с церковью¹²⁴. Он основан на общерусском своде 1484 г. и источнике, общем с Типографской летописью. Автор продолжила наблюдения Насонова, открывшего этот свод, над его составом, источниками. Насонов отметил, что в первой своей части (от «Повести временных лет» до 1417 г.) он дает текст, близкий к Ермолинской, во второй (от 1417 до 1477 г.) — к Симеоновской и Московскому своду 1479 г., в третьей (с 1477 до 1497 г.) — к Типографской. Текст свода 1497 г. в части до 1484 г. близок к тексту свода 1518 г. Сербина подтверждает и корректирует эти выводы путем текстологического анализа. Общерусский свод 1484 г., как показывается в исследовании, основан на Московском своде 1470-х годов и двух ростовских владычных сводах — редакциях 1467 и 1484 гг.

В других работах Сербина характеризует летописный свод 1518 г., также опубликованный ею в т. 28 ПСРЛ¹²⁵. Автор приходит к выводу, что общерусский свод 1518 г. был составлен между 1525 и 1530 гг.; возможна его связь

с Троице-Сергиевым монастырем. Основной его источник — свод 1484 г. и через него Московский свод 1470-х годов, ростовские своды редакций Трифона и Тихона; использованы также записи митрополичьей кафедры. Она установила, что составление рукописи Синодального списка этого свода связано с князьями Оболенскими и Троице-Сергиевым монастырем, иноками которого стали эти опальные князья, сторонники князя Андрея Старицкого, в бурные 1540-е годы.

Ряд исторических и текстологических наблюдений над текстами сокращенных сводов 1493 и 1495 гг. высказал С. М. Каштанов, связавший составление второго из них с деятельностью лиц, близких к митрополиту Зосиме, в Троице-Сергиевом монастыре, где Зосима находился после сведения с митрополией¹²⁶. Н. Н. Улащик подробно описал списки Никаноровской летописи¹²⁷, Л. Н. Пушкирев поставил вопрос о необходимости полного издания списка Царского Софийской I летописи¹²⁸.

Издания текстов и исследования об указанных выше сводах 1493, 1495, 1497 и 1518 гг. вызвали появление статьи Я. С. Лурье, поставившего ряд новых вопросов в связи с изучением указанных памятников¹²⁹. Автор отмечает важность названных публикаций и исследований, поскольку они вводят в научный оборот новый летописный материал. Если ранее для конца XV в. были известны два «официальных» великокняжеских свода — 1472 г. (отразился в Никаноровской летописи) и 1479 г. (Московский свод конца XV в. и другие летописи) — и три «неофициальных» общерусских свода — конца 1470-х годов (лежит в основе Ермолинской и других летописей), Ростовский владычный свод 1484 г. (в Типографской) и свод 1489 г. митрополита Геронтия (в Софийской II и Львовской), то теперь речь идет о нескольких новых летописях,

¹²³ Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV в. — ТОДРЛ, т. XI. М. — Л., 1955, стр. 166—172; Б. И. Дубенцов. О Московском своде 1479 г. и правильном цитировании. — Там же, т. XV. М. — Л., 1958, стр. 503—504.

¹²⁴ К. Н. Сербина. Из истории русского летописания конца XV в. (Летописный свод 1497 г.). — ПИ, вып. XI. М., 1963, стр. 391—428.

¹²⁵ К. Н. Сербина. Летописный свод 1518 г. — В сб.: «Вопросы историографии и источниковедения истории СССР» («Труды ЛОИИ АН СССР», вып. 5). М. — Л., 1963, стр. 587—608; она же. О происхождении сборника № 645 Синодального собрания Государственного исторического музея. — В сб.: «Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». М., 1961, стр. 237—241.

¹²⁶ С. М. Каштанов. О списках двух неопубликованных летописных сводов (1493 и 1495 годов). — ПИ, вып. VIII. М., 1959, стр. 445—465.

¹²⁷ Н. Н. Улащик. О списках Никаноровской летописи. — ПИ, вып. VIII. М., 1959, стр. 421—431.

¹²⁸ Л. Н. Пушкирев. К вопросу об издании списка Царского Софийской I летописи. — ПИ, вып. VIII. М., 1959, стр. 432—444.

¹²⁹ Я. С. Лурье. Новые памятники русского летописания конца XV в. (К выходу в свет тт. XXVII и XXVIII «Полного собрания русских летописей»). — «История СССР», 1964, № 6, стр. 118—131.

но не «сводах», так как автор считает, что этот термин приложим только к тем гипотетически восстанавливаемым летописным источникам, которые использованы в сохранившихся памятниках; эти последние и следует называть летописями.

С этим замечанием согласиться трудно, ибо при наименовании памятников русского летописания необходимо, на мой взгляд, исходить из их состава, содержания, характера редакционной работы над ними в момент составления, а не из случайного признака сохранности или несохранности. Вне зависимости от этого последнего признака основные типы летописных произведений можно, мне кажется, разделить на три категории: отдельные записи, летописи (летописцы) и, наконец, своды. Кстати говоря, свод 1493 г., который Лурье предлагает именовать «Сокращенной Погодинской летописью» (исходя из ее краткости и местонахождения основного списка), Шахматов с полным основанием называл «Сокращенным московским сводом 1494 г.» В другой своей работе Лурье более правильно говорит о необходимости при наименовании летописей исходить не из имени владельцев рукописей, их местонахождения, а из содержания летописных памятников, времени их составления¹³⁰.

Наблюдения Лурье над составом указанных новых сводов конца XV — начала XVI в., их источниками, взаимоотношениями с другими летописными памятниками вызывают несомненный интерес. Автор вносит дополнения и исправления в выводы своих предшественников. Он заключает, что в основе Погодинской (свод 1493 г.) и Мазуринской (свод 1495 г.) лежит оппозиционный свод 1470-х годов, отразившийся также в Ермолинской, Новгородской Хронографической, Софийской I по списку Царского, Устюжском своде (Архангелогородской) и связанный, по мнению автора, с опальным боярином Федором Басенком, ослепленным и сосланным в Кирилло-Белозерский монастырь по распоряжению Ивана III. Именно в этом монастыре и был составлен оппозиционный свод, положенный в основу не только Погодинской (свод 1493 г.), но и Мазуринской (свод 1495 г.), составление которых, по мнению Лурье, тоже можно связать с север-

ной обителью. Здесь он расходится с Каштановым, связавшим составление свода 1495 г. с Троице-Сергиевым монастырем. Достоинством анализа Лурье является сравнение между собой не только текстов Погодинской и Мазуринской, но и этих последних с текстами других летописей.

Уточняет и исправляет Лурье и наблюдения Насонова и Сербиной над текстами сводов 1497 г. (автор называет его Прилуцкой летописью) и 1518 г. (Уваровская). Так, в них в части за 1418—1477 гг. отразился не Московский свод 1479 г., а более ранний, доведенный до 1477 г., более близкий к своду 1472 г., чем к своду 1479 г.

Лурье согласен с тезисом Сербиной о существовании Ростовского свода 1484 г., но источником для сводов 1497 и 1518 гг. был, с его точки зрения, не он, а протограф Синодального списка Типографской летописи, имеющего сходство с ними в части с 1484 до 1497 г. В Уваровской за 1484—1489 гг. сохранилась часть текста неофициального свода 1489 г. митрополита Геронтия (отразившегося в Софийской II и Львовской). Текст за конец 80-х—90-е годы XV в. в этих двух летописях отражает, по мнению Лурье, великокняжеский летописный свод 1490-х годов; он не принимает тезис Сербиной о митрополитом происхождении сводов 1497 и 1518 гг.

В одной из своих работ Лурье дает характеристику идейного содержания открытого Насоновым свода 1488 г. (1489 г.), вошедшего в свод 1518 г., который отразился в Софийской II и Львовской. Свод 1488 г., по мысли автора, защищает позиции митрополита Геронтия в его борьбе с великим князем Иваном III, предпринявшим ряд мер против церковного землевладения. В него под 1475 г. включено «Хождение за три моря» Афанасия Никитина, содержащее ряд неприемлемых с точки зрения строгого православия текстов (мусульманские молитвы и пр.)¹³¹.

Тот же автор, исследуя тексты Софийской II и Львовской летописей, сходные в части с 1393 г. до конца XV в., поскольку в их основе лежал свод 1518 г., развивает мысль о том, что последнему предшествовал другой, более

¹³⁰ Я. С. Лурье. Изучение русского летописания. — В сб.: «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. I. Л., 1968, стр. 4—32.

¹³¹ Я. С. Лурье. Борьба церкви с великокняжеской властью в конце 70-х — первой половине 80-х годов XV в. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 223—226; *он же*. Археографический обзор. — В кн.: «Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1466—1472 гг.» Изд. 2, дополн. и перераб. М.—Л., 1958, стр. 171—177.

ранний свод¹³². Тщательное исследование текстов привело Я. С. Лурье к выводу, что названный свод вышел не из официальной митрополичьей канцелярии, а из среды оппозиционного духовенства, т. е. был летописью неофициальной. Автор называет его «оппозиционным сводом», «последним и, вероятно, самым смелым из памятников независимого общерусского летописания XV в.»¹³³.

Лурье посвятил также особые исследования источнику Сокращенных сводов конца XV в. (1493 и 1495 гг.) и Устюжского летописца¹³⁴, Никаноровской и Вологодско-Пермской летописям¹³⁵.

В книге по истории общественно-политической мысли в России конца XV — начала XVI в. Лурье дает характеристику ряда летописных сводов 1450—1470-х годов, 1489 г., хронографов середины XV в., 1512 г., 1538 г. (Досифея Топоркова) (предположения Шахматова о Филофее как авторе Хронографа 1512 г., о существовании ряда хронографов в конце XV — начале XVI в. подвергаются сомнению)¹³⁶.

Мнение М. Н. Тихомирова о составлении древнейшего Вологодско-Пермского свода в конце XV — начале XVI в. было подтверждено более поздним исследованием новых списков Вологодско-Пермской летописи (Лондонский, Румянцевский, Беловского, Оссолинских)¹³⁷. Их анализ показал, что этот памятник возник не ранее 1499 г. и не позднее 1502 г. и явился основным источником двух последующих вологодско-пермских летописных сводов — 1520-х и 1550-х годов.

¹³² Я. С. Лурье. Независимый летописный свод конца XV в. — источник Софийской II и Львовской летописей. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, стр. 405—419.

¹³³ Там же, стр. 418—419.

¹³⁴ Я. С. Лурье. Источник «Сокращенных летописных сводов конца XV в.» и Устюжского летописца. — «Археографический ежегодник за 1971 г.» М., 1972, стр. 120 и сл.

¹³⁵ Я. С. Лурье. Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи как отражение великокняжеского свода начала 70-х годов XV в. — В сб.: «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. V. Л., 1973, стр. 219—250.

¹³⁶ Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI в. М. — Л., 1960, стр. 58—65, 362—367, 487—494.

¹³⁷ В. И. Буганов. О списках Вологодско-Пермского летописного свода конца XV — начала XVI в. — В сб.: «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, стр. 158—165.

Исследование И. М. Кудрявцева подтвердило эти выводы¹³⁸. Изученный им Музейный сборник, составленный, по его наблюдениям, в конце XV — начале XVI в., возник при дворе пермского епископа Филофея, возможно (как и древнейшая редакция Вологодско-Пермской летописи), при его личном участии. Музейный список Вологодско-Пермской летописи в составе этого сборника оказывается древнейшим, близким ко времени ее создания; он находит аналогию с Лондонским и Воронцовским списками.

В. А. Кучкин, прослеживая судьбы «Хождения за три моря» Афанасия Никитина в русской рукописной традиции, останавливается на анализе сборника последней четверти XV — начала XVI в., включающего фрагменты этого памятника, а также древнейший список Вологодско-Пермской летописи, отрывок русского перевода «Иудейской войны» Иосифа Флавия¹³⁹.

А. Г. Кузьмин подверг детальному изучению заголовки и киноварные пометы на полях рукописи Симеоновской летописи, отразившей свод 1499 г.¹⁴⁰ Выявляя рязанские симпатии составителя помет, которые, как предполагает автор, имелись в протографе Симеоновской и затем были внесены в известный сейчас список, он заключает, что протограф побывал в руках рязанского книжника, возможно автора рязанской летописной компиляции начала XVI в. Это отразилось и на некоторых известиях Симеоновской летописи, сходной в этом отношении с Никоновской. Таким образом, в Рязани в окружении княгини Анны Васильевны, сестры Ивана III, велась летописная работа по составлению общерусского летописного свода.

* * *

Ряд трудов имеет предметом исследования русское летописание XVI в.

¹³⁸ И. М. Кудрявцев. Сборник последней четверти XV — начала XVI в. из Музейного собрания (М., 3271). — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 25. М., 1962, стр. 225—233.

¹³⁹ В. А. Кучкин. Судьба «Хождения за три моря» Афанасия Никитина в древнерусской письменности. — «Вопросы истории», 1969, № 5, стр. 72 и сл.

¹⁴⁰ А. Г. Кузьмин. Заголовки и киноварные заметки на полях рукописи Симеоновской летописи. — «Вестник Московского университета», 1961, № 5, стр. 70—79.

В исследовании о «Летописце начала царства» А. А. Зимин справедливо критикует утверждение Н. Ф. Лаврова о составлении его митрополитом Макарием и связывает его появление с именем А. Ф. Адашева¹⁴¹. Он работал над ним в конце 1550-х годов (1558 г.). В центре повествования Летописца, охватывающего 1533—1556 гг., находятся две главные темы: укрепление самодержавия Ивана IV и присоединение Казани; его цель — защита интересов класса феодалов, провозглашение официальных политических идей правительства компромисса, т. е. «Избранной рады». Этот Летописец использован в Никоновской, Синодальном списке Лицевого свода, Царственной книге; в двух последних его текст подвергся в 60—70-х годах XVI в. сильным исправлениям с позиций обличения боярства.

Тот же автор характеризует повести о нашествии Магмет-Кирея на Москву в 1521 г. и московском пожаре 1547 г. в составе Степенной книги и Шумиловского списка Никоновской летописи¹⁴².

Ю. А. Лимонов, анализируя сообщения С. Герберштейна, основанные на использовании русских летописей, приходит в выводу, что ими были Московский свод 1518 г. (Уваровская летопись) и один из источников Никоновской летописи¹⁴³.

Несколько работ посвящено Воскресенской летописи.

Новые списки Воскресенской летописи (Археографический и Румянцевский), найденные С. А. Левиной, содержат последние записи, утраченные в других списках; эти записи доходят, как оказалось, до августа 1541 г.¹⁴⁴ Анализ списка русских митрополитов во введении к летописи позволяет автору высказать мнение, что дошедший

до нас текст Воскресенской летописи составлен между 19 марта 1542 г. (в этот день митрополитом стал Макарий, названный в списке последним) и 8 октября 1544 г. (до этого числа королем литовским был Сигизмунд I, названный в списке литовских князей «нынешним королем»). Указанные годы — время борьбы за власть между Шуйскими, Бельскими и другими лицами в годы «боярского правления». Сравнивая описание событий тех лет в Воскресенской, с одной стороны, и в Никоновской, Софийской II, Вологодско-Пермской, с другой, автор выявляет симпатии составителя Воскресенского свода к Шуйским, сторонником которых он себя и заявил.

Левина высказала также мнение, что первая редакция Воскресенской летописи доведена до конца августа 1533 г., работа над ней начата до декабря того же года. Вторая редакция доведена до 1537 г., третья (дошедшая до нас) — до 1541 г. Третья редакция, дошедшая до нас, составлена сторонником Шуйских между 19 марта 1542 г. и 8 октября 1544 г. Сравнение текста Воскресенской с текстами других летописей (Московский свод конца XV в., Симеоновская, Вологодско-Пермская, Типографская, Иоасафовская, Никоновская, Львовская, Софийские I и II, Новгородская IV и др.) позволяет автору заключить, что ее источниками явились Московский свод 1526 г., Тихоновская редакция Ростовского свода 1489—1503 гг. и материалы государственного архива¹⁴⁵, и восстановить примерную схему летописания конца XV — первой половины XVI в.¹⁴⁶

Левина ввела в научный оборот несколько новых списков Воскресенской летописи¹⁴⁷ и поставила вопрос о необходимости ее переиздания. Она критикует метод исследования, применяемый В. В. Лаптевым, который, выявляя источники Воскресенской (список Царского Софийской I, Московский свод 1479 г. и др.), исходит из пред-

¹⁴¹ А. А. Зимин. «Летописец начала царства» — памятник официальной политической идеологии середины XVI в. — «Доклады и сообщения Института истории АН СССР», вып. 10. М., 1956, стр. 78—88; он же. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 29—41.

¹⁴² А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 86—91; он же. Повести XVI в. в сборнике Рогожского собрания. — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 20. М., 1958, стр. 186—204.

¹⁴³ Ю. А. Лимонов. Герберштейн и русские летописи. — В сб.: «Вспомогательные исторические дисциплины», т. II. Л., 1969, стр. 214—228.

¹⁴⁴ С. А. Левина. О времени составления и составителе Воскресенской летописи XVI века. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, стр. 375—379.

¹⁴⁵ С. А. Левина. К изучению Воскресенской летописи. По поводу статьи В. В. Лаптева «Воскресенская летопись» («Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена», т. 102. Л., 1955, стр. 165—239). — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 689—705.

¹⁴⁶ С. А. Левина. Воскресенская летопись XVI в. (ее редакции, источники и значение). — «Труды Московского гос. историко-архивного института», т. 10. М., 1957, стр. 402—403.

¹⁴⁷ С. А. Левина. К изучению Воскресенской летописи, стр. 690—693; она же. Тринадцатый список Воскресенской летописи. — «Археографический ежегодник за 1967 г.» М., 1969, стр. 96—98.

положения, что они использованы ее составителем непосредственно, в том виде, как они дошли до нас и опубликованы в ПСРЛ, и производит сравнение Воскресенской летописи только с предшествовавшими ей летописными сводами. На самом деле дело обстоит гораздо сложнее. Лаптев, по справедливому замечанию Левиной, «не исходит из основной методологической установки советских исследований летописания — необходимости изучения летописей в связи со всей историей летописания, в силу чего розыски непосредственных источников Воскресенской летописи и определение редакционной работы составителя первой редакции предприняты... в неправильном направлении»¹⁴⁸.

В исследовании В. В. Лаптева¹⁴⁹, помимо историографии вопроса, дается описание семи (и ранее известных в литературе) списков Воскресенской летописи (шесть относятся ко второй половине XVI в., седьмой — к XVII в.) трех ее редакций (первая заканчивается 1533 годом, вторая — 1537 г., третья — 1541 г.). Автор выявляет источники этого памятника. Главным из них автор, в согласии с А. А. Шахматовым, считает Московский свод 1479 г.

Главной политической идеей этого свода является мысль о переходе мирового значения Римской и Византийской империй к России, являющейся продолжательницей и хранительницей их традиций самодержавия. Русская православная церковь предстает центром восточного православия, хранительницей чистоты христианского учения. Летопись обосновывает неограниченное право московских правителей на политическую власть, их руководящую роль в делах церкви.

Составитель Воскресенского свода вышел, по мнению автора, из числа иосифлян. Летопись составлена, возможно, «под руководством митрополита Даниила». Идеология московского самодержавия, так ярко отразившаяся в ней, получила дальнейшее развитие в 60-е годы в Степенной книге митрополита Афанасия и в Лицевом своде 70-х годов XVI в.¹⁵⁰

¹⁴⁸ С. А. Левина. К изучению Воскресенской летописи, стр. 705.

¹⁴⁹ В. В. Лаптев. Воскресенская летопись. — «Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена», т. 102, Исторический факультет. Л., 1955, стр. 165—239.

¹⁵⁰ Там же, стр. 239.

Л. Л. Муравьева в двух статьях о Владимирском летописце (который начинается «Повестью временных лет» и заканчивается 1523-м годом) установила, что его новгородские известия имеют аналогии в Новгородской IV летописи, а «Повесть временных лет» в его составе, с одной стороны, сходна с соответствующим текстом Лаврентьевской, Радзивилловской, Троицкой, с другой — имеет интересные особенности, чтения, которые важны для восстановления отдельных мест Троицкой летописи¹⁵¹.

Об источниках Степенной книги писали А. А. Зимин, Д. Н. Альшиц, Ю. К. Бегунов. Первый автор рассматривает Повесть о нашествии Магмет-Гирея на Москву в 1521 г. и Повесть о московском пожаре 1547 г., составленные, по его мнению, в среде митрополита Макария и включенные в Степенную книгу его преемником и составителем этого памятника митрополитом Афанасием. Обе они проникнуты клерикальной идеологией, нашедшей отражение в оценке описываемых событий¹⁵².

Д. Н. Альшиц анализирует рассказ шестой степени этого памятника о великом князе Всеволоде Юрьевиче Большое Гнездо, точнее его роли во время событий 1184—1185 гг.¹⁵³ В нем вместо достоверных походов Всеволода против половцев 1199 и 1205 гг. ему приписан не имевший место поход в 1185 г., освобождение из плена князя Игоря Святославича. Реальной действительности, отраженной в летописях и «Слове о полку Игореве», противопоставляется легенда, представляющая собой полемический отклик, контрверсию «Слову о полку Игореве» с его упреком в адрес Всеволода в равнодушии к южнорусским делам, возвеличиванием великого князя киевского Святослава Всеволодовича (в Степенной книге его роль затуманена, искажена).

¹⁵¹ Л. Л. Муравьева. Новгородские известия Владимирского летописца. — «Археографический ежегодник за 1966 г.» М., 1967, стр. 37—40; она же. О Повести временных лет Владимирского летописца. — В сб.: «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 331—339.

¹⁵² А. А. Зимин. К изучению источников Степенной книги. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 225—230.

¹⁵³ Д. Н. Альшиц. Легенда о Всеволоде — полемический отклик XVI в. на «Слово о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 64—70.

Ю. К. Бегунов находит в Степенной книге следы «Слова о погибели Рускыя земли»¹⁵⁴.

А. Н. Насонов выявил некоторые новые источники по истории взятия Казани в 1552 г. — «Сказание» и «Повесть», составленные очевидцем событий, автором из Троице-Сергиева монастыря, и послужившие «материалом» при составлении «Казанской истории» и «Летописца начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича»¹⁵⁵.

Упомянутой «Казанской истории» посвящены работы С. И. Кокориной (вопросы состава памятника, отношения предполагаемого авторского текста к первой редакции) и Г. Н. Моисеевой (источники рассказа о казанской царице Сююн-бике или Сумбеке)¹⁵⁶.

Самому крупному памятнику русского летописания XVI в. — Никоновской летописи — посвятили исследования А. Г. Кузьмин и Б. М. Клосс. А. Г. Кузьмин рассмотрел вопрос о создании первой редакции и последующей истории ее текста¹⁵⁷. Принимая выводы Шахматова и других исследователей о составлении или написании 939 листов основной части Никоновской по списку Оболенского в 1539—1542 гг. и о протографе Иоасафовской летописи как ее источнике в части за 1434—1520 гг., автор решительно возражает против схемы С. П. Розанова, который относит составление основной редакции Никоновской к середине 1550-х годов, так как она якобы использовала в качестве источника Хронограф западнорусской редакции этого времени. Кузьмин приводит доказательства вторичности текста Хронографа в сравнении с Никоновской.

¹⁵⁴ Ю. К. Бегунов. Следы «Слова о погибели Рускыя земли» в Степенной книге. — ТОДРЛ, т. XV. М. — Л., 1958, стр. 116—130; см. также: А. В. Соловьев. Заметки к «Слову о погибели Рускыя земли». — Там же, стр. 108.

¹⁵⁵ А. Н. Насонов. Новые источники по истории Казанского «взятия». — «Археографический ежегодник за 1960 г.» М., 1962, стр. 3—26.

¹⁵⁶ С. И. Кокорина. К вопросу о составе и плане авторского текста «Казанской истории» (по поводу нового издания «Казанской истории»). — ТОДРЛ, т. XII. М. — Л., 1956, стр. 576—585; Г. Н. Моисеева. Казанская царица Сююн-бике и Сумбека «Казанской истории». — Там же, стр. 174—187.

¹⁵⁷ А. Г. Кузьмин. К вопросу о времени создания и редакциях Никоновской летописи. — «Археографический ежегодник за 1962 г.» М., 1963, стр. 111—120.

Далее автор отмечает смену стиля в Никоновской в записях за середину XV в., уже замеченную исследователями. Переломным годом является 1445 г. Перечень князей и иерархов во вводной части летописи ведет к началу XVI в. как времени составления летописного свода, доведенного, вероятно, до середины XV в. Вторая его редакция была составлена в 1539—1542 гг. на основании предшествующей редакции и протографа Иоасафовской, одновременно был подвергнут редакции и текст до середины XV в. Вторая редакция была составлена, по Розанову, в Троице-Сергиевой лавре.

Анализируя особенности древнейшей части (до середины XV в.) летописи, Кузьмин отмечает, что в ней отражены политические претензии удельных князей, в том числе и особенно рязанских; те местности, которые в XII в. и позднее никогда не являлись рязанскими, объявляются тем не менее таковыми. Первая редакция Никоновской составлена в оппозиционных (по не враждебных) по отношению к Москве кругах, группировавшихся вокруг княгини Анны Васильевны, сестры Ивана III.

Это мнение Кузьмина представляет немалый научный интерес, хотя, мне кажется, требует мобилизации новых доказательств, в том числе текстологического характера, исходя из изучения текста Никоновской летописи в целом, его взаимосвязей с другими летописными сводами, источников летописи. Сам автор не раз отмечает, что детальное изучение такого огромного по объему памятника, каким является Никоновская, следует считать одной из первоочередных задач советского летописного источниковедения.

Б. М. Клосс полагает, что первоначальная редакция Никоновской летописи была доведена не до середины XV в., как полагает Кузьмин, а до 1520 г. Никоновский свод, согласно его мнению, составлен при митрополите Данииле в книгописной мастерской московской митрополичьей кафедры, в которой работали также писец (или писцы) Иоасафовской, правщик Хронографического списка Новгородской V летописей¹⁵⁸. Основываясь на детальном палеографическом обследовании списков Оболен-

¹⁵⁸ Б. М. Клосс. Деятельность митрополичьей книгописной мастерской в 20-х — 30-х годах XVI в. и происхождение Никоновской летописи. — В сб.: «Древнерусское искусство. Рукописная книга». М., 1972, стр. 318—337.

ского и Патриаршего и текстологических наблюдениях, автор приходит к выводу, что первый из них представляет собой не беловую копию ранней редакции Никоновского свода, а его оригинал. Попутно рассматриваются некоторые источники Никоновской летописи, в частности положенный в ее основание Хронографический список Новгородской V летописи, Иоасафовская (подобное мнение высказывал еще Шахматов), протограф Симеоновской (об этом писал Кузьмин).

С. О. Шмидт отметил бытование в XVII — начале XVIII в. Сказания о взятии Астрахани, близкого к соответствующим текстам Никоновской и Львовской летописей¹⁵⁹.

Изучение лицевых сводов XVI в. велось в нескольких направлениях. Д. Н. Альшиц в одной из работ продолжил свои наблюдения над редакционной работой с текстом Лицевого свода, которую он связывает с именем Ивана IV Грозного¹⁶⁰. Здесь же автор выявляет источники, которые были использованы при редактировании Синодального списка Лицевого свода, Царственной книги; это — официальная разрядная книга, Никоновская летопись, статейные посольские списки, родословные книги, подлинные архивные документы; в других случаях редактор использовал собственные воспоминания (например, при описании событий осады и взятии Казани в 1552 г. и др.). Альшиц опубликовал также текст подлинника предсмертной грамоты Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (март 1584 г.), почерк которой, по его словам, имеет много общего с почерком приписок к лицевым рукописям.

С. О. Шмидт изучил миниатюры Царственной книги, рассказывающие о событиях Московского восстания

¹⁵⁹ С. О. Шмидт. «Сказание о взятии Астрахани» в летописной традиции XVII — начала XVIII в. — «Труды Московского гос. историко-архивного института», т. 17. М., 1963, стр. 393—398.

¹⁶⁰ Д. Н. Альшиц. Источники и характер редакционной работы Ивана Грозного над историей своего царствования. — «Труды Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», т. I (IV). Л., 1957, стр. 119—146; см. также: он же. Царь Иван Грозный или дьяк Иван Висковатый? — ТОДРЛ, т. XVI. М. — Л., 1960, стр. 617—665. Ср.: Н. Е. Андреев. Об авторе приписок в лицевых сводах Грозного. — Там же, т. XVIII. М. — Л., 1962, стр. 117—148; И. И. Смирнов. Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М. — Л., 1958, стр. 483—485.

1547 г.¹⁶¹ Он же выдвинул тезис о том, что редактирование Синодального списка Лицевого свода (текст Никоновской летописи «с рисунками» за 1535—1567 гг.) проводилось «ответственным лицом» в последнем десятилетии жизни царя Ивана IV Васильевича¹⁶².

В. Ф. Покровская показала, что одним из источников второго тома Лицевого свода, т. е. его хронографической части, была «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в русском переводе; в рукописном тексте последней (попавшей по повелению Ивана Грозного в Соловецкий монастырь) имеются восковые разметки тех мест, которые после переписки ее текста в Лицевой свод были в последнем сопровождены миниатюрами¹⁶³.

Миниатюры Лицевого свода исследуются с историко-литературной и искусствоведческой точек зрения в работах О. И. Подобедовой¹⁶⁴. Автор подробно рассматривает не только миниатюры, но и сам текст Лицевого свода, описывает отдельные его тома, говорит о его источниках, идейной, политической направленности, дает таблицу для последовательного чтения текста свода за 1114—1533 гг. (поскольку в нем порядок листов, годов в ряде случаев спутан). Главное внимание автора сосредоточено на изучении миниатюр (изображение в них архитектурных сооружений, природы, батальных, жанровых сцен и т. д.).

Из работ о местных центрах летописания в XVI в. можно назвать статью С. Н. Азбелева о новгородском своде XVI в. — т. н. Новгородской IV летописи по списку Дуб-

¹⁶¹ С. О. Шмидт. Миниатюры Царственной книги как источник по истории Московского восстания 1547 г. — ПИ, вып. V. М., 1956, стр. 265—284.

¹⁶² С. О. Шмидт. Когда и почему редактировались лицевые летописи времени Ивана Грозного. — «Советские архивы», 1966, № 1; он же. Заметки о Синодальном списке Лицевого летописного свода. — В кн.: «Культура Древней Руси». М., 1966.

¹⁶³ В. Ф. Покровская. Из истории создания Лицевого летописного свода второй половины XVI в. — В кн.: «Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР». М. — Л., 1966, стр. 5—19.

¹⁶⁴ О. И. Подобедова. К вопросу о составе и происхождении Лицевого летописного свода второй половины XVI в. — ПИ, вып. IX. М., 1961, стр. 280—332; она же. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965, стр. 102—332; она же. Московская школа живописи при Иване IV. Работы в Московском Кремле 40—70-х годов XVI в. М., 1972, стр. 69—89.

ровского¹⁶⁵. Она доведена до 1539 г., и в ней использованы московские, общерусские, новгородские известия, причем подчас антиновгородского характера (направленные против независимости Великого Новгорода). Автор прослеживает текстологические особенности всех пяти списков летописи, их взаимоотношения с другими летописями, в том числе с новой, им обнаруженной, Уваровской летописью или Московским сводом 1500—1505 гг., представляющим собой соединение Софийской I младшей редакции со сводом 1491 г. Он приходит к выводу, что один из списков Новгородской IV по списку Дубровского (Воскресенский Новоиерусалимский), содержащий отрывок из нее, отражает первую редакцию этого свода, другие списки — вторую редакцию. Составителем свода в первой редакции был новгородский священник Мефодий, сторонник Москвы, назначенный в одну из церквей Великого Новгорода стараниями московских и новгородских гостей.

Из работ по истории белорусско-литовского летописания можно назвать статьи Н. Н. Улащика о «Литовской и Жмоитской хронике», которую автор сравнивает с хроникой Быховца и хроникой М. Стрыйковского¹⁶⁶, и Б. Н. Флори о хронике Быховца¹⁶⁷, источниками которой, по его мнению, были Ипатьевская, Летописец великих князей литовских, белорусско-литовская летопись, близкая к Евреиновскому списку.

О Холмогорской летописи писали Я. С. Лурье, Ю. А. Лимонов¹⁶⁸, о Двинском летописце — К. Н. Сербина¹⁶⁹. Пер-

вый автор считает, что Холмогорская летопись доведена до 1558 г.; затем в рукописи, в которой она находится, помещен особый краткий Холмогорский летописец за 1553—1659 гг. Автор сравнил текст Холмогорской с текстами сходных памятников (Типографская, Львовская, Вологодско-Пермская летописи, Двинский летописец, Сказание о князьях владимирских) и пришел к выводу, что она является памятником истории и литературы XVI в. Ю. А. Лимонов обратил внимание на важность Холмогорской летописи, рассказывающей о смоленско-ярославском князе Федоре Ростиславиче Черном, для реконструкции памятника ярославского летописания XIII в. — Летописца Федора Ярославского, на существование северной традиции русского летописания. К. Н. Сербина установила редакцию Двинского летописца: первый вариант пространной редакции был составлен в 1690-е годы в Холмогорах, второй ее вариант в 1750-е годы в Архангельске.

* * *

По истории русского летописания XVII в. издано немало интересных исследований. М. Н. Тихомиров, например, подверг изучению Пискаревский летописец, опубликованный О. А. Яковлевой¹⁷⁰. Отметив выдающееся значение ее находки, автор внимательно исследует этот памятник в источниковедческом плане. Он отмечает его компилятивный характер; помимо различных источников (типа Никоновской, Воскресенской и др.), в нем использованы собственные припоминания, впечатления автора. Последний является, по мнению М. Н. Тихомирова, сторонником Шуйских, поскольку в летописце явно выражено внимание к представителям этой фамилии и недоброжелательство к царю Грозному и его наследникам, к Нагиму и Романовым. Им был, возможно, один из московских печатников, проживавших в Нижнем Новгороде в 1612—1615 гг. (может быть, Никита Федорович Фофанов). Начали летописец, вероятно, в правление В. И. Шуйского, закончили вскоре после 1615 г. (этим годом заканчивается летописец).

¹⁷⁰ М. Н. Тихомиров. Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI — начала XVII вв. — «История СССР», 1957, № 3, стр. 112—122.

¹⁶⁵ С. Н. Азбелев. Две редакции Новгородской летописи Дубровского — «Новгородский исторический сборник», вып. 9. Новгород, 1959, стр. 219—228.

¹⁶⁶ Н. Н. Улащик. «Литовская и Жмоитская хроника» и ее отношение к хроникам Быховца и Стрыйковского. — В сб.: «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 357—364.

¹⁶⁷ Б. Н. Флоря. О «Летописце Быховца». — В сб.: «Источники и историография славянского средневековья». М., 1967, стр. 135—144.

¹⁶⁸ Я. С. Лурье. О неизданной Холмогорской летописи. — В сб.: «Исследования по отечественному источниковедению» («Труды ЛОИИ АН СССР», вып. 7). М., 1964, стр. 449—455; он же. Холмогорская летопись (ГПБ, Погод. № 1405). — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, стр. 135—149; Ю. А. Лимонов. Заметки о Холмогорской летописи (Ярославское и Двинское местное летописание). — В сб.: «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. III. Л., 1970, стр. 249—252.

¹⁶⁹ К. Н. Сербина. Двинской летописец. — В сб.: «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. V. Л., 1973, стр. 196—219.

В другой работе Тихомиров проанализировал сохранившиеся в составе псковских летописей три повести о народных движениях во Пскове в начале XVII в.¹⁷¹ Одна из них — Повесть о разорении Пскова — написана лицом светским, выражающим взгляды угнетенных слоев населения на события классовой борьбы, представителем антифеодалов, может быть, псковским ремесленником. Составлена она после 1613 г.

Другой памятник — Повесть о бедах и скорбях — составлен позже, после 1625 г.; написан ярким сочным языком. Это — выдающееся произведение русской публицистики XVII в., включенное в летопись. Оно тоже является светским произведением, написанным с антибоярских позиций; его автор, возможно, — псковский посадский человек.

Третья повесть — О смятении и междоусобии и отступлении пскович от Московского государства — выступает против восставших псковичей с позиций защиты феодалов. Ее автор вышел, возможно, из числа горожан-бело-местцев (может быть, иконописец Авраамий Иванов); он написал повесть вскоре после 1614 г.

Таким образом, все названные произведения, по словам М. Н. Тихомирова, являются памятниками посадской, «городской» литературы XVII в. Это — новое и весьма характерное явление, которое свидетельствует о создании нового вида литературы — литературы посадских людей, отражавшем начало «нового периода» русской истории.

К. И. Корецкий внимательно проанализировал ссылки В. Н. Татищева в его «Истории Российской» на «Историю Иосифа о разорении русском». Он приходит к выводу, что этот летописный источник, составленный в начале XVII в. келейником патриарха Иова, использован в «Новом летописце» и Латухинской Степенной книге — памятниках XVII в., а в следующем столетии знаменитым русским историком¹⁷².

¹⁷¹ М. Н. Тихомиров. Псковские повести о Крестьянской войне в России начала XVII в. — В кн.: «Из истории социально-политических идей. Сб. статей к 70-летию акад. В. П. Волгина». М., 1955, стр. 181—189; то же в кн.: М. Н. Тихомиров. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969, стр. 11—22.

¹⁷² В. И. Корецкий. «История Иосифа о разорении русском» — летописный источник В. Н. Татищева. — В сб.: «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. V, стр. 251—285.

Летопись о многих мятежах, основанная на «Новом летописце», возникла, по мнению И. А. Жаркова, в светских кругах (а не при дворе патриарха Никона, как полагает Л. В. Черепнин); ее заказчиком мог выступать князь В. Г. Ромодановский Меньшой, которому в летописи уделяется особое внимание¹⁷³.

В. И. Корецкий отметил сложный, компилятивный характер Мазуринского летописца конца XVII в., опубликованного в т. 31 ПСРЛ. Он составлен, по его мнению, в окружении патриарха Иоакима, чем и объясняется интерес летописца к новгородским делам (патриарх в 1672—1674 гг. служил новгородским митрополитом) и восстанию 1682 г., в прекращении которого он сыграл немалую роль. Автор уделил особое внимание его сообщениям о событиях начала XVII в.¹⁷⁴ В этой части летописец использовал какое-то оригинальное сочинение («подлинную книгу о московском разорении», как говорится в тексте) — вероятно, по предположению автора, ту «Историю Иосифа» келейника патриарха Иова, которую использовал Татищев в «Истории Российской». К такому выводу Корецкий приходит путем сопоставления выписок Татищева с текстом Мазуринского летописца. Впрочем, составитель последнего мог использовать это сочинение Иосифа не непосредственно, а в составе «Нового летописца» более ранней (чем известно сейчас) редакции. Ту же «Историю Иосифа» использовал составитель Латухинской Степенной книги.

Списки Латухинской Степенной описала Л. Л. Муравьева¹⁷⁵. Она исходит из выводов П. Г. Васенко о редакциях памятника (пространная и краткая), взаимоотношениях их списков. Степенная книга была составлена в 1670-е годы настоятелем нижегородского Макарьевского Желтоводского монастыря Тихоном. В статье описано четыре новых списка, ставится вопрос об издании этого памятника.

¹⁷³ И. А. Жарков. Из каких кругов вышла Летопись о многих мятежах? — В сб.: «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, стр. 232—234.

¹⁷⁴ В. И. Корецкий. Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени. — В сб.: «Славяне и Русь», стр. 282—290.

¹⁷⁵ Л. Л. Муравьева. О списках Латухинской Степенной книги. — «Археографический ежегодник за 1964 г.» М., 1965, стр. 85—91.

Ряд записей, рассказывающих о народных движениях середины — второй половины XVII в., выявлен и рассмотрен в работах Е. В. Чистяковой и автора настоящей книги¹⁷⁶.

Несколько исследований о новгородском летописании XVII в. принадлежит С. Н. Азбелеву. Автор проделал большую текстологическую работу по изучению и описанию списков, установлению времени и обстоятельств составления редакций новгородских летописей, их источников. Этапами позднего новгородского летописания автор считает своды: конца XVI — начала XVII в. (Новгородская и Уваровская летописи), основанный на своде 1500—1505 гг., и большие своды 1670—1690-х годов, составление которых связано с деятельностью Иоакима, сначала новгородского митрополита, затем патриарха всероссийского. Источниками были, помимо предшествующих сводов, местные летописи, синодики, официальные документы, эпиграфические памятники и др. Автор отмечает особенности литературного стиля этих памятников (проникновение хронографического стиля, сближение с официальной документацией)¹⁷⁷.

М. К. Каргер проанализировал записи Новгородской III летописи о зодчем Петре и живописце Феофане Греке, работавших в Великом Новгороде соответственно в начале

¹⁷⁶ Е. В. Чистякова. Летописные заметки о народных движениях середины XVII в. — В сб.: «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран». М., 1963, стр. 242—252; В. И. Буганов. Описание Московского восстания 1648 г. в Архивском сборнике. — «Исторический архив», 1957, № 4, стр. 228—230; он же. Московское восстание 1662 г. М., 1964, стр. 29—30; он же. Московские восстания конца XVII в. М., 1969, стр. 28—37, 54—56.

¹⁷⁷ С. Н. Азбелев. Новгородская третья летопись (время и обстоятельства возникновения). — ТОДРЛ, т. XII. М.—Л., 1956, стр. 236—262; он же. Летописные памятники Новгорода XVII—XVIII вв. — Там же, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 282—297; он же. Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в. — Там же, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 251—283; он же. Новгородское летописание XVII в. (Новгородская Уваровская летопись, Новгородская третья, Новгородская Забелинская и Новгородская Погдинская летописи). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Л., 1968; он же. Текстологическое исследование Новгородской Уваровской летописи. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, стр. 270—287; он же. Новгородские летописи XVII в. Новгород, 1960; он же. Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве. — В сб.: «Проблемы истории феодальной России». Л., 1971, стр. 110—117.

XII в. и в конце XIV в.¹⁷⁸ Он пришел к выводу, что их источниками были надписи на стенах новгородских церквей.

М. А. Макина кратко охарактеризовала Новгородский свод 1680 г. (Новгородский Хронограф XVII в. — по М. Н. Тихомирову; Новгородская Забелинская — по С. Н. Азбелеву), который она рассматривает как памятник, проникнутый патриотизмом, общерусскими тенденциями, но при этом, на мой взгляд, преувеличивает «демократизм» этого свода¹⁷⁹.

Б. Н. Флоря исследовал Коми-Вымскую летопись конца XVI — начала XVII в.¹⁸⁰ Она основана на Вологодско-Пермской, Никоновской летописях, Устюжском своде, житиях пермских епископов XV в., актовом материале.

Н. Д. Русинов высказал мнение о существовании в XVII в. летописания в Угличе, но его наблюдения посвящены прежде всего особенностям языка разбираемых им летописей (Супоневская, Серебренниковская и др.)¹⁸¹.

Из работ о сибирском летописании отмечу прежде всего второе издание уже упоминавшейся книги А. И. Андреева¹⁸². Автор по-прежнему пишет о позднем происхождении Строгановской летописи и возражает С. В. Бахрушину и А. А. Введенскому, критиковавшим выводы его самого и А. М. Ставрович по этому вопросу¹⁸³.

Как и А. И. Андреев, повестями считает сибирские летописи и Н. А. Дворецкая, посвятившая им несколько работ,¹⁸⁴ в которых дается описание списков «повестей» о

¹⁷⁸ М. К. Каргер. К вопросу об источниках летописных записей о деятельности зодчего Петра и Феофана Грека в Новгороде. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 565—568.

¹⁷⁹ М. А. Макина. О демократических тенденциях в литературе древнего Новгорода. — «Новгородский исторический сборник», вып. 10. Новгород, 1961, стр. 230—233.

¹⁸⁰ Б. Н. Флоря. Коми-Вымская летопись. — В сб.: «Новое о прошлом нашей страны». М., 1967, стр. 218—231.

¹⁸¹ Н. Д. Русинов. К истории угличского летописания. — «Ученые записки Горьковского гос. университета», Серия историко-филологическая, 1964, вып. 2, стр. 719—741.

¹⁸² А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири, вып. I. XVII век. Изд. 2. М.—Л., 1960, стр. 195—259.

¹⁸³ Там же, стр. 207—222.

¹⁸⁴ Н. А. Дворецкая. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 467—482; она же. Из истории позднего сибирского летописания. — Там же, т. XXIV. Л., 1969, стр. 239 и сл.

походе Ермака, разбитых на редакции (Повесть Саввы Есипова в редакциях основной 1636 г. и распространенной конца XVII в.; Повесть Строгановых основной, распространенной и краткой редакций; повести, восходящие к статье «О взятии Сибири» в «Новом летописце»). Автор обратила внимание на интересный факт написания одной из редакций «Описания о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее» по поручению тобольского воеводы А. П. Головина (Головинская редакция). Он находился на воеводском посту в Тобольске в 1686—1689 гг. В этой редакции уделяется большое внимание его деятельности по управлению Сибири и строительству в Тобольске.

О сибирском летописании пишут также авторы книг о сибирской историографии, культуре¹⁸⁵. Л. А. Гольденберг показал роль С. У. Ремезова в развитии сибирского летописания¹⁸⁶.

* * *

Таким образом, русское летописание конца XV—XVII в. пользовалось большим вниманием исследователей. Появилось немало изданий важнейших летописных памятников. Из работ по истории летописания конца XV — начала XVI в. следует выделить исследования А. Н. Насонова, К. Н. Сербиной, Я. С. Лурье; XVI в. — А. А. Зимина, Я. С. Лурье, Д. Н. Альпица, А. Г. Кузьмина, XVII в. — М. Н. Тихомирова, А. И. Андреева, С. Н. Азбелева. По ряду вопросов были высказаны различные мнения (например, о некоторых сводах конца XV — начала XVI в., Никоновской, Воскресенской летописях, сибирских летописях, которые отдельными авторами называются повестями). В этой связи важно подчеркнуть, что при текстологическом изучении летописных памятников наибольший

¹⁸⁵ В. Г. Мирзоев. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М., 1960, стр. 90—97, 107—135; А. Н. Копылов. Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1968, стр. 19—22. См. также его разделы в кн.: «История Сибири с древнейших времен до наших дней», т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968, стр. 166—168.

¹⁸⁶ Л. А. Гольденберг. Семен Ульянович Ремезов — сибирский картограф и географ. 1642 — после 1720 гг. М., 1965, стр. 110—131.

успех сопутствует тем исследованиям, в которых данный летописный памятник рассматривается в сравнении с другими, с историей летописания в целом.

ИЗУЧЕНИЕ ХРОНОГРАФОВ

Появилось несколько исследований, посвященных главным образом переводным хронографическим памятникам.

В статье З. В. Удальцовой говорится о всемирной хронике Иоанна Малалы (т. е. «Ритора», «Говоруна»), охватывающей события с древнейших времен до конца правления императора Юстиниана¹⁸⁷. Его труд, сохранившийся на греческом языке лишь в одной Оксфордской рукописи, переводился на славянский язык не позднее XI в. Хроника была создана не для узкого круга знатных лиц, а для более широких масс народа, написана ярким и доходчивым языком. Для нее характерны христианско-апологетические тенденции в истолковании описываемых событий. Но в отличие от других византийских авторов того времени Иоанн Малала не стремится критически подойти к тем разнообразным сведениям, которые он черпает из источников (библейские книги, античные авторы, различные компиляции, рассказы современников и др.), поэтому средневековому читателю трудно было отделить правду от вымысла, достоверные факты от легенд. Тем не менее его труд приобрел большую популярность в более поздней византийской хронографии, а также в славянских странах в пору складывания в них феодальных отношений и принятия христианства. Причиной тому явилось сочетание в труде Малалы христианской концепции истории и красочности изложения. В нем в то же время живы остатки античной, языческой традиции. Недаром древнерусские книжники называли его Еллинским летописцем, т. е. древнегреческим, языческим. Удальцова называет хронику Малалы «христианским произведением с обильной античной приправой»¹⁸⁸.

Распространение на Руси этого произведения Удальцова связывает с борьбой христианской и языческой историографических традиций. Славяно-русский его перевод включался в состав летописей, исторических компиляций

¹⁸⁷ З. В. Удальцова. Хроника Иоанна Малалы в Киевской Руси. — «Археографический ежегодник за 1965 г.» М., 1966, стр. 47—58.

¹⁸⁸ Там же, стр. 52.

(«Еллинский и Римский летописец» разных редакций, Златоструй, Ипатьевскую летопись и др.).

Разбирая содержание хроники Малалы, автор отмечает переплетение в ней античной и библейской традиций, привнесение Малалой в языческие мифы, которые он излагает, христианского их осмысления; «христианской ревизии» подвергается и история греческой культуры во всех ее проявлениях.

Послеантичный период изложен гораздо менее интересно; к тому же эта часть хроники в древнеславянском переводе плохо сохранилась в противоположность «античной» части, хорошо отраженной (в переводе) в таких памятниках, как «Еллинский и Римский летописец» (рубеж XII—XIII вв.), Иудейский Хронограф (середина XIII в.).

Труд Малалы сыграл немалую роль в ознакомлении русских людей с античной культурой; «христианские сентенции Иоанна Малалы, усиленные славянскими переводчиками, не смогли заглушить голос классической древности, доходивший до наших древних предков»¹⁸⁹. Киевский переводчик XI в., несмотря на то что Малала превращает античных богов в земных «царей», героев, сопоставляет по аналогии античных и славянских языческих богов.

С оценкой хроники Малалы, данной Удадьцовой, можно согласиться, хотя автор оставила без объяснения тот факт, что она на Руси была все же менее популярна, чем хроника Георгия Амартола.

Два неопубликованных отрывка древнеславянского перевода хроники Иоанна Малалы исследовал Н. А. Мещерский¹⁹⁰. Они сохранились в составе Виленского и Архивского хронографов, именно в той части, где приводится текст «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия.

Автор объясняет меньшую распространенность в византийской церковно-монастырской среде этой хроники («вследствие светского характера содержания и стиля», «отличавшего ее от строго монашеской хроники Георгия Амартола»). Он же отмечает тот установленный в специальной литературе (А. Н. Попов, В. М. Истрин и др.) факт, что древнеславянский перевод хроники Малалы в

¹⁸⁹ З. В. Удадьцова. Хроника Иоанна Малалы в Киевской Руси, стр. 57.

¹⁹⁰ Н. А. Мещерский. Два неизданных отрывка древнеславянского перевода «Хроники» Иоанна Малалы. — «Византийский временник», т. XI. М., 1956, стр. 279—284.

ряде случаев более полно и точно передает ее текст, чем греческие рукописи — Оксфордский список и сохранившиеся фрагменты.

Древнеславянский перевод хроники Малалы не найден в отдельных списках; выдержки и извлечения из него включены в указанные выше хронографы, где они переплетаются с другими древнеславянскими переводами — византийских хроник Георгия Амартола, патриарха Никифора, «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Александрии», книги «Иосиппон».

Мещерский выявляет пропуск в изданной Истриным хронике Иоанна Малалы в сравнении с текстом рукописных списков Виленского и Архивского хронографов, в которых отрывки из нее и приводятся. Речь идет об описании событий времени Веспасиана (провозглашение его римским императором во время войны против восставших иудеев в Палестине) в десятой книге хроники Малалы. Тем самым, по заключению автора, текст древнеславянского перевода этого памятника нуждается в более тщательном издании. К тому же публикация хроники Малалы, осуществленная Истриным, разбросана по разным изданиям, в большинстве случаев труднодоступным.

Подобное новое издание могло бы дать ответы на вопросы о значении древнеславянского перевода этого труда для восстановления текста его греческого оригинала, его воздействия на древнерусское летописание, например на стиль Галицко-Волынской, Киевской, Суздальской летописей, на время и место самого древнеславянского перевода (в Болгарии в 927 г. при царе Симеоне или на Руси в XI в.?).

Тот же автор посвятил две статьи использованию в «Повести временных лет» т. н. книги «Иосиппон» — средневековой хронографии, составленной, вероятно, не ранее второй половины X в. евреями в Италии на древнееврейском языке¹⁹¹. В этом памятнике изложены события древнееврейской истории от Адама и «вавилонского столпотворения» до 70 г. н. э. — взятия Титом Иерусалима и разгрома Иудейского государства. Он называется книгой «Иосиппон», или Книгой Иосифа бен Гориона (Гориони-

¹⁹¹ Н. А. Мещерский. Отрывок из книги «Иосиппон» в «Повести временных лет». — «Палестинский сборник», вып. 2 (64—65). М.—Л., 1956, стр. 58—68; он же. К вопросу об источниках Повести временных лет. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 57—65.

да), так как основным источником при ее составлении послужили сочинения Иосифа Флавия (в латинской христианской переработке конца IV в., которая приписывается Егезиппу), имя которого как отступника от народных традиций заменено именем его современника, одного из иерусалимских первосвященников, члена синедриона, тоже (как и Иосиф Флавий) участника событий 66—70-х годов.

Уже в древности «Иосиппон» переводился на различные языки, в том числе на русский; отрывки из него включены в хронографические сказания, но они мало изучены. Отрывок же из древнерусского перевода «Иосиппона» о походе на Иерусалим Александра Македонского, представляющий собой переработку еврейской версии «Александрии» (романа об Александре Македонском), включен под 1110 (6618) г. в «Повесть временных лет» по Ипатьевскому и сходным с ним спискам. В несколько измененном виде этот рассказ включен в Летописец Переяславля-Суздальского. Путем языкового анализа летописного отрывка и сравнения его с еврейским текстом автор устанавливает, что древнерусский перевод этого памятника с еврейского подлинника существовал уже в первые годы XII в., а был сделан не позднее конца XI в., возможно, в Киеве, но, что не исключено, через посредство хазар, среди которых еврейский текст «Иосиппона» был широко распространен. Эта работа свидетельствует о высокой переводческой культуре Древней Руси. Кроме того, расширяются наши представления о круге источников, использованных при составлении древнерусских летописей, о широте интересов их составителей. Отрывки из «Иосиппона» приводятся в «Еллинском и Римском летописце» второй редакции, Академическом Хронографе.

Тот же автор подверг исследованию другие памятники, включавшиеся в хронографические своды, компиляции («Еллинский и Римский летописец», Виленский и Архивский хронографы), например повесть «О Козарине и о жене его» (помещена в заключительной части «Еллинского и Римского летописца» второй редакции, в котором имеется более двух десятков различных вставных повестей)¹⁹². В этой работе автор останавливается на вопросе

¹⁹² Н. А. Мещерский. К вопросу о византийско-славянских литературных связях. — «Византийский временник», т. XVII. М., 1960, стр. 57—69.

об источниках малоисследованного «Еллинского и Римского летописца» первой редакции (переводы хроник Иоанна Малалы и Георгия Амартола) и второй редакции (помимо них, добавлены переводы библейских книг, «Александрии» Псевдо-Каллисфена второй редакции, сказаний об Индийском царстве, о взятии Иерусалима, «Иосиппона», «Повести о взятии Царьграда фрягами» и др.). Эти и другие памятники автор рассматривает в плане не только славяно-византийских, но и славяно-хазарских связей. Указанная повесть называет византийского императора, очевидно Юстиниана, «Козарином» (жена его действительно происходила из Хазарии). Выше уже отмечалось, что древнееврейская книга «Иосиппон» была известна в Хазарии в X—XI вв., и отсюда она могла попасть на Русь, как и другие еврейские памятники, поскольку в Хазарии, с одной стороны, иудейство и христианство были исповеданиями, принятыми ее населением, с другой — в ней жило немало славян. Автор высказывает предположение, что славянский язык был общим письменным языком для всего населения Хазарского каганата в последнее столетие его существования.

Особое исследование посвятил Мещерский древнерусскому переводу «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, который тоже включался в русские хронографические компиляции¹⁹³.

Хронику Иоанна Малалы в ее древнерусском переводе рассматривает Э. М. Шусторович с целью изучения античных форм и традиций, влиявших через византийские памятники на различные стороны древнерусской культуры¹⁹⁴. Автор изучает античную, в частности мифологическую и историческую, лексику хроники Малалы, с помощью которой древнерусские книжники и читатели знакомились с античной и через нее с всемирной историей и культурой в связи с историей и культурой Древней Руси. В древнерусской литературе домонгольской поры существовало, по мнению автора, два направления: первое, «ортодоксально-богословское», представленное произведениями Илариона, Кирилла Туровского, Серапиона

¹⁹³ Н. А. Мещерский. «История Иудейской войны» Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.—Л., 1958.

¹⁹⁴ Э. М. Шусторович. Хроника Иоанна Малалы и античная традиция в древнерусской литературе. — ТОДРЛ, т. XXIII. Л., 1968, стр. 62—70.

Владимирского, житиями, поучениями и др.; второе, «не чуравшееся античной образованности», — «Словом о полку Игореве», «Посланием Климента Смолятича пресвитеру Фоме», ранними летописными сводами, переводами хроник Малалы, Амартола, «Александрии», «Истории» Флавия и др. С отмиранием язычества, изменением исторической обстановки (татаро-монгольское нашествие) языческие образы (античные и славянские) уходят в прошлое.

Характеристика хроник Иоанна Малалы и Георгия Амартола дается в обобщающем труде по истории Византии (в главах об источниках, написанных З. В. Удальцовой и М. Я. Сюзюмовым) ¹⁹⁵.

Миниатюры т. н. Тверского списка (конец XIII—XIV в.) хроники Георгия Амартола исследовала О. И. Подобедова ¹⁹⁶. Его значение определяется тем, что он близок к греческому первоисточнику и является единственным лицевым списком этого памятника. Работа имеет искусствоведческий характер (изучение становления русской исторической иллюстрации). Затрагивает эту тему и А. Н. Свирин ¹⁹⁷.

В последние годы ряд исследований опубликовал О. В. Творогов. Так, останавливаясь на характеристике хронографов как особого жанра древнерусской историографии, литературы, автор привлекает к исследованию их редакции 1512 и 1617 гг. ¹⁹⁸ Он присоединяется к мнению Б. М. Клосса о составлении первоначальной редакции Русского хронографа не в середине XV в., а на рубеже XV—XVI вв. Он справедливо подчеркивает, что Хронограф 1512 г. — это прежде всего жанр исторического повествования, а в глазах создателя — исторический, «научный» труд. В то же время его литературное мастерство объясняет тот факт, что он стал одним из популярнейших памятников русской литературы XVI—XVII вв. ¹⁹⁹ Хронограф 1617 г., по словам Творогова, также сыграл большую роль в истории русской хронографии (в отличие, например, от редакций 1599 и 1601 гг.), поскольку эта редакция

определила развитие жанра в XVII — первой половине XVIII в. ²⁰⁰ Ее важное значение состоит в том, что она делает крупный шаг на пути секуляризации русской хронографии ²⁰¹.

Творогов детально сравнивает между собой известные сейчас науке списки Еллинского летописца, прослеживает их взаимоотношения. Он приходит к выводу, что в основе первого и второго видов (редакций) этого памятника лежит общий протограф; последний «наиболее близко» передан в первой редакции. Это наблюдение подтверждает и конкретизирует вывод Шахматова. Тем самым утверждения Попова и Истрина о зависимости второй редакции Еллинского летописца от первой подвергаются автором сомнению ²⁰². В этой же статье обосновывается мнение о том, что Хронограф западнорусской редакции восходит не к четвертой редакции Русского хронографа середины XVI в. и далее от нее ко второй (вторая половина XV в.) и к первой (Пахомия Логофета середины XV в.), как полагали Шахматов, Истрин и Розанов, а к третьей редакции 1512 г., точнее к Погодинскому ее виду ²⁰³.

Особое исследование посвятил тот же автор Русскому хронографу 1617 г. ²⁰⁴ Если Попов ограничился общей его характеристикой, считая, что он восходит к Хронографу 1512 г., то Творогов (вслед за Розановым) устанавливает наличие нескольких видов основной редакции этого Хронографа (виды А — Е). По этим видам он распределяет известные ему 33 списка основной редакции (Попову было известно только 9), на одном из которых основана распространенная редакция памятника. Существование краткой редакции, о чем писал Попов, подвергается сомнению (поскольку списки этого типа содержат выборки из полных редакций). В статье ставится вопрос об установлении архетипа основной редакции Хронографа 1617 г.,

¹⁹⁵ «История Византии в трех томах», т. 1. М., 1967, стр. 47—50; т. 2. М., 1967, стр. 10.

¹⁹⁶ О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965, стр. 11 и сл.

¹⁹⁷ А. Н. Свирин. Древнерусская миниатюра. М., 1950.

¹⁹⁸ О. В. Творогов. К истории жанра Хронографа. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, стр. 203—226.

¹⁹⁹ Там же, стр. 217.

²⁰⁰ Там же, стр. 220—221.

²⁰¹ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М., 1970, стр. 12.

²⁰² О. В. Творогов. К изучению древнерусских хронографических сводов (I. Редакции Еллинского летописца. II. О происхождении Хронографа западнорусской редакции). — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, стр. 380—393.

²⁰³ Там же, стр. 393—404.

²⁰⁴ О. В. Творогов. О Хронографе редакции 1617 г. — ТОДРЛ, т. XXV. М. — Л., 1970, стр. 162—163.

о том, что ему предшествовали, помимо редакции 1512 г., другие (например, редакции 1599, 1601 гг.).

Наконец, в докторской диссертации О. В. Творогов, проделавший огромную по объему и значению работу по изучению нескольких сот списков различных хронографических памятников, прослеживает историю русской хронографии на протяжении шести столетий²⁰⁵. Этот научный труд, который нельзя не назвать долгожданным, обозначает, мне кажется, важный рубеж в историографии полузабытой в последние десятилетия проблемы. Помимо выполнения колоссальной текстологической работы, введения в научный оборот новых списков и редакций, автор нарисовал полную картину развития русской хронографии, начиная с первых переводных сочинений византийских авторов и кончая хронографами XVI в. и отчасти XVII в. Творогов, основываясь в некоторых местах на своих прежних работах, существенно пересматривает выводы предшественников (Попов, Шахматов, Истрин, Розанов и др.). Реконструируя состав «Хронографа по великому изложению» (ХВИ), автор устанавливает, что в нем, помимо хроники Георгия Амартола, использована хроника Малалы; что сам ХВИ имеет своеобразный текстологический «конвой», объясняющий близость этого памятника к Троицкому хронографу, Хронографическим палеям, Еллинскому летописцу второй редакции. Последняя (сохранившаяся в двух видах, как установил Творогов) является более ранней в сравнении с первой редакцией этого памятника; она была составлена в первой половине XV в. (по Истрину — не позднее середины XIII в.). Полному пересмотру подверглась и гипотеза Шахматова о составлении первоначальной редакции Русского хронографа в 1442 г. Автор приходит к выводу, что таковой является Хронограф 1512 г. Эти и ряд других выводов (некоторые из них изложены в рассмотренных выше исследованиях Творогова) представляют исключительный научный интерес и намечают пути дальнейших исследований в области русской хронографии, в частности ее позднейшего периода.

Б. М. Клосс, исследуя текст Еллинского летописца второго вида, прежде всего статьи о походах русских князей на Царыград, и сопоставляя его с другими лето-

²⁰⁵ О. В. Творогов. Русские хронографические своды XI—XVI вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Л., 1973.

писными текстами, приходит к сходному с выводами Д. С. Лихачева заключению о составлении памятника не в первой половине XIII в. и не в Северо-Восточной Руси (как полагал В. М. Истрин), а в конце XIV — первой четверти XV в. в Великом Новгороде. При его составлении были, помимо прочих источников, использованы первая редакция Еллинского летописца, летописи типа Троицкой и сходной с той, которая отразилась во Владимирском летописце, а также новгородские летописи. Он же, как и О. В. Творогов, оспаривает вывод А. А. Шахматова о составлении первоначальной редакции Русского хронографа в 1442 г.²⁰⁶ Путем текстологических сопоставлений автор приходит к выводу, что первоначальный Русский хронограф использовал тексты Симеоновской летописи (возникшей в середине 1490-х годов), Сокращенного свода 1495 г. или близкого к нему свода и был составлен примерно на протяжении 1488—1494 гг. в Иосифо-Волоколамском монастыре.

В другом исследовании, также отличающемся особой тщательностью с текстологической стороны, Клосс прослеживает работу известного московского еретика конца XV в. Ивана Черного по редактированию и переписыванию памятников хронографии — Еллинского летописца второго вида по списку Пискарева и хронографической компиляции по списку Ундольского № 1 в ГБЛ²⁰⁷. Важно его заключение о существовании целого скриптория — книгописной мастерской, в которой под руководством Ивана Черного работал ряд писцов.

В. А. Кучкин предпринял попытку установить один из источников, использованных в Еллинском летописце второго вида²⁰⁸. Включенное в него «Слово о черноризце» представляет собой ответ Анастасия Синаита на вопрос об отношении к недостойным властителям, светским и духовным. Этот «вопрос-ответ» в болгарском переводе попал в «Изборник» 1073 г., Пандекты Никона Черногорца,

²⁰⁶ Б. М. Клосс. О времени создания Русского хронографа. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, стр. 244—255.

²⁰⁷ Б. М. Клосс. Книги, редактированные и писанные Иваном Черным. — «Записки Отдела рукописей ГБЛ», вып. 32. М., 1971, стр. 61—72.

²⁰⁸ В. А. Кучкин. Один из источников Еллинского летописца второго вида. — «Византийский временник», т. XXVII. М., 1967, стр. 319—324.

из них — в Еллинский летописец второго вида (первая половина XIII в.), в Мерило Праведное (1270 г. — середина XIV в.); он отразился в Повести о Михаиле Тверском (1319—1320 гг.). В конце статьи автор правильно, на мой взгляд, ставит вопрос о необходимости тщательного изучения Еллинского летописца второго вида и его издания.

В. Ф. Покровская изучила новый список XVIII в. (1730-х годов) Хронографа редакции 1512 г.²⁰⁹ Хотя список является поздним и содержит лишь первую половину Хронографа (обрывается на описании правления кесаря Августа), он представляет интерес «как несомненный след лицевой рукописи Хронографа редакции 1512 г., о самом существовании которой пока еще не известно других свидетельств»²¹⁰. Писцы, переписывавшие более древнюю рукопись, имевшую миниатюры, «пересказали» их в соответствующих местах основного текста Хронографа. По количеству вставок-«пересказов» (иногда передававших содержание не одного, а нескольких изображений) автор подсчитала, что миниатюр в протографе, переписанном в 1730-е годы, насчитывалось около 1700 (вставок-«пересказов» меньше — 1542).

Сопоставление текста этого списка Хронографа 1512 г. с текстом Лицевого свода XVI в., одним из источников которого (в начальной, хронографической, части) и был Хронограф 1512 г., показывает, что подавляющее большинство миниатюр Лицевого свода XVI в., излагающих библейскую книгу Товия (текстуально эта часть свода повторяет семидесятую главу Хронографа 1512 г.), упоминается во вставках-«пересказах» списка 1730-х годов Хронографа 1512 г.; правда, расположение миниатюр в этих памятниках различно, поскольку они являются самостоятельными историческими компиляциями. Таким образом, по заключению автора, существовал лицевой Хронограф редакции 1512 г.

Составленному в XVI в. Хронографу западнорусской редакции, восходящему к тому же источнику, что и Хро-

нограф редакции 1512 г., дает краткую характеристику А. М. Панченко²¹¹.

И. Н. Лебедева приводит описание списков греческой хроники Псевдо-Дорофея XVI в., хранящихся в Библиотеке Академии наук СССР²¹². Она представляет собой обширную компиляцию по всемирной истории из разных хронографических источников (библейская история, история Персии, Египта, Греции, Рима, Византии, Турции).

* * *

Из немногочисленных работ по истории хронографии выделяются труды О. В. Творогова о русской хронографии XI—XVII вв., исследования Н. А. Меццеского о древнерусских переводах византийских и древнееврейских произведений; важными являются наблюдения о большом историко-культурном значении этих переводов, высокой переводческой культуре Древней Руси, широте интересов древнерусских книжников и читателей, культурных связей Древней Руси с окрестными странами. Яркая характеристика хроники Иоанна Малалы принадлежит З. В. Удальцовой. Отмечая влияние византийской и еврейской исторической литературы на русское летописание, эти и другие авторы в то же время правильно подчеркивают его оригинальный, самобытный характер.

ОБОБЩАЮЩИЕ ТРУДЫ

Обобщающие исследования созданы историками, филологами, литературоведами. Это коллективные труды и работы отдельных авторов, в некоторых случаях представляющие большой научный интерес.

Из работ исторического профиля отмечу прежде всего труды М. Н. Тихомирова и А. Н. Насонова. Во втором издании учебника по источниковедению Тихомиров снова дает характеристику русского летописания конца X—

²⁰⁹ В. Ф. Покровская. Об одном списке Русского Хронографа редакции 1512 г. — В сб.: «Вспомогательные исторические дисциплины», вып. III. Л., 1970, стр. 252—268.

²¹⁰ Там же, стр. 253.

²¹¹ А. М. Панченко. Чешско-русские литературные связи XVII в. Л., 1969, стр. 35—36.

²¹² И. Н. Лебедева. Греческие и русские списки Хроники Псевдо-Дорофея в БАН СССР. — «Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги Библиотеки АН СССР». М.—Л., 1966, стр. 28—37.

XVII вв.²¹³ Начало древнейшего летописания на Руси он связывает с составлением трех сказаний: о начале Руси, о призвании варягов, о русских князьях X в., причем последнее составлено, по его мнению, в конце X — начале XI в.²¹⁴, а два первых — в первой половине XI в. В этой части книги, а также в разделах о более поздних этапах русского летописания (например, о Пискаревском летописце в главе об источниках XVII в.) автор учел результаты своих источниковедческих разысканий. Второе издание учебника также получило высокую оценку специалистов²¹⁵.

Большое значение имеет обобщающее исследование А. Н. Насонова. Как уже не раз отмечалось, он в ряде научных работ уточняет выводы предшественников о начале русского летописания в XI—XII вв., об «областном» летописании XIII—XV вв. Привлекало внимание Насонова и общерусское летописание XV—XVI вв., его усилиями намечены новые пути изучения позднего летописания конца XVI — начала XVIII в. Работы этого последнего цикла и новые, неопубликованные исследования ученый объединил в книгу²¹⁶, опубликованную посмертно.

Во введении в книгу автор, помимо соображений о методике работы с летописями и историографии вопроса, высказывает некоторые общие соображения: «Исследование я понимаю как устремление к отысканию научной истины, т. е. познание объективного, реального процесса. Обойтись без догадок и предположений нельзя, но всякое исследование будет тем совершеннее, чем меньше в нем догадок и чем больше твердо обоснованных выводов»²¹⁷. О своей работе Насонов пишет, что в ней «излагаются результаты труда автора над изучением путей развития русского летописания», что он не ставил своей целью «дать общую историю летописания». «Автор останавливается или на тех вопросах, о которых в научной литературе существуют противоречивые суждения, или которые

мало или совсем не разработаны». Исследователь, внесший большой вклад в изучение летописей, разыскание их текстов, в полной мере отдает себе отчет в том, что в летописеведении еще очень многое нужно сделать: «Громадный летописный материал остается еще в значительной степени неизученным. Впереди предстоит большая исследовательская работа»²¹⁸.

В первой главе автор, опираясь на выводы Шахматова и других ученых, говорит о летописании XI в.: Начальном своде второй половины 90-х годов, Древнейшем своде 70-х годов, составленных в Киево-Печерском монастыре — колыбели русского летописания. Эти летописные своды не сохранились, но нашли отражение в более поздних сводах. Их реконструкция явилась величайшей научной заслугой Шахматова. Насонов, разбирая мнения ученых о киевском летописании XI в., настойчиво подчеркивает мысль о необходимости сочетания и взаимопроникновения «формального» (текстологического) и «идеологического» анализа. Скрупулезное изучение некоторых древнейших текстов позволяет автору выдвинуть вопрос о возможности ведения летописных записей до составления указанных выше сводов. Подобные записи начали вести в киевской Десятинной церкви уже, вероятно, в конце X в., затем в Вышгороде, недалеко от Киева, в Киево-Печерском монастыре. Первый же летописный свод был составлен при Ярославе Мудром.

После уже упоминавшихся сводов 70-х и 90-х годов XI в. в начале следующего столетия в том же Киево-Печерском монастыре появляется (после 1111 г.) знаменитая «Повесть временных лет» монаха Нестора. Это был, по Насонову, первый памятник, в котором с полной ясностью и отчетливостью утверждалось и осмысливалось понятие Руси в широком значении как совокупности разных (а не только южнорусских) восточноевропейских групп и племен. «Повесть временных лет» пропагандировала идею восточноевропейской общности, политической и этнической. Княжеская власть в лице Владимира Мономаха прекрасно понимала огромное идейное, политическое значение этого произведения: под ее влиянием вскоре, в 1116 и 1118 гг., появились новые редакции, обработки ПВЛ. К одной из них имел непосредственное отношение

²¹³ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Изд. 2. М., 1962, стр. 31—68, 177—192 и др.

²¹⁴ Там же, стр. 67.

²¹⁵ См., например, рецензию А. А. Зимина: «Вопросы истории», 1963, № 5, стр. 113—116.

²¹⁶ А. Н. Насонов. История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969.

²¹⁷ Там же, стр. 7.

²¹⁸ Там же, стр. 7, 10.

Сильвестр, игумен Михайловского Выдубицкого монастыря, семейного монастыря отца Владимира Мономаха, к другой — сын последнего Мстислав. Именно под влиянием этих князей, придававших большое значение международным связям Руси с иностранными государствами, брачными связями своего правящего дома, в ПВЛ включили понятие о руси как разновидности варяжского народа, а легенда о варягах, будто бы основавших Русское государство, на долгие столетия пустила корни в сознание многих потомков.

«Повесть временных лет» в записях с древнейших времен до 1093 г. использовала текст Начального свода, но дополнила его большими вставками, а текст с 1094 по 1110 г. является киево-печерской летописью, в ней описываются южнорусские события, но на общерусском фоне. Этот выдающийся памятник получил такую известность и популярность, что его положили в основу всего последующего русского летописания, — позднейшие летописные своды, как правило, начинаются именно с «Повести временных лет».

Насонов, много занимавшийся изучением процесса сложения Древнерусского государства, пишет: «...Я был поражен тем, насколько совпадают этапы этого процесса с главнейшими этапами древнерусского летописания»²¹⁹. В самом деле, расцвет Древнерусского государства во главе с Киевом приводит к появлению первых русских летописных сводов. Выделение из этого государства, начиная с XII в., «областей» во главе с Киевом, Черниговом, Переяславом Русским и другими центрами сопровождается составлением в них летописных записей. Начинается время «областного» летописания — киевского, новгородского, черниговского, переяславля-русского, владимиро-суздальского, галицкого-волынского и др.

Судьбы некоторых из этих областных летописных традиций прослеживаются во второй — пятой главах книги Насонова. С помощью тонких наблюдений, внимательного анализа текстов автор устанавливает источники различных летописей, их взаимосвязь и взаимовлияние. Так, оказывается, что владимирское летописание, отразившееся в Лаврентьевской летописи, включило в свой состав киевский летописный источник, но не непосредствен-

но, а через обработку в летописном своде Переяславля Русского. Устанавливается это текстуальным сравнением Лаврентьевской летописи с Ипатьевской, отразившей южнорусскую (киевскую и галицко-волынскую) летописную традицию.

Не менее интересно прослежено влияние владимирской традиции на киевское летописание. Дело в том, что в киевскую летопись, отразившуюся в Ипатьевской, попало яркое описание личных подвигов князя Андрея Юрьевича Боголюбского, сына основателя Москвы князя Юрия Долгорукого, в 1149—1152 гг. В 1151 г., по летописи, князь Андрей под Киевом с одними половцами, без своей дружины («не ведущим дружине его») преследовал врагов до их «полков». Наконец, один половчанин схватил его коня под уздцы и поворотил к дружине, отругав ее за то, что она оставила своего князя. Затем описывается боевая схватка: Андрей Юрьевич, взяв копьё, поехал «наперед» и «преже всех» сразился с врагом, сломал копьё, но конь, раненый в ноздри, начал «соватися», с князя слетел плем и т. д. Двумя годами ранее храбрый князь испытал почти то же самое: он «изломил копьё» о врага, увлекся преследованием; его обступили «ратьные», гнались за ним; двумя копьями они поразили коня Андрея Юрьевича, третье попало «в передний лук седельный»; какой-то «немчищ» хотел его «просунути» рогатиной. Один из двух сопровождавших князя телохранителей («детских») был убит. Израненный конь спас «господина своего», но вскоре умер. Князь, «жалуя комонства его», приказал похоронить верного коня над р. Стырем. Все эти и другие любопытные подробности записывались, по мнению автора, при жизни отца князя Андрея Юрия Долгорукого, в 50-е годы правившего в Киеве, и по его желанию были включены в официальную киевскую летопись, из которой попали в Ипатьевскую и Лаврентьевскую.

Известное сказание об убийстве в 1174 г. (или 1175 г.) Андрея Юрьевича, поражающее своими подробностями, образностью и красочностью, составлялось и обрабатывалось владимирскими летописцами. Они испытали влияние южнорусского литературного памятника — жития Бориса и Глеба.

Южнорусское летописание, отразившееся в Ипатьевской летописи, тоже прошло довольно сложный путь. В Ипатьевской соединены Киевский летописный свод

²¹⁹ А. Н. Насонов. История русского летописания, стр. 19.

1198/99 г., Галицко-Волынский свод конца XIII в., причем ее последние записи посвящены князьям Турова и Пинска, где и были написаны оригиналы обоих списков летописи — собственно Ипатьевского и Хлебниковского.

Татаро-монгольский погром середины XIII в., установление иноземного ига на Руси, дальнейшее феодальное дробление русских земель затормозили развитие русской культуры. Сильно пострадало и развитие летописного дела. Но прервать его они, конечно, не могли. Развитие земель, захваченных Литвой, пошло особым путем; там появились свои, т. н. западнорусские, летописи. В северо-восточных землях в XIII—XIV вв. ведутся летописные записи, сначала в Твери и Пскове, затем в Москве и Нижнем Новгороде. Продолжали их составлять в Новгороде Великом и Ростове. Составляются здесь и летописные своды.

Ослабление татаро-монгольского ига в XIV в. и его свержение в конце следующего столетия сопровождалось подъемом национального самосознания во всех областях духовной жизни народа. Живопись Андрея Рублева и Феофана Грека, соборы и крепости, памятники литературы, грандиозные летописные своды той поры достаточно ясно говорят о мощном подъеме культуры. В ряде городов создаются летописные своды, общерусские по своему характеру — в Москве, Новгороде, Твери, Смоленске. Особое значение приобрело московское летописание с его митрополичьей и великокняжеской линиями, которые часто перекрещивались. Уже в начале XV в. появляется первый митрополичий свод — Троицкая летопись. Единственный ее экземпляр, написанный на пергамене, сгорел в пожар 1812 г. Честь ее реконструкции принадлежит ученику Шахматова — М. Д. Приселкову. Затем своды появляются в 1423, 1441, 1456, 1479 гг., причем последний — в связи с походом московского великого князя Ивана III на Новгород и присоединением последнего. Насонов детально исследует состав, источники грандиозного свода 1479 г. Общим источником этого свода и т. н. Ермолинской летописи был общерусский свод, составленный между 1464 и 1472 гг.; в нем обильно использован киевский источник, последний местами отличается от Ипатьевской летописи.

Свод 1479 г., содержащий большое число сведений по отечественной истории, особенно XV в. (например, о нов-

городских походах 70-х годов, постройке кремлевского Успенского собора, свадьбе Ивана III и Софьи Палеолог), был впоследствии положен в основу Воскресенской летописи.

Образование в последней четверти XV в. единого Русского государства отмечено созданием многих летописей. В конце XV — середине XVI в. составляется ряд летописных сводов, малоизвестных или неизвестных в науке. Некоторые из них впервые обнаружены самим автором.

В еще большей степени это относится к концу XVI — началу XVIII в. Позднее русское летописание с давних пор недооценивается в науке. Со времен Шахматова основное внимание сосредоточено на летописях до XVI в. Считалось, что со второй половины XVI в. летописание в России постепенно замирало, уступая место другим видам исторического повествования. Исключением признавался разве только «Новый летописец», составленный при Михаиле Федоровиче и патриархе Филарете в 30-е годы XVII в. Правда, давно были известны хронографы, но это особый род исторической литературы, посвященный всеобщей истории (с вкраплением данных и о Руси).

Насонов проделал огромную работу по отысканию, сравнительному изучению летописей той поры. Он установил существование ряда летописных сводов. Они составлялись в конце XVI в. в связи с утверждением патриаршества в России (1589 г.), в начале XVII в. при патриархе Гермогене, в 1652 г. при Никоне. Несколько летописных сводов изготовили по поручению Петра I, который среди многих других дел был озабочен и составлением большой русской истории с описанием славных дел его правления. Все эти «новые данные, — как говорит Насонов, и с ним нельзя не согласиться, — позволяют внести существенную поправку в наши представления»²²⁰.

Таким образом, автор рассмотрел ряд вопросов истории русского летописания на всем протяжении его существования. Конечно, в его «Очерках и исследованиях» не все равноценно и закончено. В одних случаях он вносит свои коррективы в уже сложившиеся в науке взгляды (особенно это касается ранних этапов летописания), в других — существенно дополняет наши представления,

²²⁰ Там же, стр. 478.

анализируя вновь обнаруженные им летописные своды XV—XVI вв., в третьих — намечает пути дальнейших изысканий (например, в исследовании сводов конца XVI — начала XVIII в., которые он обнаружил, но не успел детально изучить текстологически).

Исключительное значение для изучения русского летописания имеет опубликованная посмертно монография Н. Г. Бережкова²²¹, содержание которой в сокращенном виде автор опубликовал в статье, помещенной в «Исторических записках». В книге приводится подробный хронологический комментарий к Лаврентьевской, Ипатьевской, Новгородской I старшего и младшего изводов, что дало прочную основу для определения дат исторических событий, которые приводятся в них по разному стилю (мартовский, ультрамартовский, сентябрьский). Помимо этого, дополнительно привлечены летописи: Переяславля-Суздальского, Радзивилловская, Троицкая, Симеоновская, Московский свод конца XV в., Новгородская IV. В конце книги помещены таблицы, в которых события каждого года распределяются между статьями летописей: «Повести временных лет», Летописца Переяславля-Суздальского, Симеоновской, Новгородской IV. Исследование Бережкова стало надежным компасом, незаменимым подспорьем не только для летописеведов, но и всех специалистов, изучающих с разных сторон историю народов нашей страны периода феодализма.

В учебном пособии А. А. Зимина кратко охарактеризованы летописные своды конца XV в. и XVI в.²²² Это своды 1480 г., 1489 г. митрополита Геронтия, 1493—1494 гг. (свод издан М. Н. Тихомировым, дополнения — А. Г. Кравченко), сокращенные своды 1493 г. и 1495 г. (автор согласен с точкой зрения С. М. Каштанова о возникновении его в окружении митрополита Зосимы). В основе Симеоновской летописи и второй части Тверского сборника лежит свод 1499 г. (по Шахматову) или 1500 г. (по Лурье).

В связи с ростом международного престижа единого Русского государства в начале XVI в., точнее в 1512 г., составляется Хронограф, который автор называет «самой

ранней из дошедших до нас редакций Хронографа»²²³, поскольку редакции 1442 г. (Пахомия Логофета), 1506 г. (по Шахматову, она отразилась в Хронографе 1512 г., Хронографическом списке Новгородской IV), 1509 г. (отразилась в Софийской I по списку Царского) не сохранились, и само существование редакций 1506 и 1509 гг. сомнительно. Впоследствии, как полагал Шахматов, составлялись редакции Хронографа 1520 г. (в Никоновской), 1533 г. (в Русском Временнике, Воскресенской, Львовской), но вполне возможно, что это — редакции летописей с хронографическими статьями. Тем не менее Хронограф 1512 г., несомненно, имел продолжения (например, А. Д. Седельников предполагает, что в 1538 г. особая редакция была составлена племянником Иосифа Волоцкого Досифеем Топорковым).

Из летописных сводов начала XVI в. А. А. Зимин называет своды 1508 г. (отразился в списке Царского Софийской I и др.), 1518 г. (Уваровская летопись; использован в Софийской II, Львовской, Воскресенской, Никоновской). К 20-м годам XVI в. относится Иоасафовская (свод 1520 г.), в основе которой лежит Московский свод 1479—1480 гг., текст протографа Никоновской. Сложилась она, возможно, в среде сторонников митрополита Даниила, ученика Иосифа Волоцкого, противники которого в летописи резко осуждаются. Владимирский краткий летописец был составлен, возможно, в митрополичьей канцелярии (20—30-е годы XVI в.).

Из областных центров русского летописания конца XV—XVI в. автор останавливается на новгородском, тверском, устюжском, псковском, двинском, нижегородском, летописании монастырей (Троице-Сергиева, Иосифо-Волоколамского и др.).

Затем Зимин характеризует Воскресенскую летопись (редакцию 1533 г.), основанную на Московском своде 1526 г., ее последующие редакции, Вологодско-Пермскую, памятники середины XVI в.: Хронограф западнорусской редакции, Никоновскую, «Летописец начала царства» царя Ивана Васильевича, «Казанскую историю», Степенную книгу, Лицевой свод, оппозиционные новгородские и псковские летописи, краткие летописцы. Наконец, автор останавливается на методике изучения летописных текстов.

²²¹ Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. М., 1963.

²²² А. А. Зимин. Русские летописи и хронографы конца XV—XVI в. Учебное пособие. М., 1960.

²²³ Там же, стр. 8.

Я. С. Лурье посвятил одну из своих работ русским летописям как особому литературному жанру²²⁴. При изучении «художественной структуры» летописных сводов необходимо, по справедливому замечанию автора, исходить из того, что главными задачами летописания являются политические, публицистические, исторические. Но это обстоятельство отнюдь не преуменьшает той большой роли, которую сыграло летописание в развитии художественного творчества Древней Руси, поскольку летописи были наиболее обширными светскими памятниками среди церковной главным образом письменности того времени; они являлись своего рода творческой лабораторией, в которой возникали прообразы более поздних самостоятельных жанров — посадского и исторического, повестей, бытовой сатиры XVII в.²²⁵

В статье автора настоящей монографии подводятся итоги работы по изданию летописных текстов в серии «Полное собрание русских летописей» (т. 1—31) и вне ее, говорится также о продолжении этого издания в 1970-е годы²²⁶. Рассматривается в ней вопрос о новом издании этой серии, поставленный еще М. Д. Приселковым и рядом других ученых. Мне кажется, современное состояние летописеведческой науки в целом, в частности далеко не до конца проведенное выявление всех летописных текстов, их текстологическое изучение, диктуют необходимость продолжения серии ПСРЛ, не снимая, конечно, в будущем целесообразности нового подхода к решению этой важнейшей задачи.

В краткой форме об истории русского летописания говорится в известных академических обобщающих изданиях по отечественной истории²²⁷, «Очерках» по исто-

рии отдельных периодов истории СССР²²⁸, по истории культуры²²⁹, в трудах по историографии²³⁰ и источниковедению²³¹.

Вопросы истории южнорусского, белорусско-литовского (западнорусского), славяно-молдавского летописания затрагиваются в обобщающих работах по истории Украинской ССР²³², Белорусской ССР²³³, Молдавской ССР²³⁴.

* * *

Из работ историков русской культуры, литературы, литературоведов назову прежде всего замечательные патристические книги Д. С. Лихачева. В одной из них история русской культуры прослежена на протяжении восьми столетий; в ней автор останавливается и на истории рус-

²²⁴ Я. С. Лурье. К изучению летописного жанра. — ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1972, стр. 76—93.

²²⁵ Там же, стр. 92—93.

²²⁶ В. И. Буганов. Об издании русских летописей. — «Археографический ежегодник за 1971 г.» М., 1972, стр. 17 и сл.

²²⁷ «Очерки истории СССР». Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III—IX вв. Отв. ред. акад. Б. А. Рыбаков. М., 1958, стр. 771—831; «История СССР. С древнейших времен до наших дней». Первая серия, т. I. М., 1966, стр. 481 и сл., 672—673; т. II. М., 1966, стр. 362—365, 375—376 (авторы разделов — акад. Б. А. Рыбаков, акад. Л. В. Черепнин, А. А. Зимин); Б. А. Рыбаков. Первые века русской истории. М., 1964.

²²⁸ В. В. Мавродин. Очерки истории СССР. Древнерусское государство. Пособие для учителей. М., 1956, стр. 247—248. Автор придерживается схемы начального летописания, предложенной Д. С. Лихачевым.

²²⁹ А. М. Сахаров и А. В. Муравьев. Очерки русской культуры IX—XVII вв. М., 1962, стр. 40—42, 44—51, 76—81 и др. (при изложении начального летописания приняты взаимоисключающие взгляды А. А. Шахматова и Д. С. Лихачева); «Краткий очерк истории русской культуры с древнейших времен до наших дней». Л., 1967, стр. 24—33 и др.; А. В. Шипулина. Культура древней Руси IX—XII вв. Иваново, 1956, стр. 15—18.

²³⁰ Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX в. Курс лекций. [М.], 1957, стр. 29—50, 54—62 и др.; «Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции». Под ред. В. Е. Иллерицкого и И. А. Кудрявцева. М., 1961, стр. 28 и сл.; изд. 2. М., 1971, стр. 23—29, 33—35, 39—46, 51—52, 56—57 (авторы разделов — С. О. Шмидт, Е. В. Чистякова).

²³¹ Л. Г. Бескровный. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957, стр. 10—20 и сл.; И. Л. Шерман. Русские исторические источники X—XVIII вв. Харьков, 1959, стр. 27 и сл.

²³² «История Украинской ССР», т. I. Киев, 1969, стр. 77, 110—111, 115, 173; М. І. Марченко. Українська історіографія (з давніх часів до середини XIX ст.). Київ, 1959, стр. 14—38.

²³³ «История Белорусской ССР», т. I. Минск, 1961, стр. 148—151; «Гісторыя Беларускай ССР», т. I. Мінск, 1972, стр. 258—260.

²³⁴ «История Молдавской ССР», т. I. Кишинев, 1965, стр. 265—371; Н. А. Мохов. Формирование молдавского народа и образование Молдавского государства. Кишинев, 1969, стр. 20—21, 69—70; Е. Руссев. Славянский вклад в древнеславянскую культуру. — «Кодры», 1971, № 8, стр. 138—140.

ского летописания²³⁵. В другой книге автор более подробно рассматривает летописание конца XIV — начала XV в.²³⁶, отмечает историзм летописей, их политическую продуманность, огромное значение летописания в развитии национального самосознания на Руси. Д. С. Лихачев выдвигает справедливый тезис о том, что «русское летописание никогда не было узкоместным»²³⁷. В целом «летописание явилось в конце XIV в. и в XV в. важнейшим фактором возрождения культурных центров эпохи независимости Руси и собирания русских земель в единое Русское государство»²³⁸.

В книге о культуре Новгорода Великого автор, уделивший большое внимание специальному исследованию древнейшего новгородского летописания, кратко излагает свои взгляды по этой проблеме²³⁹.

Вопросы литературного стиля, классового характера древнерусской литературы, в том числе летописания, изучения славяно-русской переводной литературы, являющейся довольно часто одним из источников при составлении летописей, затрагиваются в работах Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье, Н. А. Мещерского²⁴⁰.

Выдающееся значение имеет фундаментальное исследование Д. С. Лихачева о текстологических проблемах применительно к русской литературе, в том числе и летописанию, X—XVII вв.²⁴¹ В ней талантливо рассказы-

вается об этапах текстологического изучения древнерусских письменных памятников, начиная от их отыскания в хранилищах и кончая изданием текстов. Одна из наиболее интересных глав посвящена освещению особенностей изучения летописных текстов²⁴². В ней автор отмечает характер работы летописцев, разновидности сочинений летописного жанра (летопись, летописец, летописный свод, редакции летописей), говорит об особенностях работы по сличению летописных текстов, необходимости их комплексного изучения. Важно его указание на то, что при составлении летописей элемент сознательности в переделках текстов преобладал над ненамеренными, механическими их изменениями. Подобный вывод, сделанный большим знатоком русского летописания, еще раз подкрепляет мнение о высоком уровне работы русских летописцев и опровергает тезис (например, в работах Н. Л. Рубинштейна) о преимущественно механическом характере работы составителей большинства летописных памятников.

Наконец, назову книги И. П. Еремина²⁴³, в которых он, с некоторыми изменениями, повторил свои взгляды на историю русского летописания XII—XIII вв., высказанные в более ранних работах, подвергшихся справедливой критике специалистов, а также коллективные труды и курсы по истории древнерусской литературы²⁴⁴, работы по истории белорусской литературы, в том числе белорусско-литовского летописания²⁴⁵.

²³⁵ Д. С. Лихачев. Культура русского народа X—XVII вв. М.—Л., 1961, стр. 18—20, 45—46 и др. См. рецензию Д. Гурвич и И. Шаскольского: «Новый мир», 1962, № 2, стр. 280—281.

²³⁶ Д. С. Лихачев. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.). М.—Л., 1962, стр. 94—107. См. рецензию Ю. Кашкарова: «Вопросы литературы», 1963, № 4, стр. 217.

²³⁷ Там же, стр. 99.

²³⁸ Там же, стр. 107.

²³⁹ Д. С. Лихачев. Новгород Великий. Очерк истории культуры Новгорода XI—XVII вв. М., 1959, стр. 20—21, 30—31 и др.

²⁴⁰ Д. С. Лихачев. Человек в литературе Древней Руси. М.—Л., 1958; он же. К изучению художественных методов русской литературы XI—XVII вв.—ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, стр. 5—28; Я. С. Лурье. К изучению классового характера древнерусской литературы.—Там же, стр. 100—119; Н. А. Мещерский. Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв.—Там же, стр. 180—231.

²⁴¹ Д. С. Лихачев. Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962. См. рецензии: П. Н. Беркова («Во-

просы литературы», 1963, № 12, стр. 81—85), Е. И. Деминой («Известия АН СССР». Серия литературы и языка, т. XXIII, вып. 3, 1964, стр. 259—262), С. Рейсера («Вопросы литературы», 1964, № 12, стр. 218—220) и др.

²⁴² Там же, стр. 340—389.

²⁴³ И. П. Еремин. Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М.—Л., 1966, стр. 28—131, 164—184 (рецензию Н. Н. Розова см.: «Русская литература», 1967, № 2, стр. 184—188); он же. Лекции по древней русской литературе. Л., 1968, стр. 38—61.

²⁴⁴ «История русской литературы в трех томах», т. I (Литература X—XVIII вв.). М.—Л., 1958, стр. 35—37, 48—50, 56—65, 69—78 и сл. (авторы глав и разделов — Д. С. Лихачев и др.); Н. В. Водовозов. История древней русской литературы. М., 1966, стр. 24—31, 40—47, 54—58 и др.; В. В. Кусков. История древнерусской литературы. Курс лекций. М., 1966, стр. 13—35; и др.

²⁴⁵ «Гісторыя беларускай дакастрычніцкай літаратуры», т. I. 3 старажытных часоў да канца XVIII ст. Мінск, 1968, стр. 108—140 (автор В. А. Чемерицкий); В. А. Чемерицкий. Белорусские ле-

* * *

Несомненно, среди обобщающих трудов по истории русского летописания выдающееся значение имеют работы А. Н. Насонова, Н. Г. Бережкова, Д. С. Лихачева, М. Н. Тихомирова, внесшие немалый вклад в изучение летописного источниковедения, текстологии, хронологии и наметившие дальнейшие пути их исследования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренный выше историографический материал позволяет заключить, что, с одной стороны, отечественное летописеведение, накопившее немалое количество важных наблюдений уже в XVIII в. и особенно в XIX в., высшего подъема достигло в трудах А. А. Шахматова, с другой — схема последнего по существу до сих пор лежит в основе научных разысканий в этой отрасли источниковедения. Именно из нее исходили и исходят исследователи, в том числе и те, которые подвергают критике, пересматривают и углубляют некоторые звенья схемы, отдельные вопросы проблемы.

Огромное значение проделанной Шахматовым работы, ее блестящие результаты позволяют говорить некоторым исследователям о «шахматовском» и отсюда — «дошахматовском» и «послешахматовском» периодах в развитии летописеведения. Подобный взгляд имеет определенные основания, однако при этом нельзя упускать из виду весьма важные моменты. Во-первых, «шахматовский» период нельзя отрывать от «дошахматовского», поскольку в трудах предшественников Шахматова содержится немало идей, выводов (правда, не разработанных подчас подробно в источниковедческом, текстологическом плане), которые затем были развиты, расширены, углублены в его замечательных исследованиях. Во-вторых, сам Шахматов сознавал, что ряд его построений гипотетичен, требует дополнительных доказательств, а многие вопросы истории русского летописания на всем протяжении его существования требуют дальнейших поисков, исследовательской работы.

В этом плане «послешахматовский» период весьма плодотворен, притом не только в смысле продолжения работы

тописи как памятники литературы (Возникновение и литературная история первых сводов). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Минск, 1967; *он же*. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Узнікненне і літаратурная гісторыя першых зводаў. Мінск, 1969.

Шахматова и его предшественников, но и в плане критики, пересмотра отдельных составных элементов его обширной конструкции и, что особенно важно, в методологии исследования русских летописей. Их классовый анализ как памятника феодальной идеологии, отражавшего интересы господствующего класса, показ их национально-патриотического характера, самобытности, огромной роли в истории русской и мировой культуры, в развитии национального самосознания русского народа — все это является замечательным достижением советского летописеведения, важнейшим итогом его развития. В этом плане наибольшее значение имеют труды Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, Д. С. Лихачева, Л. В. Черепнина, А. Н. Насонова, В. Т. Пашуто.

В ходе развития советской исторической науки, в том числе летописеведения, были преодолены представления, свойственные буржуазной исторической науке, игнорировавшей классовый характер русских летописей (это было присуще работам А. А. Шахматова, В. М. Истрина, А. С. Лаппо-Данилевского). Были подвергнуты убедительной критике утверждения, концепции, преувеличивавшие степень влияния иностранных, например византийских, традиций на возникновение русского летописания (труды М. Д. Приселкова) или преуменьшавшие идейность, политическую обусловленность, заостренность русских летописей (работы В. М. Истрина, А. С. Орлова).

В конкретно-источниковедческом плане в советской историографии также было сделано немало. Нужно сказать, что по-прежнему наибольшее внимание уделялось и уделяется древним этапам русского летописания — до XV в. включительно. Большое количество исследований посвящено начальному летописанию, причем здесь предложено немало новых решений, прежде всего касающихся проблемы возникновения летописания. Б. Д. Греков и Б. А. Рыбаков выдвинули тезис о начале ведения летописных записей на Руси с IX в., Л. В. Черепнин и Б. А. Рыбаков — о появлении в конце X в. (996 г.) первого летописного свода, М. Н. Тихомиров — о составлении в конце X — начале XI в. нескольких летописных повестей и сказаний. Тем самым закладывается фундамент для разработки концепции о более древнем возникновении русского летописания, русской историографии.

Советские исследователи подвергли критике ряд поло-

жений А. А. Шахматова, в частности его утверждения о существовании некоторых летописных сводов XI в. (Древнейшего Киевского свода 1037—1039 гг., Новгородского свода 1050 г. и др.), предложили свои, подчас спорные решения — по вопросу о появлении первых летописных памятников в XI в. (гипотеза Д. С. Лихачева о составлении в 1040-х годах «Сказания о первоначальном распространении христианства на Руси»), о датировке Начального свода, редакций «Повести временных лет» (работы Л. В. Черепнина, А. Г. Кузьмина, М. Х. Алешковского), об авторстве Нестора (А. Г. Кузьмин). В ряде случаев эти гипотезы являются продолжением и развитием взглядов, высказанных исследователями XIX — первой четверти XX в. (М. И. Сухомлиновым, И. И. Срезневским, Н. К. Никольским, С. А. Бугославским — о начале ведения летописных записей, составлении ранних повестей, авторстве Нестора).

Построения некоторых исследователей (В. М. Истрин, С. А. Бугославский, И. П. Еремин), посвященные начальному летописанию и основанные на формальном анализе летописей, без учета сложной истории их текстов, не встретили поддержки в советском летописеведении.

Наибольших, на мой взгляд, результатов советское летописеведение достигло в изучении русского летописания периода феодальной раздробленности, т. е. времени после «Повести временных лет» — того периода, который, несмотря на несомненные достижения Шахматова, был им разработан менее детально; да это и невозможно сделать одному человеку. Коллективные усилия исследователей внесли огромный вклад в разработку летописания — южнорусского (киевского, галицко-волынского, переяславско-южного) (А. С. Орлов, Б. А. Рыбаков, Л. В. Черепнин, В. Т. Пашуто, А. Н. Насонов), ростово-владими́ро-суздальского (М. Д. Приселков, Е. Ю. Перфецкий, Н. Н. Воронин), новгородского (И. М. Троицкий, Д. С. Лихачев), псковского (А. Н. Насонов), московского (М. Д. Приселков, А. Н. Насонов, Я. С. Лурье), тверского (А. Н. Насонов, Я. С. Лурье), муромо-рязанского (А. Г. Кузьмин).

Летописание конца XV—XVI в. пользовалось меньшим вниманием, однако и здесь можно отметить появление исследований о летописных сводах конца XV — первой половины XVI в. (М. Н. Тихомиров, К. Н. Сербина, А. А. Зимин, Я. С. Лурье, А. Г. Кузьмин), о больших летописных

сводах середины — третьей четверти XVI в. (Д. Н. Альшиц, А. А. Зимин).

Общерусскому летописанию XVII в. посвящены интересные работы М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина, А. Н. Насонова, новгородскому летописанию этого и предшествующего столетий — работы С. Н. Азбелева, псковскому — А. Н. Насонова, сибирскому — С. В. Бахрушина, А. И. Андреева, Н. А. Дворецкой. Созданы работы по истории украинского, белорусско-литовского, славяно-молдавского летописания.

В изучении такой важной составной части истории русского летописания, как переводная и русская хронография, приходится с сожалением констатировать явный недостаток исследований. В первые годы Советской власти были опубликованы труды В. М. Истрина, М. Н. Сперанского, А. С. Орлова. В последние десятилетия появились исследования Д. С. Лихачева, М. Н. Тихомирова, Н. А. Мещерского о русских хронографических компиляциях и их источниках, о переводных сочинениях, использованных в русском летописании. Однако этих работ крайне мало, посвящены они, как правило, отдельным вопросам. В более полном объеме важная проблема русской хронографии поставлена в исследованиях О. В. Творогова. Но до сих пор не произведен учет того огромного числа хронографических памятников, которые разбросаны по многочисленным хранилищам, собраниям нашей страны.

Немалые достижения в разработке ряда вопросов, периодов позволили создать обобщающие труды по истории русского летописания (М. Д. Приселков, Д. С. Лихачев, А. Н. Насонов, Н. Г. Бережков); та же проблема освещается в обобщающих трудах по источниковедению (М. Н. Тихомиров, Л. Г. Бескровный), историографии (Н. Л. Рубинштейн, Л. В. Черепнин), в коллективных трудах по истории СССР, отдельных республик. В них подчеркивается высокий уровень, огромное значение русского летописания в развитии русской культуры, общественно-политической мысли, историографии. Решительные возражения вызвали ошибочные положения Н. Л. Рубинштейна о механическом характере работы древнерусских летописцев (исключая разве «Повесть временных лет») с точки зрения построения целостной, продуманной исторической концепции. Эти утверждения не были приняты советской исторической наукой.

Летописная археография насчитывает немало достижений. К числу главных из них необходимо отнести издание важнейших летописных памятников в серии «Полное собрание русских летописей» до начала 1920-х годов и затем в конце 1940-х — 1960-е годы, после возобновления ее издания по инициативе М. Н. Тихомирова. Ряд летописей был переиздан типографским и фототипическим способами. Особо выделяются публикации М. Н. Тихомирова, А. Н. Насонова. В настоящее время продолжается подготовка очередных томов серии ПСРЛ (ответственный редактор — Б. А. Рыбаков). Начато издание сборников статей «Летописи и хроники»¹.

В специальной литературе ставился и ставится вопрос о необходимости подготовки на иных, чем ранее, основаниях нового издания «Полного собрания русских летописей» (М. Д. Приселков, Л. В. Черепнин, А. А. Зимин, Я. С. Лурье и др.), однако отмечается, что для этого необходимо провести большую подготовительную работу по выявлению и описанию неизвестных списков летописей, их текстологическому изучению. Только тогда может быть поставлен сложный вопрос о новом издании, в котором летописные памятники должны во многих случаях получить новые наименования, расположены (в смысле очередности помещения в отдельных томах ПСРЛ) в иной последовательности, должны быть подготовлены с привлечением в ряде случаев новых списков, с исправлением многих ошибок (при определении редакций, отнесении к ним тех или иных списков); наконец, сами правила издания летописных текстов необходимо уточнить и унифицировать. В последние десятилетия проведена немалая работа по отысканию и описанию летописных памятников (труды М. Н. Тихомирова, А. Н. Насонова, описания в «Трудах Отдела древнерусской литературы» Пушкинского Дома АН СССР и др.), однако эта работа еще далека от завершения.

В научной литературе первых лет Советской власти и последнего времени поднимался вопрос о методике работы над летописями, который модифицируется подчас в проблему «шахматовского метода» в летописеведении. Отдельные авторы, критикуя построения Шахматова и право-

¹ «Летописи и хроники. Сб. статей. 1973 г.» Посвящен памяти А. Н. Насонова. М., 1974.

мерно настаивая на усилении исторического, идеологического анализа летописных текстов, склонны были, на мой взгляд, недооценивать сравнительно-текстологический метод их исследования (Н. К. Никольский и др.); другие, справедливо критикуя недостатки первого из них в том случае, когда он не сочетается в достаточной степени с текстологическим анализом, допускают известную недооценку исторического анализа, анализа идей, особенно тогда, когда возможности для сравнительно-текстологического исследования крайне ограничены или отсутствуют совсем. Несомненно, в изучении летописей наиболее плодотворные результаты могут быть достигнуты при сочетании обоих методов, что было характерно как раз для исследований А. А. Шахматова, и именно в этом, мне кажется, заключается сущность «шахматовского метода» со всеми его особенностями — положительными и отрицательными (не следует забывать об игнорировании классовой направленности летописей), с вариациями в сочетании элементов текстологии и логически-смыслового, исторического анализа (последний применялся им при анализе древнейших памятников летописания в большей степени, чем при анализе более поздних сводов). К тому же отдельные элементы этого «шахматовского метода» (пусть еще в несовершенном, недетализированном виде) существовали и до А. А. Шахматова. После него исследователи, используя этот метод, развили отдельные его стороны, моменты. Исторический, классовый анализ летописей, основанный на марксистско-ленинской методологии, явился новым словом, большим творческим достижением советской исторической науки.

Изучение русских летописей привело в некоторых случаях к появлению разногласий, споров между специалистами по тем или иным конкретно-источниковедческим вопросам применительно к истории русского летописания, по общим теоретическим проблемам летописной текстологии, методики исследования летописных текстов. Естественно, сложная, во многом неясная и запутанная история текстов ряда памятников русского летописания, обусловленная самой необъятностью проблемы, неразработанностью отдельных ее частей, наконец, утерей огромного количества летописных памятников, не могла не породить различные, часто спорные, точки зрения, разногласия (например, по вопросам о времени появления древнейших

летописей, датировке ряда гипотетических сводов и многим другим).

Но большая работа, которая проделана, и те спорные, дискуссионные моменты, которые в ее ходе возникли, говорят о том, что со времен А. А. Шахматова представления о русском летописании во многом были уточнены, углублены и пересмотрены. По существу все эти десятилетия идет и продолжается работа по дополнению и пересмотру отдельных звеньев шахматовской схемы. Она неизбежно сопровождается разногласиями, спорами и дискуссиями, без которых трудно представить себе плодотворное развитие летописеведения. Залогом его дальнейших успехов являются творческие поиски большого коллектива советских ученых, продолжающих традиции предшественников и совершенствующих исследовательское мастерство на базе марксистско-ленинской методологии исторического исследования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- «Вестник АН СССР» — «Вестник Академии наук СССР».
- «Временник ОИДР» — «Временник Московского общества истории и древностей российских».
- «Доклады АН СССР» — «Доклады Академии наук СССР».
- ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения».
- «Известия ГАИМК» — «Известия Государственной академии истории материальной культуры».
- ИОРЯС — «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР».
- ИРЯС АН СССР — «Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР».
- КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры».
- ЛЗАК — «Летопись занятий Археографической комиссии».
- ПИ — «Проблемы источниковедения».
- ПСРЛ — «Полное собрание русских летописей».
- «Сборник ОРЯС АН СССР» — «Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Академии наук».
- ТОДРЛ — «Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР».
- ЧОИДР — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Абрамович Д. И. 25, 114, 119
- Август Октавиан, имп. римский 306
- Августин Блаженный, еп-п, богослов 305
- Авраам (библ.) 57
- Авраамка, смоленский летописец 63, 100, 128, 254, 261
- Автократов В. Н. 180, 191
- Агарь (библ.) 57
- Адам (библ.) 299
- Адашев Алексей Федорович, окольный 97, 191, 282
- Адрианов С. А. 103, 192, 193
- Адрианова-Перетц В. П. 19, 128, 130, 181, 217, 220, 221
- Азбелев С. Н. 205, 272, 289, 290, 294—296, 324
- Айналов Д. В. 113, 114
- Александр Македонский 106, 111, 300
- Александр Михайлович, кн. тверской 89, 261
- Александр Попович, былинный герой 260
- Александр Ярославич Невский, вел. кн. владимирский 81, 126, 156, 157, 165, 196, 259
- Алексей I Комнин (Алекса), имп. византийский 241
- Алексей Михайлович, ц. 189, 191, 215
- Алексий, митр. 83, 84
- Алексютович Н. А. 188
- Алешковский М. Х. 244, 323
- Альшиц Д. Н. 184, 185, 194, 285, 288, 296, 324
- Амартол Георгий см. Георгий Амартол
- Анастас Корсунянин 137
- Анастасий Синаит 305
- Андреев А. И. 31, 191—194, 295, 296, 324
- Андреев Н. Е. 288
- Андрей, ап. 17, 147
- Андрей, духовник ц. Ивана IV 185
- Андрей, еп-п тверской 114
- Андрей Владимирович, кн. 250
- Андрей Иванович, кн. старицкий 179, 277
- Андрей Юрьевич Боголюбский, кн. владими́ро-суздальский 75, 81, 161, 163, 164, 255, 256, 258, 259, 311
- Андрих Чепский см. Олдржих
- Анна Васильевна, кнж. 281, 287
- Антоний, архиеп. новгородский 241
- Антоний, св. 150
- Арсений, еп-п тверской 90, 175, 263
- Артамонов М. И. 85, 86

* Список принятых сокращений: ап. — апостол; архиеп. — архиепископ; архим. — архимандрит, библ. — библейский; вел. кн. — великий князь; д. — дочь; еп-п — епископ; ж. — жена; иг. — игумен; имп. — император; кн. — князь; кнж. — княгиня; кнж. — княжна; кор. — король; легенд. — легендарный; митр. — митрополит; миф. — мифический; патр. — патриарх; св. — святой; х. — хан; ц. — царь; ц-на — царица; ц-ч — царица.

Арциховский А. В. 85, 98, 166, 185
 Асбьерн, герой норвежского эпоса 64
 Аскольд, кн. киевский 147, 230
 Астахов В. И. 33, 41, 42
 Афанасий, митр. московский 284, 285
 Ахмат, баскак татарский 165
 Багалеи Д. И. 128
 Базилевич К. В. 193, 204, 226
 Басенок Федор, боярин 183, 278
 Батый, х. татаро-монгольский 70, 77, 159, 180, 186, 267, 268
 Бахрушин С. В. 31, 103—105, 149—151, 184, 193, 295, 324
 Башкин Матвей 180
 Бегунов Ю. К. 259, 285, 286
 Бельские, князья 283
 Бельский Мартын (Марцин), хронист польский 97, 190
 Беляев И. Д. 10, 11
 Бережков Н. Г. 206—208, 227, 242, 314, 320, 324
 Берков П. Н. 318
 Бескровный Л. Г. 317, 324
 Бестужев-Рюмин К. Н. 11—13, 69, 148, 231
 Боз (Бус), кн. антов 233
 Болеслав I Храбрый, кор. польский 150
 Болотников Иван Исаевич 272
 Борис, ц. болгарский 150
 Борис Александрович, кн. тверской 90, 174, 175, 261, 263, 264
 Борис Владимирович, кн. ростовский 58, 134, 138, 139, 142, 219, 239, 244—246, 311
 Боян, поэт древнерусский 84, 85, 136
 Брайчевский М. Ю. 245
 Брокгауз Ф. А., издатель 21
 Брячислав Изяславич, кн. полоцкий 62
 Бугославский С. А. 36, 41—43, 60, 134, 138, 143, 144, 152, 217, 221, 323
 Будовниц И. У. 29, 30, 53, 264
 Бурундай, полководец татаро-монгольский 158, 253

Бус *см.* Боз
 Бычков А. Ф. 131
 Бычкова М. Е. 270
 Быховец, летописец белорусско-литовский 100, 273, 290
 В. Д. 94, 95
 Вайиштейн О. Л. 211
 Васенко П. Г. 95, 101, 118, 119, 191, 293
 Василий, галицкий священник, автор повести об ослеплении Василька Ростиславича 67, 135, 155
 Василий II Васильевич Темный, вел. кн. московский 117
 Василий III Иванович, вел. кн. московский 95, 179
 Василий Михайлович, кн. кашинский 90, 175
 Василий Новый, св. 17, 108, 110
 Василько Романович, кн. владими́ро-во́лыньский 155, 157, 158, 160, 253
 Василько Ростиславич, кн. теребовльский 67, 135, 136
 Вассиан Дракула 118
 Введенский А. А. 102, 192—194, 295
 Веспасиан Тит Флавий, имп. римский 299
 Виноградов В. В. 26
 Висковатый Иван Михайлович, дьяк 288
 Витзен 104
 Владимир Василькович, кн. владими́ро-во́лыньский 157, 160, 253
 Владимир Всеволодович Мономах, вел. кн. киевский 59, 70, 74, 75, 79, 121, 133, 161, 164, 166, 234, 237, 244, 249, 309, 310
 Владимир Глебович, кн. Переяславля Южного 75, 163, 202
 Владимир I Святославич, кн. киевский 17, 36, 50, 53—55, 57, 58, 131, 132, 134—137, 139, 141, 143—145, 147, 149, 161, 164, 167, 230—232, 235
 Водовозов Н. В. 319
 Вольтский П. К. 254
 Воронин Н. Н. 85, 166, 174,

175, 225, 226, 239, 246, 255, 257—259, 269, 323
 Воята Герман 87, 168
 Всеволод Мстиславич, кн. новгородский и псковский 167, 168
 Всеволод Ольгович, кн. киевский 250
 Всеволод III Юрьевич Большое Гнездо, кн. владимирский 85, 126, 163—165, 210, 258, 285
 Всеволод Ярославич, кн. Переяславля Южного и киевский 70
 Всеволодичи, князья 135, 136
 Всеслав Брячиславич, кн. полоцкий 18
 Выговский Иван, гетман украинский 100
 Вышата боярин 145, 146, 236
 Вышатиц Ян, воевода киевский, боярин 50, 136, 145, 146, 151, 224, 236, 244
 Вятко, легенд. родоначальник славянского племени вятичей 146, 232
 Гедеонов С. А. 10
 Генсирский А. И. 254
 Георгий Амартол (Георгий Мних, Георгий Монах), хронист византийский 15, 17, 29, 32, 34—36, 51, 59, 68, 107—113, 119, 121, 123, 124, 197, 216, 243, 246, 298, 299, 301, 302, 304
 Георгий Синкелл, хронист византийский 107, 109—111, 123
 Герберштейн Сигизмунд, немецкий дипломат и путешественник 96, 166, 282
 Гермоген, патр. русский 313
 Геронтий, митр. русский 44, 183, 277, 279, 314
 Гершкович З. 225
 Гизель Иннокентий 70, 122, 190, 195
 Глеб Владимирович, кн. муромский 58, 134, 138, 139, 142, 219, 239, 244—246, 311
 Глеб Юрьевич, кн. Переяславля Южного и киевский 99
 Глинская Елена Васильевна, вел. кнг. 178

Голицын В. В., кн. 189
 Головин Алексей Петрович, воевода тобольский 296
 Голубовский П. В. 12
 Гольденберг Л. А. 296
 Гомер 200
 Гордята, киевлянин 230
 Греков Б. Д. 6, 31—33, 38, 39, 142, 143, 149—151, 199, 200, 227, 322
 Грекул Ф. А. 271
 Грибоедов Федор, дьяк 122
 Григорий, инок 116
 Грушевский М. С. 100, 128, 253
 Гудзий Н. К. 20, 143, 176, 217, 220—222, 225, 254
 Гунашевский Михаил, шляхтич, предполагаемый составитель Львовской летописи 100
 Гурвич Д. 318
 Давыд (Давид), ц. израильско-иудейский 112
 Давыд Святославич, кн. смоленский и черниговский 136
 Дажьбог, бог солнца и огня в славянской мифологии 232
 Даниил (библ.) 124
 Даниил, митр. московский 271, 284, 287, 315
 Даниил Заточник, писатель древнерусский 151, 255
 Даниил Романович, кн. галицкий и вольтский 156—160, 220, 253, 254
 Даниловичи, князья 264
 Дворецкая Н. А. 295, 324
 Девгений Акрит (Дигенис), легенд. герой византийской поэмы «Дигенис Акрит» 156
 Деге Д. 217
 Демина Е. И. 319
 Демьян, тысяцкий 159
 Демьян Куденевич, былинный герой 98
 Диоклетиан Гай Аврелий Валерий, имп. римский 107
 Дионисий (Давыд), еп-п, затем архиеп. суздальско-нижегородский 83, 84, 92, 93
 Дир, кн. киевский 147, 230
 Длугош Ян, хронист польский 64, 67, 71—73, 159, 160, 230, 231, 265

Дмитриева Р. П. 3
 Дмитрий Александрович, кн. Переяславля-Залесского и владимирский 81, 82, 157, 248
 Дмитрий Иванович, ц-ч 190
 Дмитрий Иванович Донской, вел. кн. московский 89, 92, 272
 Дмитрий Константинович, кн. суздальско-нижегородский 80, 83
 Дмитрий Юрьевич Шемяка, кн. галичский 174
 Добрыня Никитич, былинный герой 136, 145, 233
 Добрянский Ф. 198
 Довмонт, кн. псковский 171
 Дробленкова Н. Ф. 272
 Дубенцов Б. И. 175, 261, 263, 275, 276
 Дюк Степанович, былинный герой 99
 Евфимий II, архиеп. новгородский 169, 260
 Евфимий Суздальский, основатель Евфимьево-Суздальского мон. 83
 Евфросинья Ярославна, кнж. 158
 Егезипп 300
 Едигей, кн. ордынский 265
 Елифаний, агиограф византийский 124
 Елифаний Премудрый, древнерусский церковный писатель 318
 Еремий И. П. 38, 41, 143—145, 152, 161, 177, 222—224, 245, 252, 253, 269, 319, 323
 Еремий С. А. 26
 Ермак 102—104, 193, 194, 273, 295, 296
 Ершов А. 100, 106
 Есинов Савва, автор летописи 103, 105, 296
 Ефрем, еп-п ростовский 274
 Ефрон И. А., издатель 21
 Жарков И. А. 272, 293
 Жданов Р. В. 149, 150
 Желя, божество у древних славян 232
 Задера А. Г. 229, 248
 Зайцев Игнатий, составитель летописца 179
 Заозерский А. И. 60, 61
 Зимин А. А. 141, 142, 151—154, 160, 169, 170, 179, 270, 271, 282, 285, 296, 308, 314—316, 323—325
 Золотарев Петр, автор летописного сказания 271
 Зосима, митр. русский 277, 314
 Зыков Э. Г. 246
 Иаков Мних, автор «Памяти и похвалы кн. Владимиру» 137, 231
 Иван, архим. ц. Спаса-Преображения в Москве 275
 Иван (Иоанн), игумен Киево-Печерского мон., составитель летописного свода 58, 59, 120, 121, 141, 146, 206, 214, 234
 Иван III Васильевич, вел. кн. московский 117, 118, 176, 177, 183, 276, 278, 279, 281, 287, 312, 313
 Иван IV Васильевич Грозный, вел. кн. московский, ц. 94, 97, 98, 104, 127, 179, 184—187, 191, 215, 270, 282, 286, 288, 289, 291, 315
 Иван Данилович Калита, вел. кн. московский 89, 261, 275
 Иван Михайлович, кн. тверской 90, 175
 Иван Черный 197, 305
 Иванов Авраамий, иконописец 292
 Ивина Л. И. 270
 Игорь, вел. кн. киевский 36, 58, 64, 110, 147, 230, 231, 235
 Игорь Ольгович, вел. кн. киевский 161, 250
 Игорь Святославич, кн. новгородско-северский и черниговский 69, 75, 148, 158, 202, 246, 251, 285
 Измаил (библ.) 57
 Изяслав Мстиславич, вел. кн. киевский 75, 98, 99, 161, 249, 250, 252
 Изяслав Ярославич, кн. киевский 125, 137, 240
 Изяславичи, князья 136

Иисус Христос (библ.) 109
 Иконников В. С. 98, 99, 118
 Илармон, митр. киевский, писатель 29, 57, 60, 61, 139, 214, 219, 301
 Иларион Мегленский, еп-п 115
 Иллерицкий В. Е. 4, 317
 Иловайский Д. И. 10
 Ильин М. А. 174, 175, 177, 261, 263
 Ильин Н. Н. 245
 Илья Муромец, былинный герой 233
 Ингварь Игоревич, кн. рязанский 266, 267
 Иннокентий, инок Пафнутьево-Боровского мон. 95
 Иоаким, митр. новгородский, патр. русский 189, 191, 196, 293, 294
 Иоаким Корсунянин, еп-п новгородский 7, 189, 190, 237
 Иоанн, еп-п при кн. Данииле Галицком 158, 160
 Иоанн Глазатый, священник 187
 Иоанн Златоуст 114
 Иоанн Зонара, хронист византийский 107, 115, 116, 119, 124, 190
 Иоанн Малала, хронист византийский 68, 107, 109—112, 114, 115, 119, 123, 124, 156, 197, 216, 297—299, 301, 302, 304, 307
 Иоанн Цимисхий, имп. византийский 148
 Иоасаф, митр. русский 97, 98, 106
 Иов, патр. русский 292, 293
 Иосиф, келейник патр. Иова 292, 293
 Иосиф бен Горион (Горионид) 299, 300
 Иосиф Волоцкий (Иосиф Санин), церковный писатель 118, 179, 315
 Иосиф Тризна, архим. Киево-Печерского мон. 253
 Исаак (библ.) 57
 Исаак (Исакий), имп. византийский 241
 Истрин В. М. 5, 25, 29, 32—36, 39, 42, 43, 47, 49—53, 56, 57, 61, 62, 65, 108—113, 119, 123—126, 128, 129, 131, 150, 156, 196, 197, 298, 299, 303, 304, 322, 324
 Кайев А. А. 217
 Казакевич А. Н. 3
 Казанский П. С. 10
 Карамзин Н. М. 9, 10, 80, 90, 91, 101, 103, 154, 162, 175, 181, 191, 265
 Каргер М. К. 140, 246, 294, 295
 Кареев Н. И. 60, 61
 Карл Великий, имп. франкский 15, 213
 Карна, божество у древних славян 232
 Каролинги, династия во Франском гос-ве 15
 Карский Е. Ф. 66
 Карышковский П. О. 139, 148, 149
 Катырев-Ростовский Иван Михайлович, русский писатель 101, 102, 106, 114, 198
 Кашкаров Ю. 318
 Капитанов С. М. 270, 277, 279, 314
 Кий, кн. полянский, основатель г. Киева (легенд.) 146, 230, 233—235
 Киприан, архиеп. тобольский 103, 129
 Киприан, митр. русский 91, 176, 203, 265
 Кирик, дьякон новгородского Антониева мон. 76, 141, 142, 167, 168
 Кирилл, митр. 157, 159, 165
 Кирилл, печатник кн. Даниила Галицкого 156, 159
 Кирилл Туровский, древнерусский писатель 301
 Климент Смолятич, древнерусский писатель 302
 Клосс Б. М. 260, 286, 287, 302, 304, 305
 Ключевский В. О. 191
 Козарин (легенд.) 300, 301
 Кокорина С. М. 286
 Колтовский С. С., окольный 191
 Комарович В. Л. 198, 221, 257, 266, 267

Константин 145
 Константин VII Багрянород-
 ный, имп. византийский 140
 Константин Всеволодович, вел.
 кн. владимирский и ростов-
 ский 165, 257
 Константин Добрынич, былин-
 ный герой 145
 Константин — Кирилл, просве-
 титель славянский 150
 Константин Манассия, хронист
 византийский 107, 108, 112,
 115, 124
 Копанев А. И. 248
 Копыстенский Захарий 100, 106
 Корецкий В. И. 6, 271, 272,
 292, 293
 Корнилий, иг. Псковско-Печер-
 ского мон. 187
 Королюк В. Д. 150, 160
 Коснятин 145
 Костомаров Н. И. 10
 Коструб Т. 64
 Кочетов С. И. 264, 265
 Кравченко А. Г. 271, 275, 314
 Крамер 190
 Ксения (Оксинья), кнг. 113, 114
 Кубасов Сергей 101, 102, 106
 Кудрявцев И. А. 317
 Кудрявцев И. М. 281
 Кудрявцев Тимофей, дьяк 189
 Кузьмин А. Г. 9, 10, 42, 43,
 144, 238—240, 242, 243, 255,
 259, 260, 267—270, 281, 286—
 288, 323
 Кузьмище Киевлянин 258
 Кунаков Григорий, дьяк 189
 Куник А. А. 10
 Кунцевич Г. З. 180, 186
 Курбский Андрей Михайлович,
 кн., боярин 184—186
 Куремса, воевода татарский 253
 Курлятев Дмитрий Иванович,
 кн. 185
 Курцев-Фуников см. Фуников
 Кусков В. В. 185, 319
 Кучкин В. А. 252, 253, 261,
 262, 270, 281, 305
 Лаврентий, монах 17, 80, 82—
 84, 87, 92, 162, 257
 Лавров Н. Ф. 18, 19, 32, 96—
 98, 105, 106, 282
 Лазарь, еп-п переяславский 74,
 239, 246
 Лаппо-Данилевский А. С. 120—
 123, 129, 322
 Лаптев В. В. 283, 284
 Латухин, купец 101
 Лебедева И. Н. 307
 Лев Диякон, хронист византий-
 ский 148
 Лев Калойский 140
 Левина С. А. 178, 271, 282—
 284
 Левченко М. В. 148, 246
 Лжедмитрий I, самозванец 118
 Лимонов Ю. А. 255, 258, 259,
 265, 274, 275, 282, 290, 291
 Лихачев Д. С. 8, 10, 13, 27—
 29, 33—35, 38—45, 53, 56,
 130, 131, 133, 137, 138, 140,
 144—147, 151, 156, 157, 167,
 169, 171, 175—177, 190, 192—
 195, 199, 205, 215, 217—227,
 230, 236—238, 246, 267, 303,
 305, 317—320, 322—324
 Лихачев Н. П. 94—96
 Лобанов-Ростовский С., кн. 185
 Ловмяньский Х. 220
 Лопатинский Л. Г. 99
 Лука, еп-п ростово-владимир-
 ский 74
 Лурье Я. С. 30, 31, 43—47,
 56, 144, 174—177, 181—183,
 194, 263, 265, 266, 271, 272,
 275—280, 290, 296, 314, 316,
 318, 323, 325
 Лыбедь, сестра полянских кня-
 зей Кия, Щека, Хорива (ле-
 генд.) 146
 Любомиров П. Г. 118, 119, 198
 Лют 145
 Лященко А. И. 62, 63, 69, 98,
 99
 Мавродин В. В. 38, 229, 317
 Магмет-Гирей, х. крымский 282,
 285
 Макарий, митр. русский 61, 184,
 185, 282, 283, 285
 Макарий Желтоводский, осно-
 ватель Макарьево-Желтовод-
 ского мон. 83
 Макина М. А. 295
 Маклаков Постник Губин, дьяк
 178

Малко Любечанин 57
 Малуша, ключница кнг. Ольги
 57
 Мальцев А. Н. 273
 Мальцев П. М. 118
 Марк Левкеинский, составитель
 летописца 179
 Маркевич А. И. 10, 12
 Марков А. В. 266
 Марченко М. И. 317
 Масленникова Н. Н. 173
 Махнова Г. П. 6
 Маяковский И. Л. 315
 Мефодий, священник новгород-
 ский 290
 Мефодий Патарский 17, 61
 Мефодий Словенский 17
 Мецкерский Н. А. 170, 197, 199,
 298—301, 307, 318, 324
 Микула, священник владимир-
 ского Успенского собора 258
 Миллер Г. Ф. 105, 265
 Мильготина Л. З. 271
 Миндовг, вел. кн. литовский 253
 Мирзоев В. Г. 296
 Михаил, еп-п смоленский 265
 Михаил, кн. черниговский 160
 Михаил, митр. 114
 Михаил Александрович, вел. кн.
 тверской 174, 175, 306
 Михаил Федорович Романов, ц.
 188, 189, 313
 Михаил Ярославич, вел. кн.
 тверской и владимирский 81,
 82, 113, 114, 165, 257, 262—
 264
 Михайлик 70
 Мойсеева Г. Н. 180, 186, 194,
 265, 286
 Моисей, иг. Выдубицкого мон.
 155, 202, 249, 252
 Моисей Угрин 150
 Монгайт А. Л. 266
 Мордасов В. И. 234
 Мохов Н. А. 317
 Мстислав Владимирович, кн.
 новгородский и вел. кн. киев-
 ский 70, 79, 167, 234, 235,
 237, 310
 Мстислав Владимирович, кн.
 тмутараканский и чернигов-
 ский 84, 85, 99
 Мстислав Данилович, кн. вла-
 димири-волынский 160, 253

Мстислав Изяславич, кн. киев-
 ский 99
 Мстислав Мстиславович, кн. нов-
 городский, галицкий и торо-
 пецкий 77
 Мстислав Ростиславич, кн. нов-
 городский 70
 Мстиша 145
 Муравьев А. В. 317
 Муравьева Л. Л. 264, 270, 285,
 293
 Мусин-Пушкин А. И., обер-про-
 курор Синода 162
 Нагие 291
 Назин Т. 150
 Насонов А. Н. 26, 32, 33, 35—
 37, 44, 53, 88, 89, 91, 93, 152—
 154, 170—175, 177, 180, 181,
 183, 187, 194, 224, 237, 238,
 246, 248, 249, 255—257, 261—
 264, 269, 270, 273, 274, 276,
 279, 286, 296, 307—310, 312,
 313, 320, 322—325
 Небольсин П. И. 103, 193
 Нестор, монах Киево-Печер-
 ского мон., летописец 7—9,
 11, 17, 21, 32, 36, 51, 58—62,
 68, 74, 84, 110, 120, 121, 126,
 133—135, 142—144, 146, 151,
 200, 214, 221, 234, 235, 237,
 239, 242, 243, 245, 259, 309,
 323
 Нечкина М. В. 4
 Низовцев А. 216
 Никитин Афанасий 279, 281
 Никифор, киевлянин 230, 231
 Никифор, патр. 107, 247, 248,
 272, 299
 Никола Зарайский, св. 198
 Никольский Н. К. 5, 25, 29,
 32, 34—37, 39—43, 47, 53—
 56, 61, 65, 131, 137, 148, 240,
 323, 326
 Никон, летописец 29, 30, 34,
 57, 58, 60, 61, 120, 126, 131,
 141, 145, 146, 214, 219, 221,
 233, 237
 Никон, патр. русский 293, 313
 Никон Черногорец 305
 Нифонт, архиеп. новгородский
 167—169
 Ной (библ.) 234
 Носов Н. Е. 248

Обида, божество у древних славян 232
 Обнорский С. П. 27
 Оболенские, князья 277
 Огородников В. И. 129
 Одд, герой норвежского эпоса 63
 Ожегов С. И. 20
 Оксинья *см.* Ксения
 Олдржих (Андрих), кн. чешский 55
 Олег, кн. древнерусский 11, 18, 58, 62—64, 139, 146, 147, 212, 230, 235
 Олег Иванович, кн. рязанский 266, 268
 Олег Святославич (Гориславич), кн. черниговский 85, 135, 136, 202
 Ольга, кнг. 36, 56, 57, 146, 212, 219, 231
 Орешников А. С. 244, 245
 Орлов А. С. 67, 68, 114, 115, 119, 127, 128, 155, 156, 158, 215, 216, 322—324
 Остромир, посадник новгородский 145, 236, 237
 Отрок (Отрак), х. половецкий 161

Павел, еп-п 22
 Палеолог Софья, кнг. 313
 Палецкий Давыд Федорович, кн. 185
 Палицын Авраамий 189, 198
 Панченко А. М. 307
 Пархоменко В. А. 149, 161
 Пахомий Логофет (Серб), древнерусский писатель 107, 115, 176, 203, 222, 303, 315
 Пашуто В. Т. 6, 28, 29, 130, 145, 159—161, 177, 248, 252, 253, 322, 323
 Пересветов Иван 186, 282
 Перетц В. Н. 70
 Пермский П. 193
 Перфецкий Е. Ю. 64, 70—79, 86—88, 93, 231, 240, 323
 Петр, ап. 114
 Петр, зодчий 294, 295
 Петр, митр. русский 22, 155
 Петр I 313
 Петр Акерович, иг. 160

Петр Бориславич, тысяцкий киевский 250, 252
 Петр Симеонович, ц. болгарский 61
 Петр Черноризец 61
 Петровский Н. М. 61
 Пичета В. И. 128, 204, 205
 Платонов С. Ф. 25, 56, 57, 96, 101, 118, 188, 191
 Погодин М. П. 10
 Подобедова О. И. 259, 289, 302
 Пожарский Дмитрий Михайлович, кн. 118, 119
 Покровская В. Ф. 289
 Покровский М. Н. 264
 Поликарп, монах 67, 133, 252, 255, 259
 Половой Н. Я. 246
 Попов А. Н. 9, 107, 116, 118, 298, 303, 304
 Порфиридов Н. Г. 170
 Потапов П. О. 116, 119
 Предслава Владимировна, кнг. 150
 Пресняков А. Е. 5, 13, 24, 25, 29, 94, 96, 128, 184
 Приселков М. Д. 5, 16, 18, 20, 25, 27—35, 39, 43—45, 47, 49, 57—61, 79—83, 91—93, 126, 127, 131, 133, 135, 138—140, 149, 151—155, 162—166, 169, 175—177, 200—203, 211, 214, 219, 220, 224, 248, 255—257, 264—266, 312, 316, 322—325
 Прокопий, иконописец 113
 Пронштейн А. П. 229, 248
 Протасьева Т. Н. 269
 Псевдо-Дорофей 307
 Псевдо-Каллисфен 301
 Пушкарев Л. Н. 277

Рабинович М. Д. 150
 Рагнар, герой норвежского эпоса 62
 Радим, легенд. родоначальник славянского племени радимичей 146, 232
 Разин Степан Тимофеевич 271
 Редедя, кн. черкесский 84, 85, 99
 Рейсер С. 319
 Ремезов Семен Ульянович, историк Сибири, географ, картограф 104, 129, 296

Рогнеда, кнг. полоцкая 57
 Розанов С. П. 94, 97, 98, 105, 106, 116, 117, 119, 195, 286, 287, 303, 304
 Розов Н. Н. 319
 Роман Мстиславич, кн. новгородский и галицкий 208
 Роман Святославич, кн. тмутараканский 84
 Романов Б. А. 130, 220, 222
 Романов Михаил Федорович *см.* Михаил Федорович Романов
 Романовы, боярский род и царская династия в России 188, 291
 Ромодановская А. А. 153, 170
 Ромодановский В. Г. Меньшой, кн. 293
 Ростиславичи, князья 136, 160
 Рубинштейн Н. Л. 38, 208, 210—212, 214, 223, 227, 319, 324
 Рублев Андрей 312, 318
 Рудаков А. А. 190
 Русинов Н. Д. 295
 Руссев Е. М. 317
 Рыбаков Б. А. 6, 33—35, 37, 42, 44, 45, 48, 56, 140, 166, 206, 232—237, 246, 248—251, 255, 269, 271, 316, 322, 323, 325
 Рыдзевская Е. А. 64
 Рюрик, кн. (легенд.) 58, 146, 235—237
 Рюрик Ростиславич, кн. киевский 251, 252
 Рюриковичи, князья 213

Савва Сербский, хронист 107, 115
 Сарра (библ.) 57
 Сафаргалиев М. Г. 180
 Сафонович Феодосий 122
 Сахаров А. М. 317
 Сварог, божество у древних славян 232
 Свенельд, воевода киевский 145
 Свердлов М. Б. 254
 Свириг А. Н. 302
 Святополк Владимирович Окаянный, кн. туровский и вел. кн. киевский 132, 133
 Святополк Изяславич, вел. кн. киевский 59, 62, 74, 136, 143, 151, 244

Святослав Всеволодович, кн. черниговский и вел. кн. киевский 251, 252, 285
 Святослав Игоревич, вел. кн. киевский 58, 64, 68, 131, 139, 147—149, 156, 230, 231, 235
 Святослав Ольгович, кн. новгородский и черниговский 202, 250
 Святослав Ярославич, черниговский и вел. кн. киевский 135, 137
 Святославичи, князья 135, 136
 Седельников А. Д. 117—119, 315
 Семенов А. И. 260
 Сенигов И. П. 10, 168
 Серацион Владимирский, древнерусский писатель и оратор 301, 302
 Сербина К. Н. 180, 181, 187, 194, 230, 270, 276, 279, 290, 291, 296, 323
 Сергей Радонежский, основатель Троице-Сергиева мон. 83
 Сигизмунд I, кор. польский 283
 Сигурд, герой норвежского эпоса 64
 Сильвестр, древнерусский писатель и церковный деятель 7, 9, 21, 32, 59, 74, 126, 133, 164, 200, 239, 310
 Сильвестр, русский политический деятель и писатель 96, 106
 Симеон, еп-п тверской 89
 Симеон, ц. болгарский 123, 246, 299
 Симеон Логофет, хронист византийский 109
 Симон, волхв (библ.) 114
 Симон, еп-п владимирский и суздальский 255, 259
 Симон, митр. русский 276
 Синеус, кн. (легенд.) 146, 236
 Скрипиль М. О. 150
 Смирнов И. И. 288
 Смирнов П. П. 166
 Собакин В. Н. 173
 Собакин Н. С., воевода псковский 173
 Соболевский А. И. 70, 96, 106
 Соколов Б. М. 25, 57
 Соловьев А. В. 286
 Соловьев С. М. 103

Софья, ц-на 189
 Спасский Г. И. 103
 Сперанский М. Н. 25, 105, 106, 115, 119, 198, 324
 Срезневский И. И. 10, 11, 148, 149, 199, 229, 245, 323
 Ставрович А. М. 101, 102, 106, 192—194, 295
 Староверова И. П. 28
 Степанов Н. В. 193
 Стефан Дечанский 115
 Стефан Душан, ц. сербский 116
 Стефан Лазаревич 107, 115
 Строганов Максим, купец 104
 Строгановы, русские купцы и промышленники 102—104, 193, 194, 296
 Строев П. М. 10
 Стрыйковский Матвей, хронист польский 190, 290
 Сумбеке *см.* Сююн-бике
 Сухомлинов М. И. 10, 148, 323
 Сушицкий Ф. П. 70, 99, 100, 128
 Сырчан, х. половецкий 161
 Сюзюмов М. Я. 302
 Сююн-бике (Сумбеке), ханша казанская 286
 Татищев В. Н. 7—10, 67, 73, 189, 190, 250, 252, 266—268, 292, 293
 Творогов Л. А. 172, 173
 Творогов О. В. 302—305, 307, 324
 Теплов Л. П. 190
 Терентий, протопоп Благовещенского собора в Москве 118, 119
 Темир Аксак, х. 272
 Тимофей, летописец галицкий 159
 Тимофей, пономарь ц. св. Якова в Новгороде 87
 Тит, имп. римский 196, 299
 Тихомиров И. А. 12—14
 Тихомиров М. Н. 6, 8, 28, 32—34, 37, 38, 41, 42, 44, 45, 48, 53, 56, 95, 131, 132, 137, 142, 148, 151, 154, 161, 166, 178, 179, 181, 182, 194—197, 199, 204—206, 226, 227, 229—231, 236, 240, 246—248, 269—272, 275, 280, 291, 292, 295, 296, 307, 308, 314, 320, 322—325

Тихон, архиеп. ростовский 277
 Тихон, настоятель нижегородского Макарьево-Желтоводского мон. 101, 293
 Товий (библ.) 306
 Толстой Ф. А., кн. 94
 Топорков Досифей 117, 118, 280, 315
 Торир, герой норвежского эпоса 64
 Тохтамыш, х. ордынский 272
 Триггвасон Олаф, герой норвежского эпоса 62, 64
 Трифон, архиеп. ростовский 277
 Троицкий С. М. 248
 Троцкий И. М. 57, 58, 79, 86—88, 93, 323
 Трувор, кн. (легенд.) 146, 237
 Удальцова З. В. 297, 298, 302, 307
 Улащик Н. Н. 6, 270, 273, 277, 290
 Федор Алексеевич, ц. 195
 Федор Басенок *см.* Басенок Федор
 Федор Иванович, ц-ч, потом ц. 94, 104, 179, 188, 189
 Федор Ростиславич Черный, кн. смоленский и ярославский 165, 291
 Федоров Е. 143
 Феодосий Печерский, иг. Киево-Печерского мон. 54, 58, 68, 134, 142, 239
 Феодул, иг. владимирского Успенского собора 258
 Феопемпт, митр. русский 29, 54, 109
 Феофан, историк византийский 64
 Феофан Грек, иконописец 294, 295, 312
 Фигуровский Н. А. 190
 Филарет, патр. русский 188, 189, 313
 Филофей, еп-п пермский 182, 280, 281
 Флавий Иосиф, древнееврейский историк 68, 107, 112, 113, 123, 156, 197, 281, 289, 298—302
 Флоровский А. В. 96
 Флоря Б. Н. 290, 295

Фома, инок 174, 175
 Фома, пресвитер 302
 Фотий, митр. 22, 79, 91, 92, 107, 115, 176, 203, 273
 Фофанов Никита Федорович, московский печатник 291
 Фуников Никита Афанасьевич 185

Хильбудий, кн., основатель Киева (легенд.) 233
 Хорив, кн., брат Кия (легенд.) 146, 235
 Хорошкевич А. Л. 248
 Хрущов И. П. 10

Чемерицкий В. А. 254, 319
 Черепанов И. Л., автор сибирской летописи 105
 Черепнин Л. В. 6, 29, 30, 33, 37—42, 44, 45, 48, 133, 134, 136—139, 142—145, 151, 157—159, 177, 178, 188—190, 194, 208, 224, 238, 246, 253, 260, 293, 316, 317, 322—325
 Чистякова Е. В. 294, 317
 Чичеров В. И. 217

Шамбинаго С. К. 190, 191, 194
 Шаскольский И. П. 170, 225, 318
 Шахматов А. А. 3, 5, 13—21, 23—36, 38—58, 60, 62—67, 70—74, 76, 79, 85, 86, 89, 91—94, 96, 98, 115—117, 121, 124, 128, 131—141, 144, 145, 149, 151, 153, 162, 165, 166, 168—170, 172, 175—178, 181—184, 196, 200, 203—206, 209, 211, 217, 218, 221, 222, 224, 228—230, 236, 237, 239—248, 256, 263, 265, 266, 273, 275, 278, 280, 284, 286, 288, 303—305, 309, 312—315, 317, 321—323, 325—327

Шевкал *см.* Щелкан
 Шейнкерман Л. 217
 Шерман И. Л. 33, 317
 Шипулина А. В. 317
 Шлёцер А.-Л. 8—10, 99
 Шляков Н. В. 84
 Шмидт С. О. 195, 199, 288, 289, 317
 Шуйские, князья 283, 291

Шуйский Василий Иванович, ц. 291
 Шунков В. И. 31
 Шусторович Э. М. 301

Щек, кн., брат Кия (легенд.) 146, 235
 Щелкан (Шевкал), посол татарский 174
 Щепкина М. В. 269
 Щербина В. 83, 84, 92, 93

Эверс Г. 9, 14
 Эймунд, герой норвежского эпоса 62
 Эйнгард, хронист времени Карла Великого 213

Юрий Владимирович Долгорукий, кн. ростово-суздальский и киевский 164, 255—259, 311
 Юрий Всеволодович, вел. кн. владимирский 77, 165, 257
 Юрий Данилович, кн. московский 264
 Юстиниан, имп. Византийский 297, 301
 Юшков С. В. 169, 220, 222

Яков, стольник 159
 Яковлев А. И. 190
 Яковлев О. А. 173, 180, 190, 194, 291
 Ян Вышатич *см.* Вышатич Ян
 Яниш Н. Н. 12
 Яновы, дворяне 272
 Ярополк Изяславич, кн. владими́ро-во́лын-ский 240
 Ярополк Святославич, вел. кн. киевский 132
 Ярослав Владимирович Мудрый, вел. кн. киевский 6, 14, 29, 50, 51, 53, 58, 62, 84, 85, 88, 109, 131—133, 135, 136, 138, 140, 141, 150, 218, 219, 231, 233, 235—238, 309
 Ярослав Владимирович Осмомысл, кн. галицкий 158
 Ярослав Всеволодович, кн. Переяславля-Суздальского 85, 126, 165, 257
 Ярослав Святополкович, кн. владими́ро-во́лын-ский 135, 136
 Ярославичи, князья 139, 141, 244
 Яцунский В. К. 31

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ*

Абхазия («в Обезы») 61
 Азовское море 233
 Альта, р. 244
 Архангельск, г. 291
 Астрахань, г. 288
 Баркулабово, село 273
 Белоруссия 155, 188, 273
 Болгария (Болгарское гос-во) 107, 111, 114—116, 123, 124, 235, 246, 299
 Брадлавщина 100
 Вавилон, г. 272
 Великий Устюг *см.* Устюг Великий
 Великое княжество Литовское (Литва, Литовское гос-во) 111, 155, 159, 161, 179, 252, 253, 273, 312
 Великоморавское гос-во 235
 Венгрия 159
 Верхотурье, г. 104
 Византийская империя (Византия) 55, 57, 106, 111, 116, 127, 138, 211, 213, 219, 231, 233, 241, 246, 284, 302, 307
 Владимир-Волынский, г. 157
 Владимир-на-Клязьме, г. 75, 122, 164, 165, 171, 203, 210, 255, 256
 Владимиро-Суздальское княж. (Владимиро-Суздальская Русь, земля) 72, 85, 252, 258, 259

Волга, р. 83
 Вологда, г. 22, 23
 Воынь 121, 210
 Вышгород, г. 134, 135, 137, 139, 256, 309
 Галиция 82, 155
 Галицко-Волыньское княж. (Галицко-Волыньская Русь, земля, область) 67, 68, 72, 155, 157, 159, 252
 Галицкое княж. (Галицкая земля) 157, 158, 200
 Галич, г. 21, 121, 143, 156
 Греция 307
 Днепр, р. 273; *см.* также Правобережье Днепра, Среднее Приднепровье
 Древнерусское (Киевское) гос-во 23, 49, 83, 131, 132, 138, 140, 143, 146, 148, 149, 187, 199, 200, 204, 226, 234, 235, 237, 243, 254, 265, 297, 310
 Древняя Русь 8—11, 30, 33, 35, 43, 52, 120, 129, 140, 143, 147, 161, 166, 212, 224, 227, 232, 243, 244, 246, 250, 300, 301, 307, 316, 318, 319
 Египет 307
 Западная Европа 208, 213
 Западная Сибирь 193, 273; *см.* также Сибирь

Западная Украина 155; *см.* также Украина
 Золотая Орда 89, 159, 186, 261
 Иерусалим г. 111, 156, 197, 299—301
 Индийское царство 301
 Италия 299
 Иудейское гос-во (Иудейское ц-во, Иудея) 126, 299; *см.* также Палестина
 Кавказ 85
 Казанское х-во (Казанское ц-во) 114, 180, 186
 Казань, г. 122, 179, 180, 186, 282, 286, 288
 Калка, р. 159, 254
 Кашин, г. 90, 262
 Киев, г. 54, 58, 62, 63, 69, 70, 79, 84, 109, 114, 124, 127, 132, 133, 137, 141, 142, 146, 159, 164, 167, 200, 203, 209, 210, 213, 219, 223, 230, 231, 233—235, 238, 240, 242, 244, 246, 249, 251, 256, 309—311
 Золотые ворота в г. Киеве 70
 Константинополь (Царьград), г. 36, 51, 57, 64, 90, 108, 110, 111, 115, 117, 124, 139, 170, 198, 241, 301, 304
 Кострома, г. 81
 Курское княж. 165
 Ладога, г. 63, 239, 240
 Листвен, г. 84, 85
 Литва *см.* Великое княжество Литовское
 Львов, г. 100
 Могилев, г. 273
 Молдавия (Молдавское гос-во) 273
 Монастыри:
 Антониев в Новгороде Великом 76, 167
 Михайловский Выдубицкий в г. Киеве 59, 74, 155, 202, 221, 239, 310
 Дмитриевский в г. Суздале 258
 Евфимьев-Суздальский 83
 Елизаров в г. Пскове 187
 Иосифо-Волоколамский 115, 116, 118, 179, 305, 315

Киево-Печерский 17, 51, 54, 58—61, 68, 83, 133, 143, 144, 168, 213, 214, 219, 221, 239, 253, 309
 Кирилло-Белозерский 94, 98, 180, 278, 288
 Лисицкий в Новгороде Великом 260
 Макарьево-Желтоводский около Нижнего Новгорода 83, 101, 293
 Пафнутаев-Боровский 95
 Печерский около Нижнего Новгорода 83
 Псковско-Печерский около г. Изборска 187
 Савво-Сторожевский около г. Звенигорода 101
 Снеггорский в г. Пскове 172, 173
 Соловецкий 289
 Спасо-Прилуцкий под г. Вологдой 276
 Троице-Сергиев (позднее — лавра) 97, 98, 113, 265, 277, 279, 286, 287, 315
 Чудов в г. Москве 189
 Юрьев близ Новгорода Великого 87, 88
 Москва, г. 22, 81, 89, 90, 92, 98, 111, 115, 121, 154, 169, 171, 174—176, 181, 182, 187, 196, 197, 210, 215, 220, 222, 226, 260, 263—265, 267, 272, 282, 285, 287, 290, 311, 312
 Красная площадь 191
 Кремль 289
 Рогожское старообрядческое кладбище 94
 Московское гос-во 83, 179, 292
 Муром, г. 267, 268
 Новгород Великий, г. 7, 22, 63, 71, 77, 79, 84, 87, 121, 132, 141—143, 167—171, 176, 189, 190, 195, 197, 200, 203, 210, 220, 225, 233, 236, 237, 240, 241, 244, 290, 294, 295, 305, 312, 318
 Новгород Нижний, г. 83, 291, 312
 Новгородская земля 166, 225, 237

* Список принятых сокращений: г. — город; гос-во — государство; княж. — княжество; мон. — монастырь; р. — река; ц-во — царство; х-во — ханство.

Новгородско-Псковская земля 252
Новогрудок, г. 161, 252
Норвегия 63, 64
Обезы *см.* Абхазия
Ока, р. 232
Орша, г. 70, 273
Острог, г. 179
Палестина 299; *см.* также Иудейское гос-во
Паннония, римская провинция 15
Перемышль, г. 21, 240
Переяславль-Русский (Южный), г. 19, 74, 83, 99, 143, 163—165, 200, 202, 203, 219, 249, 254, 255, 310, 311
Переяславль-Суздальская земля 156
Переяславль-Суздальский (Переяславль-Залесский, Переяславль-на-Трубеже), г. 21, 22, 36, 72, 126, 156, 157, 163, 165, 202, 203, 210, 275, 300, 314
Переяславская епархия 239
Пермь, г. 104
Персия 307
Пинск, г. 312
Плава, р. 263
Полоцк, г. 273
Польша 150, 155, 159, 189, 230, 231, 273
Правобережье Днепра 232; *см.* также Днепр
Прикамье 104
Псков, г. 22, 121, 171, 172, 187, 210, 292, 312
Псковская земля 173
Рим, г. 90, 106, 112, 174, 307
Римская империя 284
Российское (Русское) гос-во 93, 122, 132, 173, 174, 181, 197, 200, 205, 206, 220, 225, 226, 252, 262, 273, 288, 310, 313, 314, 318
Россия 96, 97, 120, 142, 179, 186, 187, 195, 197, 204, 206, 210, 231, 232, 271, 273, 274, 284, 292, 296, 313
Ростов, г. 22, 164—166, 171, 203, 210, 257, 258, 312
Ростовская земля 257
Ростово-Суздальская княж. (Ростово-Суздальская земля) 164, 165, 255
Русская земля (Российская земля) 38, 54, 58, 60, 127, 131, 132, 134, 138, 139, 144, 158, 200, 209, 213, 234, 271, 286
Русь 29, 37, 39, 50, 51, 54, 55, 57, 63, 64, 67, 107—109, 111, 114, 123, 124, 126, 127, 131, 132, 136—140, 142, 146—149, 151, 156, 157, 170, 176, 186, 190, 200, 205, 206, 210, 211, 213, 218, 219, 221—226, 229—231, 234—236, 238, 239, 242, 243, 250, 251, 297—299, 301, 303, 308—310, 312, 313, 318, 322, 323
Рязанское княж. (Рязанская земля) 266—268
Рязань, г. 46, 266—268, 281
Северо-Восточная Русь 12, 14 255, 305
Сербия (Сербское княж. 116, 117
Сибирь (Сибирское гос-во) 31, 102—105, 129, 191—193, 295, 296; *см.* также Западная Сибирь
Сить, р. 77
Смоленск, г. 22, 160, 312
Сож, р. 232
Сольвычегодск, г. 102
Среднее Приднепровье 232; *см.* также Днепр, Правобережье Днепра
Стырь, р. 311
Суздаль, г. 46, 92, 164, 210
Суздальская земля (Суздальская Русь) 110, 124
Суздальско-Нижегородское княж. 92
Тара, г. 105
Тверское княж. 89—91, 174, 261, 264
Тверь, г. 22, 81, 82, 89, 90, 114, 171, 174—176, 203, 210, 220, 225, 260, 262, 264, 312
Тмутаракань, г. 85, 145
Тобольск, г. 104, 296
Томск, г. 105

Туров, г. 312
Турция 307
Тюмень, г. 105
Углич, г. 190, 295
Угра, р. 176, 177, 271, 272
Украина 179, 273; *см.* также Западная Украина
Устюг Великий, г. 23, 181, 187, 188
Хазария (Хазарский каганат) 301
Холм, г. 158
Холмогоры, г. 291
Франкское гос-во 142
Царьград *см.* Константинополь
Церкви, соборы, храмы:
Благовещенский собор в г. Москве 118
Десятинная церковь в г. Киеве 37, 137, 231, 238, 242, 243, 309
Софийский собор в г. Киеве 34, 109, 168, 219

Софийский собор в Новгороде Великом 168, 236
Софийский собор в г. Тобольске 103, 129
Успенская церковь в г. Устюге Великом 188
Успенский собор в г. Владимире 256, 258
Успенский собор в г. Москве 176
Успенский собор в г. Ростове 255
Церковь св. Михаила в г. Переяславле-Русском (Южном) 249
Церковь св. Спаса в г. Твери 89
Церковь св. Троицы в г. Пскове 171
Церковь св. Якова в Новгороде Великом 87, 88, 168
Церковь Спаса-Преображения в г. Москве 275
Чернигов, г. 85, 310

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	3
Введение	7
Изучение русских летописей в отечественной историографии дооктябрьского периода	7
Исследования по историографии советского летописеведения	24
Советская историография 1918 — середины 1930-х годов	49
*Изучение начального русского летописания	49
Изучение летописания периода феодальной раздробленности	65
Изучение русского летописания конца XV—XVII в.	93
Изучение хронографов	106
Обобщающие труды	120
Советская историография середины 1930-х — середины 1950-х годов	130
*Изучение начального русского летописания	130
Изучение летописания периода феодальной раздробленности	152
Изучение русского летописания конца XV—XVII в.	178
Изучение хронографов	194
Обобщающие труды	199
Советская историография середины 1950-х — начала 1970-х годов	229
*Изучение начального русского летописания	229
Изучение летописания периода феодальной раздробленности	247
Изучение русского летописания конца XV—XVII в.	269
Изучение хронографов	297
Обобщающие труды	307
Заключение	321
Список сокращений	328
Указатель имен	329
Указатель географических названий	340